

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2022

№ 66

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Шербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглеzneв В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Шербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Shcherbinin A.I.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Skochilova V.G.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Корниенко М.А. Логико-теологическая проблематика дискуссии об универсалиях: контекст ранней схоластики	5
Куликов С.Б. Этнос науки и логика его описания средствами аналитической философии	18
Черепанов И.В. Сознание и коллапс волновой функции	27

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Девайкин И.А. Онтологические концепции Г. Хармана и К. Мейясу	38
Карабыков А.В. Евгеническое движение на Западе и его мифы	47
Серова Н.В. «Древо возможностей» К. Бутона: свобода как условие множественности модальностей темпоральной экзистенции человека	57
Хромченко А.С. О соотношении логики и онтологии в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна	67
Юрьев Р.А. Дискуссия Аристотелевского общества о времени в журнале <i>Mind</i> (Б. Бозанкет, Ш. Ходжсон, Дж.Э. Мур)	77

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ардашкин И.Б. К проблеме определения термина в теориях терминологического планирования: междисциплинарный подход	84
Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. Влияние установок метамодернизма на современную теорию и философию культуры: эстетический и социокультурный аспекты	100
Чмыхало А.Ю., Макиенко М.А. Социальные коммуникации в образовании в условиях внедрения смарт-технологий	111

СОЦИОЛОГИЯ

Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л. Разъединяющие и объединяющие элементы культуры в отношениях мигрантов из стран Центральной Азии и россиян как основа латентной конфликтности	127
Вялых Н.А. Социология для общества, общество для социологии или социология для социологии?	139
Головин Н.А. В.Г. Камбуров и Ф. Теннис: неизвестные фрагменты научных контактов	150
Суховская Д.Н. Социологическое исследование поведенческой моды поколения Z: зумеры и практики филантропии	160

ПОЛИТОЛОГИЯ

Верещагин О.А., Белова Н.Е., Колосова В.А. Постполитические штудии и феномен информационной избыточности	179
Снегирева Е.С., Селютин В.И. Гражданское общество в условиях политической региональной трансформации: на примере Воронежской области	190
Устюжанин В.В., Коротаев А.В. Революции и демократия. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?	198
Шашкова Я.Ю., Качусов Д.А. Состояние сетевых общественных объединений в регионах Юго-Западной Сибири	211
Achkasov V.A., Abalian A.I. Escalation of ethnopolitical conflicts: rational calculation of the elites and the emotional reaction of the masses	222

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Головина Ю.А. Вопрос о смертной казни в современной российской правовой науке	230
Гуманистическая наука – проект или заявка?	
Антоновский А.Ю. О дегуманизирующей миссии науки	244
Аргамасова А.А. Гуманитарная миссия наук о человеке	252
Масланов Е.В., Соколова Т.Д. Миф науки и техногенная цивилизация	258
Столярова О.Е. Миф науки – границы архетипов	266
Тухватулина Л.А. Политический запрос и социальные науки: два аспекта взаимовлияния	275
Касавин И.Т. Достоянна ли наука гуманистического проекта? Ответ моим оппонентам	282

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Kornienko M.A. Logical-Theological Problems of the Debate About Universals: The Context of Early Scholasticism	5
Kulikov S.B. Ethos of Science and Logic of Its Description by Means of Analytic Philosophy	18
Cherepanov I.V. Consciousness and the Collapse of the Wave Function.....	27

HISTORY OF PHILOSOPHY

Devaykin I.A. Ontological Concepts of Graham Harman and Quentin Meillassoux.....	38
Karabykov A.V. The Eugenic Movement in the West and Its Myths.....	47
Serova N.V. The “Tree of Possibilities” by Christophe Bouton: Freedom as a Condition for the Plurality of Modalities of a Person’s Temporal Existence	57
Khromchenko A.S. On the Correlation of Logic and Ontology in the <i>Tractatus Logico-Philosophicus</i>	67
Yuriev R.A. Aristotelian Society Discussion about Time in the <i>Mind</i> Journal (Bernard Bosanquet, Shadworth Hodgson, George Edward Moore)	77

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Ardashkin I.B. To the Problem of Defining a Term in the Theories of Terminological Planning: An Interdisciplinary Approach	84
Ovodova S.N., Zhigunov A.Yu. The Influence of Metamodernist Attitudes on Contemporary Cultural Theory and Philosophy: Aesthetic and Sociocultural Aspects	100
Chmykhalo A.Yu., Makienko M.A.I. Social Communications in Education in the Context of the Introduction of Smart Technologies.....	111

SOCIOLOGY

Britvina I.B., Mogilchak E.L. Alienating and Unitive Elements of Culture in the Relations between Migrants from Central Asia and Russian Citizens as the Basis of Latent Conflict.....	127
Vyalykh N.A. Sociology for Society, Society for Sociology, or Sociology for Sociology: Which Is Correct?.....	139
Golovin N.A. Vyacheslav Kamburov and Ferdinand Tönnies: Unknown Fragments of Scientific Contacts.....	150
Sukhovskaya D.N. A Sociological Study of Generation Z’s Behavioral Patterns: Gen Z and Philanthropy Practices	160

POLITICAL SCIENCE

Vereshchagin O.A., Belova N.E., Kolosova V.A. Post-Political Studies and the Phenomenon of Information Redundancy.....	179
Snegireva E.S., Selyutin V.I. Civil Society in the Context of Political Regional Transformation: The Example of Voronezh Oblast.....	190
Ustyuzhanin V.V., Korotayev A.V. Revolutions and Democracy. Why Do Revolutions Take Armed or Unarmed Form?.....	198
Shashkova Ya.Yu., Kachusov D.A. The State of Network Public Associations in the Regions of Southwest Siberia	211
Achkasov V.A., Abalian A.I. Escalation of Ethnopolitical Conflicts: Rational Calculation of the Elites and the Emotional Reaction of the Masses.....	222

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Golovina Yu.A. The Question of the Death Penalty in Modern Russian Legal Science.....	230
--	-----

Humanistic science: project or request?

Antonovskiy A.Yu. On the Dehumanizing Mission of Science	244
Argamakova A.A. Humanitarian Mission of the Sciences of Humans	252
Maslanov E.V., Sokolova T.D. The Myth of Science and Technogenic Civilization	258
Stoliarova O.E. Myth of Science – The Boundaries of Archetypes	266
Tukhvatulina L.A. Political Inquiry and Social Sciences: Two Aspects of Interconnectedness.....	275
Kasavin I.T. Is Science Worth of a Humanist Project? A Reply to My Opponents	282

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 130.122:8
doi: 10.17223/1998863X/66/1

ЛОГИКО-ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ДИСКУССИИ ОБ УНИВЕРСАЛИЯХ: КОНТЕКСТ РАННЕЙ СХОЛАСТИКИ

Михаил Анатольевич Корниенко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, mkornienko1@gmail.com*

Аннотация. В контексте ранней схоластики исследуется логико-теологическая проблематика дискуссии об универсалиях. Обозначены аспекты исследования проблемы универсалий в эпоху Античности, выявлены предпосылки возобновленного интереса к природе универсалий в схоластической философии XII в., в эпоху «романского ренессанса». «Лабиринты» спора о природе универсалий представлены посредством сопоставления позиций Гильберта Порретанского и Пьера Абеляра, при этом позиция Абеляра интерпретирована как выдержанная в духе концептуализма.

Ключевые слова: ранняя схоластика, стиль мышления, схоластический идеал знания, номинализм, реализм, концептуализм, мистика, экзегеза, «романский ренессанс», эквивокация, субстанция, субсистенция, концепт, концепция «двух истин», концептуальный мир, акциденции, порретанцы, не-различие

Для цитирования: Корниенко М.А. Логико-теологическая проблематика дискуссии об универсалиях: контекст ранней схоластики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 5–17. doi: 10.17223/1998863X/66/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

LOGICAL-THEOLOGICAL PROBLEMS OF THE DEBATE ABOUT UNIVERSALS: THE CONTEXT OF EARLY SCHOLASTICISM

Mikhail A. Kornienko

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mkornienko1@gmail.com

Abstract. The article analyzes the relationship of continuity that was formed in solving the problem of universals in the era of antiquity and the era of early scholasticism. The author shows that the 12th century became the time of renewed interest in the designated problem due to the fact that it was an era of cultural renaissance. The latter is considered as a transitional era, which is always characterized by the “closure of experience” (S.S. Neretina’s term) – of any experience – to the individual. Roman classics and Greek philosophy in the 12th century were assimilated by the Latin Christianized culture; the culture of the Muslim

world became the means of this assimilation – this is the context in which the interest in the problem of universals revived in the 12th century. In the field of education, philosophy and logic came to priority positions by the end of the Middle Ages, which also contributed to the revival of interest in the logical and theological side of the debate about universals. Universals are presented as ambiguous (the construct “equivocation” in Boethius’s terminology): equivocate – ambiguous (as divine ideas that conclude the act of creation and exist in the status of common names of things, including concepts). The concepts of realism – nominalism – conceptualism are separated. Conceptualism is based on the idea of the possibility of revealing the universal through the special, by means of referring to the concrete (“fused being”). The author substantiates the thesis that the incompleteness of the debate about the universals of Hilbert and Abelard is due to Hilbert’s position regarding relations. The relation itself is the ability to be one of the two terms of the relation: the relation is intrinsically inherent in the substance, since its essence is to enter into a series of relations. By linking relation to substance, Hilbert gives infinity to the debate with Abelard. In Abelard’s interpretation, the true meaning of objects of nature is inexpressible through language; judgments about the invisible are in the competence of faith. Universals have the status of being in intellectual cognition, but this is a conceptual world. Hilbert and Abelard disagree on the question of how the categories of the individual and property, subject and predicate, genus and species are represented ontologically; however, the two are united in the scholastic idea that, distinguished by logic, these categories are rooted not only in language, but also in reality: knowledge created through judgments that have a subject-predicate structure is true if the connection of terms in the judgment reproduces the ratio of the parts designated by them. As shown in the study, the dominant premise that theological and philosophical thought brought the problem of universals back to life in the 12th century was, in the author’s opinion, the following: it was during this period that the style of thinking was formed and was able to be applied in the analysis (as a way of reasoning and evidence), characteristic of the era of early scholasticism. Friedrich Engels drew attention to this feature when he wrote that the history of the Middle Ages knew only one ideology – religion and theology. Taken in conjunction with the scholastic ideal of knowledge of the era of early scholasticism, the indicated style of thinking provided interest in the problem of universals.

Keywords: early scholasticism; style of thinking; scholastic ideal of knowledge; nominalism; realism; conceptualism; mysticism; exegesis; “Romanesque Renaissance”; equivocation; substance; subsistence; concept; concept of “two truths”; conceptual world; accidents; Porretani; non-difference

For citation: Kornienko, M.A. (2022) Logical-theological problems of the debate about universals: the context of early scholasticism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 5–17. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/1

В «Осени Средневековья» Й. Хейзинга пишет о Средневековье как об эпохе, беспрецедентной по интенсивности интеллектуальной жизни: «...во времена, слышавшие некогда закаливающими, мертвыми, новое уже повсюду пускало побеги, и все словно бы устремлялось к будущему совершенству» [1. С. 5]. Существовала, между тем, проблема, возникшая задолго до эпохи Средних веков, во времена Античности, ассимилированная философией Средних веков, но не решенная; проблема, которую сохранили необъятные по своей глубине «археологические» пласты философской культуры. Речь идет о проблеме универсалий, редкой по масштабу и заключенному в ней эвристическому потенциалу. Выделим логико-теологическую проблематику в споре об универсалиях и рассмотрим ее в контексте ранней схоластики.

Проблема универсалий заявила о себе в эпоху Античности – первые упоминания об этой категории встречаются в работах Платона и Аристотеля. В диалоге Платона «Парменид» эта проблема представлена в сугубо онтологической форме – ей придана форма вопроса о том, реально ли существование эйдосов. В «Метафизике» Аристотеля внимание также обращено на уни-

версалии. И в целом проблема универсалий приобретает троякое звучание – она рассмотрена в онтологическом дискурсе (общее принимает форму вопроса о порядке и вопроса о вечной сущности наряду с сущностью чувственно воспринимаемой), в дискурсе гносеологическом (как вопрос о том, можно ли познать универсалии), наконец, Аристотелем сформирован и логический дискурс проблемы (этот дискурс касается роли и статуса универсалий в суждениях). Общее и единичное – знание и ощущение, при этом, как отмечено в трактате «О душе», «...общее некоторым образом находится в самой душе. Поэтому мыслить – это во власти самого мыслящего... ощущение же не во власти ощущающего, ибо необходимо, чтобы было налицо ощущаемое. Так же обстоит дело со знанием об ощущаемом, и по той же причине, а именно потому, что ощущаемые вещи единичны и внешни» [2. С. 417]. В оценке С.С. Неретиной, общее в интерпретации Аристотеля – субъективный акт души; общее, будучи переведенным в логико-грамматические (языковые) структуры, становится объектным. Во введении к «Категориям» Аристотеля, названном «О пяти общих понятиях» – о роде, виде и о таких признаках, как отличительный, существенный, случайный, – Порфирий, автор Введения (философ-неоплатоник, платоник платиновской ориентации, «царь», «царственный», известный комментатор сочинений Аристотеля «Герменевтика», «Первая Аналитика», «Физика», «Метафизика», «Категории»), пишет о школах Платона и Аристотеля как об одной и следующим образом характеризует проблему универсалий: «...существуют ли они самостоятельно или же находятся в одних только мыслях, и если они существуют, то тела ли это или бестелесные вещи, и обладают ли они отдельным бытием или же существуют в чувственных предметах и опираясь на них» [3. С. 53].

Проблема универсалий была предметом неухающих дискуссий в течение многих веков, однако в XII в. этот вопрос был превращен в главный вопрос тех ожесточенных споров, которые вели в связи с проблемой универсалий схоласты. Именно XII в. явился временем возобновленного интереса к обозначенной проблеме, и причиной этого явилось то, что XII в. вошел в историю как эпоха культурного ренессанса. Нам импонирует позиция С.С. Неретиной, в интерпретации которой ренессанс – независимо от эпохи, в которую его элементы проявляют себя, скажем, речь может идти о возрождении, связанном с именем Карла Великого, о «Каролингском возрождении», – это, прежде всего (и всегда), переходная эпоха, которой свойственны «идеи замыкания любого человеческого опыта – духовного, правового, материального, эстетического и этического – на индивида» [4. С. 11], в этом замыкании опыта на индивида – отличие эпох. Интеллектуал Средневековья, отсутствующий в эпоху Августина, по мнению С.С. Неретиной, «человек, взявший в поводири разум, которому он возвращал его достоинство после многовекового – теневого, под сенью веры, – существования» [4. С. 12], но этот разум был мистически ориентирован. Автор считает, что диспут как схоластический прием и ритуализированный диалог спровоцирован спецификой так понятого разума. Толкование текста – мистическое, символическое, аллегорическое, тропологическое – приобретало форму масштабного комментирования; формировалось «вопросное ядро» с учетом аргументов «за» и «против», формировалась система инструментария, диалектики, посредством которой участники диспута «вырывались из ошейника текста». При этом до-

минирующим вопросом диспутов схоластов стало формирование основы для веры в разум.

Составляющими культурного ренессанса, свершившегося во Франции XII в. («романского ренессанса»), явились сферы образования и науки. Сфера образования получила мощный импульс развития за счет интенсивного использования латинской классики, переводов с греческих и арабских сочинений, руководств по математике и астрономии – были переведены Евклид, Птолемей, ал-Фергани: действительно, в мир «жадной интеллектуальной деятельности» (Дж. Бернал) ворвалась арабская ученость, ворвался мощный поток классического знания, в сравнении с тем знанием, что сохранил к этому времени западный мир. Расширим хронологические рамки и скажем, что в период с IX по XIV в. осуществилось подготовленное предшествовавшими столетиями арабо-романское усилие примирить религию и философию, выстроив стройную картину мира.

Римская классика и греческая философия были в XII в. ассимилированы латинской христианизированной культурой, что явилось доказательством происходящего культурного ренессанса. Средством этой ассимиляции, однако, явилась мусульманская культура, освоившая сочинения греков задолго до того, как их начал осваивать западный мир. Что касается образовательной сферы, здесь на приоритетные позиции выходят до конца Средневековья философия и логика. Именно эта трансформация привела к оживлению интереса в сфере логико-теологической проблематики, включавшей в себя вопрос эпох – проблему универсалий. В XII в. решить эту проблему пытались лучшие умы. В школах XII в. штудии по проблеме универсалий становились типичным явлением, логика вторгалась в сферу метафизики, потрясая традиции обучения. Подводя итоги XII столетия как эпохи культурного ренессанса и рассматривая интеллектуальное движение XII в. как подготовку новой эпохи расцвета во Франции латинской патристической культуры, Э. Жильсон пишет о составляющих философской атмосферы той эпохи: «Благодаря теологии св. Ансельма, викторианцев (школа Сен-Викторского аббатства каноников-августинцев. – М.К.) и Гильберта Порретанского уже существовал платонизм, более абстрактный, сухой и техничный, чем даже у самого Августина, но, однако, открытый для новых веяний, которые придут от Прокла и Авиценны» [5. С. 254–255].

Проблема универсалий, явившаяся предметом ожесточенных и яростных дискуссий в философских кругах Франции XII в., представлялась самым участникам этих дискуссий типично неразрешимой – такой видел эту проблему Иоанн Солсберийский. Э. Жильсон классифицирует предложенные Иоанном Солсберийским решения проблемы универсалий следующим образом:

- универсалии существуют в чувственном и единичном;
- формы подобны математическим сущностям, формы существуют отдельно;
- универсалии смешаны с понятиями.

Обозначенная позиция сведена к тому, что познающему неизвестен характер бытия, как неизвестен ему и способ существования универсалий. И если невозможно говорить о реальном существовании универсалий, то возможно знать, каким образом получаемое представление о них. Э. Жильсон, вслед за Иоанном Солсберийским, усматривает в решении этой проблемы

огромную роль учения Аристотеля об абстрагировании, полагая, что вопрос об универсалиях в данном случае приобретет иную форму – это будет вопрос о том, как могут быть представлены универсалии в интеллекте: «Если мы рассмотрим сущностное подобие внешне различных индивидов, то получим вид; если затем мы рассмотрим сходства между различными видами, то получим род. Освобождая в нашем мышлении субстанции от форм и акциденций, посредством которых они различаются, мы достигнем универсалий. Если они не существуют индивидуально, то можно, по крайней мере, мыслить их индивидуально и рассматривать по отдельности, хотя по отдельности они не существуют» [5. С. 209–210].

Это решение, однако, основанное на новом повороте в решении проблемы универсалий, вместе с тем, ограничивает исследовательскую задачу – она действительно сведена к вопросу о возможности ее представимости в интеллекте, о том, каковы пути и механизмы получения представления об универсалиях.

Интересна и иная позиция, изложенная в принадлежащем Вальтеру Сен-Викторскому оппозиционно ориентированном трактате «Против четырех лабиринтов Франции»; в трактате нашли интерпретацию системы Петра Ломбардского, Петра Пуатевинского, Гильберта Порретанского и Пьера Абеляра.

Рассмотрим более подробно позиции Гильберта и Абеляра в вопросе об универсалиях. Это тем более интересно, что спор Гильберта и Абеляра – спор тех, кто стоит на позициях реализма и номинализма, и более того, в ряде работ [4–6] позиция Абеляра справедливо, на наш взгляд, интерпретируется как выдержанная в духе концептуализма.

Проблема универсалий приобрела со времени своего первоначального обсуждения форму вопроса о том, самостоятельно ли существование универсалий или универсалии существуют лишь в мысли, обладают ли универсалии отдельным бытием или формой их существования являются «чувственные предметы» (Порфирий) и универсалии существуют, опираясь на них. Поиском ответа на эти вопросы и была занята исследовательская мысль. Оформились три вектора анализа, обозначенные как исследовательские позиции реализма, номинализма, концептуализма (о троичном существовании универсалий писал Фома Аквинский: *ante rem* (до вещи, в божественном интеллекте), *in re* (в вещи), *post rem* (после вещи, в уме индивида)).

Бозцием в трактате «Утешение философией» и ряде других трактатов введен конструкт «эквивокация» для обозначения равнозначности, равногласия, двусмысленности. По причине эквивокации сущего (такое сущее не нуждается в акциденциях и названо Бозцием субсистенцией, означающей то, что в основании всего лежит акт творения) универсалии были двусмысленны: универсалии в статусе тех божественных мыслей, что заключают этот акт творения, и универсалии в статусе общих имен вещей, включающих понятия. С.С. Неретина разводит реализм, номинализм, концептуализм следующим образом. Реализм ориентирован на проблему самостоятельного бытия универсалий в божественной мысли (она есть бытие, истина и Слово). В основание концептуализма – а концептуализм как течение формируется лишь в XII в. – положена идея возможности выявления универсального через особенное, посредством обращения к конкретному, что являет собой «сращенное

бытие». С.С. Неретина считает неслучайным тот факт и то обстоятельство, что идея концепта и концептуализма появляется лишь в Средневековье, когда в основание культуры была положена Библия, Священное Писание, Слово: «Этот текст был задан изначально, его автором считался Бог, читателям (слушателям) предлагалось, а иногда и вменялось в обязанность, если речь шла о клириках, его комментировать, наслаивая глоссу на глоссу, заметки на полях, которые, в свою очередь, создавали возможность для новых заметок на полях. Библия, таким образом, как бы производилась заново. Именно этот вторичный текст, вписанный в собственно библейский, есть культурное самосознание Средневековья» [6. С. 9].

Идея концепта оказалась, считает автор, той идеей, которая «точно выразила» всеобщелогический подход к пониманию Слова по Библии.

С.С. Неретиной принадлежит идея того, что Боэций встал на позицию концептуализма, исследуя Введение Порфирия к «Категориям» Аристотеля, что выражено в выводе Боэция: родовые сущности (субстанции) в статусе имен существуют в единичных вещах, но мыслятся помимо этих конкретных вещей. Имя субстанции предстает при этом как двусмысленное. Боэций делит род на наивысший и подчиненный – вид. Понятия эквивокативны, в самих понятиях представлена степень общности. Что касается имени – оно выступает как общее для наивысших родов: «О каждом из них можно сказать, что он есть. Ведь субстанция есть, и качество есть, и количество есть, и то же самое говорится обо всех остальных. Глагол «есть» говорится обо всех одинаково, но при этом им всем присуща не какая-то одинаковая субстанция или природа, но только имя» [7. С. 11–12]. Что касается номинализма, в котором общее имя представлено результатом договоренности, то именно номинализм явился предшественником возникших границ между сферами теологии, философии, науки.

Отметим, что теология и философия были дисциплинарно поделены уже в конце XI в. Наряду с соборными школами интенсивно возникали и светские школы, образовательные процессы с необходимостью диктовали интерес к процедурам объяснения, к процессу доказательства, и это также превращало проблему универсалий в чрезвычайно актуальную и приоритетную.

В эпоху культурного ренессанса XII в., называемого романским ренессансом, спор Гильберта Порретанского и Пьера Абеляра представлял собой своего рода новую актуализацию проблемы универсалий. Кем, однако, были Гильберт Порретанский и Пьер Абеляр?

Гильберт Порретанский (1076–1154), известный как Жильбер из Порре, ученик Бернара Шартрского, сменивший Бернара в должности канцлера школ Шартра, преподавал в школах Парижа и умер в сане епископа Пуатье. Гильберт – автор «Книги шести начал», комментируемой в качестве метафизического толкования «Категорий» Аристотеля вплоть до XV в.; известен и комментарий Гильберта к трактату Боэция «О троице» – в комментарии системно изложена метафизическая система Гильберта.

Сообщество схоластов-реалистов вошло в историю философско-теологической мысли под названием «порретанцы». Э. Жильсон пишет о том, почему спор об универсалиях оказался незавершенным [5. С. 200]. И дело в том, что Гильберт рассматривает проблему отношений, но само по себе отношение – способность к бытию одного из двух терминов отношения, однако

отношение внутренне присуще субстанции, поскольку сущность субстанции – вступать в ряд отношений. И привязав отношение к субстанции, Гильберт обеспечил спору бесконечность. Смысл проблемы нашел, таким образом, воплощение в вопросе о том, что есть отношение: реально оно или оно – бытие разума?

Пьер Абеляр (1079–1142), в котором видели Декарта, разрушившего, по мнению Э. Жильсона, в XVII столетии ту схоластику, которую Абеляр создал в веке XII, известен как тот, чье творчество охватывает теологию и философию. Известный преподаватель логики своего времени, Абеляр приходит к философии через проблему универсалий. Однако вопросы, поставленные Порфирием, дополнены Абеляром вопросом, позднее ставшим классическим: сохраняется ли значение рода и вида для мышления, если принадлежащие им индивиды перестают существовать? Ответ на этот вопрос, по сути, определен решением первого вопроса – являются ли универсалии лишь объектом мышления или они реальны? К несомненным заслугам раннего Абеляра может быть отнесено блестящее изложение основ философии, получившей позднее название аналитической; подлинный смысл объектов природы невыразим посредством языка; в компетенции веры – суждения о невидимом, находящемся вне границ реального мира (концепция «двух истин»), диалектика или логика – тот способ, посредством которого истина оказывается достигнутой. Универсалии, не являясь реальностью, имеют статус бытия в интеллектуальном познании; это, однако, третий мир – мир концептуальный.

От ученика Абеляра Берентария известен исторический факт: на соборе в Сансе, куда Абеляр не был приглашен, в присутствии Людовика VII и высшего духовенства были зачитаны 19 фрагментов из теологических трактатов Абеляра, заключавших в себе опасность для веры. Абеляр отказался от предложенного ему диспута, видимо, в надежде на апелляцию к Папе и помощь больших покровителей, – помощь эта не последовала, а учение Абеляра было осуждено. Шесть недель спустя курия вынесла приговор. Этот приговор осуждал ереси Абеляра и обрекал его на вечное молчание. В соборе св. Петра трактаты Абеляра были сожжены.

В монастыре Ключи Абеляр пишет «Диалог между Философом, Иудеем и Христианином». Этот диалог не был закончен, хотя именно он чрезвычайно важен для понимания того, как виделась Абеляру роль философии в мире христианства. В монастыре св. Марцелла (близ Шалона) Абеляр находит последний приют (что явилось милостью аббата Корби) и в апреле 1142 г. умирает. Тело было тайно погребено в Параклете, где ранее Абеляром была построена молельня, названная в память о Духе-утешителе Параклете. Позднее Абеляр был перезахоронен в Париже, на кладбище Пер-Лашез.

Гильберт Порретанский и Пьер Абеляр были едины в схоластическом представлении о том, что «выделяемые логикой категории индивида, рода и вида относятся не только к языку, но каким-то образом укоренены в самой реальности, а знание, формулируемое посредством суждений, имеющих субъектно-предикатную структуру, является истинным в случае, если связь терминов в суждении воспроизводит соотношение частей, обозначаемых этими терминами» [8. С. 94]. Одновременно Гильберт Порретанский и Пьер Абеляр расходились в вопросе о том, как категории индивида и свойства, субъекта и предиката, рода и вида представлены онтологически.

Позиция Гильберта основана на тезисе Боэция о различии между тем, что есть, и тем, благодаря чему есть то, что оно есть. Вещь может быть рассмотрена в двух аспектах: ее «чтойности» и причины ее существования. Все вещи конечны, и ни одна из них не является причиной самой себя. Лишь в боге сущность и существование неразличимы: бог есть, и это является причиной его бытия, лишь бог есть то, что он есть. Присоединяя же к субъекту предикат бытия, мы тем самым присоединяем к субъекту то, что является отличным от него самого: *id quod est* совпадает с *esse* – то, что бог есть, совпадает с его бытием; составное не есть то, что оно есть (*in parte non est id quod est* – целое не есть сумма частей). Бог – *Essentia*, от которой любое сотворенное получает собственную сущность.

Логика этого рассуждения реализована в споре Гильберта и Абеляра посредством потенциала понятийного ряда *quo est, id quod est, substantia, subsistentia, Essentia, esse*. Родовая сущность выражена абстрактными понятиями, к примеру такими, как «человечность» и «телесность». Бог является той сущностью, благодаря которой все творения получают свою собственную сущность. Гильберт рассматривает бытие в качестве причины и основания, посредством которых вещь есть то, что она есть. Бытие представляет собой единство формы и материи, но такое единство возможно лишь благодаря тем чистым формам, что представляют собой божественные идеи, наделенные определенным онтологическим статусом. У Гильберта абстрактные понятия в силу своих логико-грамматических характеристик получают статус самостоятельных онтологических единиц. Сущность как причина определяет субстанцию, субстанция выступает как носитель акциденций или случайных свойств; субстанция, получающая бытие от сущности, положена Гильбертом в основание акциденций. В своих построениях Гильберт использует такие понятия, как субстанция (*substantia*) и субсистенция (*subsistentia*). Субстанция в отличие от субсистенции – основание акциденций, в субсистенциях представлены роды и виды. Любая субстанция содержит в себе такие субсистенции, как родовая, видовая, акциденциальная. В концептуальной интерпретации Гильберта соединение формы и материи в субстанции являет собой *forma nativa*, прирожденную форму. Прообразом возникающих *forma nativa* являются божественные идеи.

Важную в исследовательском смысле деталь концепции Гильберта отмечают В.П. Гайденко и Г.А. Смирнов, когда видят в построениях Гильберта совмещение таких типов онтологических построений, как онтология натуралистическая и теоретическая: «...речь в ней идет о реальных структурах мироздания, которые, очевидно, не зависят от человека, от его познавательных способностей и способов концептуального отображения мира; в то же время при моделировании этих структур главную роль играют языковые интуиции: онтологические структуры оказываются не чем иным, как проекцией логических форм» [8. С. 96]. Позиция Гильберта специфична в той ее части, где автор выделяет отдельные термины, входящие в суждение, как те, что онтологически значимы: «...все субсистенции – это значения отдельных слов; общие понятия обозначают прирожденные формы, т.е. свойства индивидуальных вербальных субстанций, а общее понятие, соответствующее родовой форме, указывает на саму индивидуальную субстанцию» [8. С. 96]. И далее следует вывод о соответствии субстанций, существующих вне материи, абстрактным

понятиям. В границах предложенных концептуальных построений автор объясняет существование многих свойств у одного индивида, однако выбор абстрактных и общих понятий еще не позволял увидеть необъясненное и ответить на вопрос: чем обусловлена уникальность вещи? Гильберт находит решение – любая вещь обладает собственной сущностью.

Гильберт Порретанский и Пьер Абеляр входили в плеяду блестящих, глубоких и острых умов эпохи культурного ренессанса XII в., хотя у них есть и некоторое различие, выраженное в том, что Пьер Абеляр более известен как блестящий логик, Гильберт же превосходил Абеляра в метафизических построениях – круг проблем, которыми занимался Гильберт, сохраняет свою актуальность и сегодня. В эпоху Средневековья за Гильбертом Порретанским признавали авторство трактата «О шести началах» («*De sex principiis*», «*Liber sex principiorum*» – «Книга шести начал»); данный трактат входил в программу факультета искусств до XV в. Как и произведения Аристотеля и Боэция, его часто комментировали. В целом трактат «О шести началах» представляет собой метафизическое переложение «Категорий» Аристотеля. Дискуссия об универсалиях, начатая Гильбертом, демонстрирует тесную связь с теологической проблемой отношения внутри троицы. В научных кругах многочисленные ученики Гильберта Порретанского постепенно образовали отдельное сообщество, получившее название «порретанцы» (в него входили схоласты-реалисты Рауль Ардентский, Николай Амьенский, Иоанн Белет). Описывая влияние Платона на средневековую научную мысль, Э. Жильсон указывает многообразие и многовекторность влияний идей Платона в эпоху Средневековья: «Самого Платона нет нигде, но платонизм – повсюду; можно даже сказать, что повсюду – „платонизмы“» [5. С. 203–204]. В череде этого многообразия влияний идей Платона порретанизму принадлежит особая роль: он, как отмечал Э. Жильсон, способствовал созданию той формы реализма, которая может быть названной реализмом сущностей.

Оппонент Гильберта Порретанского Пьер Абеляр – выдающийся богослов и философ, разрабатывающий схоластическую логику, – родился в Пале близ Нанта в рыцарской семье. Желанием отца было, чтобы сын посвятил себя военной карьере, однако сам Абеляр был страстно увлечен изучением схоластической логики. Он отказывается от права майората и становится школяром-клириком. Известно, что молодой Абеляр слушал лекции Иоанна Росцелина, основателя номинализма. В 1099 г. Абеляр отправляется в Париж, чтобы стать учеником Гийома из Шампо, основателя соборной школы Сен-Викторского аббатства, но многочисленные разногласия привели к конфликту с учителем, и Абеляр уходит из школы Гийома, пожелав основать собственную школу в Мелёне. Впоследствии Абеляр пытается перенести школу в Корбейль, ближе к Парижу – цитадели католической веры, однако судьба распорядилась иначе: в результате драматических обстоятельств Абеляр вынужден отойти от преподавания и остается в провинции на несколько долгих лет, чтобы затем вновь вернуться в Париж, к Гийому из Шампо. «Если верить молве, – пишет об этой ситуации Э. Жильсон, – Абеляр заставил его (наставника. – М.К.) отказаться от доктрины реализма, которой тот придерживался в вопросе об универсалиях. Подобная вынужденная капитуляция подорвала авторитет Гийома как профессора диалектики, и его школа опустела, в результате чего расширилась и укрепилась школа Абеляра» [5. С. 214]. К сово-

купности вопросов, связанных с природой универсалий, сформулированных в свое время неоплатоником Порфирием, Абеляром добавлен вопрос о возможности существования и способности родов и видов быть значимыми для мышления, если индивид, относящийся к ним, перестает существовать. Универсалии – реальны ли они? («*Utrum verum esse habeant an tantum in opinione consistant?*»)

По Гильберту, функционально сущность амбивалентна, она выполняет две функции. Во-первых, это функция индивидуализации, благодаря которой получает свое обоснование существование конкретного индивида. Во-вторых, сущность является универсальным началом для всех индивидов одного рода. Таким образом, Гильбертом было введено понятие «не-различия» – в пределах одного вида сущности индивидов не различны. Концепция «не-различия» Гильберта была встречена критикой со стороны Абеляра, увидевшего в ней противоречие: во-первых, речь идет о не-различии сущностей в пределах одного вида, т.е. сущность одна и та же; во-вторых, отсутствует общая сущность, и в этом случае с помощью не-различия нельзя объяснить распределение по родам и видам. Абеляр видит следующее различие между разумением и мнением. В разумении (*intellectio*) осуществляется познание отдельных вещей через созерцание, в то время как мнение формируется посредством общих понятий. Мнение возникает благодаря постижению абстрактных форм («человечность», «разумность», «одушевленность»). Универсалии существуют в рамках (в пределах) понимания, но относятся к реально существующему. Если быть точнее, то данное отношение обозначается не самой универсалией, а единичным термином, который раскрывает содержание данной универсалии: «...универсалии не обозначают в собственном смысле слова вещей как чего-то единичного; не обозначают они и общего в вещах, поскольку общего, как того, что может быть обозначено, в вещах нет. Поэтому никакого объекта, соответствующего универсалиям, нельзя указать (в противном случае его можно было бы обозначить)» [8. С. 97]. Абеляр признает значение общих понятий, он сходится с реалистами во мнении, что реальностью является то, что может быть названо, обозначено. И в то время, как реалисты говорят об онтологическом статусе универсалий, Абеляр говорит о значении как об указании на конкретный реальный объект.

Возникает, однако, вопрос о том, чем была обусловлена специфика спора об универсалиях в XII в., почему теолого-философская мысль вернула к жизни проблему, которую, казалось бы, время теснило на иные, отнюдь не приоритетные позиции. Ответ, на наш взгляд, заключен в том, что интерес к проблеме возникает в момент, когда формируется стиль мышления, посредством которого проблема может быть сформулирована и решена. Под стилем мышления будем понимать способ рассуждений и доказательств, набор фундаментальных структур познания, отличающийся их типологическими особенностями; в границах подобным образом понимаемого стиля мышления вопрос о природе универсалий превращался в центральную философско-теологическую проблему. Схоластический метод ориентирован на такой составляющий элемент, как цитирование авторитетов; огромное значение придается логике рассуждений. Основанием схоластической учености является совершенный логический аппарат, формирующий совершенную систему обоснования знания.

Способ рассуждений и доказательств, именуемый стилем мышления, с помощью которого можно было обратиться к проблеме природы всеобщего, проблеме универсалий, был сформирован к концу XI в., когда дискуссия об универсалиях начала приобретать явный и ожесточенный характер. «Номиналистское движение возникло не как неожиданная реакция на реализм; напротив, номинализм выделился из реализма, но реализма аристотелевского типа, умеренного по своему характеру. Средние века черпали обе доктрины из одного и того же источника – из Боэция» [9]. Ядром номинализма было настойчивое утверждение Аристотеля: нет ничего, кроме единичных вещей. Однако номинализм имел и еще одно следствие: если отдельные виды не могут быть реальными вещами, они являются лишь результатом речи [8]. Таким образом, схоластическая дискуссия о природе универсалий в своей явной форме могла возникнуть лишь в границах особого стиля мышления, свойственного эпохе ранней схоластики. Особенностью этой эпохи явилась составляющая духовной культуры Средневековья.

Западноевропейские ученые Средневековья – в большинстве своем монахи либо клирики. Тематика написанного ими натурфилософская либо богословская. В числе принимавших участие в схоластической дискуссии о природе универсалий – известные теологи эпохи Средних веков. Эта причастность таким различным сферам духовной деятельности, как религия, теология, наука, формировала особую стилистику, особые принципы мышления, позволяя переносить «формально-упорядочивающие принципы и интуиции» (термин В.П. Гайденко и Г.А. Смирнова) в сферу иного предметного мира, – шел своего рода «обмен» формально-упорядочивающими принципами и интуициями.

В эпоху схоластики важнейшей ритуализированной формой общения в схоластической среде был диспут. Как правило, его основанием являлось изучение текстов, сопровождавшееся экзегезой (от экзегетика (греч.) – разъяснение, экзегет (греч.) – истолкователь священного права, прорицаний, установлений, обычаев. В древних Афинах было два экзегета: одного пожизненно избирало народное собрание, другой назначался дельфийским оракулом). Экзегеза предполагала также формы толкования, как грамматическое или историческое, смысловое и сентенцию, поучение. Диспут начинался с выбора комментирующей формы толкования, постепенно формировался единый комментарий, осуществлялся поиск противоречий в суждениях оппонента, создавалось вопросно-ответное ядро. С.С. Неретина пишет о главном в работе диалектика, этим главным было выявление смысла текста, интерпретация каждой фразы и слова, умение поставить вопрос и в итоге – понять себя через использование техники и норм языка. Посредством диалектических приемов проявили свой потенциал грамматика и риторика, логика же объединяла диалектику и риторику, что говорит о роли в диспутах речевых искусств – «*Artes sermocinales*»; не случайно грамматика, риторика и диалектика почитались составными частями красноречия. Широко использовались приемы софистов. Немаловажным было и то, что эпоха сформировала и идеал знания – так называемый схоластический идеал знания (его детально и глубоко анализируют В.П. Гайденко и Г.А. Смирнов) [8].

Этот идеал был ориентирован на ряд императивов: схоластический идеал знания требовал от основополагающих структур науки того соответствия

действительности, которое можно было обнаружить не *post factum* в сопоставлении их с явлениями, но которое было бы гарантировано соотносительностью их со структурой бытия.

Взятые в их совокупности, стиль научного мышления и схоластический идеал знания эпохи ранней схоластики обеспечили интерес к проблеме универсалий, выразившийся в споре номиналистов и реалистов.

В свое время Вальтер Сен-Викторский, представляющий школу Сен-Викторского аббатства, отвергая традиции схоластического рационализма и обратившись к средневековым идеям платонизма, назвал «четыре лабиринта Франции», имея в виду позиции тех, для кого проблема универсалий была проблемой редкостного интереса (как и редкой результативности), – Петра Ломбардского, Петра Пуатевинского, Гильберта Порретанского и Пьера Абеляра. Имея многовековую историю, проблема универсалий не решена и сегодня, оставаясь предметом спора и приняв в переложении авторов XX в. форму различных версий и вариантов у Ф.-Х. Брэдли, Б. Блэншарда, У.-П. Монтегю, у американских неореалистов, конструктивистов, прагматистов. О возможности различения посредством использования универсалий в языковых играх писал Л. Витгенштейн, к идее различия единичного и универсалий обращен интерес авторов, работающих в сегменте философии лингвистического анализа. Покинув сферу эпистемологии, проблема универсалий вошла в сферу исследования языковых феноменов, оставаясь по-прежнему далекой и непредсказуемой в своем решении и развитии.

Список источников

1. Хейзинга Й. Осень Средневековья. СПб. : ИД Ивана Лимбаха, 2016. 768 с.
2. Аристотель. О душе // Аристотель. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 371–448.
3. Аристотель. Категории. М. : ГСЭИ, 1939. 84 с.
4. Неретина С.С. Верующий разум. Книга бытия и Салический закон. Архангельск : Изд-во Помор. пед. ун-та, 1995. 320 с.
5. Жильсон Э. Философия в средние века. От истоков патристики до конца XIV века. М. : Республика, 2004. 678 с.
6. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеляра. М. : Гнозис, 1994. 216 с.
7. Боэций Анций. Комментарий к Порфирию // Боэций. Утешение философией и другие трактаты. М. : Наука, 1990. 166 с.
8. Гайденко В.П., Смирнов Г.А. Западноевропейская наука в средние века: общие принципы и учение о движении. М. : Наука, 1989. 352 с.
9. Татаркевич Вл. История философии. Античная и средневековая философия / пер. с польск. В.Н. Кваскова. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000. 482 с. URL: <https://litvek.com/books/207185-kniga-vladislav-tatarkevich-antichnaya-i-srednevekovaya-filosofiya>, свободный. Загл. с экрана.

References

1. Huizinga, J. (2016) *Osen' Srednevekov'ya* [The Autumn of the Middle Ages]. Translated from Dutch by D.V. Silvestrov. St. Petersburg: ID Ivana Limbakha.
2. Aristotle. (1976) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 371–448.
3. Aristotle. (1939) *Kategorii* [Categories]. Moscow: GSEI.
4. Neretina, S.S. (1995) *Veruyushchiy razum. Kniga bytiya i Salicheskiy zakon* [Faithful Mind. The Book of Genesis and the Salic Law]. Arkhangelsk: Pomor State University.
5. Gilson, E. (2004) *Filosofiya v srednie veka. Ot istokov patristiki do kontsa XIV veka* [Philosophy in the Middle Ages. From the origins of patristics to the late 14th century]. Translated from French. Moscow: Respublika.
6. Neretina, S.S. (1994) *Slovo i tekst v srednevekovoy kul'ture. Kontseptualizm Abelyara* [The Word and Text in Medieval Culture. Conceptualism of Abelard]. Moscow: Gnozis.

7. Boethius. (1990) *Uteshenie filosofiey i drugie traktaty* [The Theological Tractates and Consolation of Philosophy]. Translated from Latin by V.I. Ukolova, M.N. Tseitlin. Moscow: Nauka.

8. Gaydenko, V.P. & Smirnov, G.A. (1989) *Zapadnoevropeyskaya nauka v srednie veka: obshchie printsipy i uchenie o dvizhenii* [Western European Science in the Middle Ages: General Principles and the Doctrine of Movement]. Moscow: Nauka.

9. Tatarkevich, V.I. (2000) *Istoriya filosofii. Antichnaya i srednevekovaya filosofiya* [History of Philosophy. Antique and Medieval Philosophy]. Translated from Polish by V.N. Kvaskov. Perm: Perm State University. [Online] Available from: <https://litvek.com/books/207185-kniga-vladislav-tatarkevich-antichnaya-i-srednevekovaya-filosofiya>

Сведения об авторе:

Корниенко М.А. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mkornienko1@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kornienko M.A. – National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mkornienko1@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 20.09.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья

УДК 174+303.01

doi: 10.17223/1998863X/66/2

ЭТОС НАУКИ И ЛОГИКА ЕГО ОПИСАНИЯ СРЕДСТВАМИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Сергей Борисович Куликов

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
kulikovsb@tspu.edu.ru*

Аннотация. В ходе обсуждения теории этоса науки автор дополняет сопоставление Ричардсоном наработок в Мертоновской социологии знания с достижениями в аналитической философии науки. Привлечение идей Витгенштейна проясняет аксиоматику построения описаний этоса науки и его компонентов. Социологические утверждения о таких элементах, как универсализм, коммунитаризм, незаинтересованность и организованный скептицизм представлены в качестве проверяемых эпистемологических теорем.

Ключевые слова: этика науки, семантика, высказывания, Витгенштейн, Мертон

Для цитирования: Куликов С.Б. Этос науки и логика его описания средствами аналитической философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 18–26. doi: 10.17223/1998863X/66/2

Original article

ETHOS OF SCIENCE AND LOGIC OF ITS DESCRIPTION BY MEANS OF ANALYTIC PHILOSOPHY

Sergey B. Kulikov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, kulikovsb@tspu.edu.ru

Abstract. In the light of Wittgenstein's analytic studies, discussion of the theory of the ethos of science by Merton allows achieving the goal of clarifying the grounds for argumentation of statements about the ideals of scientists' behavior and communication. The author complements Richardson's comparison of developments in the sociology of knowledge and the philosophy of science. As a basic methodology, the approach gives grounds for revealing possibilities of sociological knowledge in regard to the description of the ethos of science and its components, such as universalism, "communism" (or "communitarianism" as an orientation for the common goods), disinterestedness, and organized skepticism. In general, it is possible to clarify the generalized ethos of science as a topic of study. This clarification involves the intersection of scientific divisions with the points of the inevitable departure of norms of behavior in scientific community beyond the scope of a purely scientific description. It becomes possible to regulate the cognitive process, which is based on criticism of existing types of scientific behavior and communication. Cognitive process reveals the foundations of social relations at mutual suppression of scientific and extra-scientific types of rationality. As a result, the research shows the ideals that a scientist should follow in order to be a successful researcher and to keep the possibility of harmonizing his/her own behavior and the expectations of the world around. In an epistemological perspective, analysis of the boundaries of the normative definition of strategies of behavior and communication in science becomes fundamentally important. This analysis guarantees independence from the danger of becoming very dependent on the extra-science components of the mentioned normativity, which is inevitably allocated in practical implementation.

Keywords: ethics of science; semantics; statements; Wittgenstein; Merton

For citation: Kulikov, S.B. (2022) Ethos of science and logic of its description by means of analytic philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 18–26. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/2

Предметом исследования данной статьи является аргументация, на основе которой строятся высказывания об идеале или этосе науки. Следование такому идеалу, по мысли Р.К. Мертона [1. Р. 268–278], гарантирует членам особого социального института статус человека науки. Тем самым высказывания относительно этоса науки обеспечивают теоретическое описание условий именования кого-либо в качестве научного деятеля или ученого. Автор статьи опирается на идеи Л. Витгенштейна [2] как одного из основоположников аналитической философии и обсуждает вопрос о том, позволяет ли в эпистемологическом плане теория Р.К. Мертона достичь поставленной цели.

Таким образом, основная проблема исследования – поиск ответа на вопрос, насколько логично (последовательно и непротиворечиво) знание, представленное в Мертоновском способе описания этоса науки.

Данное исследование дополняет краткий обзор отношения представителей аналитической философии науки к идеям Р.К. Мертона, который дал А. Ричардсон (Richardson) [3]. В обзоре Ричардсона показано, что Р.К. Мертон наиболее «аналитичен» из всех социологов и его разработки могут найти применение в философии науки как минимум в трех отношениях: 1) сохранение эпистемического приоритета науки среди прочих познавательных практик и одновременно с этим поддержка норм демократии; 2) экспликация исторического параллелизма и общность оснований Мертоновской социологии знания и логического позитивизма; 3) развитие представлений об автономии науки.

Вместе с тем в обзоре А. Ричардсона не нашлось места соотнесению социологических идей об этосе науки и позиции Л. Витгенштейна по смежным вопросам. Особенно это касается второго из указанных пунктов. Необходимо восполнить выявленный пробел. Это не означает, что Л. Витгенштейн писал нечто по поводу Р.К. Мертона или, наоборот, что автор статьи надеется найти в социологии знания следы деятельности основоположников аналитической философии. Автор полагает важным привлечь идеи Л. Витгенштейна для прояснения оснований разработок Р.К. Мертона именно как социолога, который исследовал этос науки наиболее близко к аналитической традиции в указанном выше смысле.

Кроме того, необходимо отметить, в каких именно пунктах теория этоса науки уязвима для критики. Этические вопросы, связанные с наукой как институционализированной деятельностью, обсуждались и до Р.К. Мертона, но в современных работах [4–6] вклад американского социолога оценивают в качестве ключевого. Вместе с тем под огнем критики находится то, что теория этоса науки есть плод достаточно умозрительной дифференциации «технических» и «моральных» норм [8]. Поэтому, хотя весомость идей Р.К. Мертона выделяется, пусть и с оговорками, в том числе эмпирическим путем [7], их реальная ценность для опытного познания под вопросом.

Новизна представленной работы относительно ранее опубликованных материалов [9] заключается в интерпретации пунктов социологической теории этоса науки как аналогов эпистемологических «теорем», которые могут

быть «доказаны» (или опровергнуты) на базе более общих эпистемологических «аксиом» в аналитической философии.

В результате анализ логики описаний этоса науки дает шанс достичь двух целей: 1) прояснить содержание высказываний об этосе науки, позволяющих нечто утверждать строгим образом в отношении научных способов социального бытия; 2) раскрыть основания для анализа, на базе которых реализация возможностей аналитической философии дает шанс теоретического описания детерминант действий ученых в обществе. Эти цели достигаются в следующих двух разделах статьи.

Мертоновская теория этоса науки и ее составляющие

В теории Р.К. Мертон этос науки отсылает к совокупности запретов и предписаний, регулирующих поведение и общение ученых на базе специфических норм и ценностей [1. Р. 268–269]. Тем самым теоретические высказывания Мертона приобретают этико-философский характер.

В текущем разделе автор сосредоточился на пунктах теории, предложенной собственно Р.К. Мертоном. Эпистемологическую критику этих пунктов содержит следующий раздел. В данном отношении могут быть выделены четыре основных элемента, которые входят в состав теории этоса науки, разработанной Мертоном.

Первый элемент относится к универсализму, который требуется от суждений и социальных действий ученых [1. Р. 270]. Научное знание ориентируется на истинность суждений, достигаемых путем приведения получаемых результатов в строгое соответствие с установленными наднациональными стандартами. Универсализм оказывается синонимом общезначимости получаемых знаний, не претендующим на абсолютизм, например, в духе философии Г. Гегеля, а достигаемом в итоге общности познавательных стандартов, которыми руководствуются участники исследовательского процесса в различных частях мира. С аналитической точки зрения ясность исходных процедур, допускающих проверку и повторение, также гарантирует верность полученных результатов. Это точка пересечения. Расхождения, имеющиеся между теоретико-социологической и аналитической позициями показаны ниже.

Второй элемент теоретических описаний этоса науки отсылает к «коммунизму» или «коммунитаризму» ученых. В этом плане Р.К. Мертон исходит из предпосылки, что всякий ученый ставит (или как минимум должен ставить) интересы сообщества выше своих личных [1. Р. 273]. Социолог называет это «communism» (именно так, в кавычках), что в русскоязычном варианте точнее всего может быть передано как «научный коммунитаризм», т.е. главенство научного сообщества и его интересов над личными интересами ученого. Р.К. Мертон непосредственно высказывает следующую мысль: «„Коммунизм“, в нетехническом и расширенном смысле общего владения товарами, является вторым неотъемлемым элементом научного этоса. ...Притязания ученого на „свою“ интеллектуальную „собственность“ ограничиваются признанием и уважением» [1. Р. 273]¹. С этой позиции «коммунизм» или «коммунитаризм» в науке отличаются от сходной по наименованию политической идеологии.

¹ Здесь и далее цитаты англоязычных работ приводятся в переводе автора данной статьи.

Расхождения Р. К. Мертон с коммунизмом как политическим течением становятся яснее, если учесть либерально-демократические воззрения самого американского социолога. Несмотря на отсутствие специальных разработок в области этики, отсылающей к демократическим убеждениям, воззрения Мертон на связь этоса науки и этоса демократии легко выводятся из его исследований. Это показано в работах, посвященных анализу наследия Р.К. Мертона. В частности, Р. Каллеберг замечает, что «Мертон настаивал на внутренней взаимосвязи между этосом науки и „этосом демократии“» [8. Р. 155].

Вместе с тем дистанцирование позиции Р.К. Мертона от коммунистической идеологии и вообще от тоталитарных форм организации науки (в особенности форм, описанных Я.М. Рабкиным и Е.З. Мирской [10]) не вполне характеризует коммунитаризм ученых. Не менее важно добавить, что открытые научные законы и выдвинутые теории не могут считаться исключительной собственностью тех ученых, которые их получили.

Приведенный выше пункт теории Р.К. Мертона не лишен спорных моментов. В целом справедливо, что если некоторый ученый занимается исследованиями, то имеется вероятность получения какого-либо знания. Также вполне справедливо, что знание становится достоянием сообщества вследствие реализации данной вероятности.

В то же время в исходные действия исследователя могла закрасться ошибка и знания как такового нет, что напрямую влияет на наличие или отсутствие общего достояния сообщества. При этом теоретически возможно получение не ложного, но все-таки знания, а достижение негативного результата, который не позволяет зафиксировать прирост знания. Поэтому ближе к действительному положению дел в науке оказывается учет парадоксальной возможности увеличения объемов не-знания как результат действий ученых. Примером может служить вакцина от болезни, которая считается эффективной, но таковой в итоге не является. Учет не-знания, исходно считающегося знанием и не выдерживающим критики при проверке, позволяет показать, что не столь важно, имеется ли действительное знание или его нет, собиратели и критики знания точно имеются. Отношение данных участников исследовательского процесса к функционированию науки как социального института будет неподлинным только при фиксации отклонений в развитии такого института, т.е. при преобладании ложных форм над подлинными. Становится возможным учесть ошибки в отдельном исследовании, не отвергая возможности роста общего достояния. Причем, хотя указанный ход в явном виде не содержится в работах Р.К. Мертона, этот ход в принципе совместим с их внутренней логикой. Поэтому речь в данном случае идет не о критике, а об уточнении высказываний американского социолога.

Третий элемент этоса науки в теоретических построениях Р.К. Мертона относится к незаинтересованности (невовлеченности, объективности), которой должен руководствоваться всякий член научного сообщества [1. Р. 275–276]. Науку двигают вперед отдельные ученые, но само это движение как таковое обеспечивается распределением полученных результатов между остальными участниками научно-исследовательской деятельности.

В принципе логично ожидать незаинтересованного, бескорыстного применения результатов в сообществе, в котором каждый равно не заинтересо-

ван в этих результатах лично, но стремится к накоплению общего достояния. В данном случае следует указать на родство некоторых пунктов теории Р.К. Мертон и позиций, отстаиваемых Дж. Нэшем (Nash) в рамках математической теории игр [11]. Дж. Нэш описывает некооперативные игры, которые строятся на основе «честной игры», а также кооперативные игры, в которых участники исходят из представления о необходимости достичь общее для участников благо. Допущение укорененности этики науки в сфере совместного действия участников «научной игры», подразумевающим согласование позиций «игроков», влечет за собой очевидную необходимость относить науку ко второму типу «игр».

Четвертый элемент этоса науки, представленный в теоретических построениях Р.К. Мертона, относится к организованному скептицизму. Мертон выделяет тесную, хотя и неоднозначную связь организованного скептицизма и научного сомнения с другими элементами этоса науки [1. Р. 277]. Именно сомнение помогает выделить в массиве накопленных данных достоверные факты, которые могут быть положены в основу теоретических построений. В итоге ориентация на организованный скептицизм может служить маркером для отделения ученых от членов внеаучной общественности. Остается, однако, вопрос о том, насколько необходимо ученым быть именно скептиками, или же любой ученый в состоянии в каждый момент времени самостоятельно выбирать, быть скептически настроенным или не быть. Этот вопрос получит развернутый ответ в следующем разделе статьи.

Итак, в ходе исследования проясняются составные части теории этоса науки, предложенной Р.К. Мертоном. Вместе с тем эта теория, выдвинутая сугубо нормативным образом, остается не в полной мере прозрачна в плане собственных оснований. Эмпирически нет причин полагать, что следование одной норме из комплекса вышеупомянутых норм, скажем, универсализму, и нарушение (игнорирование) других норм превратят ученого в неученого. Любой свободный человек волен выбирать свою судьбу, иначе он несвободен. Но в рамках теории достаточно легко прослеживается необходимость следовать всему комплексу норм, поскольку Р.К. Мертон полагает выделенные нормы и ценности согласованными друг с другом. Необходимый и достаточный характер предложенных идей для описания идеалов научного сообщества принимается фактически без критики.

По вышеупомянутой причине автор данной статьи полагает необходимым задать вопрос о том, насколько вообще как тип знания обоснована теория этоса науки, предложенная Р.К. Мертоном. Для ответа на поставленный вопрос автор обращается к эпистемологическим идеям, разрабатывавшимся Л. Витгенштейном. Причем эпистемологические идеи Л. Витгенштейна привлекаются как своего рода аксиомы, тогда как идеи Р.К. Мертона интерпретируются в качестве аналога эпистемологических теорем.

Эпистемологические основания теории этоса науки и их критика

В данном разделе показано, что суждения об этосе науки, восходящие к теории Р.К. Мертона, могут быть истолкованы на базе эпистемологических положений, вытекающих из следующих идей Л. Витгенштейна:

1. *Получение знаний в разделах науки зависит от способов вывода этих знаний из эмпирических или теоретических положений, и только в формальной логике знания выводятся из логических же принципов их связности и могут быть реализованы как база для прочих дисциплин.* Это положение вытекает из анализа отношений логики и других дисциплин, таких как математика и механика [2. Р. 165–176], позволяя прояснить тезис об универсализме суждений в науке. В частности, Л. Витгенштейн замечает, что «в основе всего современного взгляда на мир лежит иллюзия того, что так называемые законы природы являются объяснениями природных явлений» [2. Р. 181]. Из этого ясно, что законы природы, фиксирующие необходимые связи между фактами, проявляют логический характер или форму этих связей, а не служат орудием для раскрытия содержания метафизических «причин» или «начал», от которых зависят процессы в природе¹. Л. Витгенштейн усматривает возможность свести многообразие отдельных знаний к общности логических пропозиций, которые в точном виде aRb способны описывать факты действительности и связи между ними. На этом пути знание может приблизиться к идеалу познания, который коренится в формальной логике.

Привлечение идей Л. Витгенштейна для анализа тезиса Р.К. Мертон «наука содержит универсальные утверждения и действия» показывает, что данный тезис не отвечает строгому требованию приписать некому явлению или процессу 'а' релевантные ему признаки 'b'. Такое утверждение выступает метафорой, которая не может вступать однозначным термином, служащим целям точного описания через этос науки вида социальной общности «это – ученые, потому что их суждения и действия имеют признак „универсализм“». Приведенное высказывание нуждается в поясняющих уточнениях. В свете чего позиция Л. Витгенштейна позволяет увидеть принципиальную зависимость описаний в частных разделах науки (в данном случае в социологии) от способов построения высказываний в них.

2. *Этика науки трансцендентальна, как и любой другой раздел знания в рамках общей этики.* Л. Витгенштейн прямо заявляет: «Ясно, что этика не может быть выражена. Этика трансцендентальна» [2. Р. 183]. Это положение позволяет выполнить критику коммунитаризма как обязательного элемента этоса науки. В теории Р.К. Мертон знания о примате общего достояния над частным правом владеть результатами исследований предписывается нормами научной этики, а не выводится из них как заключение из посылок. В свете чего процедура критики коммунитаризма связана с возможностью построения суждений ученого на базе вне(сверх-)научных допущений. Такая возможность уже сама по себе ставит под принципиальное сомнение перспективы ограничения интересов науки накоплением достояния научного сообщества. Важно подчеркнуть весьма вероятный характер «выпадения» ученых из коммунитаристских идеалов, трансформацию их в проводников вненаучных (религиозных, политических и т.д.) воззрений, продолжающих считаться представителями профессионального научного сообщества.

Таким образом, коммунитаризм ученых находится под вопросом, но сомнение возникает не в отношении степени необходимости ученым заботиться

¹ В качестве примера можно привести варианты описания видов масс – «инерционной» и «гравитационной», которые в конечном итоге служат целям построения уравнений, выражающих через принцип эквивалентности закономерную связь явлений, а не их метафизику [12].

об общем достоянии, а о концептуальной прочности самого выделения в этносе науки признаков данного рода. Забота об общем или индивидуальном достоянии как расстановка приоритетов в поведении оказывается вторичной. Может быть оспорен ключевой тезис о возможности судить, что общее достояние есть само по себе некоторый идеал, в отношении которого должно выстраиваться поведение ученого.

3. *Идеализация научного знания содержит внутренние противоречия.* Это положение вытекает из идеи Л. Витгенштейна, согласно которой логические высказывания сами по себе бессмысленны (бессодержательны), несмотря на то что помогают извлекать смысл из других предложений, позволяющих смотреть на мир верно [2. Р. 189]. Привлечение данной идеи в эпистемологическом плане дает шанс установить, что специфика понимания Р.К. Мертоном места и роли незаинтересованности и организованного скептицизма в общей структуре норм научного поведения и общения затрудняет последовательное раскрытие источников формирования знаний о такой нормативности. Другими словами, не вполне ясно, как этика науки (в форме свода правил поведения ученого), которая не может быть описана в полном соответствии с законами логики, в особенности законом недопущения противоречий, в рамках самой науки способна считаться приемлемым вариантом описания.

С эпистемологической точки зрения раскрытые проблемные моменты включения незаинтересованности и организованного скептицизма в общий состав норм научной деятельности влекут за собой чрезвычайно важные следствия. Трансцендентальность этики, на которой настаивал Л. Витгенштейн, выводит ее нормы за пределы вариантов высказываний, имеющих ясное содержание. Это не значит, что этика полностью и безоговорочно лишена смысла. Следование идее Л. Витгенштейна позволяет утверждать, что этика в целом и этика науки конкретно – это область показываемого, а не высказываемого. Именно в данном отношении то, что «не может быть сказано, может быть показано» [2. Р. 79].

Представленный подход позволяет особым образом скорректировать позицию Р.К. Мертона в отношении высказываний по поводу организованного скептицизма. Ученый не обязан утверждать нечто только скептическим образом, хотя его задача и может состоять (а может и не состоять) в том, чтобы показать, почему нечто сомнительно и чем такое сомнение может быть восполнено. Необходима возможность выбора. В противном случае догматизация утверждений обязательного характера организованного скептицизма грозит обратить рациональный скептицизм в его противоположность, вводя ритуал (или автоматическое бессознательное действие) в качестве нормы научной активности.

В заключение следует отметить, что автору, как представляется, удалось последовательно продемонстрировать возникновение логических проблем в построении теории этоса науки. Представление об идеале, которому должен следовать ученый, не может быть выражено исключительно в терминах научного знания. Такой идеал носит характер формирования, в котором сугубо научные элементы дополняются вненаучными без достаточного на то основания. Это не означает, что наука должна обязательно обращаться, скажем, к искусству, религии или умозрительной философии в целях найти полновес-

ный идеал, регулирующий поведение ученых. Такие процедуры возможны, но необязательны. Обнаружены предпосылки знаний о том, что мир науки в целом регулируется этосом, который позволяет методологически и институционально отличить науку от других социальных общностей. Но принципиально важным становится понимание границ, которые имеет комплекс норм поведения и общения в науке. Только такое понимание позволяет избежать опасности попасть в тотальную зависимость от внеаучных компонентов данных норм, неизбежно актуализирующихся в них в процессе реализации на практике.

Список источников

1. Merton R.K. *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1973. 636 p.
2. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. London : Routledge & Kegan Paul, 1922. 189 p.
3. Richardson A. Robert K. Merton and Philosophy of Science // *Social Studies of Science*. 2004. Vol. 34, № 6. P. 855–858. doi.org/10.1177/0306312704042086
4. Steh N. The Ethos of Science Revisited // *Social and Cognitive Norms*. 1978. Vol. 48, № 3–4. P. 172–196. doi.org/10.1111/j.1475-682X.1978.tb00825.x
5. Toren N. The scientific ethos debate: A meta-theoretical view // *Social Science and Medicine*. 1983. Vol. 17, № 21. P. 1665–1672. doi.org/10.1016/0277-9536(83)90312-X
6. Kim S.Y., Kim Y. The Ethos of Science and Its Correlates: An Empirical Analysis of Scientists' Endorsement of Mertonian Norms // *Science, Technology and Society*. 2018. Vol. 23, № 1. P. 1–24. doi.org/10.1177/0971721817744438
7. Bieliński J., Tomczyńska A. The Ethos of Science in Contemporary Poland // *Minerva*. 2019. Vol. 57. P. 151–173. doi.org/10.1007/s11024-018-9365-1
8. Kalleberg R. A Reconstruction of the Ethos of Science // *Journal of Classical Sociology*. 2007. Vol. 7, № 2. P. 137–160. doi.org/10.1177/1468795X07078033
9. Kulikov S.B. Scientific Ethos and Foundations of Conscious Activity // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2020. Vol. 54, № 1. P. 158–178. doi.org/10.1007/s12124-019-09483-6
10. Rabkin Ya.M., Mirskaya E.Z. *Science and Totalitarianism: Lessons for the Twenty-First Century* // Walker, M. (ed.). *Science and Ideology: A Comparative History*. London and New York : Routledge Taylor & Francis Group, 2003. P. 17–34.
11. Nash J. Non-Cooperative Games // *The Annals of Mathematics*. 1951. Vol. 54, № 2. P. 286–295.
12. Hansen D., Hartong J., Obers N.O. Gravity between Newton and Einstein // *International Journal of Modern Physics D*. 2019. Vol. 28, № 14. 1944010. doi.org/10.1142/S0218271819440103

References

1. Merton, R.K. (1973) *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
2. Wittgenstein, L. (1922) *Tractatus Logico-Philosophicus*. London: Routledge & Kegan Paul.
3. Richardson, A. (2004) Robert K. Merton and Philosophy of Science. *Social Studies of Science*. 34(6). pp. 855–858. DOI: <https://doi.org/10.1177/0306312704042086>
4. Steh, N. (1978) The Ethos of Science Revisited. *Social and Cognitive Norms*. 48(3-4). pp. 172–196. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-682X.1978.tb00825.x>
5. Toren, N. (1983) The scientific ethos debate: A meta-theoretical view. *Social Science and Medicine*. 17(21). pp. 1665–1672. DOI: [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(83\)90312-X](https://doi.org/10.1016/0277-9536(83)90312-X)
6. Kim, S. Y. & Kim, Y. (2018) The Ethos of Science and Its Correlates: An Empirical Analysis of Scientists' Endorsement of Mertonian Norms. *Science, Technology and Society*. 23(1). pp. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1177/0971721817744438>
7. Bieliński, J. & Tomczyńska, A. (2019) The Ethos of Science in Contemporary Poland. *Minerva*. 57. pp. 151–173. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11024-018-9365-1>
8. Kalleberg, R. (2007) A Reconstruction of the Ethos of Science. *Journal of Classical Sociology*. 7(2). pp. 137–160. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468795X07078033>

9. Kulikov, S.B. (2020) Scientific Ethos and Foundations of Conscious Activity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 54(1). pp. 158–178. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12124-019-09483-6>

10. Rabkin, Ya.M. & Mirskaya, E.Z. (2003) Science and Totalitarianism: Lessons for the Twenty-First Century. In: Walker, M. (ed.) *Science and Ideology: A Comparative History*. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group. pp. 17–34.

11. Nash, J. (1951) Non-Cooperative Games. *The Annals of Mathematics*. 54(2). pp. 286–295. DOI: <https://doi.org/10.2307/1969529>

12. Hansen, D., Hartong, J. & Obers, N.O. (2019) Gravity between Newton and Einstein. *International Journal of Modern Physics D*. 28(14). 1944010. DOI: <https://doi.org/10.1142/S0218271819440103>

Сведения об авторе:

Куликов С.Б. – доктор философских наук, доцент, директор гуманитарного научно-образовательного центра Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kulikov S.B. – Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.12.2021;
одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 01.12.2021;
approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья

УДК 165.12

doi: 10.17223/1998863X/66/3

СОЗНАНИЕ И КОЛЛАПС ВОЛНОВОЙ ФУНКЦИИ

Игорь Владимирович Черепанов

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
takko@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема взаимосвязи сознания и коллапса волновой функции. Анализируются две противоположные точки зрения, одна из которых признает зависимость коллапса волновой функции от ментальной активности наблюдателя, а другая такую зависимость отрицает. Делается вывод, что коллапс волновой функции имеет не энергетический, а информационный характер, который с необходимостью не предполагает наличие сознающего субъекта.

Ключевые слова: сознание, коллапс волновой функции, квантовая механика, декогеренция

Для цитирования: Черепанов И.В. Сознание и коллапс волновой функции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 27–37. doi: 10.17223/1998863X/66/3

Original article

CONSCIOUSNESS AND THE COLLAPSE OF THE WAVE FUNCTION

Igor V. Cherepanov

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation,
takko@yandex.ru*

Abstract. The Copenhagen interpretation gives rise to the problem of the collapse of the wave function, since, in accordance with the linearity of the equations of quantum mechanics, measurement procedures should not destroy the multiplicity of states describing alternative versions of measurement results. If we reject the collapse of the wave function, but maintain the multiplicity of superposed states, claiming that each of them is carried out in a separate classical world, then we become supporters of the Everett interpretation of quantum mechanics. This view assumes the proliferation of the conscious subject, which contradicts the essence of consciousness that is not subject to duplication due to its subjective nature and its inherent private knowledge. The Copenhagen and Everett interpretation of quantum mechanics is opposed by the theory of decoherence, which allows us to explain the transition of quantum existence to the classical one without using the physically incorrect concept of the collapse of the wave function. However, the theory of decoherence does not completely solve the problem of the quantum world acquiring classical features that are found in the perception of a conscious subject. This suggests a subjective-idealistic conclusion (shared by such leading scientists as Werner Heisenberg, John von Neumann, Eugene Wigner, Roger Penrose, Michael B. Mensky) that the reason for the collapse of the superposition of possible states is mental in nature and therefore does not find an adequate place in the physical picture of the world. Quantum-physical experiments conducted over the past few decades (for example, an experiment conducted by a group of scientists from the University of Vienna led by Anton Zeilinger) refute this ontological position and prove that the collapse of the wave function is caused not by observational knowledge, but by the natural presence or artificial production of the necessary amount of information, which ensures the transition from possible existence to reality due to the redistribution of probabilities associated with the state of

the physical system. Thus, it is possible not to abandon the Copenhagen interpretation of quantum mechanics and keep the phenomenon of wave function collapse (instead of replacing it entirely by the phenomenon of decoherence, whereby the world finds the classic features, but is not yet actually classic) if to understand the collapse of the wave function as the objectively existing process of informational nature. This process does not adequately fit into the physical picture of the world without taking into account the information components of material existence and thus causes misunderstandings and paradoxes that force us to attribute to consciousness the role of a link between the quantum world and the classical one.

Keywords: consciousness; collapse of wave function; quantum mechanics; decoherence

For citation: Cherepanov, I.V. (2022) Consciousness and the collapse of the wave function. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 27–37. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/3

Возьмем квантовый объект, находящийся в суперпозиции возможных состояний. О таком замкнутом (не взаимодействующем с окружением) объекте говорят, что он находится в чистом состоянии, которое описывается вектором волновой функции. Если рассматриваемый объект вступит во взаимодействие с другим объектом (декогерирует), то оба перейдут в смешанное состояние, которое представляет собой произведение двух квантовых суперпозиций (что математически описывается уже не вектором состояния, а матрицей плотности). Смешанное состояние можно интерпретировать как получаемую в результате декогеренции некогерентную композицию чистых состояний вступающих во взаимодействие квантовых объектов. Если теперь мы совершим измерение над одним квантовым объектом, то в соответствии с копенгагенской интерпретацией квантовой механики произойдет коллапс (редукция) волновой функции, которая описывает чистое состояние системы из двух провзаимодействовавших объектов, после чего они перейдут из квантового (неопределенного) модуса бытия в классический (определенный). В связи с этим возникает закономерный вопрос: чем, по сути, измерение, приводящее к коллапсу волновой функции, отличается от взаимодействия объектов, которое к коллапсу не приводит?

Действительно, в процессе измерения, т.е. в процессе взаимодействия измеряемого объекта с измерительным прибором, оба элемента (измеряемый объект и измерительный прибор) переходят в смешанное состояние без коллапса волновой функции. Лишь с появлением наблюдателя, который фиксирует показания измерительного прибора, наблюдаемая система меняет квантовый модус бытия на классический. Если далее мы рассмотрим головной мозг наблюдателя в качестве физической системы, взаимодействующей с измерительным прибором, то опять-таки никакого коллапса волновой функции не осуществляется, а теперь уже три физические системы – измеряемый объект, измерительный прибор и головной мозг наблюдателя – переходят в смешанное состояние. Анализируя подобную ситуацию, доктор физико-математических наук М.Б. Менский приходит к следующему выводу: «...если рассуждать строго логически, редукция невозможна. Вместо этого состояние всего комплекса, состоящего из измеряемой системы, прибора и наблюдателя, не только перед измерением, но и после него должно описываться как суперпозиция (сумма) состояний, соответствующих различным альтернативным результатам измерения» [1. С. 68]. Таким образом, именно присутствие нефизического сознания наблюдающего субъекта разрушает суперпозицию

(сумму) состояний и выделяет одно конкретное значение, которому до акта осознанного наблюдения приписывается какая-то вероятность.

Данная точка зрения не признается большинством ведущих физиков. Лауреат Нобелевской премии по физике В.Л. Гинзбург в предисловии к статье М.Б. Менского пишет: «В конкретном плане не понимаю, почему так называемая редукция волновой функции как-то связана с сознанием наблюдателя. Например, в известном дифракционном опыте электрон проходит через щели и затем на экране (фотопластинке) появляется „точка“, т.е. становится известно, куда попал электрон. Появление „точки“ есть, очевидно, результат взаимодействия падающего электрона с материалом фотопластинки... Если описывать состояние электрона после его взаимодействия с атомами в фотопластинке с помощью волновой функции, то эта функция будет, очевидно, отлична от первоначальной и, скажем, локализована в „точке“ на экране. Это и называют обычно редукцией волновой функции. Разумеется, „точки“ на экране наблюдатель увидит и на следующий день после осуществления опыта, и причем здесь какая-то особая роль его сознания, мне непонятно» [1. С. 413–414].

Австралийский философ Д. Чалмерс в своей презентации под названием «Сознание и коллапс волновой функции» на международной конференции в Хельсинки «К науке о сознании» 2015 г. рассматривает два логически возможных варианта [2]. В соответствии с первым вариантом измерение – это психофизический процесс, связанный с наблюдающим сознанием, присутствие которого является необходимым условием коллапса волновой функции. В соответствии со вторым вариантом измерение – это физический процесс, не связанный с наблюдающим сознанием, присутствие которого не является необходимым условием коллапса волновой функции. В результате размышлений Чалмерс склоняется ко второму варианту (хотя и не исключает возможность, согласно которой в качестве причины коллапса волновой функции могут выступать особые фундаментальные протосознательные внутренние свойства физических систем), что согласуется с его более ранней позицией, ибо признание ментального опыта необходимым условием коллапса волновой функции «не стыкуется с физическими данными, предполагающими, что низкоуровневые суперпозиции зачастую продолжительное время существуют в неколлапсированном состоянии» [3. С. 421].

Первый вариант рассматривают такие выдающиеся ученые, как И. фон Нейман, В. Гейзенберг, Ю. Вигнер, Р. Пенроуз и М.Б. Менский. В частности, фон Нейман подчеркивает, что «опыт может приводить только к утверждениям этого типа – наблюдатель испытал определенное (субъективное) восприятие, но никогда не к утверждениям таким, как: некоторая физическая величина имеет определенное значение» [4. С. 308]. Действительно, коллапс волновой функции не описывается уравнениями физической науки и, значит, не имеет физического характера, поскольку если произошло событие x^i (которому соответствует вероятность p^i) из набора суперпонируемых возможностей $x^1, x^2, \dots, x^n$ (причем вероятность p^i может принимать наименьшее значение), то никакие законы физики не позволяют объяснить, почему в данный момент времени произошло именно событие x^i , а не какое-либо другое из набора суперпонируемых возможностей $x^1, x^2, \dots, x^n$. М.Б. Менский показывает, что «постулат редукции фон Неймана чужд кван-

товой механике и принят в ней (ценой эклектичности) лишь для того, чтобы быстро и легко обойти концептуальные проблемы, не решая их по существу, и перейти к практическим расчетам» [5. С. 423]. Отечественный физик-теоретик, специалист по философии физической науки В.Д. Захаров отстаивает аналогичную точку зрения: «Основная концептуальная трудность возникает в теории измерения квантовых систем. Она связана с противоречием между линейностью основного уравнения квантовой механики и картиной редукции состояния квантовой системы при ее измерении. Редукция как разрыв волновой функции, противоречит линейности и для квантовой механики является, в сущности, чужеродным понятием» [6. С. 9].

Копенгагенской интерпретации квантовой механики противостоит многомировая эвереттовская теория (предложенная американским физиком Х. Эвереттом и поддержанная двумя другими американскими физиками – Д. Уилером и Б. Деви́ттом), которая отказывается от коллапса волновой функции и утверждает, что каждое из суперпонируемых состояний осуществляется в отдельном классическом мире. Главный аргумент в пользу эвереттовской интерпретации апеллирует к линейности уравнений квантовой механики, по отношению к которым коллапс волновой функции является искусственной, выдуманной процедурой. М.Б. Менский, будучи сторонником данной точки зрения, пишет: «Постулат редукции кажется чужеродным в квантовой механике, он делает ее эклектичной. Почему система должна иначе эволюционировать, когда она подвергается измерению? Ведь измерение – это не что иное, как взаимодействие с некоторой другой системой, условно называемой прибором, и не более. А значит, эволюция полной системы во время этого взаимодействия (т.е. во время измерения) должна быть линейной. Суперпозиция при такой эволюции не исчезнет, все члены суперпозиции, которые были перед измерением, останутся и после него» [5. С. 419–420]. Доктор психологических наук Г.С. Прыгин также подчеркивает, что «согласно классической копенгагенской интерпретации само измерение заставляет волну схлопнуться (происходит коллапс волновой функции), что противоречит уравнению Э. Шредингера, так как это уравнение не предполагает коллапса волновой функции. Следовательно, возникает парадокс: с одной стороны, по классической копенгагенской интерпретации в момент измерения (наблюдения) фиксируется единственное местоположение частицы и все другие возможные местоположения (суперпозиции) исчезают, но с другой стороны, согласно уравнению Шредингера, после измерения и фиксации местоположения частицы все остальные возможные ее местоположения (суперпозиции) сохраняются» [7. С. 331].

Несмотря на явные преимущества, многомировая концепция Эверетта порождает новые парадоксы, решение которых связано с серьезными трудностями. Действительно, пролиферация (размножение) мира на множество параллельных миров, каждому из которых соответствует одно из возможных состояний, описываемых волновой функцией, указывает на проблему, обусловленную тем, что при этом должна происходить и пролиферация (размножение) наблюдающего субъекта на множество физических дублей, которые продолжают существовать во множестве параллельных вселенных. Учитывая линейный характер уравнений квантовой механики, в соответствии с которым после декогеренции состояний измеряемого объекта, измеритель-

ного прибора, мозга наблюдателя и его сознания остаются все члены итоговой редуцированной матрицы плотности, М.Б. Менский утверждает, что «каждый наблюдатель „расщепляется“ на множество наблюдателей-двойников, по одному для каждого из эвереттовских миров» [1. С. 69]. Однако концепция пролиферирующего (размножающегося) субъекта представляется недопустимой, ибо в противном случае возникает ситуация дублирования единства самосознания человека, что противоречит самой сущности этого понятия, поскольку единство самосознания не подлежит дублированию в силу его субъективной природы, т.е. в силу того, что оно открывается и существует во внутреннем, приватном знании (каждый сознающий субъект знает именно себя самого, а не кого-то другого).

Коллапсу волновой функции как онтологическому механизму, превращающему квантовую реальность в классическую, в современной научной картине мира противопоставляется явление декогеренции, благодаря которому в матрице плотности остаются только диагональные элементы, отражающие вероятности классического типа. Декогеренция элиминирует суперпозицию, поскольку если мы рассмотрим один из возможных физических контекстов, описываемых редуцированной матрицей плотности, то состояние любого элемента декогерирующей системы будет иметь определенное (классическое) значение. По этому поводу польский физик-теоретик В. Зурек пишет: «Декогеренция ведет к суперотбору (отбору собственных состояний), индуцированному окружением, что оправдывает существование выделенного набора состояний. Это позволяет определить эффективную границу между квантовой и классической областями в ясных формулировках, которые не апеллируют к „коллапсу волнового пакета“» [8. С. 5]. Однако результат декогеренции предполагает, в терминологии американских физиков М. Гелл-Манна и Д. Хартла, множество потенциальных «декогерентных историй» [9. С. 425], из которых только одна регистрируется наблюдающим субъектом после осуществления измерительных процедур. Если прибор (наблюдатель) находится в определенном состоянии, то исследуемая система также заведомо находится в определенном состоянии, а не в суперпозиции возможных состояний, что, по мнению сторонников теории декогеренции, объясняет переход квантового бытия в классическое без использования физически некорректного понятия коллапса волновой функции.

В данном случае можно привести два существенных возражения. Во-первых, процесс декогеренции объясняет квантовое измерение только тогда, когда речь идет о вероятностном прогнозировании результатов эксперимента независимо от объективного положения дел, которое предполагает более глубокий анализ онтологических механизмов урезания потенциально существующих «декогерентных историй». Во-вторых, вероятности, приписываемые состояниям декогерирующих объектов, не могут считаться в полном смысле классическими, поскольку имеют онтологический, а не эпистемологический характер, т.е. относятся к самой физической реальности, а не к недостатку знания о скрытых параметрах, что доказывает теорема Кошена–Шпекера и экспериментально подтвержденное нарушение неравенств Белла [10. С. 130].

Критикуя концепцию коллапса волновой функции, доктор философских наук А.И. Липкин пишет: «Главной логической ошибкой, приводящей к

„проблеме редукции волновой функции“... является игнорирование гетерогенности структуры физики, из которой следует, что *измерение* (и приготовление) – это *не явление природы, а операция, связанная с человеческой техникой, которая может то, что не может природа*» [11. С. 440]. Ложное представление о коллапсе волновой функции возникает в силу того, что «всю измерительную часть, включающую процедуру сравнения с эталоном, включить в теорию принципиально нельзя» [12. С. 438]. Экспериментатор, влияющий на условия эксперимента, не описывается с помощью теории, которая описывает исследуемый объект. Данное положение дел обосновывается с помощью системного подхода, утверждающего, что «система обладает свойствами, которые не сводятся к свойствам ее элементов» [12. С. 438]. Однако наличие системных (эмерджентных) свойств не исключает их априорной (дедуктивной) выводимости из суммы свойств, присущих отдельным элементам, поскольку элементы системы обладают конститутивным характером по отношению к системе в целом, и, значит, свойства частей конституируют свойства целостной системы. Например, текучесть воды как физическое эмерджентное свойство совокупности взаимодействующих молекул сводится к сумме физических свойств, которыми эти молекулы обладают в отдельности, ибо, зная их наряду с основными законами физики, можно вывести закономерности, которым подчиняется текущая вода как сложноорганизованная физическая система. Ведь то, что мы называем текучестью воды, по существу, представляет собой электромагнитное взаимодействие большого количества субатомных частиц. Если системные (эмерджентные) свойства нельзя априорно (дедуктивно) вывести из суммы свойств, присущих отдельным элементам, то нарушается онтологическая целостность мира. Таким образом, экспериментатор, влияющий на условия эксперимента, может быть адекватным образом описан с помощью теории, которая описывает исследуемый объект (хотя на сегодняшний день такое описание представляется технически неосуществимым), и, следовательно, аргумент Липкина, элиминирующий коллапс волновой функции из физической картины мира, не выдерживает критики.

Отсюда напрашивается вывод (разделяемый В. Гейзенбергом, И. фон Нейманом, Ю. Вигнером, Р. Пенроузом и М.Б. Менским), что причина коллапса суперпозиции возможных состояний имеет ментальный характер и поэтому не находит адекватного места в физической картине мира. Однако подобная точка зрения, отождествляющая сознание с коллапсом волновой функции или устанавливающая между ними причинно-следственные взаимосвязи, встречается в современной философской литературе резкую критику, обусловленную, прежде всего, тем, что последовательное развитие соответствующей онтологии подрывает материалистические позиции. По этому поводу доктор философских наук Д.В. Винник пишет: «Феномен коллапса волновой функции в умах многих привел к коллапсу материалистической картины мира и к реанимации хорошо знакомых философам типов идеализма, от относительно безобидного нейтрального монизма до скандальных дуализма и панпсихизма» [13. С. 128]. Кандидат философских наук А.Е. Сериков категорически утверждает, что «широко распространенное в популярной литературе представление о том, что именно сознание исследователя, а не техническая сторо-

на организации эксперимента, приводит к коллапсу волновой функции, – это миф» [14. С. 42].

Замкнутая материальная система сама по себе есть единое онтологическое целое, в котором не существует не только отдельных элементов (объектов), но и направленного потока событий. Такая система находится в чистом квантовом состоянии, где каждое отдельно взятое событие и каждая темпорально обусловленная причинно-следственная цепочка событий образует квантовую суперпозицию, описываемую волновой функцией рассматриваемой системы. Если система вступает во взаимодействие с другой системой, то происходит декогеренция и чистое состояние трансформируется в смешанное. Теперь мы имеем дело с совокупностью причинно-следственных цепочек, каждая из которых представляет собой онтологическую проекцию взаимодействующих систем. Наконец, внутренний доступ к определенной альтернативе, входящей в суперпозицию возможных состояний самого наблюдающего (сознающего) субъекта, обеспечивает бытие единственного классического мира (единственной онтологической проекции трансцендентно существующей реальности). Поэтому можно согласиться с точкой зрения М.Б. Менского, утверждающего, что «классического мира вообще объективно не существует, а иллюзия классического мира возникает лишь в сознании живого существа» [5. С. 428]. Чистые состояния переходят в смесь в результате взаимодействия отдельных объектов, а коллапс волновой функции отождествляется с сознанием наблюдателя в одной из классических проекций единого квантового мира. Анализируя сущностную природу сознания, М.Б. Менский дает ему следующее определение: «Способность человека (и любого живого существа), называемая сознанием, – это то же самое явление, которое в квантовой теории измерений называется редукцией состояния или селекцией альтернативы, а в концепции Эверетта фигурирует как разделение единого квантового мира на классические альтернативы» [5. С. 426].

Согласно такой онтологической позиции, до появления сознающих существ окружающий мир не обладал чистыми классическими чертами, поскольку взаимодействие материальных систем ограничивалось процессами декогеренции, которые сами по себе, как верно замечает Менский, не элиминируют суперпонируемые возможности в смешанном состоянии. Английский физик и математик, лауреат Нобелевской премии Р. Пенроуз тоже подчеркивает, что «коль скоро квантовая сцепленность не разрушается, мы, строго говоря, не можем полагать отдельным и независимым ни один объект во Вселенной. Складывающееся в результате в физической теории положение дел представляется мне весьма далеким от удовлетворительного. Никто не может по-настоящему объяснить, не выходя за рамки стандартной теории... почему нам вовсе не обязательно представлять Вселенную в виде единого целого, этого невероятно сложного спутанного клубка, не имеющего ничего общего с тем классическим по виду миром, который мы в реальности наблюдаем» [15. С. 464]. Поэтому лишь благодаря сознанию, которое возникает на определенном этапе вселенской эволюции, мир становится классическим. Опираясь на квантово-механическую онтологию, американские теоретики биоцентризма Б. Берман и Р. Ланца приходят к выводу, что «квантовая теория подразумевает, что сознание есть неотъемлемая часть реальности, она тем самым негласно признает, что реальность – это, в конечном счете, содер-

жимое нашего разума. Сам по себе акт наблюдения придает реальности форму и очертания. Это касается всех ее проявлений – от одуванчика на лугу до ветра, солнца и дождя». Поэтому «без участия сознания „материя“ пребывает в неопределенном вероятностном состоянии. Если Вселенная и существовала до появления сознания, то только в вероятностном состоянии» [16. С. 104].

Однако поставленные за последние несколько десятков лет квантово-физические эксперименты опровергают данную онтологическую позицию. В частности, эксперимент, проведенный группой ученых из Венского университета во главе с А. Цайлингером [17], демонстрирует, что интерференционная картина, возникающая в результате рассеяния пучка фуллеренов (молекул, содержащих 70 атомов углерода) на дифракционной решетке, зависит от контролируемого нагрева летящих в пучке молекул посредством лазерного луча (с ростом температуры интерференционная картина ослабевает, а затем исчезает полностью). Это означает, что коллапс волновой функции (переход из квантового состояния в классическое) может осуществляться без участия наблюдающего сознания в процессе обмена информацией между исследуемой системой и окружающей средой. Такой информационный обмен в рамках рассматриваемого эксперимента происходит за счет лазерного нагрева и, как следствие, испускания молекулами фуллерена квантов света, длина волны которых несет в себе информацию о вероятности того, на какой именно из щелей дифракционной решетки произошло рассеяние той или иной молекулы. При определенной длине волны (которая соответствует определенной степени разогрева пучка фуллеренов) данной информации оказывается достаточно, чтобы точно локализовать выбранный пучок в пределах какой-то дифракционной щели, после чего интерференционная картина исчезает (т.е. пучки начинают вести себя уже не как дебройлевские волны, а как частицы,двигающиеся по заданным траекториям).

Анализируя описанный эксперимент, доктор физико-математических наук А.Н. Верховизин делает следующее заключение: «Опыт свидетельствует о том, что когерентная квантовая суперпозиция разрушается не из-за неконтролируемого возмущающего воздействия макроскопического прибора на микрообъект, как утверждает многими авторами, а благодаря информационному обмену между подсистемами – в опыте Цайлингера между молекулой фуллерена и окружающей средой. При этом совершенно не важно, как идет обмен информацией – через специально поставленный детектор, окружающую среду или человека. Имеет значение только принципиальное наличие необходимой информации о частице, а кто ее получит и как обработает – не имеет значения» [18. С. 197–198]. К аналогичным выводам приходят Шан Ю и Д. Николич, которые, опираясь на ряд подобных физических экспериментов, доказывают, что коллапс волновой функции обуславливается не наличием сознания, а самой возможностью получения потенциальным наблюдателем необходимого знания для разрушения суперпозиции состояний рассматриваемых квантовых объектов [19].

Пока «наблюдающая» система, частью которой является наблюдатель, не вступает во взаимодействие с наблюдаемой системой, последняя для наблюдателя находится в модусе возможного бытия как целостный, не дифференцированный объект, описываемый суперпозицией потенциальных состояний. После взаимодействия наблюдаемая система становится классической в том

смысле, что обретает внутреннюю структуру и определенные физические параметры. При этом «наблюдающая» система может и не включать в себя наблюдателя в качестве сознающего субъекта, поскольку для коллапса волновой функции и перехода наблюдаемой системы из целостного состояния в дифференцированное достаточно информационных процессов, которые нарушают суперпозицию состояний и приводят к осуществлению единственной возможности бытия наблюдаемой материальной системы. Таким образом, коллапс волновой функции обуславливается не наблюдающим сознанием как таковым, что привело бы нас к субъективно-идеалистической картине мира, в рамках которой онтологическая определенность Вселенной оказывается невозможной без ее субъективной репрезентации, а естественным наличием или искусственным продуцированием в условиях экспериментальной ситуации необходимого количества информации, которое обеспечивает переход из возможного бытия в действительное за счет перераспределения вероятностей, связанных с состоянием физической системы. При этом, как верно подчеркивает А.Н. Верховизин, «нужно отметить, что в классической и квантовой физике в понятие „информация“ вкладывается разный смысл. В классической физике разделяется сама информация и ее материальный носитель. Считается, что без материального носителя информация существовать не может. В квантовой физике информация – это физическая величина, характеризующая систему, подобно таким величинам, как объем, масса, энтропия и т.д. Можно сказать, что сама система является носителем информации, и вопрос о ее материальном носителе отпадает» [18. С. 198].

Концептуальный итог рассмотренных аргументов сводится к тому, что коллапс волновой функции представляет собой реально существующий процесс, который имеет информационные, а не энергетические причины, в силу чего попытки его осмысления в рамках физической онтологии, не учитывающей информационную компоненту материального бытия, приводят к ряду недоразумений и парадоксов. Кроме этого, вышеприведенный анализ показывает, что коллапс волновой функции нельзя отождествлять с сознанием, поскольку разрушение суперпозиции состояний и выбор одной из классических альтернатив обуславливается не собственно ментальными, а информационными процессами, протекающими в материальных системах. Однако это не исключает причинно-следственных связей между сознанием и коллапсом волновой функции, если сознание понимать как сложно организованный информационный феномен, возникающий на определенном этапе эволюции Вселенной.

Список источников

1. Менский М.Б. Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 64–74.
2. Chalmers D., McQueen K. Consciousness and the collapse of the wave function. Toward a Science of Consciousness 2015. University of Helsinki, Finland, 9–13 June 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DIBT6E2GtjA> (дата обращения: 12.08.2020).
3. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории : пер. с англ. М. : УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
4. Нейман И. фон. Математические основы квантовой механики : пер. с нем. М. : Наука, 1964. 367 с.
5. Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. № 4. С. 413–435.

6. Захаров В.Д. Как квантовая механика «объясняет» сознание (критика многомировой интерпретации и ее «расширенного» варианта) // *Метафизика*. 2012. № 3 (5). С. 3–23.
7. Прыгин Г.С. Квантовые концепции сознания: возможности и перспективы развития психологической науки // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 27, № 3. С. 329–338.
8. Зурек В. Декогеренция и переход от квантового мира к классическому // *Los Alamos Science*. 2002. № 27. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/zurek_dekogerencia.pdf (дата обращения: 04.11.2020).
9. Gell-Mann M., Hartle J. Quantum Mechanics in the Light of Quantum Cosmology // *Complexity, Entropy, and the Physics of Information*. Redwood City : Addison-Wesley, 1990. P. 425–458.
10. Хансон Р., Шальм К. Странное поведение // *В мире науки*. 2019. № 1/2. С. 126–133.
11. Липкин А.И. Миф об особой роли сознания наблюдателя в квантовой механике. URL: https://mipt.ru/education/chair/philosophy/publications/works/lipkin/philsci/a_3vzyrl.php (дата обращения: 03.07.2020).
12. Липкин А.И. Существует ли явление «редукции волновой функции» при измерении в квантовой механике? // *Успехи физических наук*. 2001. Т. 171, № 4. С. 437–444.
13. Винник Д.В. Квантовые теории сознания: метафизические спекуляции и конкретно-научное содержание // *Философия науки*. 2018. № 3 (78). С. 114–133.
14. Сериков А.Е. О роли сознания в воображаемых и реальных физических экспериментах // *Mixtura verborum* 2017: человек и время. Философский ежегодник. Самара : Самар. гум. акад., 2017. С. 29–44.
15. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании : пер. с англ. М. : Ин-т компьютер. исслед., 2005. 688 с.
16. Берман Б., Ланца Р. Биоцентризм. Как жизнь создает вселенную: пер. с англ. СПб. : Питер, 2015. С. 104.
17. Zeilinger A. etc. Decoherence of matter waves by thermal emission of radiation // *Nature*. 2004. Vol. 427, № 6976. P. 711–714.
18. Верхоzin А.Н. Тепловая декогеренция (анализ результатов опыта исследовательской группы Цайлингега) // *Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*. 2013. № 2. С. 194–200.
19. Nikolic D., Yu S. Quantum Mechanics needs no Consciousness // *Annalen der Physik*. 2011. № 523 (11). P. 931–938.

References

1. Menskiy, M.B. (2004) Kvantovaya mekhanika, soznanie i most mezhdv dvumya kul'turami [Quantum mechanics, consciousness and a bridge between two cultures]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 64–74.
2. Chalmers, D. & McQueen, K. (2015) Consciousness and the collapse of the wave function. *Toward a Science of Consciousness 2015*. Proc. of the Conference. University of Helsinki, Finland, 9–13 June 2015. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=DIBT6E2GtjA> (Accessed: 12th August 2020).
3. Chalmers, D. (2013) *Soznayushchiy um. V poiskakh fundamental'noy teorii* [The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory]. Translated from English. Moscow: URSS, Knizhnyy dom “LIBROKOM”.
4. Neumann, I. von (1964) *Matematicheskie osnovy kvantovoy mekhaniki* [Mathematical Foundations of Quantum Mechanics]. Translated from German. Moscow: Nauka.
5. Menskii, M.B. (2005) Concept of consciousness in the context of quantum mechanics. *Uspekhi fizicheskikh nauk – Advances in Physical Sciences*. 4. pp. 413–435. (In Russian). DOI: 10.1070/PU2005v048n04ABEH002075
6. Zakharov, V.D. (2012) How quantum mechanics “explains” consciousness (a critique of the multiworld interpretation and its “expanded” version). *Metafizika*. 3(5). pp. 3–23. (In Russian).
7. Prygin, G.S. (2017) Quantum concepts of consciousness: opportunities and development prospects of psychological science. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 27(3). pp. 329–338. (In Russian).
8. Zurek, V. (2002) Dekogerentsiya i perekhod ot kvantovogo mira k klassicheskomu [Decoherence and the transition from the quantum world to the classical one]. *Los Alamos Science*. 27. [Online] Available from: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/zurek_dekogerencia.pdf (Accessed: 4th November 2020).

9. Gell-Mann, M. & Hartle, J. (1990) Quantum Mechanics in the Light of Quantum Cosmology. *Complexity, Entropy, and the Physics of Information*. Redwood City: Addison-Wesley. pp. 425–458.
10. Hanson, R. & Shalm, K. (2019) Strannoe povedenie [Strange behavior]. *V mire nauki*. 1/2. pp. 126–133.
11. Lipkin, A.I. (n.d.) *Mif ob osoboy roli soznaniya nablyudatelya v kvantovoy mekhanike* [The myth about the special role of the observer's consciousness in quantum mechanics]. [Online] Available from: https://mipt.ru/education/chair/philosophy/publications/works/lipkin/philsci/a_3vzyrl.php (Accessed: 3rd July 2020).
12. Lipkin, A.I. (2001) Sushchestvuet li yavlenie “reduktzii volnovoy funktsii” pri izmerenii v kvantovoy mekhanike? [Is there a phenomenon of “wave function collapse” when measured in quantum mechanics?]. *Uspekhi fizicheskikh nauk – Advances in Physical Sciences*. 171(4). pp. 437–444.
13. Vinnik, D.V. (2018) Kvantovye teorii soznaniya: metafizicheskie spekulyatsii i konkretno-nauchnoe sodержание [Quantum theories of consciousness: metaphysical speculations and concrete scientific content]. *Filosofiya nauki*. 3(78). pp. 114–133.
14. Serikov, A.E. (2017) O roli soznaniya v voobrazhaemykh i real'nykh fizicheskikh eksperimentakh [On the role of consciousness in imaginary and real physical experiments]. In: *Mixtura verborum' 2017: chelovek i vremya* [Mixtura Verborum' 2017: Human and Time]. Samara: SamaraAcademy for the Humanities. pp. 29–44.
15. Penrose, R. (2005) *Teni razuma. V poiskakh nauki o soznanii* [Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness]. Translated from English. Moscow: In-t komp'yut. Issledovaniy.
16. Berman, B. & Lanza, R. (2015) *Biotsentrizm. Kak zhizn' sozdaet vseennuyu* [Biocentrism. How Life Creates the Universe]. Translated from English. St. Petersburg: Piter. p. 104.
17. Hackermüller, L., Hornberger, K., Brezger, B. et al. (2004) Decoherence of matter waves by thermal emission of radiation. *Nature*. 427. pp. 711–714. DOI: 10.1038/nature02276
18. Verkhozin, A.N. (2013) Thermal decoherence (analysis of the results of the Zeilinger research group experiment). *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki*. 2. pp. 194–200. (In Russian).
19. Nikolic, D. & Yu, S. (2011) Quantum Mechanics needs no Consciousness. *Annalen der Physik*. 523(11). pp. 931–938. DOI: 10.48550/arXiv.1009.2404

Сведения об авторе:

Черепанов И.В. – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: takko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Cherepanov I.V. – Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: takko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.11.2020;
одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 19.11.2020;
approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 04.05.2022*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК/UDC 111+141
doi: 10.17223/1998863X/66/4

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ Г. ХАРМАНА И К. МЕЙЯСУ

Игорь Александрович Девайкин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
igor.devaykin@mail.ru*

Аннотация. Исследуются онтологические идеи Грэма Хармана и Квентина Мейясу. Анализируются отношения этих концепций к сюжетам классической онтологии: метафизике, принципам достаточного основания, тождества бытия и мышления, непротиворечивости и т.д. Делается вывод о том, что оба подхода достаточно перспективны в контексте современной онтологии и имеют основания для синтеза.

Ключевые слова: К. Мейясу, Г. Харман, объектно-ориентированная онтология, спекулятивный материализм, современная онтология

Для цитирования: Девайкин И.А. Онтологические концепции Г. Хармана и К. Мейясу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 38–46. doi: 10.17223/1998863X/66/4

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

ONTOLOGICAL CONCEPTS OF GRAHAM HARMAN AND QUENTIN MEILLASSOUX

Igor A. Devaykin

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation) igor.devaykin@mail.ru

Аннотация. The article analyzes the ontological ideas of Graham Harman and Quentin Meillassoux. The author establishes that Harman's object-oriented ontology defends the principle of horizontality, while Meillassoux's philosophy is anthropocentric and therefore hierarchical. The concepts of the non-human are defined in both approaches. Harman's universe, consisting of objects of equal ontological status, is analyzed. The principle according to which new objects appear in the world is explicated. The theory of accident in the interpretations of Meillassoux and Harman is investigated. The Meillassoux contingency is fulfilled by the principle of identity, while, for Harman, accident has the property of inconsistency. Further, the relation of these concepts to the themes of classical ontology is investigated. It turns out that the thesis of the identity of being and thinking is defended by Meillassoux and is criticized by Harman. Meillassoux believes that he succeeds in substantiating the absolute subjective cognizability of the non-human world and, consequently, in restoring the principle of identity. Object-oriented ontology (OOO) sees in identity a return to the ontological hierarchy and anthropocentrism. Meillassoux also claims that the denial of

the principle of sufficient reason allows him to create a non-metaphysical ontology. On the contrary, Harman defends this principle, and, moreover, makes it “infinite”. The author also establishes that OOO is skeptical about the ideas of ontological knowledge and truth, while Meillassoux acts as an optimist in this regard. For Meillassoux, direct ontological cognition is possible by appealing to reason and mathematics; in turn, Harman allows only indirect cognition, and entirely in the form of aesthetics. Both approaches agree that the universe cannot have, firstly, a finite number of elements and, secondly, one element that would unite all the others. The author argues that the concepts of Harman and Meillassoux seek to include the sphere of the non-human in contemporary ontology as a theme that has always been mainly on the periphery of European thought. In addition, Meillassoux wants to restore respect for rationality and exact sciences to continental philosophy, while the Harman approach promises to expand the field of ontological work. The author concludes that, against the background of the named advantages and points of contact, it is worth striving for the synthesis of these ontologies.

Keywords: Quentin Meillassoux; Graham Harman; object-oriented ontology; speculative materialism; contemporary ontology

For citation: Devaykin, I.A. (2022) Ontological concepts of Graham Harman and Quentin Meillassoux. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 38–46. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/4

«Онтологический поворот» в современной континентальной философии – явление достаточно громкое. К числу одних из самых известных философов, ставящих перед собой задачу возрождения онтологии, относят Грэма Хармана и Квентина Мейясу. Сложно переоценить влияние этих авторов на текущее состояние онтологии, эстетики, философии науки, политических и социальных наук.

Данные мыслители также в прошлом относились к группе «спекулятивных реалистов» – направлению, критиковавшему гносеологический антионтологизм (антиреализм). В рамках этого движения Харман и Мейясу представили одни из самых разработанных онтологических проектов. Но группа быстро распалась, поскольку обнаружились серьезные различия между предложенными концепциями. Таким образом, онтологические проекты Хармана и Мейясу нуждаются в исследовании в силу того, что являются одними из самых влиятельных в рамках современной континентальной философии в целом и наиболее разработанными в контексте движения спекулятивного реализма в частности.

Сравнение онтологий Хармана и Мейясу напрашивается, поскольку оба подхода декларируют выход к независимой от человека реальности в качестве ведущей цели. Вместе с тем мы продемонстрируем различия между этими теориями нечеловеческого. Кроме того, будет разъяснено отношение названных философов к сюжетам классической онтологии: например, к теме метафизики, принципам тождества и достаточного основания, онтологическому знанию, познанию и истине.

Бессубъектное бытие Мейясу – это контингентность, для Хармана – объектная реальность. Контингентность означает «знание о возможности-быть-иной какой-либо вещи» [1. С. 53], т.е. всякая вещь, существующая и несуществующая, совершенно случайным образом может меняться или оставаться той же самой. Сущее во Вселенной всегда умирало или жило, но вечным оставался лишь Случай, который был и будет бесосновным основанием вся-

кого события в мире. Возникновение Вселенной, жизни, человека и даже возможная кончина человеческого рода в будущем обеспечены лишь контингентностью. Другим именем, в онтологии Мейясу, для этого бессубъектного принципа иногда выступает понятие времени, или материи. Чем же является бессубъектное бытие по Харману? Согласно развиваемой им объектно-ориентированной онтологии (ООО), реальность не сводится к человеку, но состоит из объектов. По Харману, объект по своей природе един, и он «больше, чем его части, и меньше, чем его последствия» [2. С. 54]. Хармановская вселенная состоит из реальных объектов, каждый из которых представляет собой самостоятельный мир, напрямую не связанный с другими. В принципе, нет разницы, полагает Харман, имеется ли наблюдатель объектов, ведь на онтологическом статусе последних это никак не отразится: черные дыры продолжают взаимодействовать с близлежащими звездами даже тогда, когда этого не видит субъект.

На первый взгляд, онтологии Хармана и Мейясу действительно похожи в том, что отстаивают бытие, независимое от человека, называя его материей или реальностью. Однако для Мейясу нечеловеческое бытие имеет важность исключительно в отношении субъекта, который эту контингентность должен мыслить без каких-либо искажений. Одна из основных проблем онтологии Мейясу звучит так: как «помыслить мир без мышления – мир без данности мира» [1. С. 35]. Таким образом, теория Мейясу не отрицает полностью субъект-объектную дихотомию, она только хочет показать, как человек способен высказываться об онтологически независимом от него мире. Такая позиция, согласно Харману, содержит в себе «таксономическую ошибку», что означает необоснованное сведение всего сущего к двум автономным родам сущего: человеку и миру. По Харману, онтология должна быть «плоской», т.е. не допускать любых иерархий между объектами. Человек, кварки, кентавр, жители Рио-де-Жанейро, число пи, семейная ссора – все находятся на одной онтологической плоскости. Все они в равной степени являются автономными объектами и обладают реальностью. Следовательно, первое базовое различие состоит в том, что онтология Мейясу склонна к тому, чтобы разбивать все сущее на два рода человек–мир, в то время как хармановская онтология постулирует горизонтальность.

Мир, по Харману, состоит из объектов любой природы: естественной, искусственной, вымышленной. Ничто из сущего заранее нельзя исключить как реальный объект. Мы даже «никогда не можем быть полностью уверены в том, какие объекты существуют» [2. С. 52], говорит Харман. Не вдаваясь в детали, скажем, что согласно ООО вселенная состоит из реальных объектов, недоступных друг другу для прямого контакта. Такой взгляд на вещи П. Вульфендейл назвал «ноуменальной космологией» [3]. Любая попытка исчерпывающего отношения или описания объектов не может быть успешна, поскольку бытие одного объекта никогда полностью не доступно другому. Однако это не значит, что ООО постулирует реальность объекта как бесконечную, напротив, Харман рассматривает любой объект как имеющий конечное число возможных интерпретаций. Кроме того, реальные объекты не являются вечными, они разрушаются и создаются.

Но как возникают объекты? Дело в том, что «модель объектов как предельно свободных от любых отношений и частично сокрытых в своих лич-

ных вакуумах» [4. Р. 13] нарушается тем, что между реальными объектами и их чувственными качествами исходно имеются напряжения, которые Харман называет пространством. Заметим, что если мышление Хармана преимущественно ориентированно на пространство, то «Мейясу больше интересует время» [5. Р. 125]. Итак, в ООО «чувственные качества реального объекта остаются как привязанными к нему, так и отделенными от него» [2. С. 153]. Между объектами и качествами в случайном порядке происходит «короткое замыкание», «поломка» пространства [6], которую Харман называет аллюром. Самое важное то, что в результате такого события один объект получает чувственную метафору другого. Чувственный интерфейс между недоступными друг для друга объектами заполняется эстетическими образами этих объектов. Следовательно, коммуникация объектов осуществляется посредством их чувственных заместителей.

Харман пишет: «Всякая связь – объект, всякий объект – результат связи» [7]. Выходит, что любой объект возникает из «столкновения без соприкосновения» двух объектов. Нарушение напряжения между объектами, т.е. «аллюр принадлежит онтологии как целому... Отношения между всеми реальными объектами, включая бессмысленные комья грязи, выстраиваются только посредством некой формы аллюзии. Но в той мере, в какой мы уже отождествили аллюр с эстетическим эффектом, эстетика становится первой философией» [7]. Космос, по мысли Хармана, творится подобно произведению искусства, и потому онтология сближается с эстетикой.

«Плоская онтология подрывает вертикальную иерархизацию целых и частей, поскольку все уже одновременно есть и часть и целое в зависимости от того, смотрим ли мы на все это сверху вниз или снизу вверх» [2. С. 240]. Онтология Хармана постулирует бесконечный регресс «вниз», поскольку считает, что каждый объект сложен из других объектов, те в свою очередь из других и т.д. В то же время ООО отрицает бесконечный прогресс «вверх», но и не утверждает метаобъект, поскольку это бы нарушило принцип плоскостности. Скорее, мы имеем дело с поверхностью предполагаемого числа объектов; морем, которое не имеет дна.

Вернемся к Мейясу. В его мире каждое сущее контингентно. Это означает, что как сохранение, так и возникновение нового сущего полностью случайно. Контингентны даже, казалось бы, самые стабильные вещи, такие как физические законы, и подтверждающие их эксперименты [8. С. 23]. Сам мир, по Мейясу, с одной стороны, не может иметь конечного числа элементов, из которых бы он состоял, с другой – не существует единого элемента, к которому бы сводились все остальные. Как видно, такая вселенная похожа на хармановскую, по меньшей мере, в двух отношениях. Во-первых, в основе производства нового сущего также лежит случай. Во-вторых, не существует конечного числа элементов, из которого бы состоял мир, так же как и нет единого сущего, которое бы включало все элементы. Обосновывая эти положения, Мейясу ссылается на математическую теорию множеств. Харман, очевидно, разделяя те же онтологические установки, тем не менее, не апеллирует к математике. Вероятно, это связано с тем, что Харман, в целом, не очень одобряет приоритет точных наук в контексте онтологии.

Любопытно, что, постулируя отсутствие сверхобъекта, Харман не уточняет, является ли его собственная теория объектом [9]. По-видимому, сама

ООО есть сверхобъект, существование которого он отрицает. При этом, будучи в такой метафизической позиции, Харман критикует другие онтологии за то, что те некорректно описывают реальность. Мейясу в этом отношении более последователен, поскольку рассматривает свою онтологию в логике нетотализуемого, не исключая за любой частной онтологией возможности описания реальности. Так, ООО, по мнению Мейясу, является вполне легитимной онтологией, изучающей бытие, наряду с бесконечным количеством других онтологий [10]. С этой точки зрения, у ООО нет и не может быть права на исчерпывающее описание реальности, поскольку просто не существует Единой перспективы, из которой это было бы возможно.

По мнению Мейясу, онтологии остается заниматься только фигурами контингентности, которых философу пока что удалось обнаружить две: непротиворечивость и «есть». Таким жестом Мейясу жестко ограничивает традиционную претензию онтологии на целостное исследование родов сущего, чего не делает Харман. Без двух указанных ограничений контингентность не может исполняться. Контингентность – это всегда случайность тождественного себе существующего или пока еще не существующего сущего. Здесь нужно отметить очередное отличие от концепции Хармана. Нельзя сказать, что ООО прямо настаивает на противоречивости бытия, скорее, нетождественность реальности мешала бы объяснению возникновения новых объектов, поэтому случайности Хармана все-таки ближе свойство противоречивости. «Неопределенность объекта... распространяется на отношения между объектами» [11], поэтому нетождественность объектов позволяет продуцировать связи и новые объекты.

Сравним отношение Мейясу и Хармана еще к двум классическим онтологическим идеям: тождеству бытия и мышления, и принципу достаточного основания. Контингентность Мейясу определяет как «абсолютное отсутствие основания для какой-либо реальности» [12]. Отрицание этого принципа, полагает философ, позволяет преодолеть метафизику и достичь онтологии. Харман в этом отношении не столь радикален. Во-первых, он прямо называет ООО метафизикой, и, во-вторых, у Хармана, по замечанию Д. Кралечкина, «„Принцип достаточного основания“ должен быть бесконечным» [13], ведь того требует бесконечный регресс объектов «вниз». Если Харман отождествляет свою онтологию с метафизикой, то Мейясу думает, что ему удастся создать неметафизическую онтологию.

В то же время, в отличие от Хармана, Мейясу защищает тождество бытия и мышления. ООО считает, что этот принцип является таксономическим и принуждает онтологию быть антропоцентричной. Мейясу же полагает, что его онтология восстанавливает тезис тождества, поскольку обеспечивает прямое субъективное познание контингентности. На данный момент, как утверждает Мейясу, мы не знаем о существовании каких-либо существ, которым было бы доступно познание бытия, понятого как контингентность, и в этом смысле человек имеет превосходство перед всем сущим.

Симптоматично также следующее различие. Если, с точки зрения Мейясу, его онтология санкционирует рациональное и математическое познание бытия, то, как пишет О. Головашина, Харман «рациональному знанию... противопоставляет метафору» [14]. «Метафорический доступ к реальности – это лучшее, что мы имеем, и метафора лишь наполовину чувственна, в то

время как ее вторая половина реальна: и для меня (говорит Харман. – И.Д.) реальное – это то, что недоступно напрямую» [15]. Таким образом, ведущим познавательным инструментом онтологии становится в одном случае разум и математика, в другом – чувственность и эстетика.

Мейясу считает, что из автономно существующего нечеловеческого бытия возможно извлекать онтологическое знание и истину, а математика и «негегелевская диалектика» [16] служат людям инструментами для этого. Харман пишет, что для Мейясу «реальность... в принципе, соразмерна знанию... (следовательно. – И.Д.) истина не требует обходного пути, на котором настаиваю я» [17. С. 137]. В ООО «объект – никогда не объект знания, он противится любому прямому знанию» [18], поэтому метафора, «непрямая аллюзия, намек или недосказанность оказываются куда сильнее прямого доступа к истине» [2. С. 64]. Кроме того, в отличие от математического познания вещей, «искусство – это не производство знаний о вещах, но созидание новых вещей-в-себе» [2. С. 102].

Укажем последнее различие, которое мы можем позволить себе провести в рамках одной статьи. Мейясу, как говорилось ранее, не исключает субъекта, более того, он восстанавливает его позицию. Для ООО же человек – объект среди других объектов. Пускай субъект по-своему и интересен, но в мире существуют и другие виды сущего лишенные «голоса»: это расширение поля онтологической работы является, пожалуй, главным хармановским достижением. С другой стороны, хотя ООО и решается на описание отношений между нечеловеческими объектами (например, огня с хлопком или стеклянных шаров между собой), все же, как представляется, исследования Хармана в основном продолжают строиться вокруг традиционных человеческих феноменов: искусства, общества, науки, истории.

Сопоставление теорий Мейясу и Хармана можно было бы продолжать дальше. Однако мы считаем, что в рамках этого текста базовые отличия нам провести все-таки удалось. Сначала было установлено, что онтология Мейясу преимущественно ориентирована на изучение, пускай и контингентной, но дихотомии человек–мир, в то время как ООО исповедует принцип горизонтальности, а потому рассматривает человека в качестве сущего, не имеющего привилегии перед другими формами сущего. Также выяснилось, что если онтология Хармана больше ориентирована на пространство, то Мейясу – на время. Кроме того, мы установили, что в обеих теориях именно случайность продуцирует новое сущее. Однако сами концепции случайности значительно отличаются: контингентность, по Мейясу, может выполняться только благодаря принципу непротиворечивости, в противоположность Харману, для которого случайность имеет свойство нетождественности.

Следующее различие касается того, что Мейясу отстаивает тождество бытия и мышления, для Хармана же этот принцип является возвратом к онтологической иерархии. Помимо этого, если ООО подразумевает «бесконечность» достаточного основания, то Мейясу постулирует абсолютную ложность этого принципа. Опровержение предельного основания, полагает Мейясу, позволяет создать неметафизическую онтологию, в то время как Харман маркирует свою онтологию как метафизику. Также если Мейясу отстаивает онтологическое знание и истину, то Харман считает такую позицию

невозможной. В силу этого ведущими способами исследования для Мейясу является математика, которая рационально познает бытие, в то время как Харман считает, что «первой философией» должна стать эстетика, поскольку лишь она обеспечивает пуск и окольный, но доступ к реальности.

Несмотря на все указанные различия, исследуемые подходы имеют некоторые сходства. Так, обе концепции постулируют бесконечное множество видов сущего и отрицают существование единого сверхсущего. Также эти теории стремятся мыслить нечеловеческое бытие, которое столь длительное время оставалось на периферии европейской мысли. Онтология Мейясу хочет вернуть в континентальную философию уважение к науке и рациональности, в то время как ООО обещает радикальную демократизацию сущего и сулит расширение поля онтологической работы. Представляется, что синтез этих теорий будет достаточно продуктивен, поскольку каждая из них обладает безусловными достижениями, значимыми для современной онтологической мысли в целом.

Список источников

1. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. М. : Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
2. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М. : Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
3. Parildar S. Review: Noumen's New Clothes. Wolfendale on Harman. URL: https://www.researchgate.net/publication/308349987_Review_Noumen%27s_New_Clothes%27_%27_Wolfendale_on_Harman (accessed: 20.08.2021).
4. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Де Ланда // Логос. 2017. № 3. С. 1–34.
5. Harman G. Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011. 240 p.
6. Харман Г. Тристан Гарсиа и вещь-в-себе // Parrhesia. 2013. № 16. С. 3–24. URL: https://vk.com/doc9769745_452347314 (дата обращения: 20.08.2021).
7. Харман Г. О замещающей причинности // Новое литературное обозрение. 2012. № 2 (114). С. 75–90.
8. Мейясу К. Метафизика и вненаучная фантастика. Пермь : Гиле Пресс, 2020. 78 с.
9. Ветушинский А.С. На пути к симметрии: как онтология стала плоской // Философия и культура. 2016. № 12. С. 1625–1630.
10. Meillassoux Q. Iteration, Repetition, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. Unpublished version. Berlin : Freie Universität, 2012. URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (accessed: 20.08.2021).
11. Parildar S. All For A Realist Defense of Metaphysics: Graham Harman vs. Peter Wolfendale. URL: https://www.researchgate.net/publication/337200299_All_For_A_Realist_Defense_of_Metaphysics_Graham_Harman_vs_Peter_Wolfendale (accessed: 20.08.2021).
12. Мейясу К. Время без становления. Гефтер. 2013. URL: <http://gefeter.ru/archive/7657> (дата обращения: 20.08.2021).
13. Кралечкин Д. О сургуче и капусте // Логос. 2014. № 4 (100). С. 293–318.
14. Головашина О.В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. С. 4–16.
15. Харман Г. За эстетикой – будущее философии // Кольта. URL: <http://www.colta.ru/articles/art/12175> (дата обращения: 20.08.2021).
16. Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме. М. : Носорог, 2018. 224 с.
17. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь : Гиле Пресс, 2015. 147 с.
18. Грэхам Харман: «Мы живем внутри метафизики» // Нож. URL: <https://knife.media/grahamharman/> (дата обращения: 20.08.2021).

References

1. Meillassoux, Q. (2015) *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Translated from English. Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
2. Harman, G. (2021) *Ob"ektno-orientirovannaya ontologiya: novaya "teoriya vsego"* [Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
3. Parildar, S. (2016) *Review: Noumen's New Clothes. Wolfendale on Harman*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/308349987_Review_Noumen%27s_New_Clothes%27_%27Wolfendale_on_Harman (Accessed: 20th August 2021)
4. Harman, G. (2017) *Seti i assablyazhi: vozrozhdenie veshchey u Latour i De Landa* [Networks and assemblages: the return of things in Latour and De Landa]. Translated from English. *Logos*. 3. pp. 1–34.
5. Harman, G. (2011) *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
6. Harman, G. (2013) *Tristan Garsia i veshch'-v-sebe* [Tristan Garcia and the Thing-in-Itself]. Translated from English. *Parrhesia*. 16. pp. 3–24. [Online] Available at: https://vk.com/doc9769745_452347314 (Accessed: 20th August 2021).
7. Harman, G. (2012) *O zameshchayushchey prichinnosti* [On vicarious causation]. Translated from English. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2. pp. 75–90. [Online] Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/1997> (Accessed: 20th August 2021).
8. Meillassoux, Q. (2020) *Metafizika i vnenauchnaya fantastika* [Science Fiction and Extro-Science Fiction]. Translated from French. Perm: Gile Press.
9. Vetushinskiy, A.S. (2016) *Na puti k simmetrii: kak ontologiya stala ploskoy* [Towards symmetry: how ontology became flat]. *Filosofiya i kul'tura*. 12. pp. 1625–1630.
10. Meillassoux, Q. (2012) *Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign*. Unpublished version. Berlin: Freie Universität. [Online] Available at: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (Accessed: 20th August 2021).
11. Parildar, S. (2019) *All For A Realist Defense of Metaphysics: Graham Harman vs. Peter Wolfendale*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/337200299_All_For_A_Realist_Defense_of_Metaphysics_Graham_Harman_vs_Peter_Wolfendale (Accessed: 20th August 2021).
12. Meillassoux, Q. (2013) *Vremya bez stanovleniya* [Time without Becoming]. Translated from English. *Gefter*. Available at: <http://gefter.ru/archive/7657> (Accessed: 20th August 2021)
13. Kralechkin, D. (2014) *O surguche i kapuste* [Of sealing wax and cabbage]. *Logos*. 4. pp. 293–318.
14. Golovashina, O.V. (2018) *Ob"ektivnaya ontologiya? Metafizika G. Kharmana* [Objective ontology? G.Harman's Metaphysics]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*. 34. pp. 4–16.
15. Harman, G. (n.d.) *Za estetikoy – budushchee filosofii* [Aesthetics is the future of philosophy]. [Online] Available from: <http://www.colta.ru/articles/art/12175> (Accessed: 20th August 2021).
16. Meillassoux, Q. (2018) *Chislo i sirena. Chtenie "Broska kostey" Mallarme* [The Number and the Siren: A Decipherment of Mallarme's "Coup De Des"]. Translated from French. Moscow: Nosorog.
17. Harman, G. (2015) *Chetveroyakiy ob"ekt: Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [The Quadruple Object. Metaphysics of things after Heidegger]. Translated from English. Perm: Gile Press.
18. Harman, G. (n.d.) *My zhivem vnutri metafiziki* [We live in metaphysics]. [Online] Available from: <https://knife.media/graham-harman/> (Accessed: 20th August 2021).

Сведения об авторе:

Девайкин И.А. – аспирант кафедры онтологии и теории познания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: igor.devaykin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Devaykin I.A. – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: igor.devaykin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.08.2021;
одобрена после рецензирования 22.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 23.08.2021;
approved after reviewing 22.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья

УДК 172

doi: 10.17223/1998863X/66/5

ЕВГЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЗАПАДЕ И ЕГО МИФЫ

Антон Владимирович Карабыков

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,
meavox@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются научно-философские и идеологические основания евгеники, имевшей статус прикладной науки и форму общественного движения в странах Западной Европы и США в конце XIX – первой половине XX в. Доказывается, что ключевым научно-философским элементом этого фундамента являлся эволюционизм, прежде всего, в его дарвинистской версии, осмысленный в контексте метафизического натурализма, и, соответственно, главным идеологическим элементом был расизм в его биологической и социальной формах.

Ключевые слова: дарвинизм, расовая гигиена, вырождение, расизм

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 21-011-44042 «Эволюционизм как проблема христианской теологии: исторический анализ».

Для цитирования: Карабыков А.В. Евгеническое движение на западе и его мифы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 47–56. doi: 10.17223/1998863X/66/5

Original article

THE EUGENIC MOVEMENT IN THE WEST AND ITS MYTHS

Anton V. Karabykov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation, meavox@mail.ru

Abstract. The article aims to examine the scientific philosophical and ideological foundation of eugenics which had the status of applied science and a form of social movement in Western Europe and the United States in the late 19th – first half of the 20th centuries. I prove that evolutionism was the key scientific philosophical element of the foundation, primarily in its Darwinian version, interpreted in the context of metaphysical naturalism. Accordingly, the main ideological element was racism in its biological and social forms. Darwinism led to racism through the related ideas and views which also underpinned eugenics. I speak primarily about the radical biologization of a human being and the culture he or she created that flowed from Darwinism and strengthened it in turn. Although neither this nor any other version of evolutionary theory required such reductionism, they were closely interconnected. Other views of this kind included: (a) the insecurity of progress, which meant the possibility of a rollback towards the animal past; (b) the idea of an “anthropological stairs” which connected the lowest (anthropoid ape) and the highest (white educated inhabitant of Western civilization) points and was used to establish the measure of evolutionary development of a race, nation, class and individual; (c) the “scarce mentality” theorized by Thomas Malthus and well-responded by the spirit of developing capitalism, colonial expansion, and Protestant ethics; it painted the world as a field of incessant struggle for limited resources. The outlined complex of mythogenic views was part of the impending degeneration myth. I argue that the threat of far-fetched degeneration was the main engine of the eugenic movement. According to that myth, any highly civilized nation was to perish or degrade in a not too distant future if its biological life was allowed to take its course in the absence of large-scale measures to

improve it. In conclusion, the “image” of eugenics as well as modes and forms of its presence in modern life and culture are discussed.

Keywords: Darwinism; racial hygiene; degeneracy; racism

Acknowledgments: Research for this work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project No. 21-011-44042: Evolutionism as a Problem of Christian Theology: A Historical Analysis.

For citation: Karabykov, A.V. (2022) The eugenic movement in the west and its myths. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 47–56. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/5

В статье рассмотрены мифы двух типов, за каждым из которых закреплен особый смысл. В основном речь пойдет о мифах, лежащих в основе евгенической доктрины и продиктованной ею политики, и понимании их как недоказуемых верований, которые имели в свое время если не бесспорный, то очень весомый интеллектуальный авторитет. Кроме того, в виде попутных ремарок будут затронуты мифы о евгенике как относительно устойчивые заблуждения (а в некоторых случаях и намеренные подлоги), распространенные в широких кругах образованных масс. Что касается самой евгеники, то, хотя воззрения и практики этого рода были известны еще в древности, в качестве прикладной науки и движения со своими центрами, конгрессами, газетами и лобби она стала утверждаться лишь в последней трети XIX в. Факторы, определившие ее подъем, множественны. Стремительные трансформации жизненного уклада, принесенные «эпохой электричества, стали и нефти», – индустриализация, рост городов и сокращение аграрного сектора, – повлекли за собой рост социальных бед и порчу нравов¹. В идейном плане был особенно influential расцвет научного натурализма и в частности эволюционной теории в ее дарвинистской и, в меньшей мере, ламаркистской версиях. Здесь уместно сделать первую из ремарок: Дэниел Деннет и некоторые другие идеологи «нового атеизма» в наше время развивают миф о якобы случайной связи между «плохой» евгеникой и «хорошим» дарвинизмом, искаженным ее творцами [2. С. 637]. Далее я покажу, что эта связь не была ни случайной, ни косвенной².

Итак, что же такое евгеника? Независимо друг от друга ее английский и немецкий основатели дали сходные определения, ставшие классическими. Фрэнсис Гальтон (1822–1911) – брат Чарлза Дарвина (1809–1882), мысливший евгенику как практическое приложение эволюционной теории кузена, видел в ней «науку, которая занимается всеми влияниями, улучшающими врожденные свойства расы» [5. Р. 35]. Альфред Плётц (1860–1940), создатель германской евгеники, получившей название расовой гигиены, определял ее как дисциплину, которая «изучает совокупность наиболее благоприятных

¹ Ср. суждение шотландского антрополога Артура Кейта (1866–1955) из предисловия к евгеническому трактату его коллеги «Сорняки в саду брака» (1931): «Мир завтрашнего дня будет сильно отличаться от мира дня вчерашнего; население будет все более и более скучиваться в городах; риск национального ухудшения становится все неизбежнее. В этих условиях, а они уже с нами, каждая нация будет вынуждена сберечь свою силу всеми возможными средствами» [1. Р. xi].

² Ср. свидетельство «старого» атеиста Бертрانا Рассела (1872–1970): «Идеи, на которые она (евгеника. – А.К.) опирается, суть дарвинистские, и недаром Евгеническое общество возглавляет сын Чарльза Дарвина...» [3. С. 228]. Детальный анализ связи между учением Дарвина, с одной стороны, и социал-дарвинизмом и евгеникой – с другой, см. в [4].

условий для сохранения и развития нашей расы» (цит. по: [6. Р. 64])¹. В обеих дефинициях слышится отзвук острой тревоги, охватившей интеллектуальные круги Запада в *fin de siècle*. Они выдают озабоченность состоянием европейских наций, называвшихся тогда расами, которые, верили многие, вдруг оказались под угрозой вырождения. Страх перед этой опасностью был главным двигателем евгенического движения. Именно с ним был сопряжен коренной миф, питавший эту «прикладную науку». В согласии с данным мифом, любая высокочивилизованная нация обречена погибнуть или деградировать в не слишком отдаленной перспективе, если ее биологическая жизнь будет пущена на самотек в отсутствие масштабных мер по ее улучшению.

Попробуем вникнуть в рациональные основания этого мифа, чтобы раскрыть их несостоятельность. Важнейшим из них был статистически фиксируемый факт, что уровень рождаемости в низших классах намного выше, чем в среднем и высшем. После Второй мировой войны и до конца движения в 60-е гг. этот факт, хотя и не утратил своей значимости, померк в тени другой репродуктивной диспропорции. Она характеризовала положение дел в странах первого и третьего миров и служила источником нового страха, связанного с проблемой перенаселения планеты. Возвращаясь к первому дисбалансу, отмечу, что чрезвычайный драматизм, который приписывался разрыву в уровне фертильности у «высших», или, в евгенических терминах, «пригодных» (*fit, tüchtig*) и «низших», т.е. мало- или непригодных (*unfit, minderwertig*), был следствием целого комплекса мифогенных воззрений, входивших в состав исходного мифа о надвигавшемся вырождении. Я говорю прежде всего о радикальной биологизации человека и создаваемой им культуры, которая вытекала из дарвинизма и, в свою очередь, укрепляла его. Хотя ни этот ни какой-то иной вариант эволюционной теории не требовал с необходимостью такого редуccionизма, они были тесно взаимосвязаны. В соответствии с ними, произойдя от обезьяны путем эволюционного отбора, человек полностью определяется своей физиологией.

В интересующую нас эпоху из этой аксиомы выводили три – старательно забытые позже – «истины». Первая в форме предостережения была озвучена самим Дарвином: «Мы должны помнить, что прогресс не представляет неизменного закона» [7. С. 251]. Это означало возможность отката в сторону животного прошлого, что, казалось, подтверждали многочисленные случаи индивидуальной, групповой и родовой деградации. Вспомним, к примеру, распространенную тогда теорию о преступном, т.е., в сущности, атактистичном типе, которую развил Чезаре Ломброзо (1835–1909) и ряд других творцов уголовной антропологии [8]. Вторая «истина» гласила, что реальные люди, будь то народы или индивиды, стоят на разных ступенях «антропологической лестницы», соединяющей низшую (человекообразная обезьяна) и высшую (белый образованный житель западной цивилизации) точки. Так, по Гальтону, на ступень выше обезьян располагаются племена «австралийского типа», над которыми находятся негры, отстоящие от европейцев на две ступени [9. Р. 172–173]. Представление об «антропологической лестнице» придавало наглядность идее не-гарантированности прогресса и

¹ Познакомившись впоследствии с трудами Гальтона, Плётц признал в письме к нему лидерство английского ученого «в деле практического применения принципов эволюции к человеку», подтвердив их общее – дарвинистское – понимание евгеники [6. Р. 64–65].

вкупе с верой в радикальную биологическую детерминацию человека внушали мысль об относительной устойчивости качественных различий между народами и расами в привычном нам смысле. Охватывая не только физические, но и умственные, нравственные и психосоциальные характеристики, эти различия, считалось, коренились в человеческой физиологии. Так, Фриц Ленц (1887–1976), немецкий генетик и расовый гигиенист, писал о том, что «расовые различия – это большей частью различия гормональных органов и что внутренняя секреция этих органов влияет не только на формы тела, но и на психическую жизнь» [10. С. 88]. Век эндокринологии только начинался, и энтузиазм, сопровождавший ее подъем, давал надежду, что исследование гормональных механизмов позволит объяснить те специфические признаки народов, которые, как казалось, не стираются в процессе изменений внешних условий: социальных реформ, образовательного прогресса и т.д.

Таким образом, еще одной «истиной», вытекавшей из предыдущей, был расизм. В XIX – первой трети XX в. он имел едва ли не безупречную репутацию в интеллектуальной среде. В связи с этим следует упомянуть миф о евгенике как расистском проекте, вина за который лежала всецело на нацистском режиме. В немалой мере продвижению этого мифа содействовали негерманские евгеники, когда после разгрома нацизма они взялись обелять свою «прикладную науку», отделяя ее «хорошую» версию от «плохой», развитой в Третьем рейхе [11. Р. 402]. Позже, выделенная *post factum*, «хорошая» версия растворилась в генетике человека, демографии и прочих смежных сферах исследования, сохранив оба обесславленных термина: евгеника и расовая гигиена – прежде всего за деятельностью нацистских и близких к ним ученых. О том, что все было вовсе не так однозначно, говорят хотя бы интенсивные связи, соединявшие до Второй мировой войны расовых гигиенистов в Германии с американскими, скандинавскими и британскими коллегами [12]. Также отстаивавшие идеал чистой расы через лоббирование адекватных иммиграционных законов¹ и запретов на смешанные браки, евгеники в США и Европе приветствовали шаги нацистов в сфере расовой гигиены, пока те не пошли слишком далеко в конце 30-х гг. Все это позволяет понять, почему почти никто из германских евгеников, активно сотрудничавших с режимом, не подвергся впоследствии каре, продолжив делать академическую карьеру [13. Р. 8–11; 14. Р. 280–282].

Даже если мы оставим в стороне биологический расизм, все равно останется расизм социальный. Именно он служил краеугольным камнем всей евгеники, переходя – не всегда явно – в свою биологическую пару. Коль скоро самые значимые различия между классами тоже сводились к наследственным свойствам (в отличие от Дарвина Гальтон отрицал наследуемость приобретенных черт, и этот взгляд затем обосновали первые генетики), никакие улучшения социального климата, считалось, не могут исцелить язвы на теле общества: нищенство, алкоголизм, преступность и проч. Сверх того, евгеники первой волны находили часть таких мер контрпродуктивными, поскольку они приостанавливали действие естественного отбора, отсеивающего «неприспособленных». С их точки зрения, облегчать жизнь социальных низов означало способствовать росту их плодовитости и, стало быть, продле-

¹ В США иммиграционное законодательство, препятствующее въезду переселенцев из Азии и Южной Европы, как менее ценных в расовом отношении, вступило в силу в 1924 г.

нию дурной наследственности во времени и пространстве. Так что благие намерения филантропов и социал-реформаторов вымачивали дорогу в ад национальной дегенерации, усугубляя репродуктивный дисбаланс между осмотровыми «высшими» и безрассудно множасьими «низшими». В согласии с этой евгенической логикой, вырисовавшейся в первые десятилетия XX в., по-настоящему действенным мог быть только один путь. Он заключался в том, чтобы сколь можно более надежно закупорить «шлюзы, сквозь которые до сих пор льется поток выродившейся человечности», как в статье 1910 г. образно выразился один английский врач и поборник евгеники [15. Р. 682]. Чтобы создать наиболее благоприятные условия для сохранения расы, нужно было пресечь воспроизводство «всех подлинно дегенеративных типов», составлявших вместе «good-for-nothing class», как тогда же окрестил его сын Дарвина Леонард (1850–1943), бессменный президент британского Евгенического общества в 1911–1926 гг. [16. Р. 96–97]. Или если не пресечь полностью (это в идеале), то хотя бы сократить настолько, чтобы выправить фертильный дисбаланс в нужную сторону. Выбор надлежащих средств определялся сочетаниями разных факторов, менявшимися от страны к стране и с течением времени. В них входили состояние общественного мнения, личные убеждения евгеников, положение дел в экономике, характер политического режима, технологические возможности и проч. При этом статус средства оптимального в текущих условиях переходил от изоляции в диспансерах и трудовых лагерях к полу- или явно принудительной стерилизации в межвоенный период и к насаждению программ контроля за рождаемостью после 1945 г.

Наряду со средствами изменялось понимание объекта их приложения или, другими словами, концепция «неполноценности» и «непригодности». Горький опыт фашизма дискредитировал использование расовых категорий, а критика евгеники «слева»¹ и демократизация Запада в целом побудили ее представителей отказаться от классового словаря. С легкой руки Джулиана Хаксли (1887–1975), прошедшего путь от обычного на рубеже веков расизма до антифашизма, ставшего первым главой ЮНЕСКО, и убежденного евгеника на протяжении всей жизни, на смену «расам» пришли «этнические группы», а на смену «низшим классам» – «проблемные социальные группы» [17. Р. 217–218, 229]. Основания для причисления кого-либо к этим группам, как и прежде, варьировались и не отличались ясностью. Так, «поздний» Леонард Дарвин относил к ним тех, кто мог быть признан неспособным вести цивилизованную жизнь в цивилизованном обществе² или был не в силах самостоятельно содержать свою семью и тем более себя самого [19. Р. 69]. Другие (к ним относились и расовые гигиенисты Рейха, и строители «общества благоденствия» в Скандинавии, с тем различием, что для первых это был один из критериев и отнюдь не всегда решающий, а для вторых – единственный или хотя бы главный) прибегали к более простому различию. В соответствии с ним, «непригодным» к продолжению рода считался тот, кто брал от общества и государства более ресурсов, чем доставлял ему сам [19. Р. 85; 20. Р. 333].

¹ К левому лагерю тяготел или прямо принадлежал целый ряд ведущих генетиков и биологов, усилиями коих в конце 1920–1940-х гг. была создана синтетическая теория эволюции: Дж.Б.С. Холдейн, Г. Меллер, Дж. Хаксли и т.д.

² В демократической Швеции 1940-х гг. по этому признаку стерилизации подверглись кочевые группы так называемых татар (Tattare) [18. Р. 97].

Выдающаяся роль, которую играла производительность в мышлении евгеников, отсылает нас к последнему мифу, фундировавшему их область знания и практики. Он – назову его мифом мальтузианского конфликта – влиял на евгенику через посредство дарвиновской теории, мировоззренческим стержнем которой являлся. Подобно прочим адептам евгеники, Дарвин-младший характеризовал ее как «основанную на чистой науке», прежде всего имея в виду эволюционизм [18. Р. 88]. Однако взятое в форме классического дарвинизма, эволюционное учение не было такой уж «чистой наукой». И Чарлз Дарвин, и Альфред Р. Уоллес (1823–1913), натуралист, выведший те же принципы независимо от Дарвина и одновременно с ним, «вчитали» в природный мир политэкономический закон Томаса Мальтуса (1766–1834). Изложенный в его «Опыте о законе народонаселения» (1798), он гласил, что численный рост человечества происходит в геометрической прогрессии, а увеличение необходимых для жизни ресурсов может идти лишь в арифметической прогрессии, что ведет к эскалации борьбы за средства существования. Этот «дефицитный» взгляд на мир хорошо отвечал духу развивавшегося капитализма, колониальной экспансии и протестантской этики с ее заострением ценности мирского труда [21]. Став элементом миропонимания образованных классов к середине XIX в., он послужил той линзой, сквозь которую автор «Происхождения видов» (1859) смог увидеть логику в огромном конгломерате разрозненных фактов, собранных им, и создать на их основе свою теорию. Эта теория поистине элегантна, но образ природы, который в ней высветился, поразил Дарвина и его читателей своей звериной жестокостью¹. Неудивительно, что этот пафос непрестанной борьбы был усвоен социалдарвинизмом и его сестрой евгеникой, представлявшими жизнь как состязание на вылет. Присмотритесь и вы увидите «...в каждом из священных храмов жизни... кровавые следы все той же убийственной конкуренции, – писал уже упоминавшийся евгеник Эварт. – Едва ли нужно доказывать, что ни одно общество, в котором так быстро и несомненно скапливаются элементы разложения, не может надеяться на победу в гонке противоборствующих сил» [15. Р. 681]. Позже, в пору утверждения эволюционного синтеза, примирившего дарвинизм с генетикой, этот пессимистический взгляд на природу был скорректирован учеными, которые обосновали жизненную важность генетического разнообразия и видового полиморфизма. В свою очередь, развитие экологии пролило свет на богатство способов сосуществования организмов и популяций, уравнивающих борьбу за существование: симбиоз, взаимопомощь и т.д. Однако это просветление облика природы почти не отразилось на евгенике, несшей до самого конца печать мрачных интуиций *fin de siècle*.

До самого конца? Но точно ли наступил конец евгеники? И если да, то в каком смысле и с какими оговорками или безоговорочно и полностью? Очевидно, что мифы, питавшие евгеническое движение, почти всецело остались в прошлом, хотя совсем не обязательно навсегда. Сам факт их легкой различимости в наши дни говорит о том, что мы живем в среде, насыщенной иной, отчасти противоположной мифологией. Страх вырождения сменился в ней

¹ Ср.: «Какую книгу мог бы написать какой-нибудь служитель дьявола о неискусной, беспорядочной, нечеткой, коварной и ужасающе жестокой работе природы!», – писал Дарвин одному из своих респондентов в 1856 г., не боясь быть услышанным теологами, из столетия в столетие рисовавшими ее идиллический облик [22. С. 65].

соответствующим бесстрашием, которое выражается в поощрении бездетности, промискуитета и половых девиаций, а расистские убеждения – охотой на ведьм неравенства и дискриминации. Даже угроза перенаселения Земли, внесенная последней в евгеническую повестку, чтобы затем перейти в ведение организаций вроде Международной федерации планируемого родительства (IPPF), – стала утрачивать прежнюю остроту из-за наметившегося в мире замедления демографического роста [23. Р. 5]. Словом, евгеническое движение выдохлось, когда его мифы стали слишком токсичными, чтобы по-прежнему ускользать от рефлексии и критики. И сегодня само понятие евгеники остается стигматизированным как неразрывно связанное с нацизмом и белым расизмом. Оно превратилось в жупел, о воздействующей силе которого можно судить хотя бы по недавнему инциденту. Джордж Чёрч, ведущий биолог из Гарварда, сообщил в интервью об участии в создании приложения для знакомств, позволяющего найти спутника жизни, в браке с которым вероятность рождения генетически больных детей будет минимальной. Благодаря базе данных, собираемой в ходе исследования геномов участников, программа будет исключать из выдачи кандидатур в среднем около 5% потенциальных супругов, наделенных теми же рецессивными мутациями, что и пользователь [24]. Ряд масс-медиа тут же обрушил на Чёрча шквал критики, сочтя его замысел евгеническим и потенциально вредным для меньшинств, так что ученый был вынужден объясняться и клясться в ненависти к детищу Гальтона-Плётца [25].

Впрочем, одиозность концепта может не распространяться на все явления, так или иначе с ним связанные. Впечатляющий прогресс в генетике за последние полвека переместил заботу о качестве потомства на пренатальную стадию, придав ей форму генетического консультирования будущих родителей и контроля за развитием плода. Изменение этоса, преобразившее психологический тон этих практик, устранив из них авторитарность, и распространение контрацепции, сделавшей, вкупе с легализацией аборт, репродуктивный выбор сугубо приватным, тем не менее сохранили возможность врачебного давления на женщин и семейные пары с целью склонить их к «правильному» решению¹.

Если же перевести внимание с фактов на сферу чаяний и опасений, вызываемых уверенностью в том, что генетику ждут еще более поразительные открытия, мы увидим, что там без стеснения и экивоков говорят о новой евгенике. И в отличие от старой версии, устремленной к развитию нации в целом или всего человечества, от нее веет кастовым духом. Если вас не убедит Михаил Ковальчук, глава Курчатовского института, доложивший членам Совета Федерации, что в обозримом будущем американские генетики произведут «служебного человека» – специально дегенеративный подвид *homo sapiens*², прислушайтесь к тому, что говорят властители дум нашего времени.

¹ Не так уж редко это решение формулируется на основе некачественного диагноза. На моей памяти есть два случая, когда знакомых супругов врачи склоняли сделать аборт, якобы выявив серьезные патологии плода, которых в действительности не оказалось: в обоих случаях родились здоровые дети.

² В представленном на сайте РАН обзоре сказано: «Ковальчук утверждал, что сегодня возникла реальная технологическая и биологическая возможность создать принципиально новый подвид человека – „служебного человека“. Свойство популяции „служебных людей“, по его словам, очень простое: ограниченное самосознание, управление размножением и дешевый корм – генномодифицированные продукты. По мнению Ковальчука, этому уже никто не может помешать – это развитие науки, и это по факту уже происходит, и мы должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять» [26].

Стивен Хокинг и Юваль Ной Харари, если назвать самых известных, пишут о значительной вероятности создания не пониженной, а, напротив, продвинутой разновидности homo, предупреждая, что это чревато социальными и политическими проблемами в отношениях между ее представителями и людьми прежней формации [27; 28. С. 297–298]. Таким образом, можно выделить еще один миф о евгенике, который трактует ее исключительно как событие прошлого. На самом же деле она все настойчивее заявляет о себе в настоящем, предвещая наступление дивного нового мира постчеловеческого будущего. Хотелось бы верить, что это предвестие окажется ложным...

Список источников

1. Pitt-Rivers G.H.L.F. Weeds in the Garden of Marriage. London : N. Douglas, 1931. 86 p.
2. Дэннет Д. Опасная идея Дарвина: эволюция и смысл жизни / пер. М. Семиколенных. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 784 с.
3. Рассел Б. Брак и мораль / пер. В. Желнинова. М. : АСТ, 2020. 288 с.
4. Paul D.B. Darwin, social Darwinism and eugenics // The Cambridge Companion to Darwin / eds. J. Hodge, G. Radick. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 214–239.
5. Galton F. Essays in Eugenics. London : The Eugenics Education Society, 1909. 109 p.
6. Turda M. Race, Science, and Eugenics in the Twentieth Century // Bashford A., Levine Ph. (eds.) The Oxford Handbook of the History of Eugenics. New York : Oxford University Press, 2010. P. 62–79.
7. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор / пер. И.М. Сеченова // Сочинения. М. : АН СССР, 1953. Т. 5. С. 119–656.
8. Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике // Преступный человек. М. : Эксмо ; Мидгард, 2005. С. 149–222.
9. Banton B. Galton's Conception of Race in Historical Perspective // Sir Francis Galton, FRS: The Legacy of His Ideas / ed. M. Keynes. London : Palgrave Macmillan, 1993. P. 170–179.
10. Ленц Ф. Наследственность духовных свойств / пер. А.М. Иванова // Раса и мировоззрение / ред. В.Б. Авдеев. М. : Белые альфы, 2009. С. 65–95.
11. Stone D. Race in British Eugenics // European History Quarterly. 2001. Vol. 31(3). P. 397–425.
12. Kühl St. The Nazi connection: eugenics, American racism, and German national socialism. New York : Oxford University Press, 1994. 166 p.
13. Müller-Hill B. Genetics after Auschwitz // Holocaust and Genocide Studies. 1987. Vol. 2 (1). P. 3–20.
14. Weingart P. German Eugenics between Science and Politics // Osiris. 1989. Vol. 5. P. 260–282.
15. Ewart C.T. Eugenics and Degeneracy // The Journal of Mental Science. 1910. Vol. 56 (45). P. 670–685.
16. Darwin L. The Cost of Degeneracy // Eugenics Review. 1913. Vol. 5 (2). P. 93–100.
17. Huxley J. The Galton Lecture for 1962: Eugenics in Evolutionary Perspective // Evolutionary Studies: A Centenary Celebration of the Life of Julian Huxley / eds. W. Milo, A.G. Harrison. Houndmills, London : Palgrave Macmillan, 1989. P. 297–239.
18. Spektorowski A. The Eugenic Temptation in Socialism: Sweden, Germany, and the Soviet Union // Comparative Studies in Society and History. 2004. Vol. 46 (1). P. 84–106.
19. Darwin L. What is Eugenics? New York : The Third International Congress of Eugenics, 1932. 88 p.
20. Spektorowski A., Mizrahi E. Eugenics and the Welfare State in Sweden: The Politics of Social Margins and the Idea of a Productive Society // Journal of Contemporary History. 2004. Vol. 39 (3). P. 333–352.
21. Malthus Th.R. An Essay on the Principle of Population, As It Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and Other Writers. London : J. Johnson, 1798. 125 p.
22. Дарвин Ч. Избранные письма. М. : Изд-во иностр. лит., 1950. 391 с.
23. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019: Highlights (ST/ESA/SER.A/423). 39 p.

24. A Harvard geneticist's goal: to protect humans from viruses, genetic diseases, and aging. URL: <https://www.cbsnews.com/news/harvard-geneticist-george-church-goal-to-protect-humans-from-viruses-genetic-diseases-and-aging-60-minutes-2019-12-08> (accessed: 26.06.2021).
25. Regarding the potential use of genetic information in dating apps as mentioned in the interview on 60 Minutes URL: https://arep.med.harvard.edu/gmc/gen_faq.html (accessed: 26.06.2021).
26. Клеточная война, колонии и «служебные люди» США: Будущее мира глазами директора Курчатова института 01.10.2015. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=3de3096d-88a3-415e-8d04-cc57fa96dd5b> (дата обращения: 26.06.2021).
27. *Hawking St.* Brief Answers on the Big Questions. New York : Bantam Books, 2018 (e-book).
28. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. А. Андреева. М. : Синдбад, 2018. 496 с.

References

1. Pitt-Rivers, G.H.L.F. (1931) *Weeds in the Garden of Marriage*. London: N. Douglas.
2. Dennett, D. (2020) *Opasnaya ideya Darvina: evolyutsiya i smysl zhizni* [Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meaning of Life]. Translated from English by M. Semikolennykh. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
3. Russell, B. (2020) *Brak i moral'* [Marriage and Morals]. Translated from English by V. Zhelninov. Moscow: AST.
4. Paul, D.B. (2003) Darwin, social Darwinism and eugenics. In: Hodge, J. & Radick, G. (eds) *The Cambridge Companion to Darwin*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 214–239.
5. Galton, F. (1909) *Essays in Eugenics*. London: The Eugenics Education Society.
6. Turda, M. (2010) Race, Science, and Eugenics in the Twentieth Century. In: Bashford, A. & Levine, Ph. (eds) *The Oxford Handbook of the History of Eugenics*. New York: Oxford University Press. pp. 62–79.
7. Darwin, Ch. (1953) *Sochineniya* [Works]. Vol. 5. Translated from English. Moscow: USSR AS. pp. 119–656.
8. Lombroso, C. (2005) *Prestupnyy chelovek* [The Criminal Man]. Translated from Italian. Moscow: Exmo; Midgard. pp. 149–222.
9. Banton, B. (1993) Galton's Conception of Race in Historical Perspective. In: Keynes, M. (ed.) *Sir Francis Galton. FRS: The Legacy of His Ideas*. London: Palgrave Macmillan. pp. 170–179.
10. Lenz, Fr. (2009) Nasledstvennost' dukhovnykh svoystv [Heredity of Spiritual Traits]. In: Avdeev, V.B. (ed.) *Rasa i mirovozzrenie* [Race and worldview]. Moscow: Belye al'vy. pp. 65–95.
11. Stone, D. (2001) Race in British Eugenics. *European History Quarterly*. 31(3). pp. 397–425.
12. Kühl, St. (1994) *The Nazi connection: eugenics, American racism, and German national socialism*. New York: Oxford University Press.
13. Müller-Hill, B. (1987) Genetics after Auschwitz. *Holocaust and Genocide Studies*. 2(1). pp. 3–20.
14. Weingart, P. (1989) German Eugenics between Science and Politics. *Osiris*. 5. pp. 260–282.
15. Ewart, C.T. (1910) Eugenics and Degeneracy. *The Journal of Mental Science*. 56(45). pp. 670–685.
16. Darwin, L. (1913) The Cost of Degeneracy. *Eugenics Review*. 5(2). pp. 93–100.
17. Huxley, J. (1989) The Galton Lecture for 1962: Eugenics in Evolutionary Perspective. In: Milo, W. & Harrison, A.G. (eds) *Evolutionary Studies: A Centenary Celebration of the Life of Julian Huxley*. Houndmills, London: Palgrave Macmillan. pp. 297–239.
18. Spektorowski, A. (2004) The Eugenic Temptation in Socialism: Sweden, Germany, and the Soviet Union. *Comparative Studies in Society and History*. 46(1). pp. 84–106. DOI: 10.1017/S0010417504000052
19. Darwin, L. (1932) *What is Eugenics?* New York: The Third International Congress of Eugenics.
20. Spektorowski, A. & Mizrachi, E. (2004) Eugenics and the Welfare State in Sweden: The Politics of Social Margins and the Idea of a Productive Society. *Journal of Contemporary History*. 39(3). pp. 333–352.
21. Malthus, Th.R. (1798) *An Essay on the Principle of Population, As It Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and Other Writers*. London: J. Johnson.
22. Darwin, Ch. (1950) *Izbrannye pis'ma* [Selected Letters]. Translated from English. Moscow: Izd-vo inostrannoy lit.

23. UNO. Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2019) *World Population Prospects 2019: Highlights (ST/ESA/SER.A/423)*. [s.l.; s.n.].

24. Pelley, S. (2019a) *A Harvard geneticist's goal: to protect humans from viruses, genetic diseases, and aging*. [Online] Available from: <https://www.cbsnews.com/news/harvard-geneticist-george-church-goal-to-protect-humans-from-viruses-genetic-diseases-and-aging-60-minutes-2019-12-08> (Accessed: 26th June 2021).

25. Pelley, S. (2019b) *Regarding the potential use of genetic information in dating apps as mentioned in the interview on 60 Minutes*. [Online] Available from: https://arep.med.harvard.edu/gmc/gen_faq.html (Accessed: 26th June 2021).

26. RAS. (2015) *Kletochnaya vojna, kolonii i "sluzhebnye lyudi" SShA: Budushchee mira glazami direktora Kurchatovskogo institute* 01.10.2015 [Cell war, colony and 'service people' of the United States: the future of the world through the eyes of the director of the Kurchatov Institute]. 1 October. [Online] Available from: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=3de3096d-88a3-415e-8d04-cc57fa96dd5b> (Accessed: 26th June 2021)

27. Hawking, St. (2018) *Brief Answers on the Big Questions*. New York: Bantam Books.

28. Harari, Yu.N. (2018) *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego* [Homo Deus. A Brief History of Tomorrow]. Translated from English by A. Andreev. Moscow: Sinbad.

Сведения об авторе:

Карабыков А.В. – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: meavox@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Karabykov A.V. – V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: meavox@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.07.2021;
одобрена после рецензирования 22.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 07.07.2021;
approved after reviewing 22.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья

УДК 1. 14.140

doi: 10.17223/1998863X/66/6

«ДРЕВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ» К. БУТОНА: СВОБОДА КАК УСЛОВИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ МОДАЛЬНОСТЕЙ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Наталья Викторовна Серова

*Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск,
Россия, nvserova72@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются идеи темпоральной проблематики К. Бутона и принципы практического подхода в изучении темпоральности человека. Показано значение темпорализации свободы в создании и воплощении человеком новых возможностей. Выявлено значение древа возможностей, выражающееся в многообразии модификаций темпоральной экзистенции человека. Сделан вывод о свободе как ориентире человека и общества на реализацию гуманитарных ценностей.

Ключевые слова: К. Бутон, древо возможностей, темпоральность, свобода, человек

Для цитирования: Серова Н.В. «Древо возможностей» К. Бутона: свобода как условие множественности модальностей темпоральной экзистенции человека // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 57–66. doi: 10.17223/1998863X/66/6

Original article

THE “TREE OF POSSIBILITIES” BY CHRISTOPHE BOUTON: FREEDOM AS A CONDITION FOR THE PLURALITY OF MODALITIES OF A PERSON’S TEMPORAL EXISTENCE

Natalya V. Serova

*Admiral Ushakov State Maritime University, Novorossiysk, Russian Federation,
nvserova72@yandex.ru*

Abstract. The problem of time is the leading topic of contemporary discussions between representatives of different branches of science and philosophy. Christophe Bouton designs a practical approach to the study of the nature of time and aspires to overcome the opposition of objective time to subjective time in the general context of natural science and humanities research. He considers time not only as a person’s experience, but also as the basis of their real action in the world, which means that time becomes a condition for the realization of the possibilities that a person opens up in reality. Bouton assigns the concept of the “tree of possibilities”, which expresses the relationship between time and human freedom in people’s temporal existence, a central place in the temporal problematic. Revealing the meaning of this concept, he analyzes the connection of the concepts “man”, “freedom”, “time”, “temporality”, “possibility”, “future”. A person is constricted by the limits of time in their existence, and therefore it is pointless for them to hope for freedom in eternity. But only by giving up illusions about freedom, a person can really become free. Freedom is manifested in a person’s ability to act for the sake of realizing the possibilities this person created. Moving from experiencing possibilities to realizing them, a person can repeatedly modify their temporality. It leads to the destruction of the habitual way of being for a person and their idea of a predetermined future. The future becomes unforeseeable but the true meaning of the tempor-

alization of freedom can only be understood in it. Time does not create or restrict human freedom, but freedom generates its own form of temporality characterized by a variety of possibilities embodied in reality and clearing up the future. Bouton analyzes the philosophical concepts of time and identifies different models of the tree of possibilities, which reflect the character, way of thinking, and actions of a person. Different modalities of temporal existence intersect in the interaction of people. When people share their experiences of designing, realizing possibilities or giving them up, they expand or restrict others' trees of possibilities. Bouton's practical approach sets us not only for an active search for and realization of our own possibilities but also for expansion of possibilities for other people. This is the new image of humanism of the contemporary epoch.

Keywords: Christophe Bouton; tree of possibilities; temporality; freedom; person

For citation: Serova, N.V. (2022) The "Tree of possibilities" by Christophe Bouton: freedom as a condition for the plurality of modalities of a person's temporal existence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 57–66. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/6

К проблеме времени обращено внимание всего мирового научного сообщества и среди ее исследователей известные философы, историки, психологи, лингвисты, физики, биологи, математики [1]. Одним из ведущих современных специалистов в области темпоральной проблематики является профессор философии в Университете Бордо Монтень – Кристоф Бутон (р. 1969 г.). В круг его профессиональных интересов входят проблемы философии и теории истории 19 и 20 вв., истории немецкой философии и современной философии времени. Об этом говорят не только его многочисленные работы – «Процесс истории: эссе об историческом идеализме Гегеля» (2004), «Время и свобода» (2007), «Возникновение времени: Кант, Бергсон и современная физика» (2013), «Время природы и природа времени. Философские перспективы времени в естественных науках» (2018), «Темпорализация возможного. История и утопия Гегеля, Маркса и Блоха» (2019), «Преимущество настоящего: время и след от Хайдеггера к Деррида» (2020), – но и его участие в научных конференциях, симпозиумах и в деятельности Центра времени при факультете искусств и социальных наук Сиднейского университета.

Разрабатывая темпоральную проблематику, Бутон отводит главное место анализу учений о времени Лейбница, Канта, Гегеля, Кьеркегора, Хайдеггера, Сартра, Деррида. Он одновременно стремится уйти от корреляционизма концепций времени Канта, Гегеля и Гуссерля и разрабатывает практический подход к изучению времени, исходя из современных естественно-научных теорий [2]. В данной работе мы не будем оценивать интерпретацию Бутона идей его предшественников, но нас интересует его опыт переосмысления прежних концепций времени и его постановка проблемы отношения времени и свободы. Он не исключает ни объективного времени природы, ни субъективного времени сознания, но предметом его анализа является время свободного действия человека в границах его темпоральной экзистенции. В контексте практического подхода темпорализация свободы рассматривается как умножение возможностей и порождение многообразия модальностей темпоральности человека. В разрабатываемом Бутоном концепте «древо возможностей» [3. Р. 251] воплощается стремление человека к реальному обретению свободы в своем конечном существовании. Для современного человека эта проблема актуальна тем, что он часто оказывается беспомощен перед системой антигуманных запретов и требований времени. Обращаясь к творчеству

Бутона, мы попытаемся раскрыть смысл его обоснования свободы как человеческого способа действия во времени и порождаемых ею возможностей как условий изменения модальности темпоральной экзистенции человека. В этой связи мы, во-первых, посредством герменевтического метода выявим смысл ключевых для темпоральной проблематики Бутона терминов – «свобода», «время», «возможность», «будущее», «темпоральность»; во-вторых, проанализируем комментарии Бутона в адрес идей Кьеркегора и Шеллинга о пластичности времени и покажем ее связь с идеей о темпорализации свободы как условия модификации темпоральной экзистенции человека и, в-третьих, рассмотрим ретроспективный анализ истории формулирования концепта «дерево возможностей» Бутона и выявим значение этого термина в его философии.

Об основных категориях темпоральной проблематики Бутона

Анализируя количественный подход в определении времени как измерения движения, субъективистский подход, рассматривающий время как результат переживаний человека, онтологический подход, представляющий время в качестве горизонта понимания бытия, апоретический подход, выявляющий противоречия между субъективистскими и объективистскими теориями времени, Бутон разрабатывает практический подход, исходящий из того, что «действие является специфическим опытом мира, определяемого свободой» [3. Р. 13]. В основу практического подхода положена идея о связи времени и свободы человека как условия выбора между множеством возможностей, ведущего к модификации его темпоральной экзистенции. Возможности понимаются как результат волевой нацеленности человека на совершение действия в будущем. Хотя, по мнению Бутона, «ни одно из трех измерений не имеет никакого онтологического преимущества» [4. Р. 19], но ситуация изменяется, когда человек отказывается от мысли о предопределенности его темпоральной экзистенции. «Первенство будущего можно объяснить действием человеческой свободы, занимающей привилегированное положение» [3. Р. 14]. Вопрос о свободе как экзистенциальном переживании Бутон переводит в вопрос о свободе практического действия человека в ходе переосмысления критики его предшественниками в адрес фаталистического и детерминистического взглядов на свободу человека.

Первый шаг к преодолению фаталистического взгляда на свободу, по мнению Бутона, сделали Лейбниц, обосновавший гипотетический характер божественного предвидения, и Молина, доказавший равенство всех вариантов развития событий. Но, преодолевая фатализм в отношении свободы, Лейбниц недооценил значение времени в человеческом бытии и встал на сторону детерминизма, согласно которому «все возможное стремится к осуществлению, но будет реализовано только то, что совместимо с наилучшим возможным миром, установленным Богом» [3. Р. 37]. Критически переосмысливая детерминизм Лейбница, Кант не смог преодолеть вневременный характер свободы соответственно всеобщим принципам разума, но он признал за свободой условие изменения хода времени. Тем самым Кант поставил последующие поколения мыслителей перед выбором: принять или опровергнуть принципы детерминизма. Решение кантовской дилеммы Бутон находит в учениях Шопенгауэра, мыслившего в духе детерминизма о времени как кру-

говоре изменений и о выходе человека из него ради свободы, и Шеллинга, преодолевшего детерминизм, но не отказавшегося от мысли об исключительно вневременном характере свободы.

Анализируя идеи представителей классической философии, Бутон приходит к выводу о том, что проблема времени и свободы никем из них не была поставлена и необходим практический подход к ее разработке. В чем состоит его специфика? Во-первых, Бутон рассматривает отношение свободы и времени как двух равных категорий: ни время не производит свободу, ни свобода не производит время, но у человека есть время для бытия в свободе. Во-вторых, в рамках темпоральной экзистенции человека время не сводится к материальному объекту, а является источником свободы выбора и действий человека. Во времени он избавляется от тяготящей его привязанности к настоящему моменту и свободно реализует возможности ради своего будущего. В-третьих, связь времени и свободы имеет не только внутренний характер одновременного переживания времени и свободы, но и внешний характер свободного действия человека в его темпоральной экзистенции. «Человеческая свобода, – пишет Бутон, – это не тщетная попытка превзойти время в вечности, но, будучи конечной, она может быть развернута только во времени» [3. Р. 252]. Практический подход Бутона направлен на преодоление характерной для классических учений мысли о преимуществе вечности перед временем [5] и об обретении человеком свободы в вечности. Непреодолимость времени и ограниченность экзистенции человека является не поводом отказаться от свободы, но единственным условием ее реализации.

Свобода человека выражается в действиях ради реализации своих возможностей, поэтому в творчестве своих предшественников Бутон ищет способы преодоления детерминизма в определении будущего. Лейбниц отводит категории «возможное» регулятивную роль в отношениях необходимости и случайности. Божественное провидение рассматривается им не только как необходимый выбор лучшего из возможных миров, но и как случайный выбор между разными мирами. Возможность проявляется в непротиворечивости между разными вариантами развития событий и как «сфера всех возможностей» [3. Р. 22]. Лейбниц полагал, что если человек был создан свободным, то события могут развиваться по двум вариантам: по полностью предсказуемому «необходимому будущему» [3. Р. 20] без свободы человека и по «условному будущему» [3. Р. 25], определяемому свободным выбором человека. Столкнувшись с противоречием между божественной и человеческой свободой, Молина формулирует понятие об условных событиях и приходит к выводу о варьировании возможностей в зависимости от конкретной ситуации. Выводя свободу выбора человека из всеобщих принципов разума, Кант отказывается от идеи Лейбница о двух видах будущего и приходит к выводу об одном-единственном и необходимом будущем. Этот вывод Кант объясняет различием между естественной необходимостью феноменального мира, которому человек принадлежит как явление, и божественной необходимостью, определяющей действия человека в качестве ноумена. Единственно возможным будущим для человека, руководствующегося свободой, становится бесконечное самосовершенствование во времени. Комментируя кантовскую концепцию времени, Бутон подчеркивает, что именно практическое значение морального совершенствования выводит человека из сферы необ-

ходимости и переводит в сферу возможного будущего. В этом смысле будущее человека как обладателя свободной воли становится неопределенным. «Потому что, – пишет Бутон, – неопределенность будущего коренится в конечности человеческой свободы как способности поступать правильно или неправильно» [3. Р. 68].

Отрицательный ответ Шопенгауэра на вопрос о свободе человека, по мнению Бутона, заключается в том, что возможности ограничиваются представлениями о будущем, которые никогда не воплотятся в реальности. Будущее не является результатом свободного выбора, «ибо курс, которым будет следовать воля, уже задолго до этого был определен известным характером индивида» [3. Р. 78]. В итоге может реализоваться одно-единственное будущее, соответствующее натуре человека и неотделимое от «колеса времени» [3. Р. 73]. Бутон одинаково критичен как в отношении «вневременной свободы – мира как Воли» [3. Р. 86], так и в отношении к «временности, лишенной свободы, – мира как представления» [3. Р. 86], поскольку, совершая свободный выбор, человек открывает для себя и реализует возможности как посыл в его неопределенное будущее. Бутон выделяет условную возможность будущего, зависящую от решений человека или появляющуюся из-за независимых от него обстоятельств; случайную возможность, имеющую противоположную возможность будущего развития событий; неопределенную возможность из-за отсутствия связи будущего с прошлым и настоящим. Условность, случайность и непредсказуемость возможности не противоречат и не препятствуют «темпорализации возможного» [6. Р. 80]. Но необратимость прошлого и неопределенность будущего являются условиями открытия новых возможностей и видоизменения темпоральности человека.

Ретроспективный анализ категории «темпоральность» Бутон проводит, сравнивая отношения между космическим и человеческим временем в учениях Канта, Гегеля, Гуссерля, Хайдеггера и Рикёра. В учении Канта Бутон сталкивается одновременно с реалистическим взглядом на природу космического времени, существовавшего до появления человека, и корреляционным понятием о времени как «априорной форме чувственности субъекта, делающей возможным восприятие феноменальных явлений как внутри нас, так и вне нас» [7. Р. 41]. В учении Гегеля Бутон выявляет развитие кантовской идеи о человеческом времени и обоснование независимости космического времени как временной шкалы исчисления истории Земли [7]. Гуссерль, по мнению Бутона, сводит понятие о темпоральности к времени человеческого сознания и не рассматривает объективное время природы. Понятие темпоральности в концепции Кьеркегора Бутон истолковывает как спасение человека, оставляющего праздные мечты и обращающегося к реальной жизни. По мнению Бутона, Хайдеггер преодолевает субъективизм гуссерлевской концепции времени и разрабатывает учение не только об экстатической темпоральности человека, но и о темпоральности всего бытия. Противоречие между субъективистским и объективистским подходами приводит Рикёра к поиску решения в языковой сфере и к признанию нарратива способом объединения субъективного и объективного времени. Идеи Рикёра подвигли Бутона объединить переживание времени и действие человека во времени. «Человеческая темпоральность пластична в той мере, в какой она может изменяться, принимать различные формы, существовать в соответствии с различными

модальностями» [3. Р. 251], что является следствием свободного выбора человека.

О темпорализации свободы как условия модификации темпоральности человека

Критически переосмысливая обоснования вневременного смысла свободы человека классической философией, Бутон полагает, что если существование человека конечно, то и его свобода ограничена временем. Ближе всех к идее темпорализации свободы подошли Шеллинг и Кьеркегор, но им, по мнению Бутона, не удалось вывести эту проблему за рамки антитезы времени и вечности. Он отмечает, что именно поэтому «Шеллинг отступает от идеи полной темпорализации свободы» [3. Р. 119], а Кьеркегор, которому, «как и Шеллингу не удастся постичь отношения между временем и вечностью в самом сердце времени» [3. Р. 139], допускает возможность темпорализации свободы лишь на мгновение. Бутон ставит перед собой цель обоснования темпорализации свободы не в одном-единственном мгновении выхода из времени в вечность, но в каждом мгновении темпоральной экзистенции человека.

В учениях Шеллинга и Кьеркегора Бутон отмечает идею пластичности времени и кладет ее в основу разрабатываемой им проблемы темпорализации свободы. Шеллинг сформировал идею о «пластическом времени» [3. Р. 119], определяя связь трех видов темпоральности – времени прошлого, времени настоящего и времени будущего. В основе связи трех модусов темпоральности содержатся разные проявления человеческой свободы: нерешительность, решительность и безмятежность. Руководствуясь свободой в принятии решений, человек вынужден отказаться от прошлого как навязываемой извне судьбы или пожертвовать самим собой ради переживания будущего как вечности. Полагая, что «условием возможности человеческой свободы является пластичность времени» [3. Р. 137], Кьеркегор признавал время, а не вечность условием обретения человеком своего подлинного бытия. Тем самым он обозначил причину темпорализации свободы человека. Но Бутон считает, что эти идеи не получили развития, так как Шеллинг не смог отказаться от выведения свободы человека за грани времени во вневременное бытие, а Кьеркегор не смог преодолеть двойственности в суждениях об отношении времени и вечности.

Согласно практическому подходу Бутона, пластичность времени проявляется не только в единстве моментов прошлого, настоящего и будущего, но и в способности времени изменяться и переходить от одного мгновения к другому не по необходимости, а в соответствии со свободным выбором человека. В результате одна за другой порождаются возможности, и потому, как пишет Бутон, «пластичность времени предполагает множественность его модусов, которые изменяются в зависимости от человеческой свободы» [3. Р. 252]. В каком смысле Бутон обосновывает темпорализацию свободы: как нивелирование свободы ограничениями времени мира или как порождение свободой особенной для нее темпоральности человека? Ответ Бутона определен: «Свобода создает собственную форму темпоральности, открывая и реализуя возможности, проясняющие будущее» [3. Р. 251]. Свобода определяет вариативность и ведет к преобразованию темпоральности, выражающейся через действия в экзистенции человека. В каждой модальности темпорально-

сти содержится ряд возможностей, из которых человеку предстоит сделать выбор для преобразования своей экзистенции. Поддерживая мысль Кьеркегора о том, что темпоральность «врывается внутрь, не давая человеку пребывать в вечности, забыть и потерять себя» [3. Р. 138], Бутон не сводит «человеческое время» [7. Р. 38] к «космологическому времени» [7. Р. 38]. В природных явлениях, измеряемых мерами «космологического времени» [7. Р. 38] и определяемых причинно-следственными связями, свобода не проявляется. Она становится реальной в действии, совершая которое человек порывает с известным и необратимым прошлым естественного бытия ради неопределенного и случайного будущего бытия в культуре.

Бутон выявляет две модальности темпоральности человека: время прошлого, воспроизводимое в настоящем состоянии его экзистенции, и время настоящего, в котором открывается многообразие возможностей будущего состояния его экзистенции. Поскольку они принадлежат темпоральности человека, а не времени мира, постольку ему не обязательно порывать с прошлым ради будущего, но, руководствуясь свободой, он может изменить к ним свое отношение. Оно меняется потому, что «переживание свободы неотделимо от переживания времени и потому помогает нам преодолеть ностальгическое стремление к вечности» [3. Р. 252]. Вне контекста противопоставления времени и вечности [8] темпорализация свободы проявляется в ее воплощениях во всех мгновениях темпоральной экзистенции человека. С практической точки зрения, «возможно то, что может быть реализовано нами» [3. Р. 253], а воплощает человек то, что перспективно для его будущего. «Будущее – это то, через что человеческая свобода относится к своим возможностям» [3. Р. 253]. Выбирая одну из них, человек уже не может реализовать другие, но пластичность его темпоральности позволяет ему вернуться к ним или сделать возможным и затем действительным ранее казавшееся неосуществимым. Таким образом, свобода, помогая не упустить прошлых или будущих, реальных или утопических возможностей [6], является единственным способом обретения человеком в многообразии модальностей целостности его темпоральной экзистенции.

Концепт «древо возможностей» в темпоральной проблематике Бутона

В формулировании концепта «древо возможностей» [3. Р. 253] Бутон обращается к опыту истолкования отношения времени к свободе человека своих предшественников. Время может заключать в себе условия свободы, ограничивать ее или исключать, тем самым, это отношение влияет на формирование разных типов «древа возможностей» [3. Р. 253]. В учении Лейбница «древо возможностей» тождественно свыше предопределенным возможностям, которые ни в одном мгновении не объединяются, а существуют параллельно. Выбор человека предрешен и задан условиями данного реального мира, а потому возможности – это все то, что человек никогда не воплотит в реальности. Есть только один жизненный план, и он не может его изменить. «Древо возможностей» Молина, напротив, является разветвлением и последовательностью связанных между собой возможностей. «Каждая стадия ведет к раздвоению, разветвлению, которое, по мнению Молины, соответствует реальному выбору, стоящему перед человеком» [3. Р. 28]. Возмож-

ности не соединяются и не параллельны друг другу, но производятся одна из другой в зависимости от решений человека. В учении Канта Бутон выявляет двойственность в интерпретации смысла «дерева возможностей». С одной стороны, Кант «подвергает лейбницевское дерево возможностей суровой обрезке до такой степени, что остаются только ствол (опыт) и корни (принцип причинности)» [3. Р. 53]. С другой стороны, обосновывая свободу воли человека, он утверждает не единственную возможность, но множество возможностей, реализуемых в зависимости от сделанного человеком выбора.

Поставленные Кантом перед дилеммой предопределенности будущего в природе и неопределенности будущего человека его последователи искали ответ на вопрос об умножении числа модальностей темпоральной экзистенции человека. Шопенгауэр, исходя из идеи предопределенности, утверждал, что у человека есть только один путь развития событий, и потому «дерево, о котором говорит Шопенгауэр, – это не разветвление возможностей; это простой ствол, состоящий из моральной и физической необходимости» [3. Р. 77]. Человек действует не по свободной воле, но по изначально заданному его характером жизненному плану. Отсюда его вывод о реальности необходимого бытия, а «дерево возможностей – это всего лишь огромный и безмерно соблазнительный мираж» [3. Р. 79], и все возможности иллюзорны. Концепция Шеллера направлена на преодоление детерминизма и утверждение свободы человека в его решениях как основания для созидания «дерева возможностей» [3. Р. 253].

Анализируя данные интерпретации, Бутон приходит к выводу, что «дерево возможностей, как и ход жизни индивида, должно быть понято временным образом» [3. Р. 254], и поэтому оно не предопределено заранее, но формируется самим человеком на протяжении всей его жизни. Развитие «дерева возможностей» [3. Р. 253] происходит путем разветвления открывающихся самим человеком возможностей. Они могут быть им воплощены в его настоящем или упущены, становясь «устаревшими возможностями, которые из-за необратимости времени уже не могут быть реализованы» [3. Р. 254]. Причина появления нереализованных возможностей состоит в том, что свобода принадлежит конечному человеку как единству его прошлого, настоящего и будущего. Он может принять, отвергнуть или повторить свое прошлое, а также осуществить, отбросить или изменить проект своего будущего. В момент выбора человек является точкой пересечения времени и свободы, которые превращаются из абстрактных понятий в практические действия в реалиях его конечного бытия.

Однако из-за общепринятой привязанности к прошлому и привычному опыту повседневности существование «дерева возможностей» [3. Р. 253] может быть скрыто от человека. Страхась неопределенности будущего, он отказывается от свободы и открытия для себя новых возможностей. В результате, как пишет Бутон, все заканчивается «отмиранием дерева возможностей, которое сводится к нескольким заранее обыгранным вариантам» [3. Р. 256]. Через действия в мире ради реализации возможностей человек своей темпоральностью вовлекается в объективное время. Свобода превращается человеком в способ отвоевывания своей темпоральности у общего для всех времени через выбор между проецируемыми возможностями. Содержанием «дерева возможностей» [3. Р. 253] являются создаваемые самим человеком возмож-

ности, ситуационные возможности, предоставляемые ему другими людьми возможности и возможности, открываемые им перед другими людьми. С каждым созданием новых возможностей и их практической реализацией возрастает степень свободы в реальном бытии человека, что влечет за собой преобразование модальности его темпоральности в направлении от прошлого к будущему. Таким образом, раскрывая природу «древа возможностей» [3. Р. 253], Бутон выводит понятие о возможности из онтологического контекста и показывает ее практическое значение. Для модификации темпоральности недостаточно переживания [9] или понимания [10] человеком своих возможностей, но он должен действовать ради их темпорализации в его экзистенции.

Практический подход Бутона в изучении темпоральной проблематики ориентирует современного человека на деятельную жизненную позицию, реальные достижения, свободу выбора среди многообразия возможностей и самореализацию. Предметом его изучения являются не только объективное время природы и субъективное время сознания, его интересует вопрос о реализации темпоральности человека в его взаимодействии с реальным миром. Для его решения Бутон рассматривает природу темпорализации свободы как условия порождения новых возможностей для человека в его конечном бытии. Воплощение создаваемых им возможностей осуществляется в результате совершаемого им выбора, его действия в мире и взаимодействия с другими людьми. Возможности, которые человек не смог реализовать, могут стать целями для других людей. Отсюда свобода выбора человека является способом видоизменения модальности темпоральности и проектирования модели как его собственного будущего, так и будущего других людей. Таким образом, Бутон приводит нас к выводу о свободе как основе «древа возможностей» [3. Р. 253] каждого человека и человеческого общества в его ориентировании на гуманистические ценности. Своей концепцией он задает новый вектор изучению отношения свободы и времени, которое приводит нас к пониманию того, что за реализацией каждой новой возможности предлагается модификация модальности темпоральной экзистенции человека и непредсказуемый поворот в его судьбе.

Список источников

1. *Space, time and the limits of human understanding* / F. Biagioli [and other]. Cham : Springer International Publishing AG, 2017.
2. *Bouton C., Huneman P.* Time between metaphysics and natural sciences: from physics and biology // *Time of nature and nature of time* / eds. C. Bouton, P. Huneman. Boston : Springer International Publishing AG, 2017. P. 1–20.
3. *Bouton C.* Time and freedom. Evanston : Northwestern University Press, 2014.
4. *Bouton C.* The Privilege of the Present: Time and the Trace from Heidegger to Derrida // *International Journal of Philosophical Studies*. 2020. Vol. 28, № 3. P. 370–389.
5. *Серова Н.В.* Н. Бердяев и К. Бутон о темпоральной экзистенции как пересечении экзистенциального (человеческого) и космического времен // *Вестник Вятского государственного университета*. 2020. Т. 138, № 4. С. 17–26.
6. *Bouton C.* La temporalisation du possible. Histoire et utopie chez Hegel, Marx et Bloch // *Augustin Dumont (dir.), Repenser le possible. L'imagination, l'histoire, l'utopie*. Paris : Kime, 2019. P. 77–96.
7. *Bouton C.* Dealing with deep time: The issue of ancestrality from Kant to Hegel // *Anthropology and Aesthetic*. 2018. № 69–70. P. 38–51.
8. *Кьеркегор С.* Философские крохи или крупницы мудрости. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009.

9. Ratcliffe M., Broome M. Existential phenomenology, psychiatric illness and the death of possibilities // *The Cambridge Companion to Existentialism* / ed. S. Crowell. New York : Cambridge University Press, 2012. P. 361–382.

10. Delahaye E. About chronos and kairos. On Agamben's interpretation of Pauline temporality through Heidegger // *International journal of Philosophy and Theology*. 2016. Vol. 77, № 3. P. 85–101.

References

1. Biagioli, F. et al. (2017) *Space, time and the limits of human understanding*. Cham: Springer.
2. Bouton, C. & Huneman, P. (2017) Time between metaphysics and natural sciences: from physics and biology. In: Bouton, C. & Huneman, P. (eds) *Time of Nature and Nature of Time*. Boston: Springer. pp. 1–20.
3. Bouton, C. (2014) *Time and Freedom*. Evanston: Northwestern University Press.
4. Bouton, C. (2020) The Privilege of the Present: Time and the Trace from Heidegger to Derrida. *International Journal of Philosophical Studies*. 28(3). pp. 370–389.
5. Serova, N. (2020) Berdyaev i K. Buton o temporal'noy ekzistentsii kak peresechenii ekzistentsial'nogo (chelovecheskogo) i kosmicheskogo vremen [N. Berdyaev and C. Bouton on temporal existence as the intersection of existential (human) and cosmic times]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 138(4). pp. 17–26.
6. Bouton, C. (2019) La temporalisation du possible. Histoire et utopie chez Hegel, Marx et Bloch. In: Dumont, A. (ed.) *Repenser le possible. L'imagination, l'histoire, l'utopie*. Paris: Kime. pp. 77–96.
7. Bouton, C. (2018) Dealing with deep time: The issue of ancestrality from Kant to Hegel. *Anthropology and Aesthetic*. 69–70. pp. 38–51. DOI: 10.1086/699277
8. Kierkegaard, S. (2009) *Filosofskie krokhi ili krupitsy mudrosti* [Philosophical Crumbs or Grains of Wisdom]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
9. Ratcliffe, M. & Broome, M. (2012) Existential phenomenology, psychiatric illness and the death of possibilities. In: Crowell, S (ed.) *The Cambridge Companion to Existentialism*. New York: Cambridge University Press. pp. 361–382.
10. Delahaye, E. (2016) About chronos and kairos. On Agamben's interpretation of Pauline temporality through Heidegger. *International Journal of Philosophy and Theology*. 77(3). pp. 85–101. DOI: 10.1080/21692327.2016.1244016

Сведения об авторе:

Серова Н.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Государственного морского университета им. адмирала Ф.Ф. Ушакова (Новороссийск, Россия). E-mail: nvserova72@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Serova N.V. – Admiral Ushakov State Maritime University (Novorossiysk, Russian Federation). E-mail: nvserova72@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021;
одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 04.05.2022

The article was submitted 11.10.2021;
approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 04.05.2022

Научная статья

УДК 160.1

doi: 10.17223/1998863X/66/7

О СООТНОШЕНИИ ЛОГИКИ И ОНТОЛОГИИ В «ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОМ ТРАКТАТЕ» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Анна Сергеевна Хромченко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
annhs971017@gmail.com*

Аннотация. Критикуется тезис о том, что формальная логика не имеет онтологической значимости в рамках концепции, представленной в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. Обосновывается вывод, что формальная логика, согласно концепции Витгенштейна, определяет структурные возможности высказывания о мире и потому играет ключевую роль в представлении структуры реальности.

Ключевые слова: формальная логика, логика мира, «Логико-философский трактат», онтология

Для цитирования: Хромченко А.С. О соотношении логики и онтологии в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 67–76. doi: 10.17223/1998863X/66/7

Original article

ON THE CORRELATION OF LOGIC AND ONTOLOGY IN THE *TRACTATUS LOGICO-PHILOSOPHICUS*

Anna S. Khromchenko

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
annhs971017@gmail.com*

Abstract. The article criticizes the thesis that formal logic has no ontological value and does not play a prominent role in Wittgenstein's *Tractatus Logico-Philosophicus*. The author of the article reconstructs the ontology of the *Tractatus* in order to show that formal logic is the representation of the structure of the world. The main attention is paid to the concept of sense and the distinction between two types of nonsense – *sinnlos* and *unsinnig* propositions. The author proves that the senselessness of propositions of logic, tautologies and contradictions, does not lead to the idea that formal logic does not have ontological value at all. Indeed, according to Wittgenstein, formal logic does not represent *any* reality (neither physical reality nor the reality of logical objects), but it plays a fundamentally important role in explicating the structural properties of language and in *showing* the internal relation between language and the world. Logical symbolism makes it possible to clarify and emphasize the relations between the objects within the sentence and the relations between the sentences themselves, which determines how the world can be given to us and what kind of image of the world we are able to form. This clarification does not characterize and does not affect the sense of sentences, but allows us to make it obvious in each specific case, since the structural properties of the language are revealed in formal logic in an explicit form. In tautologies and contradictions, the conditions for the correspondence of the picture that are provided by a proposition and the reality are annulled, but their connection with the representative function of language is still clearly traced, unlike those sentences of language for which the truth-finding procedure is generally impossible, namely for *unsinnig* propositions. Formal logic

does not provide any particular picture of the world, but it marks the *limits* of description, defining the structural possibilities of proposition in general, and hence knowledge in general. Having no ontological content of its own, formal logic, from Wittgenstein's point of view, determines the formal possibilities of constructing any specific ontology, and in this sense it has meta-ontological value.

Keywords: logic of world; formal logic; *Tractatus Logico-Philosophicus*; ontology

For citation: Khromchenko, A.S. (2022) On the correlation of logic and ontology in the *Tractatus logico-philosophicus*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 67–76. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/7

Один из разделов статьи З.А. Сокулер «Мал золотник, да дорог (особенности онтологии, теории познания и философии науки в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна)» представляет собой размышление над вопросом, какая именно логика является предметом исследования в «Логико-философском трактате». Согласно интерпретации З.А. Сокулер, в трактате речь не идет о формальной (пропозициональной, первопорядковой) логике и никакой выделенной роли последняя в рамках учения Витгенштейна не имеет. В соответствии с этим автор статьи разводит понятия привычной нам пропозициональной логики и «логики мира» как имеющие совершенно различную и несоизмеримую природу. Если первая вовсе не имеет никакого онтологического значения, то логика, понятая во втором смысле, образует границу мира, а значит, является базовым онтологическим концептом [1. С. 177–179]. В данной статье предлагается реконструировать онтологию «Логико-философского трактата» с целью показать, что столь строгое различение и разграничение формальной логики и логики мира нерелевантно трактату Витгенштейна.

1.

Одна из центральных идей «Логико-философского трактата» заключается в словах его автора о том, что мы не можем мыслить ничего нелогического, а значит, не можем делать высказывания о некотором нелогическом мире (3.03, 3.031)¹, поскольку границы языка представляют собой границы мира, и границы мира есть границы логики (5.6, 5.61). Согласно этому наше знание о мире ограничено тем, что мы можем о нем сказать, а то, каким образом устроен мир сам по себе, является независимым от нашего описания и в силу этого недоступным познанию фактом. Тем не менее, как указывает Витгенштейн, о мире самом по себе говорит то обстоятельство, что он может быть описан так, как это фактически имеет место (6.342). Если мы мыслим предмет в определенной связи с другими вещами, в определенном контексте, то должна быть хотя бы возможность того, что этот предмет в своей взаимосвязи с другими вещами существует именно *так* и вне нашего мышления и языка. Для выражения данной возможности Витгенштейн выбирает понятие логической формы, которое в некоторых тезисах заменяется им на понятия «форма отображения» или «форма действительности» (2.022, 2.15, 2.18, 2.2). Форма показывает себя через структуру атомарных фактов, т.е. через конфигурацию объектов, которые в атомарном факте сочетаются друг с другом *определенным образом* (2.031–2.033). Она задает комбинаторные возможно-

¹ Здесь и далее приводятся тезисы трактата по: [2].

сти сочетать объекты между собой [4. Р. 170–171] и необходимость говорить об объекте именно *таким* образом, как это имеет место в случае осмысленных высказываний¹, и представляет возможность того, что объекты реальности связаны между собой так же, как связаны элементы нашего языка, являющегося отображением действительности (2.15–2.17). Так, понятие формы служит для обозначения тождества структуры языка и структуры реальности, обеспечивая тем самым изоморфизм языка и мира, который является метафизическим условием возможности репрезентативной функции языка.

В свете описанного изоморфизма языка и мира представляется справедливым, что, анализируя атомарные элементы языка, мы можем обозначить атомарные элементы мира. В качестве таких элементов Витгенштейн выделяет атомарные факты, представляющие собой *соединения* объектов (2.01). В качестве обоснования данного тезиса он руководствуется идеей, схожей с принципом контекстуальности Фреге, согласно которой мы не можем мыслить никакого объекта вне возможности его связи с другими объектами и, соответственно, вне возможности контекста атомарного факта (2.0121). Если знание о предмете может быть дано лишь в виде целого предложения, в то время как простое приписывание имени предмету не увеличивает наше знание о нем (3.142, 3.144, 3.3), то мир, каким мы его знаем, состоит не из отдельных предметов, а из их соединений в рамках минимального целого, а именно атомарного факта. Так, в тезисе 2.0122 Витгенштейн проводит прямую аналогию между фактом и предложением, предметом и словом. Однако следует удерживать во внимании то обстоятельство, что данная аналогия возможна лишь в том случае, когда мы рассматриваем язык как *проекцию* реальности (3.11, 3.12). В таком случае все то, что возможно в языке, возможно и в мире (3.02). В соответствии с этим атомарный факт представляет собой как осмысленное предложение (3.12, 3.14), так и то, что этим предложением изображается, а именно некоторый элемент реальности (3.21). Вместе с тем в упомянутом тезисе обозначается и степень самостоятельности и обособленности объектов: объект является самостоятельным лишь в перспективе того, что он может появляться в различных контекстах, но без контекста, т.е. без связи с некоторым атомарным фактом, объект существовать не может (2.0122). Тем самым, предположение о существовании предметов не противоречит тезису, что мир есть совокупность фактов, а не предметов (1.1), поскольку все то, что мы можем сказать о мире, выражается именно в фактах.

2.

Каждый атомарный факт представляет собой, или же формирует, правильный или ложный образ, изображающий некоторое возможное положение

¹ Следует отметить, что, с точки зрения Витгенштейна, говорить о *множестве* логических форм [1. С. 178–179] неверно. Логические формы нечисленны (4.1241, 4.128). Форма есть возможность вхождения объекта в атомарный факт. Иначе говоря, форма объекта определяет *структурные возможности* конфигурации обозначающего его термина с другими терминами в контексте предложения (2.0141, 2.031–2.033). Это следует понимать как то, что для некоторых слов в предложении отведена роль имени объекта, и эта роль репрезентирует то, как вообще могут мыслиться вещи в мире (4.1272). Использование понятия «форма» в словосочетании «многообразные логические формы» или «каждый объект обладает логической формой» ведет к заблуждениям, типичным, по мнению Витгенштейна, философской метафизике, которые формируются в результате смешения внутренних и внешних отношений (4.122). Подробнее об этом см.: [3. С. 173].

вещей. Образ может быть истинным или ложным в зависимости от того, соответствует он или не соответствует действительности. Данная корреляция образа и реальности, как мы уже обозначили, возможна благодаря форме отображения. Образ и действительность опосредуют *смысл* языкового выражения (2.221). Смысл предложения есть то, что данным предложением изображается. Понять смысл предложения – значит знать, что имеет место или как обстоит дело, когда оно истинно, вне зависимости от того, истинно ли данное предложение на самом деле (2.22, 4.022, 4.024). В этом заключается принципиальное отличие концепции смысла раннего Витгенштейна от концепции смысла Г. Фреге. Согласно идее Фреге, предложение является именем собственного истинностного значения. В данной интерпретации смысл предложения выступает как конкретный способ презентации специфических логических объектов, которые Фреге обозначает как истина и ложь [5. С. 235]. Соответственно, смысл предложения однозначно отсылает либо к такому логическому объекту, как истина, либо к такому, как ложь в зависимости от того, именем какого объекта является рассматриваемое предложение. Однако здесь возникает затруднение, которое, по мнению П.М.С. Хакера, Витгенштейн намеренно обходит стороной. Одно и то же предложение должно иметь совершенно различный смысл в том случае, когда оно является истинным, и в том случае, когда оно является ложным, поскольку в данных двух ситуациях смысл будет презентовать различные объекты, выступающие в качестве значений предложения. Однако относительно предложения, чье истинностное значение только предстоит определить, кажется совершенно очевидным, что оно имеет один и тот же смысл, выражает одну и ту же мысль и когда мы предполагаем, что оно может быть истинным, и когда мы предполагаем, что оно может быть ложным [6. Р. 205–207].

Предложение, в интерпретации Витгенштейна, не является именем собственного значения, какие бы объекты ни выступали в роли последнего (3.142–3.144). Смысл предложения является независимым от какого-либо рода реальности, он лишь изображает некоторое *возможное* положение дел. Тем самым решается не только вышеуказанное затруднение, но и схожее с ним проблематичное следствие семантической концепции Фреге, согласно которому выражениям «р» и «~р» в рамках одной интерпретации соответствуют совершенно различные объекты. В случае Витгенштейна и утверждению и отрицанию одного и того же пропозиционального знака соответствует одна и та же реальность (4.061–4.064). Так, выражение «р» становится истинным благодаря существованию того же самого положения дел, которое делает «~р» ложным и наоборот (4.0621). Истинность предложения удостоверяется посредством сравнения смысла предложения, т.е. изображаемого им положения вещей, с реальным положением вещей. Образ является истинным в том случае, когда смысл этого образа соответствует действительности, и ложным в противном случае (2.222, 2.223). Как верно указывает П.М.С. Хакер, согласно Витгенштейну, предложение *должно* ограничивать реальность двумя альтернативами: да или нет, но оно должно оставлять эти две альтернативы [6. Р. 205–207].

Последнее ограничение очерчивает разницу между осмысленными и бессмысленными предложениями. Поскольку смысл предложения репрезентирует некоторое возможное положение дел и поскольку именно в этом Вит-

Витгенштейн видит сущностную функцию языка, он полагает, что всякое предложение имеет форму «дело обстоит так-то и так-то» (4.5). Такая описательная форма предложений оставляет возможность согласия и несогласия с описываемым в нем положением вещей и не более того. Соответственно, осмысленность предложения определяется возможностью или наличием однозначной оценки данного предложения как правильного или неправильного, истинного или ложного. Поэтому высказывание о несуществующем положении вещей является не бессмысленным, а ложным в силу того, что мы можем выразить свое несогласие с описываемым в данном высказывании положением вещей (3.24). Предложение должно быть образом, моделью действительности (4.01). Предложения же, которые не репрезентируют никакой ясной действительности, не иллюстрируют никакого возможного положения вещей вследствие неопределенности значений слов, входящих в состав предложения, не отвечают основной функции и характеристике языка. Такие высказывания Витгенштейн называет бессмысленными, используя понятие *unsinnig*, и относит к ним, в частности, предложения философии (4.003, 5.4733).

Однако Витгенштейн выделяет и другой вид бессмысленных предложений, которые обозначает понятием *sinnlos*, т.е. лишенные смысла¹. К данному виду предложений относятся тавтологии и противоречия. Как пишет Витгенштейн, предложение показывает² то, что оно говорит, тавтология и противоречие показывают, что они ничего не говорят (4.022, 4.461, 6.11). Тавтологии и противоречия не имеют смысла в силу того, что они не изображают никакого возможного положения вещей, не вырисовывают никакой конкретный образ действительности. Так, тавтология допускает любое возможное положение вещей, а противоречие не допускает никакого. Они не стоят ни в каком отношении изображения к действительности, в отличие от предложений, имеющих смысл (4.462). Они иллюстрируют логическое пространство в его абсолютной заполненности или абсолютной пустоте. Но означает ли это, что бессмысленные предложения данного рода вовсе не имеют онтологического значения?

3.

Действительно, с точки зрения Витгенштейна, формальная логика не представляет *никакую* реальность. Как только мы предполагаем, что суждения логики являются осмысленными, мы также вынуждены предполагать существование особой реальности логических фактов или объектов, которым может соответствовать смысл данных суждений. Для Фреге объектами такой реальности были истина и ложь, для Рассела – логическая форма и логические отношения, представленные в виде логических операторов [8. С. 20–21; 9. С. 75–78]. Витгенштейн же в принципе отказывается признавать существо-

¹ На разницу понятий *sinnlos* и *unsinnig* указывают, например, Е.В. Логинов в диссертации «Прагматизм и аналитическая философия: основные этапы взаимодействия» (см. прим. 611) [7. С. 225] и К.А. Родин в статье «Постметафизика и внутренние отношения в Логико-философском трактате Л. Витгенштейна» [3. С. 176].

² Здесь, вероятно, корректнее было бы использовать термин «изображает» (в смысле нем. глагола *abbilden*), поскольку предложение именно *изображает* положение вещей (4.016, 4.021) и *говорит* (в смысле нем. глагола *sagen*), что дело обстоит именно так (4.022, 5.61). А *показыванию* (в смысле нем. глагола *zeigen*) подлежит область невыразимого: «4.1212. То, что может быть показано, не может быть сказано». Однако в приведенных в обоснование тезисах Витгенштейн с некоторой неточностью пишет: «предложение показывает» («*Der Satz zeigt*»).

вание логических объектов (4.0312, 4.441). Согласно его идеям, логика не имеет собственного референта – не существует реальности особого рода, отличной от реальности привычных нам объектов, встречающихся в опыте. Именно таким образом следует интерпретировать его тезис о том, что логика фактов не может быть представлена. Только факты могут выражать смысл, поскольку смысл есть образ действительности (2.221, 3.142). Логика не изображает никакой специфической действительности, поэтому суждения логики являются бессмысленными и логика фактов, т.е. логика, представленная в виде совокупности осмысленных суждений, представлена быть не может.

Логика не репрезентирует никакую реальность, однако она играет принципиально важную роль в экспликации внутренней структуры языка и в *показывании*¹ внутреннего отношения отображения, которое существует между языком и миром. Логическая символика позволяет прояснить и подчеркнуть тот способ связи, который существует между объектами внутри предложения и между самими предложениями и который определяет то, каким образом нам может быть дан мир, какой образ мира мы способны сформировать. Данное прояснение не характеризует и не затрагивает смысл предложений, но позволяет сделать его очевидным в каждом конкретном случае, поскольку структурные возможности языка предстают в формальной логике в эксплицитном виде². С помощью формальной логики нельзя выразить в знаковом виде логическую форму мира, форму отображения, поскольку в данном понятии заключен сам принцип соответствия языка и реальности, не поддающийся высказыванию. Но форма отображения выражает себя в логике с помощью того, что в ней *показывает* себя природа естественных знаков (4.121, 6.12, 6.124).

Логика, в понимании Витгенштейна, имманентна языку, она образует границу языка, мышления и мира (5.61, 6.13). В этом обнаруживается принципиальное расхождение Витгенштейна с классическим пониманием природы логики, свойственным Фреге и Расселу. Согласно последнему логика представляет собой некоторый свод нормативных правил, применение которых обеспечивает правильное мышление, лишенное заблуждений, которыми полон естественный язык [6. Р. 202]. Так, для Фреге смысл имеют лишь те предложения, которые образованы корректным способом согласно законам логики [9. С. 48]. Для Витгенштейна же *любое* предложение образованно *законно*, а бессмысленным оно может быть только в том случае, если не прояснено значение входящих в него частей (5.4733). Бессмыслица не является следствием нарушения логики языка и не представляет собой некоторое неправильное, ошибочное мышление – мыслить нелогически невозможно (5.4731). В случае, когда имеет место бессмысленное высказывание, мышление в принципе не осуществляется. Это происходит в силу того, что бессмыслица в значении *unsinnig* не поставляет нам никакого мыслительного образа. Формальная логика, т.е. бессмыслица в значении *sinnlos*, также не поставляет нам конкретные мыслительные образы, однако те предложения логики, которые Фреге обозначил в качестве аксиом, согласно Витгенштейну,

¹ Здесь и далее под терминами «показывание» и «показывать» будет подразумеваться глагол *zeigen* и родственные ему термины, цель использования которых в трактате была объяснена в примечании выше.

² Читаем у К.А. Родина: «Синтаксис Витгенштейна соотносится, правда, не со смыслом и/или толкованием, но с некоторыми формами, которые делают этот смысл возможным» [3. С. 177].

выражают собой *формальные свойства языка*, и в этом заключается их ключевое значение (6.12)¹. Как пишет Витгенштейн, предложения логики ни о чем не трактуют, но демонстрируют логические свойства предложений и «предполагают, что имена имеют значение, а элементарные предложения – смысл; это и есть их связь с миром» (6.124).

Важным моментом является то, что тавтологии и противоречия являются *предельными* случаями установления истинностного значения предложений (4.46, 4.466). Заметим, что истинность и ложность элементарного предложения свидетельствуют о существовании и несуществовании атомарного факта (2.201, 4.25, 4.3). Это означает, что механизм установления истинностного значения предложения заключает в себе принцип реализации репрезентативной функции языка. Иначе говоря, процедура установления истинности предложения всегда есть процедура установления фактов, т.е. процесс понимания чего-то о мире. Однако если истинность элементарного предложения определяется посредством сравнения его смысла и действительности, то тавтология удостоверяет себя как истинное предложение без объекта сравнения. Сама возможность тавтологичного высказывания обеспечивает его истинность, которая познается из самой мысли, т.е. *a priori* (3.04, 3.05, 6.113). Тем не менее даже априорное установление истинности предложения есть тот же процесс установления истинностных возможностей предложения, в котором проявляет себя метафизическое условие возможности репрезентации, заключенное в центральном для «Логико-философского трактата» понятие формы отображения. Однако тавтологии и противоречия иллюстрируют *предельные* случаи истинности и ложности предложений, поэтому утрачивают отношение изображения к миру. В тавтологиях и противоречиях условия соответствия образа и мира аннулируются (6.121), но их связь с репрезентативной функцией языка все еще отчетливо прослеживается, в отличие от тех предложений языка, для которых процедура установления истинности вообще невозможна, а именно для бессмысленных предложений в значении *unsinnig*. Формальная логика не оказывается *вне* онтологии, она является ее предельным случаем, теряющим онтологическое содержание, но сохраняющим, или даже предписывающим, онтологическую форму.

4.

В конце концов, следует задаться вопросом, о какой онтологии идет речь при попытке найти ответ на поставленную в данной статье задачу – определить, имеет ли онтологическое значение формальная логика в рамках концепции «Логико-философского трактата». Если мы будем иметь в виду, что онтология является *описанием* некоторых *сущностей* некоторой конкретной реальности, например, когда говорят: «онтология физики», тогда формальная логика в интерпретации Витгенштейна, безусловно, выходит за рамки онто-

¹ В этом заключается еще одно принципиальное расхождение Витгенштейна с классической интерпретацией природы логики. В отличие от Фреге и Рассела, Витгенштейн отрицал наличие иерархии суждений внутри логики, согласно которой существуют более базовые или исходные суждения, выступающие законами для формирования любых других (5.43, 5.454, 6.127). Как верно отмечает П.М.С. Хакер, с точки зрения Витгенштейна предложение «дождь либо идет либо не идет» в не меньшей степени является предложением логики, чем предложение « $p \vee \neg p$ ». Более того, предложение « $p \vee \neg p$ » является не столько пропозицией логики, сколько утверждением формального свойства формального понятия пропозиции, а именно что каждая пропозиция либо истинная, либо ложная. См. подробнее: [6. P. 216–217].

логии, поскольку она не является описанием и не нацелена на экспликацию какого-либо рода сущностей. Однако логика задает *возможности* высказывания о чем-то, а значит, и возможности построения различных онтологий. В этом смысле концепция трактата полностью отвечает понятию *метаонтологии* Питера ван Инвагена: она не отвечает на вопрос о том, что есть, но указывает концептуальные возможности ответа на данный вопрос [10. Р. 233]. Витгенштейн ограничивает наше знание о мире тем, что мы можем о нем сказать, и ключевым для него является вопрос, *каким образом* мы можем высказываться о мире, ответ на который следует искать именно в формальной логике. В.А. Суровцев пишет: «Он (Витгенштейн. – А.Ф.) выводит формальную логику из-под начала онтологии и теории познания, считая, что при прояснении ее основных понятий необходимо отталкиваться исключительно от особенностей символического языка. Логика как исследование универсальных возможностей осмысленных утверждений не может быть фундирована никакой онтологией, как раз наоборот, поскольку именно логика устанавливает критерий осмысленности, любая онтология есть следствие логического прояснения возможных взаимосвязей структур описания» [9. С. 13–14].

Метаонтология Витгенштейна заключается в признании согласованности структуры языка и структуры мира, которая обеспечивается неизменной и автономной природой логики. Значимость формальной логики состоит в функции показывания, и с этой же функцией связана экспликация внутреннего отношения соответствия языка и мира, для обозначения которого Витгенштейн использует понятие логической формы мира. Именно последний термин используется им для обозначения метафизического принципа, обеспечивающего репрезентативную функцию языка и обосновывающего возможность прорыва к реальности самой по себе имеющимися познавательными средствами, каких у нас, по мнению Витгенштейна, в распоряжении только одно – язык. Следует сказать словами самого Витгенштейна: «Тот факт, что предложения логики суть тавтологии, *показывает* (Выделено мной. – А.Ф.) формальные – логические – свойства языка, мира» (6.12). Уже одна эта цитата не позволяет развести понятия логики мира и пропозициональной логики как совершенно различные и несвязанные.

Говорить о том, что формальная логика никак не может претендовать на приоритет в представлении структуры мира [1. С. 179], означает вовсе не замечать, что Витгенштейн дает ей совершенно иную интерпретацию, отличную от классических представлений Фреге–Рассела. Формальная логика не предписывает естественному языку конвенционально корректный способ суждения, а проясняет уже наличествующую структуру естественного языка, существенным образом связанную со структурой мира. Формальная логика не дает нам конкретную картину мира, но обозначает *границу описания*, определяя структурные возможности высказывания о мире – мы говорим об объектах именно *таким* образом, отводя обозначающим их именам определенную роль в предложении, и именно *таким* способом связываем предложения между собой – и данные возможности некоторым образом отражают структуру реальности. Витгенштейн пишет: «Ясно, что должен показывать нечто о мире тот факт, что некоторые связи символов, имеющие, по существу, определенный характер, являются тавтологиями. В этом – решающее» (6.124). В то же время интерпретация понятия «логика мира», которую пред-

лагает З.А. Сокулер, ассоциируя данное выражение в числе прочего с гегельянским пониманием логики, также совсем не свойственна трактату Витгенштейна. Логика, о которой пишет Витгенштейн, не судит о том, что именно существует, и не описывает некоторый управляющий принцип, согласно которому в мире нечто существует (5.61, 6.13). Предложения логики лишь в какой-то степени повторяют форму мира, являясь его проекцией и отражением (5.511, 6.13). Зеркальный образ не может быть управляющим законом, а именно это подразумевает термин «логика мира»¹. Предложения формальной логики представляют собой «строительные леса мира», которые – это важно – ничего не представляют и не о чем не трактуют (6.124), но которые демонстрируют в символическом виде формальные свойства языка (6.121) и стоят во внутреннем образном отношении к миру. Именно в этом заключается принципиальная роль формальной логики в «Логико-философском трактате» Витгенштейна и именно в этом заключается ее мета-онтологическая значимость.

Список источников

1. Сокулер З.А. Мал золотник, да дорог (особенности онтологии, теории познания и философии науки в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна) // Философский журнал. 2018. Т. 11, № 1. С. 173–187.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добронравова, Д. Лахути. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
3. Родин К.А. Постметафизика и внутренние отношения в Логико-философском трактате Л. Витгенштейна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2 (26). С. 170–179.
4. Hacker P.M.S. Naming, Thinking and Meaning in the Tractatus // Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford : Clarendon Press, 2001. P. 170–190.
5. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика : сб. / под ред. З.А. Кузичевой ; пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.
6. Hacker P.M.S. Frege and The Early Wittgenstein // Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford : Clarendon Press, 2001. P. 191–218.
7. Логинов Е.В. Прагматизм и аналитическая философия: основные этапы взаимодействия : дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 303 с.
8. Целищев В.В. Логические константы и аналитические истины в ранней аналитической философии // Философия науки. 2015. № 2 (65). С. 15–27.
9. Суровцев В.А. Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 308 с.
10. Inwagen P. van Meta-ontology // Erkenntnis 48. Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 233–250.

References

1. Sokuler, Z.A. (2018) Small rain lays great dust: peculiarities of ontology, theory of knowledge and philosophy of science in Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 11(1). pp. 173–187. (In Russian).
2. Wittgenstein, L. (2017) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German by I. Dobronravov, D. Lakhuti. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
3. Rodin, K.A. (2014) Interconnection between postmetaphysics and internal relations in Ludwig Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(26). pp. 170–179. (In Russian).

¹ Эту мысль подсказал мне Игорь Феликсович Михайлов, которому хочу выразить благодарность за это и другие ценные замечания и комментарии, сделанные к данной статье на этапе ее доработки.

4. Hacker, P.M.S. (2001a) *Wittgenstein: Connections and Controversies*. Oxford: Clarendon Press. pp. 170–190.
5. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics]. Translated from German by B.V. Biryukov. Moscow: Aspekt Press. pp. 230–246.
6. Hacker, P.M.S. (2001b) *Wittgenstein: Connections and Controversies*. Oxford: Clarendon Press. pp. 191–218.
7. Loginov, E.V. (2017) *Pragmatizm i analiticheskaya filosofiya: osnovnye etapy vzaimodeystviya* [Pragmatism and analytical philosophy: the main stages of interaction]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
8. Tselishchev, V.V. (2015) Logical constants and analytical truth in the early analytical philosophy. *Filosofiya nauki – Philosophy of Science*. 2(65). pp. 15–27. (In Russian).
9. Surovtsev, V.A. (2001) *Avtonomiya logiki: Istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteyna* [The Autonomy of Logic: The Sources, Genesis, and System of Early Wittgenstein's Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Inwagen, P. van (1998) Meta-ontology. *Erkenntnis*. 48. pp. 233–250.

Сведения об авторе:

Хромченко А.С. – аспирант, кафедра истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: annhs971017@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Khromchenko A.S. – National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annhs971017@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 20.09.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья

УДК 141.132

doi: 10.17223/1998863X/66/8

ДИСКУССИЯ АРИСТОТЕЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА О ВРЕМЕНИ В ЖУРНАЛЕ *MIND* (Б. БОЗАНКЕТ, Ш. ХОДЖСОН, ДЖ.Э. МУР)

Роман Александрович Юрьев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
yuriev2003@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается одна из дискуссий Аристотелевского общества между Б. Бозанкетом, Ш. Ходжсоном и Дж. Э. Муром, опубликованная в журнале *Mind* в 1897 году и посвященная вопросу о реальности/нереальности времени. В дискуссии выдвинут тезис о нереальности времени (Б. Бозанкет-Дж. Э. Мур), где время понимается как видимость, или способ презентации реальности. В противовес позиции Б. Бозанкета-Дж. Э. Мура Ш. Ходжсон утверждает, что время, сознание и реальность имеют общую основу существования. Рассматриваются некоторые возражения Дж.Э. Мура по позиции Ш. Ходжсона в аспекте ее развития в феноменологической философии.

Ключевые слова: Аристотелевское общество, Дж.Э. Мур, Б. Бозанкет, Ш. Ходжсон, проблема времени, британская философия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126/>

Для цитирования: Юрьев Р.А. Дискуссия Аристотелевского общества о времени в журнале *Mind* (Б. Бозанкет, Ш. Ходжсон, Дж.Э. Мур) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 77–83. doi: 10.17223/1998863X/66/8

Original article

ARISTOTELIAN SOCIETY DISCUSSION ABOUT TIME IN THE *MIND* JOURNAL (BERNARD BOSANQUET, SHADWORTH HODGSON, GEORGE EDWARD MOORE)

Roman A. Yuriev

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, yuriev2003@mail.ru

Abstract. The publications of the members of the Aristotelian Society in *Mind* from 1896 to 1899 became one of the reasons for the promotion of the authors of the society to the forefront of philosophical research of British philosophy in the twentieth century. The article shows one of the discussions of the Aristotelian Society between Bernard Bosanquet, Shadworth Hodgson, and George Edward Moore, published in *Mind* in 1897 on the issue of the reality/unreality of time. For Bosanquet, time is not a way of existence of reality but a way of perceiving it. According to him, this allows us to preserve the universality of truth. Hodgson states that time exists as an essential elements of experience, being common to both consciousness and reality. He introduces a conscious being of an indefinitely great power to show that the idea of reality can only be obtained from experience. For this powerful consciousness, the past and the future would exist as part of the present reality. Moore expresses doubts about the argument of a perfect conscious being. He considers that time has no reality

because for this being time would be perceived as the eternal present. This objection is considered in the aspect of the development of Hodgson's ideas in phenomenology.

Keywords: Aristotelian Society; George Edward Moore; Bernard Bosanquet; Shadworth Hodgson; problem of time; British philosophy

Acknowledgments: The work on this paper has been supported by the Russian Science Foundation (Project Number 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126/>).

For citation: Yuriev, R.A. (2022) Aristotelian society discussion about time in the *Mind* Journal (Bernard Bosanquet, Shadworth Hodgson, George Edward Moore). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 77–83. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/

Публикационная активность Аристотелевского общества включает в себя два этапа. Первый этап начался с его основания в 1880 г. и продолжился до 1895 г. включительно. Второй этап начался в 1900 г. изданием новой серии «Трудов Аристотелевского общества», продолжающейся по сей день. Перерыв в издании «Трудов...» с 1896 по 1899 г., когда публикации и дискуссии участников *Аристотелевского общества* переместились исключительно на страницы журнала *Mind*, связан с тем, что публикации в «Трудах» издавались нерегулярно. *Mind* был больше по объему, по выпускам и по рубрикам и к этому времени обладал значительной известностью и авторитетом. Наметилось начало совместной работы, когда Джордж Фредерик Стаут, будучи главным редактором *Mind*, способствовал тому, чтобы участники Аристотелевского общества публиковались в журнале и, соответственно, можно было размещать статьи и обсуждения, проводимые в то время [1]. Судя по всему, удельный вес авторов Аристотелевского общества в *Mind* вырос. В 1898 г. в заметке в конце выпуска *Mind* Стаут, отвергая некие домыслы о связи журнала и Аристотелевского общества, подчеркивает: «(1) Доклады, прочитанные перед Аристотелевским обществом, публикуются в *Mind* и только в *Mind*; (2) Публикуются только избранные статьи; (3) Ни одна хорошая рукопись из иных источников не будет отклонена» [2. Р. 288]. В 1900 г. *Mind* после смерти Генри Сиджвика становится самостоятельной философской ассоциацией, а с 1910 г. совместные сессии с Аристотелевским обществом отражаются в дополнительных томах «Трудов», став одним из крупнейших философских событий в британской философии по сей день. Публикации участников Аристотелевского общества в *Mind* с 1896 по 1899 г. стали одной из причин выдвижения авторов общества на передний фронт философских исследований, став основой для развития британской философии в XX в.

Одна из дискуссий, прошедших в Аристотелевском обществе, в дальнейшем опубликованной в *Mind*, состоялась между двумя поколениями британских философов. Двадцатичетырехлетний Джордж Эдвард Мур вступил в полемику с Шадвортом Ходжсоном и Бернардом Бозанкетом в докладе последнего под названием «В каком смысле, если таковой есть на самом деле, существует прошлое и будущее?» [2]. Определяющим тематическим фоном для дискуссии стала философия немецкого идеалиста Германа Лотце. Нужно учитывать, что принятая в 30–40-е гг. XX в. классификация философских направлений была гораздо шире, чем часто представляется сейчас [3]. Бозанкет относился к «абсолютным идеалистам», наряду с Фрэнсисом Гербертом

Брэдли Ходжсон выступает как представитель «старого реализма», а на творчество Мура в то время оказывал влияние Джон Эллис МакТаггарт. В 1884 г. Бозанкетом была переведена и опубликована «Метафизика» Лотце (см.: [5]). Лотце помимо Германии был популярен среди британских философов [6. С. 36–38] и в дальнейшем активно переводился на английский язык. В критическом обзоре 1885 г. на перевод «Метафизики» Роберт Адамсон пишет, что «это памятник продуманного, глубочайшего и целостного мышления» [7. Р. 573], отмечая при этом добросовестность и высокое значение перевода, выполненного Бозанкетом.

Бозанкет начинает рассматривать вопрос о времени с позиций здравого смысла, где Лотце спрашивает о том, являются ли прошлое и будущее действительно несуществующими при существовании времени как такового. С точки зрения Лотце, прошлое и будущее понимаются нами как некий пространственно мыслимый образ реальности, не относящийся только к ограниченному настоящему. Но проблема в том, что если время реально, то прошлое и будущее при этом парадоксальным образом – нет. Поэтому нужно предложить объяснение, которое удовлетворяло бы здравому смыслу, но было при этом философски состоятельным. Бозанкет предлагает для начала обратиться к психологии, где фиксирует, что переживание настоящего, несмотря на его ускользающий характер, имеет определенную длительность, «изменчивую в своем расширении» [4. Р. 229]. И так или иначе возникает проблема, что длительность может пониматься как одновременная. Ряд «сходящихся точек» активного восприятия настоящего является труднообъяснимым.

Можно ответить, что время – это непрерывный, но и последовательный процесс, что представляет собой ответ «естественного человека», где изменение и последовательность без непрерывности бессмысленны. В таком случае прошлое и будущее существуют «косвенно» (indirectly) с точки зрения воздействия на настоящее (в случае прошлого) и предвосхищения (в случае будущего). Атрибуты объектов, воспринимаемых нами в аспекте настоящего как непрерывной длительности, будут содержанием как прошлого, так и будущего.

Проблема в том, что настоящее не является фиксированным отрезком, а его отличие от будущего и прошлого – лишь отличие в степени. Такой подход является неверным с точки зрения универсальной истины, ведь универсальная истина охватывает всю реальность, но не может быть сведена к последовательности событий, где прошлое воздействует на настоящее, а будущее его предвосхищает. Свидетельство универсальной истины указывает, что она является непрерывной, но воспринимается как последовательность. Время становится способом, которым в опыте конечного духа постигается упорядоченная связь и непрерывное развитие реальности. Поэтому время есть не способ существования реальности, а способ ее восприятия. Таким способом, Бозанкету видится, что удастся сохранить и универсальность истины и соответствие понимания времени здравому смыслу.

Ходжсон в своей части дискуссии утверждает, что время существует, и существует как важнейший элемент опыта, являясь общим как для сознания, так и для реальности. «Например, когда мы держим в руках твердый объект, то настоящий момент существования этого объекта и настоящий момент

нашего ощущения его являются одним и тем же настоящим моментом времени» [4. Р. 231]. Ходжсон как раз сравнивает время и пространство по критерию непрерывности. Время непрерывно, так же как и пространство («из любых двух точек, взятых в нем, одна раньше, а другая – позже»). Хотя временная и пространственная непрерывность различны – в пространственной «любые две или более точки имеют пространство между собой, но существуют одновременно друг с другом» [4. Р. 232]. Это откладывает отпечаток на содержание «эмпирического настоящего момента» в сознании, но не саму реальность.

«Все наши мысли, воспоминания, фантазии, ожидания, чувства, желания и т.д., так и осмысленные представления, являются преходящими содержаниями настоящих моментов» [4. Р. 232]. И далее он задает вопрос: «Не должна ли реальность, имеющая общую природу со временем, так же входить в реальное существование и терять его тем же самым образом, каким эмпирические содержания опыта входят в реальное существование и теряют его как состояния сознания?» [4. Р. 232]. Ответ на это следующий: реальность существует в последовательных эмпирических состояниях, каждое из которых имеет длительность или продолжительность. Поэтому Ходжсон соглашается с Бозанкетом, что «мировой процесс» растянут во времени, но не как способ восприятия, за которым можно обнаружить вневременной «фон» реальности самой по себе. Время у Ходжсона в классическом физическом смысле абсолютно: «Одновременно существующие части, которые должны действовать и противодействовать друг другу, не должны полагаться неизменными, поскольку они существуют одновременно, но как изменяющиеся <...> каждая часть эмпирического состояния должна быть понята как имеющая временную длительность, в течении которой она входит в действие и противодействие с другими частями того же состояния» [4. Р. 233]. Реальность не должна быть сведена к единому и неизменному состоянию, сторонники чего делают это, подменяя опыт времени и вводя время как математический момент, в результате чего прошлое и будущее «становятся единственными моментами реальности» [4. Р. 233]. Время, тем самым, понимается как «нереальное», поскольку настоящее неуловимо, а другие модальности времени не существуют. Вместо эмпирического опыта в него вводятся «различия, которые являются простым механизмом мышления» [4. Р. 233]. В итоге в позиции Бозанкета происходит разрыв между чувствами и разумом по отношению к опыту реального мира, обусловленный их функциональным различием.

Универсальность истин не обозначает, что они вне времени, а то, что они применимы к находящемуся во времени мировому процессу, к реальности. «Дважды два равняется четырем, является универсальной математической истиной, истинной как для всех времен и мест, так и для всех подсчитанных объектов. Как кто-либо может считать без времени, да и думать без него тоже, я не могу себе представить» [4. Р. 234]. Настоящий момент мирового процесса и настоящий момент сознания – это один и тот же настоящий момент, «так как мыслима только одна продолжительность времени, общая для всех вещей» [4. Р. 234].

К примеру, Бозанкет указывает, что опыт настоящего не имеет четко фиксированных границ, на что Ходжсон добавляет, что эти границы могут быть гипотетически расширены, ничто на них не накладывает ограничения.

И это он иллюстрирует в берклианском духе, «Esse is Percipi». Можно представить существо с наиболее мощной когнитивной энергией, для которого реальный мировой процесс был бы объектом настоящего опыта с осознаваемыми различиями прошлого и будущего в каждый момент времени. Является ли знание, полученное этим существом, более истинным, чем то знание, которое получает конечное существо в конечный момент времени? Если это было бы так, то тогда прошлые и будущие состояния реального мирового процесса реально существуют сейчас для этого бесконечно сознающего существа, но при этом являются объектами и конечного эмпирического сознания. В количественном смысле – да, знаний этого существа больше, чем у конечного сознания, но в качественном это означает, что представление о реальности может быть получено только из опыта, и конечное и бесконечное сознание в этом пункте совпадают. Для бесконечно мощного сознания прошлое и будущее существовали бы как часть настоящей реальности.

Мур в своей части выступает как критик Ходжсона в большей степени, чем критик Бозанкета. Им сразу высказываются сомнения в связи с аргументом совершенного сознательного существа. В восприятии этого существа хоть и создается все в аспекте настоящего, тем не менее, это существо должно иметь историю и, соответственно, сознавать моменты прошлого и будущего, но тогда непонятно как. Поэтому можно принять это совершенное существо в качестве условного допущения и в таком случае согласиться с «характеристикой мистера Ходжсона о том, что различие между прошлым и будущим не существует в мире как целом. Это различие существует в той части мира, которая присутствует для нас в любой из наших „эмпирических моментов“» [4. Р. 235–236].

Далее Мур, выступая против обоих, сомневается в пункте о том что «настоящее не имеет фиксированных границ» (Б. Бозанкет) в «эмпирическом настоящем моменте опыта» (Ш. Ходжсон). Внутреннее чувство имеет относительную ценность, а время, согласно Иммануилу Канту, «является формой не только внешнего, но и внутреннего смысла. Как форма внешнего времени подобно пространству в отношении бесконечной делимости, но в нем, как и в пространстве, невозможно обнаружить деления ниже определенной степени малости. <...> в истории сознания, время нужно также рассматривать как бесконечно делимое» [4. Р. 237]. Он согласен с Ходжсоном в том, что момент реального мирового процесса и момент эмпирического сознания является одним и тем же настоящим моментом. Но считает, что Ходжсон противоречит сам себе, говоря о том, что «мы осознаем различие более раннего и позднего в последовательных частях содержания, переживаемых в эмпирическом опыте настоящего времени» [4. Р. 235]. С точки зрения Мура, «приписывать Абсолюту способность переживать прошлое и будущее как настоящее – это означает принижать его сознание до более низкого уровня, так как он был бы лишен способности различать последовательные события, что является условием прогресса нашего знания <...> настоящее нереально, так оно бесконечно мало, прошлое и будущее не реальны не только потому, что их можно мыслить как бесконечно делимые, но и потому, что у них нет непосредственности, а это, согласно мистеру Брэдли, есть необходимое условие реальности» [4. Р. 238]. Таким образом, время не обладает реальностью, по крайней мере, в этой ранней дискуссии, которая, исходя из исследования Джона Пас-

смора [6], происходила в пору увлечения Муром идеалистической философией, но которая в то же время оказала на него дальнейшее влияние в его известных работах антиидеалистической направленности.

Обратим внимание на последний аргумент Мура о противоречивости допущения совершенного существа и его определенную несостоятельность с учетом той ограниченной экспозиции своих идей, которую представил Ходжсон. Дело в том, что такого рода допущение (о расширяющемся «эмпирическом настоящем моменте опыта») вполне укладывается в русло основных идей Ходжсона о «ретенции» и «редукции», которые, по мнению ряда авторов [8, 9], даже были заимствованы гуссерлевской феноменологией. По каким причинам Ходжсон не дал объяснение своему аргументу, можно только догадываться. Но возможно попытаться сделать это за него.

В своей четырехтомной работе «Метафизика опыта» он указывает: «Не-что <...> вовлеченное в переживание как эмпирический процесс – это ретенция-удержание, или память в низшем значении. Слово память, имеющее несколько иное значение, чем в повседневном употреблении, в котором обозначается обычно воспоминание или появление чего-то забытого <...> Теперь ретенция-удержание или память в низшем значении <...> на самом деле участвует в воспринимаемой составляющей длительности. <...> как было показано, ретенция-удержание прошлого в настоящем моменте имеет место среди предельных фактов человеческого опыта» [10. Р. 59, 71]. Или если посмотрим на следующее рассуждение: «Каждый процесс сознания, помимо собственного содержания, содержит ретроспективное восприятие одного или многих предшествующих моментов <...> все сознание и опыт имеет этот двойной аспект, а именно что всякое восприятие, данное само по себе, есть процесс-содержание или осознание чего-то, а второе, что это восприятие, в котором рефлексивный характер несомненен, и является продолжением этого процесса» [10. Р. 74–75]. Исходя из этого, существование такого абсолютного сознания во времени непротиворечиво, поскольку это сознание воспринимает бесконечный ретенциальный ряд, без утраты прошлого и будущего. Абсолют у Ходжсона становится историчным и обладает всеми теми способностями, на утрату которых указывает Мур.

Список источников

1. Carr H.W. The Fiftieth Session: A Retrospect // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1929. Vol. 29, № 1. P. 359–386.
2. Note G.F.S. // *Mind*. 1898. Vol. 7, № 26. P. 288.
3. Metz R. A Hundred Years of British Philosophy / transl. from Germ. by J.W. Harvey, T.E. Jessop, H. Sturt. London : George Allen & Unwin, 1938. 828 p.
4. Bosanquet B., Hodgson S.H., Moore G.E. In What Sense, If Any, Do Past and Future Time Exist? // *Mind*. 1897. Vol. 6, № 22. P. 228–240.
5. Lotze H. *Metaphysic*. In *Three Books: Ontology, Cosmology, and Psychology*. English Translation edited by Bernard Bosanquet, M.A., Fellow of University College, Oxford. Oxford : Clarendon Press, 1884. P. xvi., 539.
6. Пассмор Дж. Сто лет философии : пер. с англ. М. : Прогресс-Традиция, 1998. 496 с.
7. Adamson R. Review of *Metaphysic* / by H. Lotze & B. Bosanquet // *Mind*. 1885. Vol. 10, № 40. P. 573–88.
8. Andersen H., Grush R. A Brief History of Time-Consciousness: Historical Precursors to James and Husserl // *Journal of the History of Philosophy*. 2009. Vol. 47, № 2. P. 277–307.
9. Spicker S. Shadworth Hodgson's reduction as an anticipation of Husserl's phenomenological psychology // *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1971. Vol. 2, № 2. P. 57–73.

10. Hodgson S. *Metaphysic of Experience*. 4 vols. London : Longmans, Green, and Co., 39. Paternoster, London New York and Bombay. 1898. Vol. 1. P. 459.

References

1. Carr, H.W. (1929) The Fiftieth Session: A Retrospect. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 29(1). pp. 359–386.
2. G. F. S. (1898) Note. *Mind*. 7(26). p. 288.
3. Metz, R. (1938) *A Hundred Years of British Philosophy*. Translated from German by J.W. Harvey, T.E. Jessop, H. Sturt. London: George Allen & Unwin.
4. Bosanquet, B., Hodgson, S.H. & Moore, G.E. (1897) In What Sense, If Any, Do Past and Future Time Exist? *Mind*. 6(22). pp. 228–240.
5. Lotze, H. (1884) *Metaphysic*. Translated from English. Oxford: Clarendon Press. pp. xvi.
6. Passmore, J. (1998) *Sto let filosofii* [The Hundred Years of Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
7. Adamson, R. (1885) Review of *Metaphysic*, by H. Lotze & B. Bosanquet. *Mind*. 10(40). pp. 573–88.
8. Andersen, H. & Grush, R. (2009) A Brief History of Time-Consciousness: Historical Precursors to James and Husserl. *Journal of the History of Philosophy*. 47(2). pp. 277–307.
9. Spicker, S. (1971) Shadworth Hodgson's reduction as an anticipation of Husserl's phenomenological psychology. *Journal of the British Society for Phenomenology*. 2(2). pp. 57–73.
10. Hodgson, S. (1898) *Metaphysic of Experience*. Vol. 1. London: Longmans, Green, and Co. pp. 459.

Сведения об авторе:

Юрьев Р.А. – кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yuriev2003@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yuriev R.A. – National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yuriev2003@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 14.04.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 28.03.2022;
approved after reviewing 14.04.2022; accepted for publication 04.05.2022*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 304.444
doi: 10.17223/1998863X/66/9

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА В ТЕОРИЯХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Игорь Борисович Ардашкин

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
ibardashkin@tpu.ru*

Аннотация. Исследуется проблема определения термина в теориях терминологического планирования на основе применения междисциплинарного подхода. Продемонстрирована возможность построения философских оснований для формирования единого подхода к вопросу определения и понимания термина при отсутствии такового в теориях терминологического планирования. Доказывается, что статус термина зависит от социальных потребностей, решаемых с помощью теорий терминологического планирования.

Ключевые слова: термин, понятие, концепт, терминологический треугольник, теории терминологического планирования, междисциплинарный подход

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ) № 22-28-00061 «Смарт-технологии как фактор социальной политики и терминологического планирования: социолингвистический подход», <https://rscf.ru/project/22-28-00061/>

Для цитирования: Ардашкин И.Б. К проблеме определения термина в теориях терминологического планирования: междисциплинарный подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 84–99. doi: 10.17223/1998863X/66/9

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

TO THE PROBLEM OF DEFINING A TERM IN THE THEORIES OF TERMINOLOGICAL PLANNING: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

Igor B. Ardashkin

*National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation,
ibardashkin@tpu.ru*

Abstract. The problem of the definition of a term in the theories of terminological planning based on the application of an interdisciplinary approach is investigated. The aim of the study is to demonstrate the possibility of constructing philosophical foundations for the formation of a unified approach to the issue of defining and understanding a term in the absence of such in the theories of terminological planning. The article is based on an interdisciplinary methodology that includes three components: socio-philosophical, sociolinguistic, and semantic approaches. The socio-philosophical approach allows one to integrate existing approaches based on social priorities (society is the main actor in terminological activity). The sociolinguistic approach helps to demonstrate the connection between social and linguistic processes, which manifests itself directly in terminology. The semantic approach allows one to demonstrate the process of forming the meaning of a term, on the interpretation of which the understanding and definition of the term largely depends. The notions “term”, “notion”, “concept” are related to each other on the basis of a number of philosophical approaches. The non-identity of these concepts with each other in the semantic sense, as well as the impossibility of defining a term without these concepts, is demonstrated. Based on this, the author proposes for comparison a model of a terminological triangle (concept–term–concept) as a criterion for assessing the status of a term and its functions in different theories of terminological planning. Each member of the terminological triangle has a dominant function. The notion is assigned a semantic function in terminological activity (the establishment and consolidation of meanings in a language), the concept performs a cognitive function (the relationship of meanings to each other in the knowledge system), the term fulfills a communicative function (the relationship of meanings and knowledge). At the same time, the author notes that members of the terminological triangle can perform other functions depending on social priorities. Based on the terminological triangle model, the status of the term in three theories of terminological planning is analyzed (General Theory of Terminology, GTT), Communication Theory of Terminology (CTT) – Theory of the Doors (TD), and Sociocognitive Theory of Terminology (STT)). The author shows that the status of the term does not fully coincide either in the designated theories, or in comparison with the functions of the term in the model of the terminological triangle. The author proves that the status of the term depends on social needs, solved with the help of theories of terminological planning, and states that the presence of a terminological triangle model can be the first step towards building a general model of a term based on interdisciplinary methodology.

Keywords: term; notion; concept; terminological triangle; terminological planning theories; interdisciplinary approach

Acknowledgments: The work on this paper has been supported by the Russian Science Foundation (Project Number 22-28-00061, <https://rscf.ru/project/22-28-00061/>).

For citation: Ardashkin, I.B. (2022) To the problem of defining a term in the theories of terminological planning: an interdisciplinary approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 66. pp. 84–99. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/9

Введение

Термин как понятие и предмет исследований наиболее активно рассматривался и рассматривается в сферах специального знания (различных научных дисциплинах и областях профессиональной деятельности), особенно углубленно в сфере лингвистики и терминологии (последняя уже достаточно давно претендует на статус самостоятельной науки). Но исследований термина с позиций различных философских подходов фактически нет. Во многом это может быть связано с тем, что в философии и логике имеет место много публикаций о таких аналогах термина, как понятие и концепт, которые очень часто рассматриваются в качестве синонимов.

Автору представляется актуальным обращение к теме определения термина в силу неоднозначности существующих походов по отношению к по-

следнему, а также по причине необходимости применения междисциплинарного подхода (в работе речь пойдет о трех ключевых составляющих данного подхода) как интегрированном способе изучения сложных и многоплановых феноменов, к которым следует отнести термин. Три ключевые составляющие междисциплинарного подхода – социально-философская социолингвистическая, семантическая. Можно еще включить сюда другие составляющие, но чтобы еще больше не усложнять предмет рассмотрения, лучше ограничиться перечисленным.

Использование социально-философского подхода обусловлено тем, что общество выступает одним из основных акторов, определяющих развитие терминологии. Терминологическое планирование есть следствие того, что развитие любой сферы общественной жизнедеятельности предполагает соответствующее терминологическое обеспечение. Для того чтобы люди могли полноценно коммуницировать как профессионалы и потребители между собой, необходимы специальные понятия (термины), которые можно выявлять не только из имеющегося словарного запаса, но и формировать с учетом приоритетов социальных трансформаций, управляя этим процессом. Социально-философский подход представляет собой в таком случае основание, позволяющее рассматривать разные социальные процессы в связи с особенностями определения и понимания термина в том или ином обществе, на любом этапе его эволюции. Благодаря социально-философскому подходу автор может рассматривать развитие представлений о термине в теориях терминологического планирования не только исторически, как это осуществляется в терминологии, но и синхронически.

Социолингвистический подход необходим для того, чтобы продемонстрировать связь социальных и лингвистических составляющих как взаимообуславливающих друг друга факторов. Социальная трансформация обязательно имеет лингвистическое сопровождение и всегда отражается в языке. И наоборот, лингвистические изменения влияют на социальные стороны жизнедеятельности общества. Для понимания термина и его природы это очень существенный аспект.

Семантический подход важен по причине того, что различия в понимании термина, его статуса связаны со способом установления значения последнего, выявлением факторов, влияющих на это значение. Собственно, термин призван выражать значение в специальной сфере знания, поэтому семантический аспект представляется наиболее значимой составляющей термина как феномена и без него вопрос определения термина неполон.

Проблема определения термина в сфере философии и науки (научных дисциплин) заключается в том, что в разных областях знания существуют различные трактовки либо самого этого слова, либо тех слов (как правило, понятие и концепт), которые используются для уточнения дефиниции термина, либо, как ни странно, вообще вместо термина используются другие понятия (как в некоторых теориях терминологического планирования). Данная ситуация во многом обусловлена тем, что семантическая функция термина стремится выразить специфику предметной области, в которой используется терминология, но особенности этих предметных областей таковы, что они не могут быть унифицированным образом выражены. И поэтому исследователи больше говорят о традициях, в рамках которых следует учитывать значение того или иного термина.

Очень часто в таких ситуациях делается отсылка к философским основаниям той или иной предметных сфер, но и здесь сохраняется сложность соотношения терминов друг с другом, сферы их значений, поскольку и в самой философии имеет место многообразие подходов. Поэтому и важен социальный критерий в философском, лингвистическом, семантическом измерениях термина, поскольку именно данный акцент позволяет выявить основные императивы развития представлений о последнем. Не случайно терминология как отдельная практика, сфера деятельности и наука появляется только в XX в. Ее возникновение обусловлено социальными потребностями, вызванными необходимостью построения четкой и взаимопонятной коммуникации между представителями различных культур и обществ, разными профессиональными группами, учеными и представителями социума. Термин возникает как специальное слово (не только слово, но и образ, изображение, диаграмма, знак и т.д.), позволяющее значение профессионального понятия сделать доступным для семантических измерений других членов сообщества. Собственно, терминология и начинает рассматриваться как самостоятельная наука, поскольку ее предназначение заключается в трансляции профессиональной семантики в сферу повседневной, сферы значений массовой культуры и наоборот.

Термин, понятие, концепт

Как уже говорилось выше, рассмотрение термина как понятия и феномена всегда осуществляется через анализ аналогичных слов, выполняющих схожую функцию в языке, знании, социуме, коммуникации. Существует целый набор таких аналогов как в терминологии и лингвистике, так и в сфере других знаний. Мы можем столкнуться с такими языковыми выражениями, как предтермин, прототермин, квазитермин, нетермин, узкоспециальное слово, профессионализм, элемент терминологии, элемент терминосистема, вербализованный вариант профессионального мышления, номинативная специальная лексическая единица и т.д. (подробный перечень таких аналогов можно посмотреть в работе С.Д. Шелова) [1].

Однако для данной публикации погружение в нюансы рассмотрения термина в лингвистике и терминоведении не имеет смысла, поскольку их анализ больше связан с вопросами языкового характера. Куда важнее рассмотреть соотношение термина с такими аналогами, как понятие и концепт, тем более что и здесь существует достаточное количество подходов, которые автор постарается несколько оптимизировать и редуцировать.

Данное многообразие подходов обусловлено также разным социокультурным происхождением обозначенных слов. Если слово «понятие» сформировалось в русском языке, то слова «термин» и «концепт» имеют латинское происхождение и попадают в русский язык путем заимствования через европейский язык. В частности, слово «термин», согласно этимологическому словарю М. Фасмера, появляется в русском языке «уже в 1705 г.; через польск. *termin* из лат. *terminus* „пограничный знак“» [2]. Отсюда часто возникает своеобразная путаница в их употреблении. Например, «понятие» и «концепт» в одних случаях рассматриваются как тождественные термины, только одно означает другое на разных языках («концепт» на английском языке – это «понятие» на русском). В других случаях «понятие» и «концепт» являются близки-

ми, но все же нетождественными словами по значению, и их употребление осуществляется по-разному. Данные различия проявляются как в разных традициях (например, в философии), так и на разных этапах развития одной и той же традиции (например, в терминологии). И каждый раз обращение к любому из указанных семантических способов выражения этих терминов требует уточнения. Все эти постоянные ссылки на способ употребления, язык использования, социокультурные условия применения слов «понятие» и «концепт» очень важны, поскольку от их особенностей зависит понимание термина, его природа, функция и значение. Термин из-за подобной детерминации может сам фигурировать в качестве понятия, либо в качестве его функции, либо в качестве функции концепта (в том случае, когда традиция «концепт» не отождествляет с «понятием»), либо в ином социальном, коммуникативном или семантическом качестве. От этого зависит, в том числе, его трактовка.

Не случайно в лингвистике (особенно отечественной) одна из дискуссий разворачивалась вокруг вопроса: в каком случае слово (словосочетание) играет функцию термина, а в каком случае – нет? Возникает сложная многоступенчатая система критериев, на основании которых одни авторы относят слово к термину, а другие – нет (например, принадлежность слова к литературному языку для одних и к национальному для других, точность в определении и т.д.). Как пишет С.Д. Шелов, «достижение ясности в том, что такое термин, теснейшим образом связано с еще одной группой вопросов: имеются ли другие и какие именно отличные от терминологии типы специальной лексики и каково их соотношение с терминологией с точки зрения сущностных характеристик как терминов, так и этих нетерминологических лексических единиц? Известно, что при ответе на этот вопрос часто упоминаются и противопоставляются терминам номены (участвующие в образовании обширных классов номенклатуры) и профессионализмы. Однако ясности в соотношении этих единиц с терминологией до настоящего времени не существует, в связи с чем решение поставленной задачи, безусловно, представляет и общелингвистический, и прикладной интерес» [1. С. 6].

Казалось бы, в чем тут сложность? Термин – слово или словосочетание, которое фиксирует какое-то значение в сфере специального (профессионального) знания. Его функция заключается в уточнении семантики этой области специального (профессионального) знания, в выделении тех семантических единиц, которые несут дополнительные коннотации используемого понятия в ней. Но это не значит, что у данного понятия нет других семантических единиц, неактуальных для одной специальной (профессиональной) сферы знания. Проблема в том и заключается, что важно понимать, с помощью каких приемов нужные семантические единицы будут актуализированы, а ненужные – нет. Для этого и следует обратиться к «понятию», чтобы продемонстрировать данную необходимость.

Почему невозможно рассматривать термин, его природу и дефиниции без понятия? Потому что понятие, согласно традиционной логике, – это «мысль, в которой обобщены в класс и выделены из некоторого множества предметы по системе признаков, общей только для этих выделенных предметов» [3]. Через «понятие» мы пытаемся выделить те признаки, которые носят наиболее абстрактный характер и минимально зависят от контекста их упо-

требления. Конечно, это больше идеализация, стремление обозначить как должно быть. И практически понятие невозможно ограничить конечным набором признаков. Тем не менее данный прием означивания реальности важен и необходим. Тогда как функция термина заключается в установлении связи тех признаков понятия, которые могут быть актуализированы в конкретной ситуации применения последнего, с другими признаками предметной стороны специального (профессионального) знания в момент его употребления. Например, если говорить о понятии «кошка», то оно «означает „любую кошку“ или „класс кошек“ вне конкретного контекста» [4. Р. 472]. Но когда мы говорим о кошке как о термине в области, допустим, ветеринарии, то в первую очередь мы актуализируем ряд признаков, связанных с особенностью здоровья этих домашних животных, профилактикой или лечением заболеваний, характерных для них.

Поэтому без понятия, которое выражает наиболее общий и абстрактный набор признаков, термину не обойтись. Важно только уточнить, как актуализировать нужные признаки в момент применения термина. Собственно, этими вопросами и занимаются терминологические теории (как они это делают и на каких основаниях, рассмотрим чуть позже).

Однако понятие – не единственный необходимый элемент для определения термина, его природы и функций. Важен еще такой элемент как концепт. В том плане, в котором «концепт» и «понятие» рассматриваются в качестве тождественных элементов, автор его обозначил чуть выше. Рассмотрим «концепт» в его нетождественном для понятия значении. Такое значение концепта наиболее характерно для философии и когнитивно-лингвистической традиции в лингвистике и терминологии.

То, что концепт не может быть тождествен понятию, полагал еще Пьер Абеляр, исследователь, который вводит понятие «концепт» в европейскую философию. В его трактовке «понятие» и «концепт» разводятся по принципу отношения к разным способам «схватывания» мира. Понятие связано с языком и имеет строгие и объективные способы выражения знания о мире, тогда как концепт связан с речью и субъективен. Как пишет С.С. Неретина, «понятие непосредственно связано с языковыми структурами, которые выполняют функции становления строго определенной мысли независимо от общения. Концепт же формируется речью (1), освященной Св. Духом (2) и осуществляющейся потому „по ту сторону грамматики“ – в пространстве души с ее ритмами, энергией, интонацией (3). Концепт предельно субъектен. Он изначально зачинается („видится“, „схватывается“) как целое, способное меняться („проистекать“»)» [5. С. 66].

Однако тот способ, при помощи которого понятие «концепт» начинает рассматриваться в философии, лингвистике, терминологии сегодня, связан с именем Г. Фреге. Именно немецкий философ и логик разделил семантически значение и смысл. Таким путем он хотел различить семантическую составляющую, связанную с самим знаком (денотат знака, значение, понятие), от семантической составляющей, связанной с нашим образом и ощущениями от этой вещи (денотат имени, смысл, концепт). Как пишет Г. Фреге, «смысл и денотат знака следует отличать от соответствующего этому знаку представления. Если денотат знака – это вещь, данная нам в ощущениях, то мое представление об этой вещи есть внутренний образ, возникший у меня на основе

моих впечатлений от этой вещи, а также в результате моей деятельности, физической и мыслительной, связанной с этой вещью... Между денотатом и представлением располагается смысл – не столь субъективный, как представление, но и не совпадающий с самой вещью, т.е. с денотатом. Поясним это соотношение следующим примером. Допустим, что некто смотрит на Луну в телескоп. При этом имеют место два реальных изображения Луны: первое образуется на линзах внутри телескопа, а второе – на сетчатке глаза наблюдателя. Тогда саму Луну можно сопоставить с денотатом, первое изображение Луны – со смыслом, а второе – с представлением (или восприятием)» [6. С. 185–186].

Иными словами, разделение процесса означивания на значение (референтная функция) и смысл (концептуальная функция) позволила Г. Фреге продемонстрировать, что семантика знания во многом зависит не только от способа обозначения мысли (связь слова и вещи), но и от способа ее выражения (связь слова с другим словом (словами)). Тем самым, предметная (онтологическая) сфера (условно говоря, объем понятия в логике) и содержательная (когнитивная) сфера (содержание понятия в логике) обрели определенную динамику взаимодействия и разнонаправленность интенций. «Понятие» как функция ориентировано в этом случае на предметную область, его задача – зафиксировать ясным и полным образом ее основные признаки (денотаты), тогда как «концепт» ориентирован на смысловую область, его задача – выявить как можно больше дополнительных смыслов (коннотатов), продемонстрировать возможность их расширения.

Также следует отметить, данная линия означивания имела развитие. Наиболее радикально ее в философии представил Л. Витгенштейн. Если редуцировать его позицию, то ключевым способом установления смысла и значения, способом взаимодействия «понятия» и «концепта» (хотя у последнего нет такого понятия) будет игра. В процессе игры смысл и значение постоянно пребывают в отношениях открытости и неустойчивости, по сути, делая любое понятие неполным. А концепт выступает таким необходимым компонентом, с помощью которого неполнота и открытость семантической сферы «понятия» могла бы успешно быть выражена. Воспользуюсь цитатой из публикации, где этот вопрос рассматривался подробно. Как пишут Д.М. Кошляков и А.И. Швырков, «...помимо понятия *понятия* в философию науки следует ввести понятие *концепта*. Связано это с тем, что даже такой *широкой* (Здесь далее в цитатах курсив мой. – И.А.) трактовки понятия, как у Л. Витгенштейна, недостаточно для того, чтобы успешно решать те задачи, которые должна решать философия науки. То есть речь идет о том, чтобы оснастить эту последнюю еще одним инструментом (аналогично парадигме, научно-исследовательской программе и т.п.)» [7. С. 125].

Получается, что в философской традиции дифференциация «концепта» и «понятия», в первую очередь, направлена на выявление определенных когнитивных и семантических возможностей для «понятия», но при этом сохраняя «понятийную» структуру фиксации значения. Как опять же пишут Д.М. Кошляков и А.И. Швырков, «некоторое число концептов отсылает к некой неоспоримой в своем существовании *реальности*. Концепт ее называет, обозначает, но, в отличие от классического понятия, ассоциируется не с *пóнятым* (поэтому концепт и не *понятие*), а с непóнятым, ограничивает сферу, зону

непонятого (а возможно, и непонимаемого в значении *непостижимого*). В этом смысле концепт – это *антипонятие*... В качестве концепта мы определили семантическую конструкцию, указующую, обозначающую, *позволяющую говорить* о непознанном (и, возможно, *принципиально непознаваемом*) и предполагающую, обеспечивающую возможность работы с этим непознанным (непознаваемым)» [7. С. 135–136].

Важно также отметить, что близкое по значению понимание концепта сформировалось в когнитивной лингвистике. Авторы отмечают своеобразную открытость и незавершенность концепта, его подвижность в когнитивном, семантическом и коммуникативном аспектах. Как пишет Л.А. Манерко, характеризуя статус данного понятия в когнитивной лингвистике, «...концепт – очень сложное явление человеческого сознания. Это объект знания, представленный рядом семантических характеристик, потенциально существующих в человеческом разуме, но в науке когнитивной терминологии он описывается как динамический по своей природе, поскольку из-за меняющегося уровня жизни, науки и технологий он гибок для круга авторских ассоциаций, обязательно возникающих в процессе профессионального общения. Кроме того, концепт – это нестабильная сущность, обогащенная различными экстралингвистическими, прагматическими и индивидуальными факторами, возникающими в дискурсе» [4. С. 481–482].

Тем самым, можно констатировать важность как понятия «понятие», так и значимость понятия «концепт» для вопроса рассмотрения дефиниции термина, его природы и функций. Если редуцировать специфику подходов к понятиям «термин», «понятие», «концепт» в разных традициях, то следует обозначить своеобразную посредническую функцию термина между понятием и концептом в когнитивном и семантическом планах, обусловленную чаще всего социальными потребностями общества. Функция понятия заключается в фиксации необходимых значений слова (языкового выражения, знака), функция термина – в дифференциации и актуализации этих значений в определенных контекстах в процессе коммуникации, функция концепта – в сохранении ситуации семантической и когнитивной открытости слова (языкового выражения, знака) и установлении их потенциальных связей с другими семантическими и когнитивными конструктами.

Этимологическое значение термина как «пограничного знака» удачно сочетается с выраженной выше посреднической функцией последнего в процессе коммуникации между понятием и концептом (своеобразный терминологический треугольник: понятие–термин–концепт), где понятие в приоритетном плане отвечает за семантический аспект, концепт – за когнитивный, а термин выполняет своеобразную коммуникативную функцию, устанавливая и отменяя границы для значений и знаний в процессе профессионального общения.

Однако подобная модель может быть трансформирована в зависимости от социальных факторов (к вопросу о том, почему важно учитывать социолингвистический и социально-философский аспекты), что автор и пытается сделать на примере ряда теорий терминологического планирования, в которых могут актуализироваться по социальным мотивам в разной степени обозначенные функции, влияющие на понимание термина, либо вообще

утратить свою необходимость. А это, в свою очередь, отразится на понимании термина, его роли и функции в процессе практического применения.

Термин в теориях терминологического планирования

Несколько слов о терминологическом планировании. До XX в. термины и терминология не рассматривались в качестве специального предмета исследования. Как правило, представители отдельных наук и сфер профессиональной деятельности самостоятельно подбирали соответствующие термины и устанавливали их значение в рамках собственной сферы знаний. Но в XX в. под влиянием общества стали формироваться тенденции междисциплинарности и трансдисциплинарности в науке, которые актуализировали потребности интеграции и коммуникации различных научных дисциплин для решения социальных проблем, что поставило проблему унификации и стандартизации в отношении терминологии как между различными научными и профессиональными областями, так и между представителями различных культур и цивилизаций (носителей разных языков). К концу XX в. эти тенденции усилились в силу процессов глобализации и информатизации, что также отразилось на развитии терминологии.

Как формируется значение специального понятия (термина), как оно фиксируется и взаимодействует с другими значениями, как оно меняется, как значение термина в специальной дисциплине в одном языке соотносится с таким же термином в этой же дисциплине в другом языке и т.д. – все это потребовало концентрации усилий со стороны исследователей и привело к появлению терминологии и теорий терминологического планирования. Помимо обозначенных вопросов, связанных с предметом терминологической деятельности, возникли вопросы социальных приоритетов, связанных с возможностью управления процессами означивания терминов и управления этими процессами (терминологическое планирование (Terminology Planning), согласно Национальному стандарту по терминологической политике – «развитие языковых ресурсов для поддержки информационного представления знаний (концептов) в конкретных предметных областях и использование таких представлений для обеспечения успешного и беспрепятственного общения специалистов в рамках конкретных предметных областей и при их взаимодействии, включая: формирование терминологии; использование терминологии, ее документирование, регистрацию и обработку; передачу знаний; передачу терминологии (например, через профессиональное обучение, когда передающей средой является другой язык)» [8]). По этой же причине терминологические теории стали теориями терминологического планирования.

В зависимости от способа понимания социальных приоритетов выстраивается соответствующая модель соотношения понятийного (семантического), коммуникативного (терминологического), концептуального (когнитивного) компонентов, возможна даже утрата какой-либо из обозначенных функций.

Общая теория терминологии (General Theory of Terminology – GTT). Это первая теория терминологического планирования, которая была создана инженером по образованию и по профессии О. Вюстером в 30-е гг. XX в. (одновременно он является создателем венской терминологической школы). Она функционировала вплоть до 90-х гг. XX в. По сути, как теория она была сформулирована в конце 70-х гг. Г. Фельбером (его соратником) уже после

смерти О. Вюстера. В основу GTT легла практическая деятельность О. Вюстера по терминологической работе, которую он осуществлял в рамках различных международных организаций (в том числе в рамках ООН).

Социальным приоритетом для О. Вюстера было формирование стандартизированных терминологических источников для осуществления успешной профессиональной коммуникации, в том числе для носителей разных языков. Но получилось так, что хотя создатель GTT занимался терминологической работой, но термин как предмет не стал ключевым понятием теории, во-первых, а, во-вторых, его основная функция не являлась коммуникативной (как она была обозначена выше автором статьи), скорее – семантической.

Потребность сообществ (политиков, дипломатов, инженеров, ученых, других профессиональных групп), стран в создании необходимых международных словарей и справочников обусловила эту специфику GTT. Общая теория терминологии – это теория о концептах (в смысле понятий (семантический элемент терминологического треугольника, как было выше обозначено)), а не о терминах. Ключевой параметр здесь – понятие (на английском – концепт), которое содержит в себе полный перечень значений слова (языкового выражения). А термин только связан с каким-то одним из этих значений в зависимости от того, к какой области специализированного знания он относится. Отсюда – абсолютно искусственный критерий «одно понятие (у О. Вюстера – концепт) – один термин», вызванный больше удобством осуществления процедур стандартизации терминологии, нежели выявлением полного спектра значений термина и условий их формирования. Важно добавить, что критерий «одно понятие – один термин» был подходящим и для другого важнейшего критерия терминологической работы – строгость значения термина. Действительно, если допускается только один термин в специальной сфере знания с одним значением, то критерий семантической строгости соблюден [9].

Можно также заметить, что GTT, несмотря на то, что она призвана была способствовать международной и профессиональной коммуникации, при таком понимании термина фактически существенно ограничивала свой коммуникативный потенциал. Критерий «одно понятие – один термин» упрощал технически процесс осуществления терминологической стандартизации, но не способствовал ее развитию. Роль термина сводилась лишь к закреплению одного из значений понятия за словом (языковым выражением) в определенной сфере знаний.

Коммуникативная теория терминологии (Communication Theory of Terminology – CTT). Рассмотрим вопрос о дефиниции термина в рамках коммуникативного направления в терминологии на примере «теории дверей» (Theory of the Doors – TD) М. Кабре. В рамках как CTT, так и TD подход к пониманию того, что такое термин и как должна строиться терминологическая работа, существенно меняется. Надо сказать, что TD появляется на основе критики GTT, демонстрируя, что предыдущая теория не помогает осуществлять терминологическую работу качественно и оперативно в современных условиях. Более того, искусственное закрепление одного значения за термином, одного термина – за понятием (концептом на английском языке) в принципе не выполнимо. М. Кабре актуализирует коммуникативную функцию терминологии и стремится сконструировать такую модель, в кото-

рой эта функция является ключевой. В связи с такой установкой испанская исследовательница полагает, что значение термина (это слово здесь употребляется не в контексте TD, а в контексте «терминологического треугольника», представленного автором выше) не может быть установлено предварительно, оно выявляется только в процессе коммуникации, его непосредственного употребления. Из этого следует, что значение термина не может быть строгим и заданным предварительно, а терминологическая работа осуществляется стандартизированным образом [10].

Социальная потребность, по мнению М. Кабре, связывает терминологическую работу с коммуникацией, только в рамках которой и возможно устанавливать значения терминов. А значит, термин нужно рассматривать исключительно в коммуникативном формате, чему последние должны способствовать.

Поэтому М. Кабре делает ключевым для TD понятие «терминологическая единица», которое у испанской исследовательницы обладает сложной структурой, выстроенной под максимально возможный учет факторов, влияющих на процесс общения. Если GTT предполагает, что коммуникация осуществляется между специалистами одного профиля и в рамках единого формата, то TD исходит из того, что коммуникация может идти между представителями различных социальных групп, не обязательно между специалистами. Тогда любой фактор, а не только семантический может повлиять на процесс формирования значения.

Три ключевых фактора коммуникации, по мнению М. Кабре, и составили структуру терминологической единицы: фактор познания, фактор языка, фактор общения. Терминологическая единица состоит в таком случае из единицы знания (концепт), единицы языка (термин), единицы общения (контекст). Таким образом, TD (как коммуникативное направление в терминологии) в качестве ключевого понятия использует понятие «терминологическая единица», а не понятие «термин». Термин – это лишь лингвистический компонент терминологической единицы.

Теория М. Кабре получила название «теория дверей», потому что благодаря когнитивной единице (знание, концепт), лингвистической единице (термин, язык), единице общения (контекст, ситуация применения языкового выражения) значение терминологической единицы может меняться. Эти три канала рассматриваются в качестве своеобразных «дверей» процесса формирования значения последней.

Социокогнитивная теория терминологии (Sociocognitive Theory of Terminology – STT). Следует уточнить, что речь пойдет о социокогнитивном направлении в терминологии, но в основе подхода к пониманию и определению термина рассмотрим социокогнитивную теорию терминологического планирования Р. Теммерман и ее соавтора К. Кереманса [11]. Если в рамках направления, представленного М. Кабре, актуализировались социально-коммуникативные приоритеты терминологической деятельности, то в рамках настоящего подхода речь идет об актуализации социальных и когнитивных приоритетов в сфере терминологического планирования. В силу данного фактора меняется подход к пониманию термина, точнее, меняется его статус в терминологической деятельности.

Авторы социокогнитивной теории терминологии так же, как и представители коммуникативного направления, исходят из критики общей теории

терминологического планирования, только ориентируются на другую сторону терминологической деятельности – когнитивную (концептуальную, если исходить из элементов обозначенного выше терминологического треугольника). Их интересует концепт как аспект терминологической работы, его открытость и динамика, которую он предает семантическому элементу терминологии.

Играет свою роль и социальный аспект, который авторам этой теории рассматривается как прагматические ожидания общества от терминологической деятельности. Этот прагматический запрос Р. Теммерман и К. Кереманс связывают с тремя сдвигами, которые произошли относительно недавно: сдвиг в сторону компьютерного управления; лингвистический сдвиг; онтологический сдвиг.

Компьютерное управление – это активное внедрение и применение автоматизированного управления с помощью информационных технологий, которое стало использоваться в терминологии. Лингвистический сдвиг обусловлен созданием мультилингвистических ресурсов, основанных на использовании разных национальных и не только языков с взаимно пересекающимися семантическими связями между понятиями. Онтологический сдвиг связан с построением онтологий, под которыми авторы подхода понимают формальное и совместно используемое хранилище знаний, в котором категории (термины), а также межкатегориальные отношения становятся явными для компьютерной обработки [12]. По сути, социокогнитивный подход ориентирован на ведение терминологической деятельности в электронной (информационной) среде.

И здесь важно обратить внимание, что, несмотря на критику теории терминологического планирования О. Вюстера в целом, представители социокогнитивного подхода, тем не менее, возвращаются к одной из ключевых задач терминологической деятельности, которая ставилась в GTT, – к задаче по стандартизации терминологии. Только эту задачу они решают не путем ограничения значений термина, а путем категоризации последнего (концептуализации) посредством информационных технологий, что влияет на понимание и дефиницию понятия «термин» в рамках этой теории.

Социокогнитивная теория – это также не теория о терминах, а теория о «единицах понимания» (Unit-of-Understanding – UoU). «Единица понимания» – это когнитивная единица, которая не зависит от культуры и человеческого языка и в рамках которой происходит категоризация понятий (создание семантических сетей между понятиями различных профессиональных сфер и языков). Здесь термин не рассматривается в каком-то специальном смысле, статус его больше лингвистический (аналогичный способу понимания последнего в СТТ). Это хорошо видно при анализе основного метода социокогнитивной теории – термонтографии. Термонтография – это междисциплинарный подход, в котором теории и методы социокогнитивного (многоязычного) терминологического анализа сочетаются с методами и руководящими принципами онтологического анализа. Например, в терминологической деятельности специалист сосредоточивается на представлении знаний на естественном языке, тогда как при построении онтологий человек занимается формальным представлением этих знаний. И вот там, где возможно пересечение определенных семантических областей, формируется

прототип (одна из форм единицы понимания). UoU состоит из категорий и концептов. Категории имеют прототипическую структуру (семантические сферы в разных языках и базах данных пересекаются). Концепты выражают значения, не имеющие прототипической структуры. Концепт – это другая форма единицы понимания.

Термин как понятие в этой модели может выступать в качестве слова, категории (понятия), лексической единицы и т.д., это определяется в процессе применения метода термонтографии. Как пишут Р. Теммерман, К. Кереманс, И. Десментер и П. Вилле, «...этот подход, получивший название „термонтография“, объединяет этап спецификации знаний. Мы считаем, что, с одной стороны, спецификация знаний будет эффективно способствовать процессу отбора корпуса. С другой стороны, это позволит терминологам установить конкретные критерии извлечения того, что следует рассматривать как „термин“: т.е. представление (на естественном языке) единицы понимания, которая считается относящейся к данным целям, приложениям или группам пользователей. Кроме того, заранее определенные знания также повлияют на метод работы терминоведа, а также на программные инструменты, которые будут использоваться для поддержки рабочего метода» [13. Р. 84].

Можно резюмировать, что если использовать терминологический треугольник, представленный в начале, то социокогнитивная теория терминологического планирования актуализирует концептуальный элемент последнего, что следует из названия подхода, где термин выступает своеобразной лингвистической единицей, которую можно категоризировать (создать единую электронную базу знаний на основании семантической сети), с одной стороны, а с другой – имеющей такие семантические единицы, которые обладают неунифицируемыми значениями (концепты).

Помимо представленных теорий есть другие теории терминологического планирования (например, теория социотерминологии, теория терминологии, основанная на фреймах, и др.). И там также статус термина имеет свои особенности, отличающие его от статуса термина в других теориях. Мы ограничимся уже представленным перечнем теорий, тем более что этого вполне достаточно для представления разных способов определения и понимания терминов.

К вопросу об определении термина. Вместо заключения

Проведенный анализ позволяет продемонстрировать, что не существует единого подхода к определению термина, но это не означает, что в таком подходе нет необходимости. С позиции автора, разработка данного подхода – актуальная задача, решение которой может осуществляться достаточно долгое время. Рассмотренное выше содержание – один из первых вкладов в ее построение, который был сделан на примере соотношения философских подходов к термину в связке с понятием и концептом и теорий терминологического планирования.

Был предложен терминологический треугольник (по подобию семантического треугольника Г. Фреге) в качестве определенного критерия оценки статуса термина в контексте редукции ряда философских интерпретаций и определений «понятия» и «концепта»: понятие–термин–концепт. За каждым из составляющих этого треугольника автор предложил закрепить одну доми-

нирующую функцию, которую в процессе познания, коммуникации, означивания субъект в лице человека и общества осуществляет. Понятие в рамках указанных процессов ориентировано на выполнение семантической функции (связь знака и значения), концепт – на выполнение когнитивной функции (связь значений между собой, формирование знаний и смыслов), термин – на выполнение коммуникативной функции (связь знаков (языка), значений, знаний между собой, выявление социальных приоритетов значений). Главное, для чего это закрепление функций сделано, – чтобы прояснить ключевые функции каждого из параметров, составляющих терминологический треугольник.

Конечно, это не значит, что каждая составляющая терминологического треугольника не может выполнять другие функции. И вполне можно сконструировать другую модель термина (терминологической деятельности), где функции будут иначе представлены. Автором предложен такой вариант по причине того, что терминологическая деятельность актуализировалась в процессе осуществления профессиональной и межкультурной коммуникации, поэтому термину наиболее присуща функция общения и установления понимания.

Любая схематизация и классификация несовершенны, но полезны. Полезность данного терминологического треугольника заключается в том, чтобы продемонстрировать, как в зависимости от совпадения или несовпадения функций термина меняется его статус в теориях терминологического планирования. Несовпадение функций, которое мы наблюдали в теориях терминологического планирования, было обусловлено социальными причинами. Поэтому в общей теории терминологии О. Вюстера термин не выполняет коммуникативную и когнитивную функции, только семантическую (через понятие). В коммуникативной традиции терминологии («теории дверей» М. Кабре) термин выступает лингвистическим инструментом концепта (когнитивный элемент) и контекста (коммуникативный элемент), что отчасти демонстрирует его пассивный характер в процессе познания, коммуникации и означивания. В социокогнитивной теории Р. Теммерман, К. Кереманса термин получает еще более сложный статус, выступая лингвистическим компонентом различных баз данных в электронной (информационной) среде, с одной стороны, и одновременно лингвистическим компонентом различных онтологий (электронных баз знаний) с потенциальной имплицитной коммуникативной функцией, но не акцентированной, с другой стороны.

С помощью сконструированного терминологического треугольника мы можем видеть функциональное несовпадение термина как на уровне теорий терминологического планирования, так и на уровне социально-философского, терминологического, лингвистического подходов, что лишний раз подтверждает необходимость обращения к вопросу об определении термина.

Список источников

1. Шелов С.Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М. : ПринтПро, 2018. 472 с.
2. Термин // Этимологический онлайн-словарь М. : Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/т/термин> (дата обращения: 03.01.2022).
3. Ивлев Ю.В. Логика : учебник. 4-е изд. М. : Проспект, 2020. 304 с. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook718/01/part-008.htm> (дата обращения: 04.01.2022).

4. Manerko L. Concept understanding in cognitive linguistics and cognitive terminology science // Languages for Special Purposes in a Multilingual, Transcultural World, Proceedings of the 19th European Symposium on Languages for Special Purposes / G. Budin, V. Lušicky (eds.). 8–10 July 2013. Vienna, Austria. Vienna : University of Vienna, 2014. P. 471–483.
5. Неретина С.С. Концепт // Пьер Абеляр. Теологические трактаты / сост., пер. с лат., ввод. ст., коммент, указатели С. Неретиной. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2010. С. 60–70.
6. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М. : ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 181–210.
7. Кошлаков Д.М., Швырков А.И. Концепт и философия науки // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 124–141.
8. Национальный стандарт Российской Федерации. Терминологическая политика. Разработка и внедрение. М., 2020. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200104406> (дата обращения: 10.01.2022).
9. Wuster E. Introduction to the general theory of terminology and terminological lexicography. Wien : Springer, 1979. 176 p.
10. Cabré Castellvi M.T. Theories of terminology. Their description, prescription and explanation // Terminology. 2003. № 9 (2). P. 163–199.
11. Temmerman R., Kerremans K. Termontography: ontology building and the sociocognitive approach to terminology description // Proceedings of CIL 17. 2003. Vol. 7. P. 1–10. URL: https://www.academia.edu/851013/Termontography_Ontology_building_and_the_sociocognitive_approach_to_terminology_description (дата обращения: 04.01.2022).
12. Kerremans K., Temmerman R., Tummers J. Discussion on the Requirements for a Workbench supporting Termontography // Proceedings of the XIth Euralex International Congress, 2004. P. 550–557. URL: https://www.researchgate.net/profile/Rita-Temmerman/publication/228747702_Discussion_on_the_Requirements_for_a_Workbench_supporting_Termontography/links/552d2220cf2e089a3ad374d/Discussion-on-the-Requirements-for-a-Workbench-supporting-Termontography.pdf (дата обращения: 04.01.2022).
13. Kerremans K., Desmeyere I., Temmerman R., Wille P. Application-oriented terminography in financial forensics // Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication. 2005. Vol. 11, is. 1. P. 83–106.

References

1. Shelov, S.D. (2018) *Ocherk teorii terminologii: sostav, ponyatiynaya organizatsiya, prakticheskie prilozheniya* [Essay on the theory of terminology: composition, conceptual organization, practical applications]. Moscow: PrintPro.
2. Fasmer, M. (n.d.) *Etimologicheskii onlayn-slovar'* [Etymological online dictionary]. [Online] Available from: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/t/term> (Accessed: 3rd January 2022)
3. Ivlev, Yu.V. (2020) *Logika* [Logics]. 4th ed. Moscow: Prospect. [Online] Available from: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook718/01/part-008.htm> (Accessed: 1st April 2022).
4. Manerko, L. (2014) Concept understanding in cognitive linguistics and cognitive terminology science. In: Budin, G. & Lušicky, V. (eds) *Languages for Special Purposes in a Multilingual, Transcultural World, Proceedings of the 19th European Symposium on Languages for Special Purposes*. 8–10 July 2013. Vienna, Austria. Vienna: University of Vienna. pp. 471–483.
5. Neretina, S.S. (2010) Concept. In: Abelard, P. *Theological Treatises*. Translated from Lati by S. Neretina. Moscow: Kanon +" ROOI "Reabilitatsiya". pp. 60–70.
6. Frege, G. (1977) Smysl i denotat [Meaning and denotation]. In: Mikhailov, A.I. (ed.) *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics]. Vol. 8. Moscow: VINITI. pp. 181–210.
7. Koshlakov, D.M. & Shvyrkov, A.I. (2020) Conception and Philosophy of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 57(2). pp. 124–141. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202057226
8. Russia. (2020) *Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii. Terminologicheskaya politika. Razrabotka i vnedrenie* [National standard of the Russian Federation. Terminological policy. Development and implementation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1200104406> (Accessed: 10th January 2022).
9. Wuster, E. (1979) *Introduction to the general theory of terminology and terminological lexicography*. Wien: Springer.
10. Cabré Castellvi, M.T. (2003) Theories of terminology. Their description, prescription and explanation. *Terminology*. 9(2). pp. 163–199. DOI: 10.1075/term.9.2.03cab

11. Temmerman, R. & Kerremans, K. (2003) Termontography: ontology building and the socio-cognitive approach to terminology description. *Proceedings of CIL 17*. 7. pp. 1–10. [Online] Available from: https://www.academia.edu/851013/Termontography_Ontology_building_and_the_sociocognitive_approach_to_terminology_description (Accessed: 4th January 2022).

12. Kerremans, K., Temmerman, R. & Tummers, J. (2004) Discussion on the Requirements for a Workbench supporting Termontography. *Proceedings of the XIth Euralex International Congress*. pp. 550–557. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/profile/Rita-Temmerman/publication/228747702_Discussion_on_the_Requirements_for_a_Workbench_supporting_Termontography/links/links/552d2220cf2e089sion-supporting-Termontography.pdf (Accessed: 1st April 2022).

13. Kerremans, K., Desmeyere, I., Temmerman, R. & Wille, P. Application-oriented terminography in financial forensics. *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*. 11(1). pp. 83–106. DOI: 10.1075/term.11.1.05ker

Сведения об авторе:

Ардашкин И.Б. – доктор философских наук, доцент; профессор отделения социально-гуманитарных наук школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: ibardashkin@tpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ardashkin I.B., National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ibardashkin@tpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2022;
одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 15.01.2022;
approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья

УДК. 130.2

doi: 10.17223/1998863X/66/10

ВЛИЯНИЕ УСТАНОВОК МЕТАМОДЕРНИЗМА НА СОВРЕМЕННУЮ ТЕОРИЮ И ФИЛОСОФИЮ КУЛЬТУРЫ: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Светлана Николаевна Оводова¹, Антон Юрьевич Жигунов²

^{1,2} Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

¹ snovodova@mail.ru

² zhigunowanton94@mail.ru

Аннотация. Выявляются установки метамодернизма, определяется их влияние на современную теорию и философию культуры, а также на художественную культуру. Данная система установок метамодернизма апробирована в процессе анализа произведений культуры. Определено, что наиболее наглядно реализацию установок метамодернизма можно наблюдать в нарративных произведениях: фильмах, литературных текстах, перформансах, инсталляциях, театральных постановках.

Ключевые слова: культура, метамодернизм, постмодернизм, философия культуры, искусство, эстетика

Благодарности: Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-1512.2020.6 «Влияние эстетических и этических установок метамодернизма на современные философские концепции культуры».

Для цитирования: Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. Влияние установок метамодернизма на современную теорию и философию культуры: эстетический и социокультурный аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 100–110. doi: 10.17223/1998863X/66/10

Original article

THE INFLUENCE OF METAMODERNIST ATTITUDES ON CONTEMPORARY CULTURAL THEORY AND PHILOSOPHY: AESTHETIC AND SOCIOCULTURAL ASPECTS

Svetlana N. Ovodova¹, Anton Yu. Zhigunov²

^{1,2} Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

¹ snovodova@mail.ru

² zhigunowanton94@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the influence of metamodernism on modern philosophical concepts of culture, aesthetic ideas of modernity, embodied in specific cultural phenomena. The problem of the research is the need for a philosophical understanding of the phenomenon of metamodernism, which is due to the influence of aesthetic and ethical attitudes of metamodernism on the sociocultural reality. In the theory and philosophy of culture, as well as in social philosophy, there are discussions about the devaluation and loss of relevance of postmodern discourse and its replacement by postpostmodernist theories. Among the pleiad of postmodern theories, metamodernism is the most prominent and discussed in

Russian social-humanitarian knowledge and cultural practice, which is due to its popularity beyond the boundaries of theoretical academic discourse. The article identifies the interrelated attitudes of metamodernism: oscillation, postirony, historicity, affect, depth, identity, authenticity, new sincerity, neo-romanticism, superhybridism. Their influence on the modern theory and philosophy of culture, as well as on artistic culture is determined. The system of metamodernism attitudes is tested in the analysis of works of culture. The most obvious realization of metamodernism program can be observed in narrative works: films, literary texts, performances, installations, theatrical productions, a series of paintings or photographs. The viewer performs oscillation when observing a work extended in time and space. Oscillation is an alternating immersion into different states and experiences of different affects. The article identifies and describes the relationship between metamodernist and postmodernist cultural discourses.

Keywords: culture; metamodernism; postmodernism; philosophy of culture; art; aesthetics

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the President of the Russian Federation, Project No. MK-1512.2020.6.

For citation: Ovodova, S.N. & Zhigunov, A.Yu. (2022) The influence of metamodernist attitudes on contemporary cultural theory and philosophy: aesthetic and sociocultural aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 100–110. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/10

В теории и философии культуры, а также в социальной философии ведутся дискуссии о девальвации, потере актуальности постмодернистского дискурса и замене его на постпостмодернистские теории [1, 2]. Среди плеяды постпостмодернистских теорий наиболее заметным и обсуждаемым в отечественном социально-гуманитарном знании и культурной практике является метамодернизм [3–7], что обусловлено его популярностью за пределами теоретического академического дискурса. Метамодернизм и связанные с ним понятия используются в эстетическом дискурсе, в медиадискурсе [8, 9], некоторые художники при самоидентификации ссылаются на метамодернизм (например, Шайа Лабаф, Люк Тернер [10], Покрас Лампас и др.). Однако терминологический аппарат метамодернизма все еще находится в становлении, а возрастающая популярность теории метамодернизма в культурной практике скорее способствует выхолащиванию данной оптики, сведению всей теории к набору штампов. Тем не менее выраженные в метамодернизме эстетические и этические установки оказываются созвучны современному миру и находят свое воплощение в феноменах культуры.

Цель статьи состоит в выявлении влияния метамодернизма на современные философские концепции культуры, эстетические идеи современности, воплощенные в конкретных феноменах культуры. Проблема исследования заключается в необходимости философского осмысления феномена метамодерна, что обусловлено влиянием эстетических и этических установок метамодернизма на социокультурную реальность. Для достижения данной цели мы выявим установки, присущие метамодернизму, а также осуществим апробацию обнаруженных установок посредством анализа феноменов культуры.

Основные теоретические положения о метамодернизме были сформулированы Тимотеусом Вермюленом и Роббином ван ден Аккером в 2010 г. [11], а в 2017 г. получили свое развитие в монографии, написанной исследовательским коллективом с их участием [12]. В 2010 г., когда Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен начинали комплексную работу по осмыслению указанного феномена метамодерна, они обозначили: «Метамодернизм – это не философия.

Это также не движение, не план или программа, не художественная заметка, визуальный концепт, литературный прием или троп. <...> Опять же, это не система, движение или прием. Для нас это структура чувства. <...> Для нас метамодернизм не является концептом или утопической целью. Он может описать распространение такой цели в современной культуре, но, безусловно, не предписывает ее выполнение. <...> Использование термина рождается из попытки описать изменения в области эстетики, политики, экономики. Мы считаем, что эти изменения не вполне просты для понимания (не вполне однозначны, с точки зрения постмодерна). В конечном счете, метамодернизм это термин, используемый для систематизации происходящего и осмысления исторических событий» [13].

Уильямс отмечает, что «структура чувства» «на стадии возникновения не требует дефиниций, классификаций, рационализации, пока не оказывает осязаемое влияние и не устанавливает эффективные пределы опыта и действий» [14. С. 132 (перевод авторов статьи)]. Эта идея подталкивает теоретиков метамодернизма назвать его «структурой чувств». Мы предполагаем, что на современном этапе развития метамодернизм достиг значимого уровня влияния на современную культурную реальность, в частности на массовую культуру [15], художественный дискурс, медиадискурс и т.п. Данное предположение побуждает нас осуществить методологическую рефлексию феномена метамодернизма и выявить систему установок, оперирование которой позволило бы при анализе современных феноменов культуры выявлять метамодернистские тенденции. Целью нашей статьи является выявление системы взаимосвязанных установок метамодернизма и апробирование полученных результатов при анализе современных произведений культуры, что позволит выявить методологический потенциал метамодернистского подхода для теории и философии культуры.

Метамодернизм, на наш взгляд, состоит из нескольких взаимосвязанных установок: осцилляция, постирония, историчность, аффект, глубина, самость, аутентичность, новая искренность, неоромантизм, супергибридность. Называя указанные приемы установками, мы подчеркиваем, прежде всего, их функциональную суть как способ развертывания метамодернизма в современной культуре. Осцилляция представляет собой понятие первого порядка, она организует и связывает все остальные установки в метамодернизме.

В теории метамодернизма Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера мы видим непосредственную ссылку на теорию постмодернизма Ф. Джеймисона, которая становится наиболее явной в их коллективной монографии, где они осуществляют отсылку в самом названии книги. Метамодернисты вслед за Джеймисоном используют те смысловые оси, которые он назвал конститутивными чертами постмодернизма в книге «Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма»: «Оси историчности, аффекта и глубины, как культурной логики, мы для своей книги выбрали потому, что они соответствуют тем, на которые опирался Джеймисон, создавая концепцию культурной логики постмодерна» [12. С. 79]. Постмодерн акцентирует скольжение по поверхности, отказ от глубины, историчности и аффекта, в терминах Ф. Джеймисона [12. С. 92–156]. Метамодерн возвращает аутентичность, глубину, аффект, историчность и субъектность в качестве установок в современную культурную практику.

Несмотря на то что теоретики метамодернизма опираются на конститутивные черты, которые выделяет Джеймисон, они пытаются отмежеваться от постмодернизма, однако включают его художественные приемы: «...авторы настаивают на рождении специфической чувственности метамодерна и утверждают, что он, несмотря на то, что перенял некоторые стилистические особенности постмодерна, использует их для достижения совсем других целей. В отличие от постмодернистских аналогов, ситкомы эпохи метамодерна используют такие приемы, как ирония, пастиш и пародия для выражения эмоционального аффекта» [12. С. 220]. Это позволяет метамодернистам использовать приемы предшествующих культурных логик, но осложняет идентификацию исключительно метамодернистских художественных практик.

Внимательный анализ указанных нами метамодернистских установок дает возможность увидеть, что метамодернисты воскрешают субъекта (происходит отказ от концепции смерти автора), что сопряжено с возвращением субъекту самости, аутентичности. Субъект метамодерна – это не «просвещенческий» субъект, существование которого было оправдано мышлением (смерть которого произошла из-за недоверия к институционализированному в науке мышлению), это субъект чувствующий, выразитель чувственно-эмоционального опыта.

Возврат историчности, интереса к истории сопряжен с метамодернистскими установками глубины, аутентичности. Сами теоретики метамодернизма акцентируют внимание, что вся их коллективная монография представляет собой переосмысление современной культуры в контексте поворота к Истории: «...предпринимается попытка описать структуру и облечь в язык концепций явления в сфере культуры и искусства, связанные с ощущением возврата или поворота Истории – в критическом дискурсе и воображении масс – как суммы слагаемых наших объективных условий и нарратива, связывающего наше настоящее с далеким прошлым и столь же далеким будущим» [12. С. 43]. Результатом поворота к Истории является возврат метанарративов, конечно, стоит понимать, что это уже не взятые в первозданном виде метанарративы Просвещения, модерна и т.п., происходит их трансформация, они переосмыслиются и порой описываются сквозь призму личного опыта.

Возвращение субъекта в метамодернизме, на которое мы уже указывали выше, нам кажется важной составляющей его дискурса. В сравнении с фрагментированным множественным субъектом постмодернизма, лишенным аффекта и не связанным с глубинной, «глубина заменяется поверхностью или многими поверхностями (в этом смысле то, что называется интертекстуальностью, более не является вопросом глубины)» [16. С. 103], колеблющийся, осциллирующий субъект метамодернизма вновь начинает искать свои основания. Осцилляция свидетельствует о поиске, но и не об обретении целостности, однако метамодернистский субъект вновь обращается к аффектам, глубине, говорит о своей аутентичности посредством использования автобиографичности, осмысления своих чувств и т.п.

В процессе анализа теоретических работ, в которых осмыслиется терминология и содержание метамодернизма, а также разнообразных социальных практик и произведений искусства возникло закономерное утверждение о многообразии структуры метамодерна. Поскольку сам метамодернизм не

сводится к сумме его установок и, как было отмечено, подчиняется принципу осцилляции, представляется, что функциональные элементы метамодернизма способны к множественной вариативности, где каждая комбинация, с одной стороны, порождает новые смыслы и расширяет возможности применения культурной логики метамодерна, с другой – конституирует более высокий уровень метамодернистской структуры.

Так, последовательное объединение таких установок, как двойное фреймирование (Р. Эшельман), супергибридность (Й. Хейзер) и новая искренность (А.Д. Джеймисон), создает широкий потенциал для формирования визуальной эстетики. Сочетание новой искренности, супергибридности, постиронии и перформативности прослеживается в композиции, содержании, а также выразительных средствах литературных произведений, относящихся к метамодернистским. Использование в СМИ концепции новой искренности вкупе с глубиной и принятием формирует новое медиадикурсивное пространство.

Вступая во взаимосвязи между собой, эти установки формируют баланс содержательных и формальных элементов, предоставляя автору (художнику) выбор инструмента. При этом автор также самостоятельно воспроизводит в произведении ту или иную последовательность, каждый раз заново и автономно формируя метамодернистскую структуру.

Думается, что создание альтернативных комбинаций с имеющимися и новыми установками является продуктивной формой метамодернистской логики, обеспечивающей эскалацию и проникновение метамодерна в новые сферы и типы дискурса.

Наиболее наглядно реализацию установок метамодернизма можно наблюдать в нарративных произведениях: фильмах, литературных текстах, перформансах, инсталляциях, театральных постановках, сериях картин или фотографий. При наличии разворачивающегося во времени и пространстве произведения зритель может осуществлять осцилляцию, попеременно погружаясь в различные состояния и переживая различные аффекты.

В качестве примеров реализации метамодернистского подхода проанализированы художественные инсталляции, произведения искусства (литература, кинематограф, архитектура), свидетельствующие о сознательном или ненамеренном использовании авторами установок метамодерна. Реализация работы принципа маятника (осцилляция) очевидна на примерах культурных объектов современности: в инсталляциях (Л. Бул, М. Рубанков), литературе (М. Данилевский «Дом листьев», У. Каннингем «Снежная королева», «Начинается ночь», Дж. Евгинидис «Средний пол»), архитектуре (работы Херцог и де Мёрон, Б. Ингельса), кинематографе (Д. Роузфельдт, П. Соррентино) и многих других сферах.

Проявление метамодернистских установок мы можем зафиксировать в сериях инсталляций южнокорейской художницы Ли Бул «Мое великое повествование» (2005 г.) и «Желание быть уязвимым» (2015 г.). Оба этих проекта демонстрируют реализацию приема осцилляции, где происходит переосмысление утопий модерна через конструирование одновременного переживания восторга и разочарования. В обеих сериях Ли Бул использует образы культуры «Большого и жесткого» модерна, демонстрируя его хрупкость. Великие проекты модерна в работах художницы осмысляются как не-

достижимые и недолговечные. В своих произведениях Ли Булл выходит за рамки исключительно постмодернистской критики модерна. В инсталляциях мы видим восторг и упоение формами модернизма, которые Ли Булл воспроизводит: аэростат, скульптурные формы, вдохновленные Баухаусом и ВХУТЕМАСОМ, аллюзии на цирк, строящийся завод и т.п.

Одна из инсталляций из серии «Желание быть уязвимым» (2015) представляет собой огромный аэростат из фольги, проходящий сквозь пелену прозрачной пластиковой занавески, на которой изображены подъемный кран и циркачка. В пронзающей занавеску аэростате считываются образы хрупкости мира и хрупкости самого аэростата (художница в том числе осмысляет крушение дирижабля «Гинденбург» в 1937 г., который взорвался при посадке), аллюзии на фрейдизм, размышления о хрупкости человеческой жизни и о балансе, который позволяет сохранить в целостности мир, культуру и человека. Массивные, но при этом легко разрушаемые или прозрачные объекты инсталляций «Желание быть уязвимым» представляют собой не просто утверждение модернизма, поскольку чрезмерным кажется контраст формы объекта, идеи, которую они воплощали в прошлом, и материала, из которого их выполнила художница.

Инсталляция из проекта «Мое великое повествование» (2005) представляет собой залитую розово-белой эпоксидной смолой груду сваленных в кучу узнаваемых объектов модернизма. Перед нами раскрывается вид разрушенного модернизма, транслируется идея того, что торжество воплощенного Великого проекта будущего может обернуться катастрофой. Модернизм как утопия рассыпается на наших глазах обломками цитат. В эту серию также входит «некартографическая карта» деревни детства Ли Булл из проекта «Мое великое повествование», которая представляет собой ментальное картирование пространства. Получившаяся карта, состоящая из переплетающихся тропинок и отдельных объектов, не обязательно должна соотноситься с реальностью. Главным является отражение личного переживания общения с определенной локальностью и обращение к своей памяти. Эскизы пространственных инсталляций проекта «Мое великое повествование» демонстрируют фрагменты городов, сползающих со стен, словно оплавленный воск свечи. Получившиеся наброски местности – это уже не карта и не калька, говоря языком Ж. Делёза и Ф. Гваттари, это личный нарратив, который прорывается сквозь дискурс модерна и постмодерна, сквозь собственные воспоминания и передает ощущение от пространства. Инсталляции заставляют нас почувствовать эмоцию, которую пытается передать художница. В метамодернистском дискурсе является важным запечатление чувства, которое рождается непосредственно от взаимодействия с произведением искусства, с миром, с другими людьми; для обозначения этой установки используется термин Г. Бёме «атмосфера». В данных инсталляциях мы видим качание от идей модернизма к постмодернизму; художница не отказывается ни от дискурса модерна, ни от дискурса постмодерна, которые воспринимаются посредством ностальгии и иронии, но одновременно намечает отход от деконструкции и цитации через обращение к личному опыту чувственного переживания культуры.

Примечательными в творчестве Ли Булл являются не только форма и материал инсталляций, но и названия, которые она им дает. «Мое великое повествование», как отмечают кураторы выставки Ли Булл в Санкт-Петербурге

(2020 г.), представляет собой отсылку к Ж. Лиотару и его идее о невозможности создания великих нарративов в период постмодернизма. В противовес Лиотару Ли Бул провозглашает необходимость создавать «свои» личные истории, что демонстрирует автобиографичность и возвращение субъекта. Название «Желание быть уязвимым» возвращает чувственность в искусство, создает эфемерность, слабость монументальной инсталляции и объекта, который она знаменует. Если в модерне создаются утопии, в постмодернизме провозглашается смерть утопии и конец истории, то в метамодернизме создается надежда на будущее, происходит воскрешение историчности как личного ощущения возможности выхода из дискурса о конце истории.

Художественный проект-инсталляция омского художника Михаила Рубанкова «Атомные тени» (2021), представляющий собой изображения силуэтов людей и живых существ, как будто оставленных после взрыва на развалинах заброшенной ракетной части в Омской области, также проблематизирует установки модерна, подвергая их постмодернистскому переосмыслению. С одной стороны мы испытываем ностальгию и грусть при виде обломков советской эпохи, а с другой стороны, силуэты растворившихся в воздухе людей заставляют нас задуматься о цене имперских свершений, ощутить разочарование. Помимо разочарования и ностальгии проект также содержит иронию, которая проявляется в выборе силуэтов и их нумерации. Всего проект содержит пять силуэтов, которые пронумерованы автором, но будто бы пронумерованы ликвидаторами и исследователями несчастного случая. Перечислим образы от 1 до 5 в той последовательности, которая заложена художником: крыса, собака, женщина, мужчина, ангел в противогазе. Проект сопровождается видео, которое сделано в жанре мокьюментари. Видео напоминает съемки с места происшествия, а закадровый голос, будто голос диктора, задает систему осмысления разворачивающихся кадров, описывая обнаруженные объекты. Совмещение документальности и юмора создает эффект постиронии при восприятии инсталляции.

Тема руин является ключевой для искусства романтизма, где посредством данного образа воспевалась скоротечность бытия и сиюминутность жизни. Например, изображения руин мы встретим в работах художника-романтика Каспара Давида Фридриха. Метамодернизм использует неоромантическую эстетику, поэтому актуализация тематики романтизма позволяет нам увидеть в современных произведениях элементы метамодернистской эстетики. В инсталляциях Ли Бул и Михаила Рубанкова происходит осмысление руин эпохи модерна, но в обоих случаях мы имеем дело не с циничной иронией постмодернизма. Зритель осциллирует, ощущая переход от ностальгии, искренности к иронии.

Реализация «новой искренности» вкупе с супергибридностью очевидна в романе М. Данилевского «Дом листьев», который построен на многоуровневом повествовании и представляет собой так называемый текст в тексте в тексте. Главный герой татуировщик Джонни Труэнт находит в квартире недавно умершего слепого Дзампано рукопись труда о фильме «Пленка Нэвидсона», автором которого выступает фотограф Уилл Нэвидсон. Указанный фильм является в данном случае текстом первого уровня, поскольку представляется собой триггер к дальнейшему сюжетному повествованию. Тексты второго уровня – научнообразная рукопись, автором которой предположи-

тельно является Дзампано, накладывает дополнительный фактумный слой, заставляя читателя поверить в происходящее в фильме, придать ему статус дискуссионного, хотя и коррелирует с постмодернистскими приемам убеждения. Наконец, текст третьего уровня – приближенный к суровой реальности отрывок из жизни наркомана-татуировщика, повседневные будни которого разрушает эта история. Отдельным существенным элементом повествования выступают так называемые метатексты, собранные в части «Приложение» и являющиеся емкими философскими, культурологическими, технологическими и биографическими реминисценциями.

Очевидно, что содержательная система, выраженная в переплетении многоуровневого текста, подчиняется законам метамодернистской осцилляции, балансирует на нескольких гранях, близких в реальности. «Игра» фотографа У. Нэвидсона и его собственного дома подвергается сомнению. Результатам соперничества в этой игре является не победа или поражение, но принятие неизбежного факта: бесконечности и изменчивости дома. Герой проходит несколько психологически мучительных этапов, в том числе и отрицание этой игры, является свидетелем того, как игра убивает в буквальном смысле, разрушает тех, кто пытается ее отринуть.

Здесь же наблюдается реализация супергибридности, выраженная во взаимном проникновении разных типов текстов, синтезе кинематографа и академизма, повседневности и чуда, многообразии нарративных уровней.

Фильм Джулиана Роузфельда «Манифесто» (2015), основная идея которого выражена фразой живописца К.С. Малевича «в искусстве нужна истина, но не искренность», является своеобразным подведением культурных итогов нескольких веков, осуществленным в метамодернистской стилистике. Тринадцать наиболее значимых социально-политических и культурных манифестов обыграны актрисой (Кейт Бланшетт). Режиссер направляет мысль зрителя, заставляя проанализировать модернистские и постмодернистские времена через выдержки из главных источников – манифестов. Более того, образ главной героини (он совпадает с рассказчиком – закадровым голосом) для каждого манифеста собирается заново, индивидуально формируется исходя из разных причин.

Так, марксизм и его частное направление, ситуационизм (выдержки из работ Л. Фонтана, А. Нивенхейса, А. Родченко, Г. Дебор), находят отражение в образе озлобленного бездомного. Его небрежный внешний вид, озлобленность на неудавшуюся попытку строительства утопии, вписывается в индустриальные развалины, а седая борода подтверждает несвоевременность притязаний. Следующий шаг – футуризм (выдержки из работ Ф.Т. Маринетти, Д. Балла, Д. Северини, Г. Аполлинера, Д. Вертова), изображенный в виде оживленной работы брокера на бирже, знаменующий, возможно, преждевременную, но все же победу капиталистического общества. И так далее по всему мировому историческому процессу.

Осцилляция в указанном произведении представляет собой не только художественную задумку, но и конструирует принципиально новый облик прошедших XIX и XX вв., апеллируя к образу мышления человека модерна и постмодерна. В то же время «Манифесто» является своеобразной чертой, подведенной под анализом разрозненных и дополняющих друг друга взглядов на социокультурный континуум. Неприкрытые в формулировках дадаи-

сты, устраивающие символические похороны реальности, культуры и искусства (Т. Тцара, Ф. Пикаби, П. Элюар и др.), консервативная мать, молящаяся перед обедом цитатами теоретиков поп-арта (К. Олденбург), учительница, размышляющая перед маленькими детьми об отсутствии оригинального в современном искусстве (С. Брекидж, Л. фон Триер, Л. Вудс и др.).

Приведенный пример, на наш взгляд, демонстрирует исключительность метамодернистского подхода: свободу в попытке интерпретации, бесконечную комбинаторную возможность, символизирующую взаимоотношение похожих, отличающихся и не пребывающих ни в каких взаимоотношениях социокультурных феноменов, мыслительных паттернов. Такое многообразие порождает вариативности в поисках правды, которая также подвергается сомнению в исконной форме и подчиняется принципу маятника, взаимодействия с другими объектами.

Такой способ познания предлагает Дж. Роузфельдт. Сколько-нибудь значащая истина может быть выработана путем многократных осцилляций, трансформации сцепленных, но не принадлежащих друг другу убеждений. При этом фильм обладает особым уровнем иронии: помещая фрагменты культурологически значимого текста (манифеста) в бытовые, концептуальные, индустриальные, творческие, деловые, коммуникационные, ритуальные и другие ситуации, автор сохраняет значимость этого текста и не умаляет ценности ситуации, в которую этот текст инкрустирован. Текст манифеста при этом трансформируется, становится поликодовой инсталляцией, многомерным объектом. И его уже недопустимо воспринимать отдельно от видеоряда, актерской игры и экшена, это единый аудиовизуальный продукт, подводящий черту под модернистским и постмодернистским образом мысли.

Предложенная нами совокупность метамодернистских установок, представляющая собой список его функциональных компонентов, позволяет высвечивать особые смыслы, которые присущи метамодернизму и не может быть осмыслена и описана средствами исключительно постмодернистского дискурса. Конечный перечень установок нельзя сформулировать в связи с тем, что метамодернизм находится в становлении, а художники обращаются к отдельным приемам метамодерна, но крайне редко манифестируют себя как метамодернисты. Несмотря на то что метамодернизм, в отличие от постмодернизма, на данный момент не превратился в эпохально значимую социокультурную теорию, осуществленный нами анализ теории метамодернизма позволяет установить механизмы распространения в культуре установок, отличных от постмодернизма.

Список источников

1. *Hutcheon L.* The Politics of Postmodernism. New York ; London : Routledge, 2002. 402 p.
2. *Павлов А.* Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 560 с.
3. *Сербинская В.А.* Постмодернизм и метамодернизм: разграничение понятий и черты метамодернизма в современной литературе // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2017. № 26. С. 22–30.
4. *Венкова А.В.* Политика идентификации в искусстве метамодернизма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 203–213.
5. *Артеменко А.П., Артеменко Я.И.* От постмодерна к метамодерну: формирование современных визуальных практик // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 47–58.

6. Маркова А.С., Мамукина Г.И. Метамоде́рнизм: преодоление дискретности и индивидуализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 89–98.
7. Спиваковский П.Е. Метамоде́рнизм: контуры глубины // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. № 4. С. 196–211.
8. Иссерс О.С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 216–227.
9. Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. Метамоде́рнистский медиадискурс в современной культуре: от глобального молчания к глубокой искренности // Вестник Омского университета. 2020. Т. 25, № 4. С. 94–101.
10. Тернер Л. Манифест метамоде́рнизма // METAMODERN: журнал о метамоде́рнизме. [Online] Available from: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (дата обращения: 11.09.2021).
11. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. P. 1–14.
12. Ван ден Аккер Р. Метамоде́рнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмоде́рнизма. М.: РИПОЛ классик, 2019. 494 с.
13. Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамоде́рнизме // METAMODERN: журнал о метамоде́рнизме. URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 11.09.2021).
14. Williams R. Marxism and literature // URL: https://blogs.commonsgorgetown.edu/engl-594-fall2013/files/2013/08/Marxism-and-Literature_Dominant_Residual_Emergent.pdf (accessed: 11.09.2021).
15. Оводова С.Н., Добровольский Д.В. Нарратив науки и ирония в «Рик и Морти»: метамоде́рнизм vs постмоде́рнизм // Вестник Омского университета. 2020. Т. 25, № 3. С. 54–60.
16. Джеймисон Ф. Постмоде́рнизм или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 816 с.

References

1. Hutcheon, L. (2002) *The Politics of Postmodernism*. New York; London: Routledge.
2. Pavlov, A. (2021) *Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teoriya ob"yasnyayut nashe vremya* [Post-postmodernism: how social and cultural theory explain our time]. Moscow: Delo, RANEP.
3. Serbinskaya, V.A. (2017) Postmodernizm i metamodernizm: razgranichenie ponyatiy i cherty metamodernizma v sovremennoy literature [Postmodernism and metamodernism: differentiation of concepts and features of metamodernism in modern literature]. *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskij al'manakh*. 26. pp. 22–30.
4. Venkova, A.V. (2018) Identification politics of metamodern art. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 32. pp. 203–213. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/32/20
5. Artemenko, A.P. & Artemenko, Ya.I. (2020) From Postmodernism to Metamodernism: The Formation of Modern Visual Practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 58. pp. 47–58. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/58/5
6. Markova, A.S. & Mamukina, G.I. (2019) Metamodernism: overcoming discreteness and individualism. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 1. pp. 89–98. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7278-2019-1-89-98
7. Spivakovskiy, P.E. (2018) Metamodernism: Outlining the Contour. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 4. pp. 196–211. (In Russian).
8. Issers, O.S. (2020) Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History, Philology*. 19(6). pp. 216–227. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
9. Ovodova, S.N. & Zhigunov, A.Yu. (2020) Metamodernistic media-discourse in modern culture: from global silence to deep sincerity. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 25(4). pp. 94–101. (In Russian).
10. Turner, L. (n.d.) *Manifest metamodernizma* [Metamodernism Manifesto]. [Online] Available from: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> (Accessed: 11th September 2021).

11. Vermeulen, T. & van den Akker, R. (2010) Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*. 2. pp. 1–14.
12. van den Akker, R. (2019) *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Translated from English. Moscow: RIPOL klassik.
13. Vermeulen, T. & van den Akker, R. (n.d.) *Zametki o metamodernizme* [Notes on Metamodernism]. [Online] Available from: // <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (Accessed: 11th September 2021).
14. Williams, R. (2013) *Marxism and literature*. [Online] Available from: https://blogs.commons.georgetown.edu/engl-594-fall2013/files/2013/08/Marxism-and-Literature_Dominant_Residual_Emergent.pdf (Accessed: 11th September 2021).
15. Ovodova, S.N. & Dobrotvorskiy, D.V. (2020) The narrative of science and irony in “Rick and Morty”: metamodernism vs postmodernism. *Vestnik Omskogo universiteta*. 25(3). pp. 54–60. (In Russian). DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(3).54-60
16. Jameson, F. (2019) *Postmodernizm ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism]. Translated from English. Moscow: The Gaidar Institute.

Сведения об авторах:

Оводова С.Н. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультета теологии, философии и мировых культур Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского» (Омск, Россия). E-mail: snovodova@mail.ru

Жигунов А.Ю. – преподаватель кафедры теологии, философии и культурологии факультета теологии, философии и мировых культур Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: zhigunowanton94@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ovodova S.N. – Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: snovodova@mail.ru

Zhigunov A.Yu. – Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: zhigunowanton94@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.12.2021;
одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 12.12.2021;
approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья
УДК 141.3
doi: 10.17223/1998863X/66/11

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ СМАРТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Александр Юрьевич Чмыхало¹, Марина Алексеевна Макиенко²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия*

¹ *sanichtom@inbox.ru*

² *mma1252@gmail.com*

Аннотация. Исследуется эволюция концепций грамотности как подхода к изучению социально-коммуникативных процессов в образовании. Цель исследования – эксплицировать возможности данного подхода в описании изменений социально-коммуникативных процессов в современном образовании в условиях внедрения смарт-технологий. Доказывается, что содержание понятия «грамотность» в рамках уже имеющихся концепций не в полной мере учитывает условия, возникающие вместе со смарт-технологиями и их внедрением в сферу образования. Делается вывод о создании предпосылок для формирования новой концепции грамотности, содержание которой учитывало бы нюансы современных требований к грамотности.

Ключевые слова: социальные коммуникации, образование, информационные технологии, смарт-технологии, грамотность, кремниевая грамотность, умное образование

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ) № 22-28-00061 «Смарт-технологии как фактор социальной политики и терминологического планирования: социолингвистический подход», <https://rscf.ru/project/22-28-00061/>

Для цитирования: Чмыхало А.Ю., Макиенко М.А. Социальные коммуникации в образовании в условиях внедрения смарт-технологий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 111–126. doi: 10.17223/1998863X/66/11

Original article

SOCIAL COMMUNICATIONS IN EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF SMART TECHNOLOGIES

Alexander Yu. Chmykhalo¹, Marina Al. Makienko²

^{1,2} *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *sanichtom@inbox.ru*

² *mma1252@gmail.com*

Abstract. This study explores communications at the theoretical level using a philosophical approach to the analysis of social communications in the field of education. The relevance of the topic is due to the need to clarify the existing concepts that characterize the current situation in the field of social communications in the context of the rapid development of information technology, as well as the concepts' categorical apparatus. The article raises the issue of taking into account social communications in education, where the influence of modern

information technologies over the past couple of years has manifested itself in the most obvious and even revolutionary way, which necessitates a critical approach in applying the existing theoretical foundations in the study of social communications. The theoretical basis of the study was the concepts of literacy, which began to take shape in the philosophy of language. The appeal to the content of these concepts was due to the fact that they allow, at the theoretical level, characterizing the totality of processes taking place in the field of social communications in education in the context of the evolution of information technologies. The aim of the study was to explicate the possibilities of existing literacy concepts to reflect the nuances of changes in the field of social communications that are taking place in education in the context of the introduction of smart technologies. To reach this aim, the authors demonstrated that changes of ontological, axiological, or paradigm nature influenced the emergence and evolution of the concepts of literacy and revealed the specifics of modern smart technologies and their impact on social and communicative processes in the field of education. As a result of the study, the authors found that the emergence of new smart technologies and the transition of education to the state of smart education influenced the formation of ontological (the emergence of new information technologies adaptive to the user) and axiological (the needs of individual students are considered as the most important value of education) grounds for the emergence of a new concept of literacy. This concept will have to take into account the nuances that arise in connection with the introduction of fundamentally different information technologies into the sphere of social communications.

Keywords: social communications; education; information technology; smart technologies; literacy; silicon literacy; smart education

Acknowledgments: The work on this paper has been supported by the Russian Science Foundation (Project Number 22-28-00061 <https://rscf.ru/project/22-28-00061/>).

For citation: Chmykhalo, A.Yu. & Makienko M.A. (2022) Social communications in education in the context of the introduction of smart technologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 111–126. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/11

За последние годы мир пережил значительные потрясения, вызванные пандемией, войнами, масштабными миграциями, экономическими, социальными и политическими проблемами. Периодически объявляемые в разных частях мира локдауны вследствие пандемии COVID -19, переход значительной части офисных работников, учащихся и работников образовательных учреждений на дистанционную (удаленную) работу невольно заставили обратить пристальное внимание на те возможности и проблемы, которые создают для человека новые ИТ-технологии, в том числе в сфере образования. Несомненно, что во многом благодаря именно ИТ-технологиям системы образования многих стран мира не остановились в своем функционировании в условиях вводимых ограничений на очные социальные контакты. Однако если раньше ИТ-технологии в значительной степени выступали лишь как дополнение к традиционным формам и методам обучения, то в настоящий момент можно уже говорить о том, что традиционные формы и методы обучения становятся дополнением к использованию ИТ-технологий. Вместе с тем меняется не только технологическая и методическая сторона образования, меняется интенсивность, содержание и эффективность социальных коммуникаций в образовательном процессе.

В конце XX – начале XXI столетий в области информационных технологий происходили революционные процессы, оказавшие влияние на различные стороны жизни современного общества. Одним из них стало появление особой разновидности технологий, так называемых смарт-технологий (умных технологий). Понятие «smart» (смарт) начинает применяться в технологиче-

ском контексте еще в 1970-е гг. Однако более заметным использование понятия «smart» для обозначения ряда новых технологий стало со второй половины 1990-х гг. [1]. К настоящему времени «умными» стали не только отдельные вещи, использующие данные технологии, – Smart TV, Smart Home, Smart Cars, Smart Speaker, но даже целые сферы жизнедеятельности человека – Smart Shopping, Smart Medicine, Smart Businesses, Smart Cities [2], Smart Grid [3], а также Smart Education.

Современное образование все более зависимо от тенденций и результатов развития информационных технологий, которые вышли на новый уровень своего развития – превращения их в smart-technology (умные технологии). В свою очередь, это определяет то, что изучение состояния социальных коммуникаций в области образования в рамках коммуникативных наук (communication studies or communication science) все более зависит от результатов исследований, проводимых в области научных дисциплин, изучающих Интернет и иные информационные технологии (network science, web science, data science). Кроме того, актуализируется необходимость уточнения понимания коммуникации на теоретическом уровне, чтобы помочь обосновать те или иные утверждения, касающиеся их настоящего состояния и тенденций будущего развития, что востребует применение философского подхода к анализу социальных коммуникаций в сфере образования.

К настоящему времени в содержании философской мысли сложилось множество теорий в изучении коммуникаций. Теоретическая мысль, посвященная изучению коммуникаций, может быть дифференцирована и представлена тремя основными направлениями:

1) представленное теориями отцов-основателей структурализма и семиологии – Ф. де Соссюра и К.С. Пирса соответственно, в которых акцент ставится на анализе контекста производства (т.е. выяснении природы языка как системы знаков (у Соссюра) и природы всех знаков, как лингвистических, так и нелингвистических (у Пирса)). Здесь же упоминают и теорию М. Фуко, исследования которого вносят вклад в философию коммуникации, в частности в изучении теории дискурса и эпистем;

2) представленное концепциями, в которых акцент ставится на изучении контекста рецепции, т.е. усвоения, приспособления и использования языка. Это теории У. Эко, рассматривавшего знаки и коды как основу для изучения культуры и ее развития в набор пересекающихся понятий, философия деконструкции Ж. Деррида и герменевтика Гадамера, сосредоточенная на изучении процесса интерпретации;

3) включающее в себя теории, сосредоточенные на изучении контекста действия, т.е. рассмотрения общения с точки зрения того, что сделали участники акта общения. Это направление включает работы Л. Витгенштейна, теорию речевых актов Дж.Л. Остина, теорию П. Грайса, посвященную изучению языка с точки зрения выяснения намерения говорящего в передаче смысла, теорию речевого акта Дж. Серла, а также труды Ю. Хабермаса, который поставил коммуникацию в центр своих попыток объяснить, как поддерживается социальный порядок и воспроизводится общество, и теорию М.А.К. Хэллидея о языке как о форме действия в контексте [4].

Отмечая важность каждой из представленных выше теорий в изучении социальных коммуникаций, вместе с тем необходимо указать и на то, что

анализ влияния современных информационных технологий на социальные коммуникации, на содержание и результаты этого влияния не являлся для авторов данных теорий приоритетным предметом обсуждения. Это несколько затрудняет их использование при рассмотрении современных проблем, связанных с развитием социальных коммуникаций. Кроме того, нельзя игнорировать и того, что в рамках настоящей работы поднимается вопрос о рассмотрении социальных коммуникаций в образовании, где влияние современных информационных технологий за последние пару лет проявило себя наиболее очевидным и даже революционным образом, что обуславливает необходимость применения критического подхода в применении имеющихся теоретических основ в изучении социальных коммуникаций.

Изучение социальных коммуникаций все более становится актуальным предметом философской критики, акцент в них стал ставиться на необходимость прояснения, уточнения имеющихся концепций и используемого ими категориального аппарата, посредством которого характеризуется современная ситуация в сфере социальных коммуникаций в условиях всепроникающего и всеохватывающего воздействия со стороны информационных технологий [5], а также поиска оснований для возможного их синтеза, поэтому важное значение здесь приобретает методология аналитической философии, включающая в себя прояснение концепций, уточнение позиций при рассмотрении тех или иных вопросов критиками и интерпретаторами, выявление основных тем и т.д., – одна из наиболее востребованных для исследования данных вопросов [6].

К настоящему времени можно указать на формирование уже достаточно широкого спектра исследований, в рамках которых имеет место критический анализ теоретического наследия в изучении социальных коммуникаций для прояснения возможностей их использования в современных условиях. Например, испанские исследователи В.Х. Гонсалес и Э.Х. Аррохо (W.J. Gonzalez, M.J. Argojo) [5] полагают возможным рассматривать проблемы социальных коммуникаций в условиях широкого внедрения информационных технологий через обращение к идеям, содержащимся в рамках теории сложности, представленной в исследованиях Н. Решера (N. Rescher), Г.А Саймона (H.A. Simon), М. Митчелл (M. Mitchell) и пр. Другие ученые, в частности португальский исследователь Ф. Ильарко [7], обращаются к идеям хайдеггеровской феноменологии человека, полагая, что она наилучшим образом может позволить проанализировать те способы, которыми в настоящее время стали коммуницировать люди при посредничестве информационных и коммуникационных технологий. Третьи, как, например, Р.Т. Крейг [8], обращаются к наследию философии прагматизма, полагая, что она открывает новые возможности для эмпирических исследований и позволяет сформировать проблемно ориентированный метадискурс о коммуникации.

Еще один подход, который достаточно широко представлен в зарубежной философской литературе и используется для описания процессов, имеющих место в сфере социальных коммуникаций в образовании в условиях эволюции информационных технологий, получил свое формирование в философии языка и связан с введением понятия «грамотность» в контекст рассмотрения происходящих здесь изменений. Именно в силу того, что в рамках данного подхода акцент был поставлен на практиках социальных коммуникаций в

области образования, экспликация возможностей данного подхода в описании изменений, происходящих в рассматриваемой нами сфере в условиях внедрения информационных и смарт-технологий, составила цель настоящей работы.

Понятие «грамотность» (literacy) почти не фигурировало в формальном образовательном дискурсе США, Канады, Великобритании и других стран вплоть до 1970-х гг. [9. Р. 3]. Вместо этого понятия имела место академическая область исследований чтения, главным образом основанная на психолингвистике, и ряд проверенных временем методов обучения учеников тому, как декодировать, кодировать и понимать печатные алфавитные тексты. Обычно предполагалось, что учащиеся в целом овладевают чтением и письмом достаточно хорошо, чтобы использовать эти умения как в школьные годы, так и после ее окончания. Понятие «грамотность» использовалось в основном в отрицательной коннотации в отношении взрослых, которые признавались неграмотными в силу отсутствия у них по каким-либо причинам базовых навыков чтения и письма. Поскольку к началу 1970-х гг. официальная статистка в Великобритании, Северной Америке и Австралии показывала почти нулевой уровень неграмотности среди взрослого населения, то обучение грамотности могло охватывать только маргинальные и достаточно немногочисленные слои населения этих стран, в отношении которых планировались и осуществлялись мероприятия по ликвидации неграмотности. Именно поэтому не существовало представления о том, что обучение чтению и письму составляет образовательную проблему или даже сколько-нибудь масштабную сложность.

Однако к концу 1970-х – началу 80-х гг. представления о грамотности начинают меняться. По мнению К. Ланкашир и М. Нобель их причиной стали сразу несколько обстоятельств, а именно: 1) Пауло Фрейре и радикальное образовательное движение; 2) кризис грамотности 1970-х гг.; 3) грамотность, экономический рост и социальное благополучие; 4) грамотность, подотчетность, эффективность и качество; 5) рост социокультурной теории [9. Р. 4].

Пауло Фрейре – бразильский психолог-педагог и теоретик педагогики, известный своей критикой так называемой банковской концепции образования, в которой учащиеся рассматриваются как пустые счета, которые учителя должны заполнить [10. Р. 64]. Концепция грамотности П. Фрейре предполагала, что цель обучения грамоте, обучение кодированию и декодированию буквенной печати должна быть интегрирована в обширную педагогику, в которой группы учащихся должны совместно добиваться критического осознания своего мира через рефлексивный или «циклический» процесс размышления и действия. Отныне грамотность – это обучение читать и писать слова, являющееся лишь частью обучения понять, как мир функционирует в социальном и культурном отношении, как создаются неравные возможности и результаты для разных групп людей.

Параллельно изменениям, происходящим в педагогической теории, прозвучали заявления о кризисе грамотности. Они последовали после проведения ряда исследований, осуществленных по заказу правительств в 1970–1980-е гг., в которых было показано, что падают стандарты, а потому необходимы реформа образования и пересмотр учебных программ и педагогики. Цифры, приводимые для США, показывали, что примерно от 10 до 30%

населения не может считаться грамотным. В Британии 15%, а в Австралии 10% взрослого населения имели трудности с чтением и письмом. Результаты этих исследований по времени совпали с формированием утверждений о наличии глубоких структурных изменений в экономике развитых стран, переходе их в состояние постиндустриального общества, что влекло за собой реструктуризацию рынка труда и занятости. На этом фоне казалось, что значительная часть людей плохо подготовлена к грядущим переменам. Отсюда призывы к срочным действиям для предотвращения надвигающейся катастрофы, в которых ключевым словом стала «грамотность» [9. Р. 6–7].

Уже у теоретиков 1950–1960-х гг. (С.А. Anderson [11], Т. Hägerstrand [12] и др.) имела место идея о том, что условием бурного экономического роста страны является достижение ею определенного уровня грамотности среди взрослого населения. Полагалось, что уровень 40% взрослого населения, считающегося грамотным, является пороговым значением для начала экономического развития. По этому поводу Т. Хегерстранд (Hägerstrand), в частности, отмечал, что спрос на образование является инновацией, которую необходимо внедрить, чтобы открыть общество для дальнейших инноваций [12. Р. 244]. В последующих исследованиях было показано, что средний уровень грамотности населения страны является лучшим основанием для экономического роста, чем образовательные достижения, измеряемые дипломами [13]. Было доказано, что страны с большим неравенством в уровне грамотности населения имеют и наибольший уровень неравенства в распределении доходов; получили подтверждение утверждения о связи между высоким уровнем грамотности и лучшими результатами в отношении здоровья, а также между уровнем грамотности и гражданской активностью людей.

В 1980–1990-е гг. грамотность превращается в сводный индикатор оценки профессиональной ответственности школ и учителей, а также политической легитимности государственных систем образования, политики и администрации. В эти же годы приобретает популярность анализ социокультурной проблематики в исследованиях языка и социальных наук. По этой тематике выходит целый ряд работ таких исследователей, как Джеймс Пол Джи (James Paul Gee), С. Скрибнер и М. Коул (S. Scribner and M. Cole), Р. и С. Сколлон (R. Scollon and S. Scollon), Ширли Брайс Хит (S. Heath), Б. Стрит (B. Street) и многих других, сформировавших основу дальнейших исследований грамотности.

Как полагают К. Ланкашир и М. Нобель, итогом произошедших изменений контекста рассмотрения понятия «грамотность» является то, что отныне оно стало представляться с нескольких точек зрения, а именно: 1) как цель обучения языку в сфере образования (вместо прежней цели, связанной с обучением чтению и письму). Причем грамотность рассматривается во взаимосвязи с социальными практиками, в которые она встроена и в которых она приобретает. То есть речь идет о применении знаний для конкретных целей в конкретных контекстах употребления; 2) как индустрия (включает в себя деятельность и ресурсы по профессиональному развитию преподавателей и поставщиков программ ликвидации неграмотности в тех или иных областях, консультантов по грамотности, разработчиков ресурсов, экспертов, оценивающих соответствие рынку товаров и услуг для повышения грамотности и проч.); 3) как критерий оценки статуса человека (необходимость владеть ак-

туальной культурной информацией); 4) как понятие, используемое для характеристики все возрастающего разнообразия практик (эмоциональная грамотность, финансовая грамотность и проч.); 5) как понятие, которое в связи с происходящими изменениями необходимо рассматривать по-новому, как состояние «новой грамотности» (new literacy) [9. Р. 12].

В 1980–1990-х гг. со все более масштабным проникновением в сферу социальных коммуникаций новых информационных технологий стали говорить о появлении новых разновидностей грамотности, а именно медиаграмотности (media literacy), информационной грамотности (information literacy), цифровой грамотности (Digital literacy), грамотности XXI в. (twenty-first-century literacies). Однако первоначально понимание этих новых разновидностей грамотности не выходило за рамки уже сложившейся концепции грамотности. Речь шла о появлении новых практик, которыми нужно овладеть, чтобы считаться грамотным. Например, П. Гилстер (P. Gilster) определял «цифровую грамотность» как способность понимать и использовать информацию в различных форматах из самых разных источников, когда она представлена через компьютеры и, в частности, через среду Интернета [9. Р. 40].

В 1990-е гг. начали формироваться идеи новых исследований грамотности, или The New Literacy Studies (NLS), связанных с именами D. Brandt, K. Clinton, J.P. Gee, G.A. Hull, Schultz, K. Brandt, K. Pahl, J. Rowsel, M. Prinsloo, B. Street и др. Джеймс Пол Джи (Gee J.P.) характеризует NLS как направление, которое выступало против традиционного психологического подхода к грамотности и определения ее в терминах психических состояний и психических обработок. NLS считает грамотность тем, что люди «делают» не только в своей голове, но и внутри общества. Утверждалось, что грамотность – это скорее социальное и культурное достижение, необходимое для того, чтобы быть понятым и изученным во всем диапазоне контекстов – как когнитивных, так и социальных, культурных, исторических и институциональных [14].

При этом происходит пересмотр содержания ранее введенных в оборот понятий, обозначающих те или иные разновидности грамотности. Социальная и культурная составляющие выдвигаются в них на первый план. Грамотность – это только условие возможности социальной коммуникации, в рамках которой обладающий грамотностью оказывается способным ее проявить. Например, A. Martin следующим образом определяет понятие «информационная грамотность»: «...осведомленность, отношение и способность людей надлежащим образом использовать цифровые инструменты и средства для идентификации, доступа, управления, интеграции, оценивать, анализировать и синтезировать цифровые ресурсы, создавать новые знания, создавать медиа-выражения и общаться с другими в контексте конкретных жизненных ситуаций, чтобы обеспечить конструктивные социальные действия и размышлять над этим процессом» [15. Р. 167].

На этом фоне, но несколько в ином аспекте выделяется группа исследователей, получивших название «The New Literacies Studies» (ее следует отличать от направления The New Literacy Studies (NLS)), которая представлена такими именами, как J. Coiro, M. Knobel, C. Lankshear, D.J. Leu, W. Kist, G. Kress. Эта группа исследователей, не отрицая парадигмального характера идей, сформулированных в рамках NLS, сосредоточилась на рассмотрении

различных цифровых инструментов как технологий для придания и получения смысла точно так же, как это делает язык. Представители этой группы К. Ланкашир и М. Нобель высказали идею о формировании «онтологически новых грамотностей», включающую в себя такие вещи, как использование и конструирование гиперссылки в документах и изображениях, звуковых документах, фильмах, обмен текстовыми сообщениями на мобильном телефоне, использование цифровых семиотических языков (например, смайлики в электронной почте), управление мышью для перемещения по тексту, загрузка изображений с камеры или цифрового телефона на компьютер или в Интернет, вставка текста в цифровое изображение или анимацию, добавление звука к изображению, выбор, создание или настройка шаблона блога и др. Помимо технической составляющей «онтологически новой грамотности» К. Ланкашир и М. Нобель обращают внимание на то, что новая грамотность включает в себя совершенно иную конфигурацию ценностей, которая включает в себя различные виды социальных и культурных отношений, другой «этнос вещей», ориентированный на большую совместность, меньшую индивидуальность и меньшую ориентированность на автора [9. Р. 29].

Таким образом представители NLS обнаруживают наличие парадигмальных сдвигов в рассмотрении понятия «грамотность» и необходимость включения в его содержание элементов, связанных с социальным и культурным контекстами формирования грамотности, которая была дополнительно аргументирована сторонниками The New Literacies Studies (К. Ланкашир, М. Нобель и др.) доводами онтологического и аксиологического характера [16]. Итогом этих изменений стало введение в оборот новых понятий «онтологически новые грамотности» ('Ontologically new' literacies) и «новые грамотности» ('New' literacies). По поводу последних Д.П. Джи (J.P. Gee) отмечал, что «существует множество различных социальных и культурных практик, которые включают грамотность так же, как и множество различных „грамотностей“ (юридическая грамотность, игровая грамотность, музыкальная грамотность в стиле кантри, академическая грамотность многих различных типов). Люди не просто читают и пишут вообще, они читают и пишут определенные виды „текстов“ особым образом, и эти пути определяются ценностями и обычаями различных социальных и культурных групп» [14. Р. 5].

Наряду с направлением The New Literacy Studies, которые на рубеже 1990-х – начала 2000-х гг. обратили внимание на формирование множества разновидностей грамотности на фоне наметившихся в области социальных коммуникаций значительных изменений, вызванных появлением новых технических средств связи – мобильных телефонов, сети Интернет и т.д., появился ряд исследователей, которые стали рассматривать возникновение новых практик грамотности как основу формирования более широкого социального порядка, названный английским исследователем Б.В. Стрит и его соавторами Д. Бейкер и Э. Томлин новым коммуникативным порядком (New Communicative Order) [17].

Новый коммуникативный порядок характеризуется тем, что он основан на информационных технологиях и является частью технологической революции, которая меняет материальную базу общества, а также его включенность в доминирующий политический и идеологический порядок, и взаимосвязь с новым порядком работы. Новый порядок работы – это более

напряженная и требовательная трудовая деятельность для тех, кто имеет хорошие рабочие места, это широкое распространение низкооплачиваемых и временных рабочих мест, а также увеличение разрыва между богатыми и бедными, это мир, в котором стираются национальные границы для перетока рабочей силы. Отличительная особенность влияния данного порядка на оценку грамотности состоит в том, что он требует учета практики грамотности, связанной с экранными технологиями. Теперь письменные, устные и аудиовизуальные формы общения интегрированы в мультимодальные гипертекстовые системы, доступные через Интернет и Всемирную паутину, и они выстраивают новые практики так называемой кремниевой грамотности (Silicon literacy), которая представляет собой иные способы создания значений в этих новых коммуникационных системах [18].

Концепция кремниевой грамотности, а также специфика ряда конкретных практик применения кремниевой грамотности (т.е. создания значений в таких новых коммуникационных системах, как интернет-торговля, компьютерное образование, компьютерные игры и пр.) были представлены И. Снайдер в 2002 г. С точки зрения И. Снайдер неотъемлемой частью кремниевой грамотности является представление о том, что изучение грамотности должно осуществляться через рассмотрение их включенности в определенные глобальные и локальные контексты (политические, экономические и коммуникативные).

Представляя концепцию кремниевой грамотности, необходимо подчеркнуть некоторую степень общности ее содержания с идеями, составляющими «Новые исследования грамотности» (The New Literacy Studies) [19]. Вместе с тем между ними имеется и существенное различие, которое состоит в том, что авторы концепции кремниевой грамотности рассматривают ее не просто как совокупность определенных навыков и компетенций (знаний и умений), а как социальные и культурные практики использования письменного, устного и визуального языка в компьютерных текстах и культурно обусловленные пути придания этим текстам определенных значений и способов использования таких текстов. Что представляют собою упомянутые выше социальные и культурные практики?

Например, речь идет о практике обучения грамотности. Именно в ее рамках актуализируется вопрос о необходимости переопределения грамотности, поскольку, с одной стороны, грамотность учеников в школе формируется и оценивается на основе усвоения ими письменного языка, языка печатных изданий, формирования у них признаков критического мышления и ценностных ориентиров. С другой стороны, в этот процесс все более включаются визуальные и цифровые формы грамотности, связанные с использованием современных технических средств связи – компьютеров, смартфонов и проч. Современные программы обучения грамотности все меньше могут игнорировать роль популярной культуры и тексты, составляющие ее мейнстрим. Это значит, что современная грамотность должна ориентироваться на включение таких текстов в программы обучения грамотности, находить способы выстраивать взаимоотношения между школьным и внешкольным миром молодых людей, в том числе через включение артефактов электронной популярной культуры, таких как компьютерные игры, в программу обучения грамоте [20].

По этому поводу К. Бигам заметил, что обучение информационной и компьютерной грамотности в настоящее время в школах продолжает осуществляться так, как будто новый, цифровой мир не так уж сильно отличается от мира, к жизни в котором школы традиционно готовили молодежь. Современная эпоха требует объединения устойчивых и давно разработанных программ обучения грамотности с использованием бумаги и карандаша, с компьютерными и коммуникационными технологиями [21]. Именно поэтому кремниевая грамотность ориентирует на то, чтобы методы преподавания, обучения, учебные программы должны подходить для мира за пределами школы, который все больше формируется за счет применения компьютерных и коммуникационных технологий

Д.М. Келлнер обратил внимание на социальные последствия социокультурных практик формирования грамотности, утверждая, что она является необходимым условием для подготовки людей к участию в местной, национальной и глобальной экономике, культуре и государственном строительстве, поэтому образование должно формировать «множественную грамотность», которая включает в себя не только навыки чтения, письма и традиционной печатной грамотности, но и новые формы медиаграмотности, компьютерной грамотности и мультимедиаграмотности. Он представляет суть концепции кремниевой грамотности как синтез различных видов грамотности, формируемых в современном образовании, которые в конечном итоге необходимы для того, чтобы все большее число людей могли бы стать полноценными участниками культурной, социальной и экономической жизни современного общества. Наряду с традиционной грамотностью кремниевая грамотность включает в себя такие составляющие современной грамотности, как компьютерная и информационная грамотность (обучение использованию компьютеров, доступа к информации и учебным материалам, использованию электронной почты и рассылок, обслуживанию и созданию веб-сайтов, чтению гипертекстов); медиаграмотность (чтение и интерпретация дискурсов, образов, зрелищ, повествований, форм и жанров медиакультуры); «множественная грамотность» (множество видов грамотности, необходимых для доступа, интерпретации, критики и участия в возникающих новых формах культуры и общества, умение читать в разнообразных и гибридных семиотических областях (т.е. областях, где взаимодействует сразу несколько медиа, например, чтение музыкального видео требует обработки образов, музыки, зрелища) и умение критически и герменевтически обрабатывать печать, графику, движущиеся изображения и звуки; мультикультурная грамотность, т.е. способность понимать неоднородность культурных групп и форм, иметь навыки работы с множеством средств массовой информации и приобретать компетенции для участия в демократическом обществе [22].

Таким образом, концепция кремниевой грамотности ориентирует на формирование иной, отличной от идей «Новых исследований грамотности» (NLS) парадигмы грамотности, в рамках которой подчеркивается необходимость синтеза множества социальных и культурных практик, направленных на адаптацию человека к жизни в условиях расширения использования компьютерных и коммуникативных технологий. Кремниевую грамотность нельзя связывать только лишь с компьютерной или информационной грамотностью,

ее необходимо рассматривать как синтез различных видов грамотности, формируемых у человека.

Хотя концепция кремниевой грамотности явилась результатом рефлексии очередного этапа в развитии информационных технологий к началу XXI в., тем не менее нельзя не учитывать того, что скорость и масштабы технологических изменений значительно возросли в первые два десятилетия XXI в. Рассматривая современную ситуацию, связанную со все более активным созданием информационных технологий нового поколения или смарт-технологий и внедрением их во все сферы жизни, в том числе в сферу образования, возникает вопрос об адекватности понятия «кремниевая грамотность» (наряду с понятиями «компьютерная грамотность», «информационная грамотность» и др.) складывающейся ситуации. Как было показано, смарт-технологии охватили своим действием уже практически все сферы жизни современного общества, поэтому в рассмотрении поставленного вопроса ограничимся лишь сферой образования и рассмотрим, что понимается под смарт-технологиями в образовании и в чем здесь проявляется их влияние на социально-коммуникативные процессы.

Говоря об умных технологиях, многие исследователи подчеркивают принципиальное онтологическое различие между информационными технологиями прошлых десятилетий и смарт-технологиями, а также между образованием прошлого и современным его состоянием. В частности, M. Klichowski указывает, что с середины 1990-х гг. в эволюции информационных технологий в образовании необходимо выделить несколько этапов: 1) с 1996 г. – начало внедрения ИТ в образование с использованием персонального компьютера; 2) с 2003 г. – e-learning (электронное обучение или обучение с помощью интернета и мультимедиа); 3) с 2005 г. – m-learning (электронное обучение с использованием мобильных устройств); 4) с 2010 г. – u-learning (учебные среды могут быть доступны в различных контекстах и ситуациях); 5) с 2012 г. – Smart Education [23].

И хотя в различных исследованиях в целом признается, что Smart Education – это результат эволюции и самый передовой этап изменения образования под влиянием информационных технологий, вызванный к жизни появлением таких ИТ, как технология дополненной реальности, компьютерное зрение, технологии распознавания речи, аналитические технологии и т.д., которые способствовали увеличению эффективности обучения студентов с учетом их личных характеристик [24], тем не менее среди исследователей до https://translate.googleusercontent.com/translate_f – до сих пор нет единства в представлении того, что же оно собою являет, как нет единства и в терминологии, обозначающей те или иные «умные» технологии, используемые в сфере образования [25. С. 159–160].

Одними из первых по этому поводу высказались эксперты компании IBM. Они определили смарт-образование как междисциплинарную систему образования, ориентированную на учащихся, связанную со школами, учреждениями третичного образования (колледжи, техникумы) и учреждениями подготовки кадров, которая использует: 1) адаптивные обучающие программы и учебные портфолио для студентов; 2) совместные технологии и цифровое обучение а также ресурсы для учителей и студентов; 3) компьютеризированное администрирование, мониторинг и отчетность учителей о результатах

обучения в классе; 4) более подробную информацию об учащих; 5) онлайн-ресурсы обучения для студентов во всем мире.

Несколько иной подход к пониманию умного образования был представлен М. Cocoli, A. Guercio, P. Maresca, L. Stanganelli [26]. Они описывают умное образование как образование в умной среде, поддерживаемой интеллектуальными технологиями, с использованием интеллектуальных инструментов и интеллектуальных устройств.

Для обозначения технологий смарт-образования используются и другие понятия, например, понятие «смарт среда обучения» (Smart Learning Environment), представленное, в частности, в работах G.J. Hwang [27]. «Смарт среда обучения» – это технология, при поддержке которой происходит адаптация и обеспечивается соответствующая поддержка обучаемых (руководство, отзывы, подсказки или инструменты) в нужных местах и в нужное время на основе учета потребностей отдельных учеников, которые могут быть определены путем анализа их обучения, поведения, производительности и онлайн-контекстов реального мира, в которых они расположены. Интеллектуальная среда обучения ориентирована на контекст, ситуации учащихся или контекст реальной среды, в которой учащийся находится. Интеллектуальная среда обучения способна предлагать мгновенную и адаптивную поддержку путем непосредственного всестороннего анализа потребностей отдельных учащихся. Умная среда обучения способна адаптировать пользовательский интерфейс и содержание образования в соответствии с личными факторами и индивидуальными предпочтениями отдельных учащихся.

Сопоставляя содержание понятия «смарт-образование» с содержанием других понятий, обозначающих те или иные умные технологии, применяемые в образовании, можно заключить, что общим для них является указание на технологии и устройства, которые отличаются от своих предшественников тем, что способны осуществлять адаптацию и поддержку обучающихся в процессе образования, организацию и управление взаимодействием между всеми участниками образовательного процесса, поддерживать между ними коммуникацию и социальное взаимодействие.

В связи с этим очевидно, что понятия информационной, компьютерной или цифровой грамотности (как наиболее адекватные сфере образования из множества «новых грамотностей»), которые обозначают аспекты образования, связанные с использованием компьютеров и доступом к информации, не в полной мере отражают возможности технологий, используемые в рамках умного образования, ибо игнорируют то, что умные технологии не только требуют знаний для своего применения, но и являются средством погружения обучающегося во множество социальных и культурных практик, в которых эти технологии реализуются. Иными словами, смарт-образование складывается из целого комплекса технологий, применение которых только опирается на знание тех или иных информационных технологий, но не исчерпывается ими.

Понятие «кремниевая грамотность» более полно отражает те требования к учащимся, которые влечет за собой внедрение в сферу образования умных технологий, в частности учитывает контекст реальной среды, системный и множественный характер информационных технологий, составляющих Smart education. Однако и оно не может быть признано вполне соответствующим

для обозначения ключевых технологических аспектов умного образования, связанных с нацеленностью этих технологий на адаптацию к личным факторам и индивидуальным предпочтениям отдельных учащихся.

Таким образом, можно полагать, что в ситуации появления новых информационных или так называемых смарт-технологий и перехода образования в состояние Smart Education (умного образования) имеет место процесс формирования онтологических (появление новых адаптивных к пользователю информационных технологий) и аксиологических (потребности отдельных учащихся рассматриваются как важнейшая ценность образования) оснований для зарождения новой концепции грамотности, которая должна учесть те нюансы, которые возникают в связи с внедрением в сферу социальных коммуникаций принципиально иных информационных технологий.

Список источников

1. Sultan M., Ahmed K.N. Smart to Smarter: Smart Home Systems History, Future and Challenges // Computing Conference. 2017. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/18c1/b2bcb167e4f52d5c1dddfecbf6881d4357b.pdf> (accessed: 24.01.2022).
2. Miller M. The Internet of Things: How Smart TVs, Smart Cars, Smart Homes, and Smart Cities Are Changing the World, Pearson Education, Indianapolis, 2015. URL: <http://ptgmedia.pearsoncmg.com/images/9780789754004/samplepages/9780789754004.pdf> (accessed: 24.01.2022).
3. Ardashkin B., Korobeynikova L.A., Popova A.V. Status of social competencies of power engineers in the context of forming the concept of an intelligent network or smart grid // MATEC Web of Conferences, 37, 01003 (2015). URL: http://www.matec-conferences.org/articles/mateconf/pdf/2015/18/mateconf_sg2015_01003.pdf (accessed: 24.01.2022).
4. Mangion C. Philosophical approaches to communication. Bristol, UK: Intellect, 2011. 330 p.
5. Gonzalez W.J., Arrojo M.J. Complexity in the sciences of the Internet and its relation to communication sciences // Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication. 2019. № 10:1. P. 15–33.
6. Beaney M. What is Analytic Philosophy? // The Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy. (Oxford Handbooks). Oxford University Press, 2013. P. 3–29. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199238842.013.0039> (accessed: 24.01.2022).
7. Ilharco F. The backgroundness of new media: A phenomenological account of information and communication technologies // Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication. 2015. № 6: 1. P. 39–55.
8. Craig R.T. Pragmatist realism in communication theory // Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication. 2016. № 7: 2. P. 115–128.
9. Lankshear C., Knobel M. New literacies: everyday practices and social learning, 3rd ed. Maidenhead : Open University Press, 2011.
10. Pedagogy of the oppressed / Paulo Freire; translated by Myra. Bergman Ramos; introduction by Donaldo Macedo. URL: <https://envs.ucsc.edu/internships/internship-readings/freire-pedagogy-of-the-oppressed.pdf>
11. Anderson C.A. Literacy and schooling on the development threshold: some historical cases // Anderson C.A., Bowman M.J. Education and Economic Development. Chicago : Aldine Publishing Co, 1966. P. 347–62.
12. Hägerstrand T. Quantitative techniques for the analysis of the spread of information and technology // C.A. Anderson, M.J. Bowman. Education and Economic Development. Chicago : Aldine Publishing Co, 1966. P. 237–251.
13. Coulombe S., Tremblay J.-F., Marchand S. Literacy Scores, Human Capital and Growth across Fourteen OECD Countries. Ottawa: Statistics Canada. 2004. URL: https://www.researchgate.net/publication/242564913_International_Adult_Literacy_Survey_Literacy_scores_human_capital_and_growth_across_fourteen_OECD_countries (accessed: 24.01.2022).
14. James P. Gee A Situated Sociocultural Approach to Literacy and Technology // Baker E.A., Leu D.J. The new literacies: multiple perspectives on research and practice. New York, NY : Guilford Press. 2010. P. 165–193. URL: https://www.researchgate.net/publication/276935669_A_situated-sociocultural_approach_to_literacy_and_technology (accessed: 24.01.2022).

15. Martin A. Digital literacy and the 'digital society' // Lankshear C., Knobel M. *Digital Literacies: Concepts, Policies and Practices*. New York : Peter Lang. 2008. P. 151–176.
16. Lankshear C., Knobel M. Researching New Literacies: Web 2.0 Practices and Insider Perspectives // *E-Learning*. 2007. № 4 (3). URL: https://www.researchgate.net/publication/237385923_Researching_New_Literacies_Web_20_Practices_and_Insider_Perspectives (accessed: 24.01.2022).
17. Street B. New literacies in theory and practice: what are the implications for language in education? // *Linguistics and Education*. 1998. № 10 (1). P. 1–24. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S089858989980103X> (accessed: 24.01.2022).
18. Snyder I. A new communication order: researching literacy practices in the network society // *Language and Education: An International Journal*. 2001. № 15 (1). P. 117–131. URL: <https://doi.org/10.1080/09500780108666805> (accessed: 24.01.2022).
19. Gee J.P. The New Literacy Studies // *The Routledge Handbook of Literacy Studies* ed. Jennifer Rowsell and Kate Pahl. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315717647.ch2> (accessed: 24.01.2022).
20. Beavis C. Reading, writing and role-playing computer games. URL: https://www.researchgate.net/publication/305327264_Reading_writing_and_role-playing_computer_games (accessed: 24.01.2022).
21. Bigum C. Design sensibilities, schools and the new computing and communication technologies. URL: https://www.researchgate.net/publication/305327348_Design_sensibilities_schools_and_the_new_computing_and_communication_technologies (accessed: 24.01.2022).
22. Kellner D.M. Technological revolution, multiple literacies, and the restructuring of education. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.112.8165&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 24.01.2022).
23. Klichowski M. et al. CyberParks as a New Context for Smart Education: Theoretical Background, Assumptions, and Pre-service Teachers' Rating // *American Journal of Educational Research*. 2015. T. 3, №. 12A. P. 1–10.
24. Coccoli M., Guercio A., Maresca P., Stanganelli L. Smarter Universities: a vision for the fast changing digital era // *J. Vis. Lang. Comput.* 2014. № 25. P. 1003–1011.
25. Чмыхало А.Ю., Коробейникова Л.А. Барьеры в развитии умного образования (SMART EDUCATION): специфика социокультурной среды России // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2021. № 42. С. 158–173.
26. Hwang G.J. Definition, framework and research issues of smart learning environments—a context-aware ubiquitous learning perspective // *Smart Learn. Environ.* 2014. № 1. URL: <https://slejournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40561-014-0004-5> (accessed: 24.01.2022).
27. Zhu Z.T., Yu M.H., Riezebos P. A research framework of smart education // *Smart Learning Environments*. 2016. № 3 (1).

References

1. Sultan, M. & Ahmed, K.N. (2017) *Smart to Smarter: Smart Home Systems History, Future and Challenges*. [Online] Available from: <https://pdfs.semanticscholar.org/18c1/b2bcb167e4f52d5c1dddfecbfb6881d4357b.pdf>
2. Miller, M. (2015) *The Internet of Things: How Smart TVs, Smart Cars, Smart Homes, and Smart Cities Are Changing the World*. Pearson Education, Indianapolis. [Online] Available from: <http://ptgmedia.pearsoncmg.com/images/9780789754004/samplepages/9780789754004.pdf3>
3. Ardashkin, B., Korobeynikova, L.A. & Popova, A.V. (2015) Status of social competencies of power engineers in the context of forming the concept of an intelligent network or smart grid. *MATEC Web of Conferences*. 37. 01003. [Online] Available from: http://www.matec-conferences.org/articles/mateconf/pdf/2015/18/mateconf_sg2015_01003.pdf
4. Mangion, C. (2011) *Philosophical Approaches to Communication*. Bristol, UK: Intellect.
5. Gonzalez, W.J. & Arrojo, M.J. (2019) Complexity in the sciences of the Internet and its relation to communication sciences. *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. 10(1). pp. 15–33.
6. Beaney, M. (2013) What is Analytic Philosophy? In: Beaney, M. (ed.) *The Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy*. Oxford: Oxford University Press. pp. 3–29. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199238842.013.0039>
7. Ilharco, F. (2015) The backgroundness of new media: A phenomenological account of information and communication technologies. *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. 6(1). pp. 39–55. DOI: 10.1386/ejpc.6.1.39_1

8. Craig, R.T. (2016) Pragmatist realism in communication theory. *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. 7(2). pp. 115–128. DOI: 10.1386/ejpc.7.2.115_1
9. Lankshear, C. & Knobel, M. (2011) *New Literacies: Everyday Practices and Social Learning*. 3rd ed. Maidenhead: Open University Press. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/277789162_New_literacies_Everyday_practices_and_social_learning
10. Freire, P. (n.d.) *Pedagogy of the Oppressed*. Ttranslated by M. Bergman Ramos. [Online] Available from: <https://envs.ucsc.edu/internships/internship-readings/freire-pedagogy-of-the-oppressed.pdf>
11. Anderson, C.A. (1966) Literacy and schooling on the development threshold: some historical cases. In: Anderson, C.A. & Bowman, M.J. (eds) *Education and Economic Development*. Chicago: Aldine Publishing Co. pp. 347–362.
12. Hägerstrand, T. (1966) Quantitative techniques for the analysis of the spread of information and technology. In: Anderson, C.A. & Bowman, M.J. (eds) *Education and Economic Development*. Chicago: Aldine Publishing Co. pp. 237–251.
13. Coulombe, S., Tremblay, J.-F. & Marchand, S. (2004) *Literacy Scores, Human Capital and Growth across Fourteen OECD Countries*. Ottawa: Statistics Canada. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/242564913_International_Adult_Literacy_Survey_Literacy_scores_human_capital_and_growth_across_fourteen_OECD_countries
14. Gee, J.P. (2010) A Situated Sociocultural Approach to Literacy and Technology. In: Baker, E.A. & Leu, D.J. *The new literacies: multiple perspectives on research and practice*. New York, NY: Guilford Press. pp. 165–193. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/276935669_A_situated-sociocultural_approach_to_literacy_and_technology
15. Martin, A. (2008) Digital literacy and the ‘digital society’. In: Lankshear, C. & Knobel, M. *Digital Literacies: Concepts, Policies and Practices*. New York: Peter Lang. pp. 151–176.
16. Lankshear, C. & Knobel, M. (2007) Researching New Literacies: Web 2.0 Practices and Insider Perspectives. *E-Learning*. 4(3). [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/237385923_Researching_New_Literacies_Web_20_Practices_and_Insider_Perspectives
17. Street, B. (1998) New literacies in theory and practice: what are the implications for language in education? *Linguistics and Education*. 10(1). pp. 1–24. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S089858989980103X>
18. Snyder, I. (2001) A new communication order: researching literacy practices in the network society. *Language and Education: An International Journal*. 15(1). pp. 117–31. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1080/09500780108666805>
19. Gee, J.P. (n.d.) The New Literacy Studies. In: Rowsell, J. & Pahl, K. *The Routledge Handbook of Literacy Studies*. [Online] Available from: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315717647.ch2>
20. Beavis, C. (n.d.) *Reading, writing and role-playing computer games*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/305327264_Reading_writing_and_role-playing_computer_games
21. Bigum, C. (n.d.) *Design sensibilities, schools and the new computing and communication technologies*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/305327348_Design_sensibilities_schools_and_the_new_computing_and_communication_technologies
22. Kellner, D.M. (n.d.) *Technological revolution, multiple literacies, and the restructuring of education*. [Online] Available from: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.112.8165&rep=rep1&type=pdf>
23. Klichowski, M. et al. (2015) CyberParks as a New Context for Smart Education: Theoretical Background, Assumptions, and Pre-service Teachers’ Rating. *American Journal of Educational Research*. 3(12A). pp. 1–10.
24. Coccoli, M., Guercio, A., Maresca, P. & Stanganelli, L. (2014) Smarter Universities: a vision for the fast changing digital era. *Journal of Visual Languages and Computing*. 25. pp. 1003–1011.
25. Chmykhalo, A.Yu. & Korobeynikova, L.A. (2021) Barriers in development of Smart education: sociocultural peculiarities of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 42. pp. 158–173. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/42/13
26. Hwang, G.J. (2014) Definition, framework and research issues of smart learning environments—a context-aware ubiquitous learning perspective. *Smart Learn. Environ.* 1. [Online] Available from: <https://slejournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40561-014-0004-5>
27. Zhu, Z.T., Yu, M.H. & Riezebos, P. (2016) A research framework of smart education. *Smart Learning Environments*. 3(1).

Сведения об авторах:

Чмыхало А.Ю. – кандидат философских наук, доцент Отделения социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: sanichtom@inbox.ru

Макиенко М.А. – кандидат философских наук, доцент Отделения социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: mma1252@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Chmykhalo A.Yu. – National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sanichtom@inbox.ru

Makienko M.A. – National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mma1252@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2022;
одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 15.01.2022;
approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.7

doi: 10.17223/1998863X/66/12

РАЗЪЕДИНЯЮЩИЕ И ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРЫ В ОТНОШЕНИЯХ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИЯН КАК ОСНОВА ЛАТЕНТНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

Ирина Борисовна Бритвина¹, Елена Львовна Могильчак²

^{1, 2} *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

¹ *irina.britvina@urfu.ru*

² *e.l.mogilchak@urfu.ru*

Аннотация. Исследуется роль объединяющих и разъединяющих элементов культуры при взаимодействии россиян и иноэтничных мигрантов из Центральной Азии на основе интерпретации результатов анкетного опроса жителей Екатеринбурга ($n = 476$). Типологизация опрошенных горожан на основе кластерного анализа позволила выявить три группы: носители разъединяющих элементов культуры, носители объединяющих элементов культуры и нейтральные. Авторы приходят к выводу, что наличие дифференцирующих элементов культуры при появлении причин для конфликтов может способствовать тому, что взаимодействие между мигрантами и принимающим сообществом способно перейти в стадию открытого конфликта.

Ключевые слова: мигранты, принимающее сообщество, отношение к мигрантам, элементы культуры, конфликт, латентная стадия, Екатеринбург, Центральная Азия

Для цитирования: Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л. Разъединяющие и объединяющие элементы культуры в отношениях мигрантов из стран Центральной Азии и россиян как основа латентной конфликтности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 127–138. doi: 10.17223/1998863X/66/12

SOCIOLOGY

Original article

ALIENATING AND UNITIVE ELEMENTS OF CULTURE IN THE RELATIONS BETWEEN MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA AND RUSSIAN CITIZENS AS THE BASIS OF LATENT CONFLICT

Irina B. Britvina¹, Elena L. Mogilchak²

^{1, 2} *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation*

¹ *irina.britvina@urfu.ru*

² *e.l.mogilchak@urfu.ru*

Abstract. In the present article, we study the role of unitive and alienating elements of culture in the interaction of Russian citizens and migrants of different ethnicities from Central Asia. The interest of scientists in the problems of ethnic and cultural interactions between indigenous and newcomers is quite significant. However, we have not found a typology of groups of the host community as carriers of uniting and separating elements of culture with migrants from Central Asian countries in domestic and foreign scientific sources. In scientific works, there is no correlation between the cultural attitudes of these groups and their level of conflict. The application of the anthropological approach allowed us to reveal the cultural characteristics of migrants, which are positively or negatively perceived by the local population, and assess their influence on the conflict potential of the interactions. The perceptive analysis of the interactions between migrants and the local community served as a basis for the interpretation of the results of the questionnaire survey of Yekaterinburg citizens held in 2019–2020 ($n = 476$). We applied the descriptive method of information analysis, correlation analysis and cluster analysis. In general, based on the set sample, the average number of attractive and repelling features of migrants is almost the same. The higher the number of repelling and unacceptable cultural habits of migrants mentioned by the respondents is, the more common open conflicts with them are. Classification of Yekaterinburg citizens based on cluster analysis allowed defining three groups: bearers of alienating cultural elements, bearers of unitive cultural elements, and neutral citizens. Most frequently, “bearers of alienating cultural elements” mention that migrants themselves initiate conflicts. This cluster is characterized by the maximum level of conflicts, in both latent and open forms. We come to the conclusion that the coincidence of differentiating cultural elements and the reasons for conflict may contribute to the fact that the interaction between migrants and the host community becomes an open conflict.

Keywords: migrants; host community; attitude to migrants; elements of culture; conflict, latent stage; Ekaterinburg; Central Asia

For citation: Britvina, I.B. & Mogilchak, E.L. (2022) Alienating and unitive elements of culture in the relations between migrants from central asia and russian citizens as the basis of latent conflict. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 127–138. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/12

Постановка проблемы

Проблематика взаимоотношений мигрантов из стран Центральной Азии и россиян остается актуальной. Несмотря на период самоизоляции и ужесточение законодательства в отношении приема мигрантов, Российская Федерация остается одним из мировых лидеров по приему иностранных граждан. За январь–ноябрь 2021 г., по данным Росстата, количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства практически достигло уровня 12 млн человек. Свердловская область принимает большинство мигрантов из стран Центральной Азии (более 70%). Выходцы из этого региона в первую очередь стремятся закрепиться в Екатеринбурге, так как ищут высокодоходные рабочие места. Отношение принимающего сообщества к внешним мигрантам, по мнению авторов статьи, формируется, прежде всего, на основе культурно-оценочных характеристик обеих сторон. Культурная обусловленность этих взаимоотношений связана с тем, что на локальном уровне, как правило, выявляется разница культур, а не общая их родовая близость. Кевин Аврух (Avruch), призывая различать общечеловеческие моменты и этническую разницу в любых культурах, считает, что культура создает контексты, в которых происходит конфликт, и, связывая культуру с конфликтом, чаще всего имеются в виду этнокультуры [1]. Конфликты культурного характера носят латентный, но системный характер и часто не осознаются, или их осознание подавляется самими носителями в условиях

социальных и законодательных требований проявления толерантного отношения к другим этническим группам.

Методология исследования

Авторы статьи основывались на сочетании конфликтологической парадигмы (социокультурный подход) и антропологической концепции. В рамках конфликтологического подхода важным для нас является обоснование Питиримом Сорокиным системной природы социокультурных конфликтов [2].

Функциональная модель конфликта Георга Зиммеля (Simmel) в нашем исследовании является актуальной в силу того, что он трактовал межэтнический конфликт как классическое проявление «спора» в борьбе за отстаивание интересов [3]. Наряду с этим он писал о важном обстоятельстве, детерминирующем конфликт, – это чувство враждебности одной социальной группы к другой.

Обосновывая системность культурного неприятия иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии на территории России, следует обратиться и к «науке мира» Йохана Галтунга (Galtung), писавшего о структурном насилии, которое в форме национализма или этноцентризма может не осознаваться социальными группами и в критической ситуации приводить к прямому насилию [4].

Ральф Дарендорф (Dahrendorf), Льюис Козер (Coser), Георг Зиммель (Simmel) отмечали и позитивные последствия межгрупповых конфликтов [5, 6], которые способствуют упрочению идентичности группы и сохранению ее границ в отношении окружающего социума.

Наш подход основан на понимании противоречивости воздействия конфликтов на социум в контексте сохранения стабильности социальной системы, в рамках которого мы попытались выявить роль не только разъединяющих, но и объединяющих элементов культуры в отношении принимающего сообщества к мигрантам в контексте анализа конфликтных взаимодействий.

Обзор литературы

В рамках антропологического направления анализа во второй половине XX в. в фокусе внимания исследователей оказывается сфера субъективности, «собственно человеческой реальности» (Ж.-П. Сартр, А. Камю, Э. Фромм и др.). Так, Эрих Фромм (Fromm) утверждал, что для познания сущности добра и зла надо познать природу человека, а источник норм нравственного поведения искать в самой его природе. Он отмечал, что поведение человека во многом определяется ценностными суждениями [7]. Фромм, формулируя экзистенциальные и исторические дихотомии, разрешение которых определяет поведение людей, описывает дихотомию «укорененности», порождающую восприятие представителей другой культуры как «чужих» на основе «уз крови» и «земли» (выраженных «в общности, языка, обычаев, пищи, песен и т.д.»): «все, кто не относится к числу „своих“, вызывают подозрение» [8. С. 320].

Сторонники этноконфликтологического подхода также исходят из того, что глубинные источники конфликтов коренятся в культурных особенностях народов, в их ценностных системах. По мнению М.О. Мнацаканяна, культура может интегрировать «своих», противопоставляя их «чужим» [9. С. 122]. В конце XX в. российскими учеными был выделен ряд причин социальных

конфликтов: территориальные споры, миграции и перемещения, историческая память, стремление к самоопределению, борьба за материальные ресурсы, претензии на власть национальных элит, конкуренция между этносами в сфере разделения труда [10]. В связи с нарастанием притока иноэтничных мигрантов в XXI в. конфликты в сфере взаимодействия приезжих и россиян анализировались особенно подробно. Так, например, В.И. Мукомель представил классификацию групп россиян по критерию толерантности: толерантные, колеблющиеся, гипоинтолерантные и гиперинтолерантные; ученый пришел к выводу, что интолерантная позиция в первую очередь формируется под влиянием отсутствия положительных жизненных перспектив (социальной инклюзии) [11]. Результаты российских исследований свидетельствуют о широком распространении негативного отношения к определенным (прежде всего, к непривычным для данной принимающей среды) этническим группам [12].

Исследования ученых показывают, что элементы культуры действуют на конфликтность противоречиво. Ряд авторов отмечают, что мигранты могут разделять культурные ценности страны прибытия, не провоцируя конфликтов. Так, утверждается, что взаимосвязь индивидуальных ценностей мигрантов и ценностей, доминирующих в их родных странах, не сильнее, чем взаимосвязь с ценностями стран, куда они эмигрируют: «ценности страны проживания даже ближе к индивидуальным ценностям мигрантов, чем те, что считаются распространенными в родной стране» [13]. Отмечается, что мигранты-мусульмане и постсоветские крестьяне очень близки в отношении ценности некоторых элементов трудовой культуры [14]. Некоторые наблюдатели еще в 1990-е г. в США отмечали, что выходцы из стран Азии и Африки (необязательно исламских) разделяют с местными консерваторами целый ряд идей: приоритет семейных ценностей, отрицательное отношение к абортам и сексуальной свободе, осуждение однополых браков и т.д. [15. С. 103–104]. Напротив, А.В. Дмитриев, связывая культурные различия с конфликтностью, исследовал негативную стереотипизацию мигрантов в условиях роста конфликтности и считает, что конфликтогенность взаимодействия мигрантов с принимающим обществом предопределена неразрывной связью с новой, сложившейся за последние десятилетия социальной структурой российского общества [16].

Дэннис Сэндол (Sandole), разрабатывая теорию картографии конфликта, выделял стадию латентного конфликта (предпроявление конфликтного процесса), стадию проявления конфликтного процесса (ПКП) и стадию агрессивного проявления конфликтного процесса (АПКП) [17]. В.А. Тишков предложил различать латентные (скрытые) и актуализированные (открытые) конфликты [18]. Г.У. Солдатова выделяет четыре фазы в развитии межэтнических конфликтов: латентная, фрустрационная, конфликтная и кризисная [19].

В этом отношении важное значение имеет исследование латентной стадии возникновения конфликта (когда он только формируется в сознании будущих его участников в виде неприятия, непонимания, отторжения другой стороны, нежелания общаться и интегрироваться).

Методика исследования

Для изучения явных и скрытых конфликтных взаимодействий между мигрантами и принимающим сообществом, которые могут ухудшать социальное

положение приезжих, авторами статьи в 2019–2020 гг. был осуществлен опрос жителей Екатеринбурга ($n = 476$). Тип выборочной процедуры – квотная выборка; квотный признак в процессе отбора местного населения – половозрастная принадлежность. Анализируя результаты опроса, мы рассматриваем отношения мигрантов и местного населения в трех аспектах: интеракционный (организация взаимодействия), коммуникативный (обмен информацией) и перцептивный (процесс восприятия и познания друг друга партнерами отношений) [20]. В основе настоящей статьи лежит исследование перцептивного аспекта отношений. При измерении восприятия жителями города личных черт и поведения мигрантов, их культурных привычек мы попытались выявить роль элементов культуры в общении с местным населением. Уточним, что термины отношения, общение и взаимодействие употреблены как синонимы.

Объединяющие элементы культуры фиксировались нами через измерение личных качеств и поведения мигрантов, которые рассматривались местными жителями как привлекательные. Элементы культуры интерпретировались как разъединяющие в том случае, если особенности поведения мигрантов оценивались жителями как отталкивающие, а их культурные привычки – как вызывающие наибольшее неприятие. Сферы взаимоотношений мигрантов и местных жителей рассматривались нами как опосредующий фактор формирования характера их общения. По близости контактов все сферы изменялись от наиболее близких (дружеские, родственные) до наиболее далеких (например, сфера досуга и развлечений). Каждая из выделенных сфер взаимоотношений связана с выполнением специфических социальных ролей представителями местного населения и мигрантов.

Для типологизации населения города в отношении объединяющих и разъединяющих элементов культуры в отношениях с мигрантами применен такой метод многомерной классификации, как кластерный анализ.

Результаты

Соотношение привлекательных и отталкивающих черт культуры мигрантов в сознании местных жителей мы рассматривали как показатель латентной конфликтности в отношениях данных социальных групп. Предполагалось, что латентные конфликты являются одним из условий появления открытых конфликтов. Еще раз отметим, что элементы культуры интерпретировались нами как разъединяющие в том случае, если особенности поведения мигрантов оценивались жителями как отталкивающие, а их культурные привычки – как вызывающие наибольшее неприятие. Как объединяющие элементы культуры интерпретировались в том случае, если они рассматриваются местными жителями как привлекательные.

Было выяснено, что наиболее часто упоминаемыми отталкивающими особенностями мигрантов являются незнание русского языка и низкий уровень цивилизованности, а также бытовые привычки – скученность в местах проживания и неопрятность (см. табл. 1). Наиболее привлекательными чертами мигрантов жители Екатеринбурга считают уважительное отношение к старшим, заботу о семье, родственниках, стремление поддерживать соплеменников в чужой стране (см. табл. 2). Екатеринбургцы, таким образом, ценят в выходцах из Центральной Азии прежде всего поддержку и заботу о близких людях, и уважение к ним.

Таблица 1. Личные качества и культурные привычки мигрантов, вызывающие неодобрение местного населения, % от числа опрошенных в кластерах

Личные качества и культурные привычки мигрантов	1-й кластер (носители разъединяющих элементов культуры)	2-й кластер (носители объединяющих элементов культуры)	3-й кластер (нейтральные)	В целом по выборочной совокупности
Незнание русского языка	62,1	45,6	32,5	52,1
Низкий уровень цивилизованности	69,7	29,9	23,9	44,7
Низкий уровень образования	48,5	25,2	13,2	31,1
Отношение к женщинам вообще и к русским женщинам в частности	53,0	29,9	18,3	21,0
Религиозное поведение	29,5	10,2	5,6	15,9
Бытовые привычки	65,2	36,1	30,5	48,7
Стремление к клановости, замкнутости в рамках своей диаспоры, общины	35,6	14,3	13,2	23,0
Нежелание приобщаться к русской культуре, пренебрежение к ее ценностям	50,8	25,2	15,7	33,0
Пренебрежение к православию	21,2	8,2	3,0	11,2
Культурные привычки во взаимоотношениях полов	53,8	36,7	19,3	49,2
Культурные привычки во взаимоотношениях начальника и подчиненного	21,2	7,5	1,5	12,7
Культурные привычки в религиозных взаимоотношениях	31,8	11,6	6,1	21,5
Культурные привычки в бытовых отношениях	60,6	22,4	16,2	43,8
Культурные привычки в семейных отношениях	31,8	6,8	3,6	17,8
Никакие взаимодействия с мигрантами не вызывают негатива	27,3	64,4	45,4	46,2
Среднее число отталкивающих черт мигрантов	3,99	1,93	1,32	2,25
Процент кластера в выборочной совокупности	27,7	30,9	41,4	100%

Около 65% респондентов непосредственно общались с мигрантами в процессе коммуникации или интеракции. Каждый четвертый местный житель делился с мигрантами своими мыслями, сведениями, мнениями, вместе пытался решить общую проблему и согласовывал для этого общий план действий; каждый пятый опрошенный участвовал в открытых конфликтах – спорах, ссорах, драках. Особо отметим, что более трети местных жителей (35%) ни в одной из перечисленных ситуаций с мигрантами не взаимодействовали (см. табл. 3).

К слову сказать, обмен информацией и процесс решения общей проблемы несколько увеличивает вероятность открытых конфликтов. Но часть респондентов (29,1% от общего объема выборочной совокупности) имели опыт обмена мнениями с мигрантами (решения общей проблемы), одновременно не имея опыта конфликтных отношений с ними.

Для типологизации населения города в отношении объединяющих и разъединяющих элементов культуры в отношениях с мигрантами нами был применен кластерный анализ.

Опишем типологические группы, образовавшиеся в результате применения кластерного анализа.

В первом кластере *носители разъединяющих элементов культуры* зафиксировано наибольшее число отмечаемых отталкивающих, раздражающих характеристик поведения. Всего 27,3% представителей этого кластера указали на то, что никакие виды взаимодействия с мигрантами не вызывают негатива, в других кластерах этот показатель составляет более 45% (см. табл. 1).

Индекс латентной конфликтности здесь самый высокий среди кластеров. Открытые конфликты с мигрантами также наиболее распространены именно в данной типологической группе. В ней зафиксировано соответствие латентной и открытой конфликтности – уровень конфликтности и того и другого типа является высоким. Носители разъединяющих элементов культуры отличаются специфическими установками по отношению к мигрантам – требованием ужесточения миграционного законодательства, убеждением, что без мигрантов жизнь в городе станет безопаснее.

Представители кластера *носители объединяющих элементов культуры* в 40% случаев делились с мигрантами своими мыслями, пытались вместе решить общую проблему (табл. 2). Они чаще общаются с мигрантами как с соседями.

Таблица 2. Личные качества и культурные привычки мигрантов, вызывающие одобрение у местного населения, % от числа опрошенных в кластерах

Личные качества и культурные привычки мигрантов	1-й кластер (носители разъединяющих элементов культуры)	2-й кластер (носители объединяющих элементов культуры)	3-й кластер (нейтральные)	В целом по выборочной совокупности
Их национальный язык	7,6	8,2	4,6	6,5
Уважительное отношение к старшим	24,2	73,5	23,4	39,1
Внешний вид	2,3	5,4	3,0	3,6
Любовь к детям	12,1	39,5	2,5	16,6
Забота о своей семье, родственниках	23,5	67,3	16,2	34,0
Трудолюбие и старательность	16,7	46,9	17,3	26,3
Стремление поддерживать соотечественников в чужой стране	31,1	51,7	17,8	31,9
Доброта и отзывчивость, желание помочь	4,5	25,9	3,0	10,5
Религиозность	3,8	19,0	2,0	7,8
Соблюдение национальных праздников	11,4	35,4	8,1	17,4
Среднее число привлекаемых черт мигрантов	1,45	4,0	0,98	2,05
Процент кластера в выборочной совокупности	27,7	30,9	41,4	100%

В подавляющем большинстве случаев представители группы носителей объединяющих элементов культуры привыкли к взаимодействию с мигрантами. В целом в данном кластере наблюдается самый широкий круг общения

с приезжими. Уважительное отношение мигрантов к старшим, их забота о семье расцениваются как привлекательные черты наиболее часто (см. табл. 2). В несколько меньшей степени упоминаются трудолюбие и старательность, стремление поддержать соплеменников в чужой стране. Индекс латентной конфликтности здесь самый низкий среди типологических групп.

Таблица 3. Формы взаимодействия местного населения с мигрантами, % от числа опрошенных

Формы взаимодействия с мигрантами	1-й кластер (носители разъединяющих элементов культуры)	2-й кластер (носители объединяющих элементов культуры)	3-й кластер (нейтральные)	В целом по выборочной совокупности
Конфликтовали с мигрантами	40,2	19,0	10,7	21,5
Делились своими мыслями, сведениями с мигрантами	18,9	40,1	19,9	25,9
Пытались вместе решить общую проблему	21,2	40,1	14,3	24,2
Чувствовали общность с кем-то из них на основании проявляемых похожих эмоций	10,6	16,3	6,6	10,7
Ни в одной из перечисленных ситуаций с мигрантами не взаимодействовали	28,0	29,9	44,4	35,4
Считают, что чаще конфликты провоцируют мигранты	53,0	17,7	24,9	30,5
Процент кластера в выборочной совокупности	27,7	30,9	41,4	100%

В кластере носителей объединяющих элементов культуры зафиксирован самый высокий процент участвовавших в бесконфликтной коммуникации либо интеракции¹ с мигрантами. Это вполне соответствует низкому уровню латентной конфликтности в данной группе (см. табл. 4). Следует отдельно отметить ценностные характеристики представителей данного кластера. Они отличаются высокой ценностью сохранения здоровья (в кластере повышена доля старших возрастных групп), умением готовить национальные блюда, интересом к национальной истории. В данной группе самое большое число используемых практик изучения национальной культуры и национальных традиций, в том числе религиозных. Можно говорить о том, что для данного кластера характерно как уважение к культурным привычкам других национальных групп, так и знание собственной культуры.

Представители кластера *нейтральные* реже других общаются с мигрантами в сфере обслуживания. Практически отсутствует семейно-родственное и дружеское общение с мигрантами (1,5 и 9,1% случаев соответственно; см. табл. 4). Соседское общение присутствует значительно реже, чем в других классификационных группах и составляет не более 19%. В целом широта общения с мигрантами в данном кластере значительно ниже, чем в других классификационных группах. 44% опрошенных вообще не контактировали с мигрантами в

¹ Показателем бесконфликтности коммуникации (либо интеракции) является сочетание практики обмена информацией или взаимодействия с мигрантами с отсутствием опыта участия в конфликтах с ними.

коммуникативном или интерактивном аспекте: не имели опыта решения общей проблемы, согласования плана действий, не делились с мигрантами своими мыслями, мнениями (см. табл. 2). Поэтому уровень распространенности конфликтов с ними является здесь самым низким среди кластеров.

Таблица 4. Сферы и характер взаимодействия мигрантов из Центральной Азии и местного населения

Показатели общения местного населения с мигрантами	1-й кластер (носители разъединяющих элементов культуры)	2-й кластер (носители объединяющих элементов культуры)	3-й кластер (нейтральные)
Процент общавшихся в профессиональной сфере	15,5	2,3	10,1
Процент общавшихся в сфере соседских взаимоотношений	31,8	40,8	19,3
Процент общавшихся в сфере досуга и развлечений	24,2	23,8	11,2
Процент общавшихся в сфере обслуживания	56,1	54,4	34,5
Процент общавшихся в сфере образования	22,7	23,8	9,6
Процент общавшихся в сфере дружеских взаимоотношений	15,2	21,1	9,1
Процент общавшихся в сфере семейно-родственных отношений	2,3	10,2	1,5
Процент привыкших к взаимодействиям с мигрантами	62,9	83,7	60,4
Процент не имеющих опыта коммуникации или интеракции с мигрантами	28,0	29,0	44,4
Процент имеющих опыт открытого конфликта с мигрантами	40,2	19,0	10,7
Процент участвовавших в коммуникации или интеракции с мигрантами и одновременно не участвующих в конфликтах с ними (показатель отсутствия конфликтности в процессе интеракции и коммуникации)	18,9	42,2	26,0
Индекс широты контактов с мигрантами ¹	1,97	2,41	1,23
Индекс латентной конфликтности ²	2,73	0,48	1,33

¹ Индекс рассчитывался как среднее число отмеченных респондентами сфер общения с мигрантами.

² Индекс рассчитывался как отношение среднего числа отталкивающих черт мигрантов к среднему числу привлекательных черт.

В сфере жизненных ценностей и культурных установок данный кластер наиболее выделяется из представленных типологических групп. Отличительная особенность входящих в него респондентов – более слабая выраженность целого ряда характеристик. Это неразвитая ориентация на такие ценности, как интересная работа, безопасность и стабильность жизни, меньший интерес к литературе на русском языке, слабое стремление отмечать религиозные праздники, меньшее осуждение дачи денег в долг под проценты знакомому, приятелю. Также членам данной группы свойственна низкая агрессивность во взаимоотношениях с людьми. Видимо, «нейтральная» позиция по отношению к мигрантам объясняется не только отсутствием интенсивных контактов с ними, но и слабым проявлением ориентации на многие жизненные ценности, спокойным, возможно, пассивным, отношением к жизни.

В целом нужно отметить, что чем выше отмечаемое жителями Екатеринбурга число отталкивающих черт и неприемлемых культурных привычек мигрантов, тем *выше распространенность открытых конфликтов* с ними. Чаще всего указывают на инициацию конфликтов самими мигрантами представители кластера «носители разъединяющих элементов культуры». В данном кластере – максимальный уровень конфликтности (как в латентной, так и в открытой форме). Мигранты фактически воспринимаются в роли «подчиненных» (в соответствии с типологией «спора» Зиммеля).

Минимальный уровень латентной конфликтности и самая низкая конфликтность в процессе интеракции и коммуникации зафиксированы в кластере «носители объединяющих элементов культуры».

Исследование выявило влияние латентной конфликтности на склонность к открытым конфликтам с мигрантами. Говоря о факторах латентной конфликтности, можно утверждать, что ее уровень снижается с увеличением широты контактов с мигрантами, приобретением опыта решения общей проблемы, а также обмена мнениями в процессе общения. Так, минимальный уровень латентной конфликтности в группе носителей *объединяющих* элементов культуры сопряжен не только с меньшей распространенностью открытых конфликтов, но и с широкими контактами с мигрантами во множестве сфер взаимодействия, распространением практики общения с ними в процессе решения общей проблемы.

И наоборот, максимальный уровень латентной конфликтности в группе носителей *разъединяющих* элементов культуры значительно реже сопряжен с практикой сотрудничества и чаще – с негативными эмоциями, сопровождающими взаимодействие с мигрантами.

Таким образом, взаимодействие с мигрантами на основе сотрудничества можно рассматривать как основу, благоприятную для снижения латентной конфликтности в принимающем сообществе и оптимизации аккультурации мигрантов.

Крайне важно то, что принимающее сообщество неоднородно по данным переменным, что проявляется в наличии трех категорий жителей города, различающихся по латентной и явной конфликтности. Анализ показывает, что национальная идентичность кластера «носителей разъединяющих элементов культуры» формируется в первую очередь на основе отторжения «чужих». Национальная идентичность кластера «носителей объединяющих элементов культуры» формируется на основе знания собственной культуры и уважения культуры «чужих». В этой типологической группе латентная конфликтность не является угрозой стабильности социальной системы.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что в основе конфликтных отношений лежат бытовые и образовательные особенности мигрантов, а в основе неконфликтных – отношение мигрантов из стран Центральной Азии к представителям своей национальной группы. Важную роль в возникновении конфликтности играет и оценочная позиция членов принимающего сообщества.

Выявление социальных оснований формирования нейтрального отношения к приезжим, а также стремления к взаимодействиям с ними среди носителей объединяющих элементов культуры позволяет развивать прикладное значение исследований латентной конфликтности.

Анализ этнокультурной составляющей взаимодействий местного населения и приезжих нужно продолжать. Выявление общих ценностей, сфер взаи-

модействия россиян и мигрантов, которые неминуемо должны находить общие точки соприкосновения для минимизации проблем взаимной интеграции, является по-прежнему востребованным.

Список источников

1. Avruch K. Cross-Cultural Conflict // UNESCO Encyclopedia of Life Support Systems. 2002. URL: <http://www.eolss.net/book/sample%20chapters/c14e1-40-01-01.pdf> (accessed: 14.02.2022).
2. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 1176 с.
3. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1908. 782 p.
4. Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6, is. 3. P. 167–191.
5. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
6. Козер Л.А. Функции социального конфликта. М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с.
7. Фромм Э. Человек для самого себя. М. : АСТ, 2010. 350 с.
8. Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э., Хорни К. Психоанализ и культура. М. : Юрист, 1995. С. 275–565.
9. Мнацаканян М. О. Национализм и глобализм: Национальная жизнь в современном мире. М. : Анкил, 2009. 406 с.
10. Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М. : Аспект-Пресс, 1999. 270 с.
11. Мукомель В.И. Ксенофобии и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 32–57.
12. Кузнецов И.М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 58 – 80.
13. Rudnev M. Value Adaptation among Intra-European Migrants: Role of Country of Birth and Country of Residence // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2014. Vol. 45, is. 10. P. 1626–1642.
14. Великий П.П., Бочарова Е.В. Этнокультурные аспекты социально-экономического взаимодействия мигрантов и коренного сельского населения России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3. С. 123–135.
15. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М. : Мысль, 2015. 267 с.
16. Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1. С. 16–29.
17. Sandole D.J.D. Paradigms, Theories, and Metaphors in Conflict and Conflict Resolution: Coherence or Confusion? // Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application. Manchester, England : Manchester University Press, 1993. P. 3–24.
18. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М. : Русский мир, 1997. 531 с.
19. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 386 с.
20. Андреева Г.М. Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 1999. 375 с.

References

1. Avruch, K. (2002) *Cross-Cultural Conflict* [Online] Available from: <http://www.eolss.net/book/sample%20chapters/c14e1-40-01-01.pdf> (Accessed: 14th February 2022).
2. Sorokin, P. (2006) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Moscow: Astrel.
3. Simmel, G. (1908) *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.
4. Galtung, J. (1969) Violence, Peace and Peace Research. *Journal of Peace Research*. 6(3). pp. 167–191.
5. Dahrendorf, R. (1994) Elementy teorii sotsial'nogo konflikta [Elements of the theory of social conflict]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 142–147.
6. Coser, L.A. (2000) *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [The Functions of Social Conflict]. Moscow: Iдея-Press ; Dom intellektual knigi.
7. Fromm, E. (1997) *Chelovek dlya samogo sebya* [Man for Himself]. Translated from English. Moscow: AST.

8. Fromm, E. (1995) *Zdorovoe obshchestvo* [The Sane Society]. In: Fromm, E. & Horney, K. *Psikhoanaliz i kul'tura* [Psychoanalysis and Culture]. Translated from English. Moscow: Yurist. pp. 275–565.
9. Mnatzakanyan, M.O. (2009) *Natsionalizm i globalizm: Natsional'naya zhizn' v sovremennoy mire* [Nationalism and Globalism: National Life in the Modern World]. Moscow: Ankil.
10. Harutjunjan, Ju.V., Drobizheva, L.M. & Susokolov, A.A. (1999) *Etносoсiология* [Ethnosoсiology]. Moscow: Aspekt-Press.
11. Mukomel, V.I. (2017) Xenophobes and Their Opposites: Who Are They? *Mir Rossii – Universe of Russia*. 26(1). pp. 32–57. (In Russian).
12. Kuznetsov, I.M. (2017) Balans mezhnatsional'nykh ustanovok kak indikator sostoyaniya mezhzetnicheskikh otnosheniy [The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations]. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 26(1). pp. 58–80.
13. Rudnev, M. (2014) Value Adaptation among Intra-European Migrants: Role of Country of Birth and Country of Residence. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 45(10). pp. 1626–1642.
14. Velikiy, P.P. & Bocharova, E.V. (2015) Etnokul'turnye aspekty sotsial'no-ekonomicheskogo vzaimodeystviya migrantov i korennoy sel'skoy naseleniya Rossii [Ethnocultural Aspects of Socio-economic Cooperation of Migrants and Indigenous Rural Population of Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. 3. pp. 123–135.
15. Malakhov, V. S. (2015) *Integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Integration of Migrants: Concepts and Practices]. Moscow: Mysl'.
16. Dmitriev, A.V. (2015) Konfliktogennost' migratsii: teoreticheskie i prakticheskie problemy [Conflict Potential of Migration: Theoretical and Practical Problems]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 1. pp. 16–29.
17. Sandole, D.J.D. (1993) Paradigms, Theories, and Metaphors in Conflict and Conflict Resolution: Coherence or Confusion? In: Van der Merwe, H. (ed.) *Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application*. Manchester (England): Manchester University Press. pp. 3–24.
18. Tishkov, V.A. (1997) *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on the Theory and Policy of Ethnicity in Russia]. Moscow: Russkiy mir.
19. Soldatova, G. (1998) *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of Interethnic Tension]. Moscow: Smysl.
20. Andreeva, G.M. (1999) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press.

Сведения об авторах:

Бритвина И.Б. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: irina.britvina@urfu.ru

Могильчак Е.Л. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Britvina I.B. – Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: irina.britvina@urfu.ru

Mogilchak E.L. – Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022;
одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 04.05.2022

The article was submitted 06.04.2022;
approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 04.05.2022

Научная статья

УДК 316.1

doi: 10.17223/1998863X/66/13

СОЦИОЛОГИЯ ДЛЯ ОБЩЕСТВА, ОБЩЕСТВО ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ ИЛИ СОЦИОЛОГИЯ ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ?

Никита Андреевич Вялых

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, sociology4.1@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются точки напряженности во взаимодействии общества и современной социологии в условиях кризиса социально-гуманитарного познания. В связи с методологической многоквартирностью обществоведческих теорий и динамичностью повседневной жизни в цифровую эпоху критически переосмысливается социальный и научный статус социологии. Обоснован вывод о влиянии теоретического и отраслевого расщепления социологической науки на дифференциацию социологического сообщества и научно-исследовательских практик.

Ключевые слова: социология, общество, методология, социологическая теория, научно-исследовательская деятельность, научное сообщество, социальный заказ

Для цитирования: Вялых Н.А. Социология для общества, общество для социологии или социология для социологии? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 139–149. doi: 10.17223/1998863X/66/13

Original article

SOCIOLOGY FOR SOCIETY, SOCIETY FOR SOCIOLOGY, OR SOCIOLOGY FOR SOCIOLOGY: WHICH IS CORRECT?

Nikita A. Vyalykh

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, sociology4.1@yandex.ru

Abstract. The article discusses advantages and limitations of modern sociological activity in the context of socio-humanitarian knowledge crisis. The key idea of the article is that attention to intrascientific problems of sociology may help increase the collective capital of the symbolic power of sociological science in Russia and elsewhere. At the same time, in the light of current theoretical disputes and taking into account Russian and global sociopolitical conditions, a need to ceaselessly defend the scholarly status of sociology is emphasized. Scholars are usually making attempts to conceptualize the scientific status of sociology by defining its attributive features. The integral criteria of the scientific nature of sociology are: nomenclature of scientific specialties, educational standards, professional communities, academic structures, empiricism, methodologism. However, each regional sociological community has its specific scientific life world, rules of the game, professional thesaurus, as well as cognitive and social mission. The author believes that sociology claims to fulfill cognitive and managerial functions, as well as an ideological one, which is expressed in the formation of moral and social guidelines. At this point, there is a tendency to a methodological turnaround to the softening of the research style and toolkit in sociology today. The author shows that sociological knowledge is the intellectual vaccine of society against social regression despite its implicit application potential. The article also outlines the author's vision of the sociological reflection's role not only for "ordinary people", but also for sociologists themselves. Such a big attention to opposition between "sociology for sociology" and "sociology for society" is determined by the author's interpretation of sociology as a polyparadigmatic and multidisciplinary science aiming at solving the contemporary society's complex prob-

lems, including in equal measure the problems of scientific competition, cooperation, and career in the sociological community.

Keywords: sociology; society; methodology; sociological theory; research activity; scientific community; social order

For citation: Vyalykh, N.A. (2022) Sociology for society, society for sociology, or sociology for sociology: which is correct? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 139–149. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/13

Введение

Современную социологию, да и социологию середины 19-го – начала 20-го столетий можно сравнить с пациентом, страдающим диссоциативным расстройством идентичности. Этот синдром множественности оказался врожденным: сразу возникло как бы несколько социологий, причем их количество ограничивается не только воображением отдельных исследователей, но и локальными научными конвенциями, ведь любая региональная научная школа – это интеллектуальная мафия (в позитивном значении этого слова) со своими традициями, теоретико-методологическими вкусами, эмпирическими ноу-хау и в то же время внутренними конфликтами, комплексами, профессиональными деформациями, академическими схватками в борьбе за символическую власть (узнаваемость, авторитет, влияние), финансы, знаки статусного отличия.

Многоликость социологии дает возможность каждому студенту, преподавателю, исследователю, полстеру, управленцу, общественному деятелю самореализоваться в научном мире, независимо от типа мышления и образовательного бэкграунда. Поскольку перепись социологических отраслей, специальностей, теорий, направлений и поднаправлений, региональных научных школ сегодня становится бессмысленной, в этой статье мы проведем своего рода рефлекссию над рефлексией, а именно попытаемся разобраться с тем, кто кому нужен (и нужен ли вообще), должен или не должен: социологи – «некомпетентным» в социологии людям, люди (они же «некомпетентные акторы», «члены общества») – социологам, либо социологи – исключительно друг другу. Для удобства анализа и решения этой научной проблемы – для кого-то реальной, а для кого-то мнимой – статья содержит три смысловых модуля: социология для общества; общество для социологии; социология для социологии.

Надеемся, что читатель воспримет высказанные в статье критические суждения как приглашение к совместной переоценке ценностей современной университетской социологии в России, а не как систему аргументов ее практической квазиполезности, нравоучения и тем более внутринаучный саботаж, хоть так и может показаться вначале.

Социология для общества

Если бы социология, будучи субинститутом системы образования и науки, совсем не решала проблемы общества, то не выделялись бы контрольные цифры приема на различные ступени высшего образования, не действовала бы система научной аттестации, не было бы прямого и опосредованного (грантового) субсидирования фундаментальных и прикладных социологических исследований, не санкционировались бы мировые и всероссийские социологические конгрессы, конференции, форумы и ассоциации. Однако со-

циология чересчур зависима от внешних обстоятельств, жизненных потребностей обывателей, исторического контекста. Общественное настроение, социальные катаклизмы, хайпы задают вектор социологических исследований порою в ущерб внутренней логике развития социально-гуманитарного знания, у которого могут быть свои собственные задачи, исторические повороты и теоретические дилеммы [1. С. 16].

Как обывателю, допустим, даже высокообразованному, всесторонне развитому, но не причастному к миру науки, более-менее внятно объяснить смысл диспутов о роли социологической теории, кризисных явлениях в российской социологии, значении социологической концептологии, мульти-, меж- и трансдисциплинарности научного познания? И надо ли вообще им – членам общества, «некомпетентным» в социологии, но негласно формулирующим пресловутый социальный заказ на социологические исследования, – все это осознать и понимать, разбираться в этом? Не вызывает сомнений, что социология – наука публичная, но какова степень этой публичности? О чем стоит говорить открыто, а какие социологические вопросы и проблемы следует обсуждать только за закрытыми дверями?

В условиях постоянной погони за актуальностью в практических исследованиях социологи несут бремя доказывания научной новизны и социальной значимости своих открытий. Несмотря на формальные атрибутивные признаки научности (номенклатуру научных специальностей, образовательные стандарты, профессиональные сообщества, академические структуры, эмпиризм, методологизм и пр.), социология, как и другие общественные науки, лишена точки опоры – императивных законов, аксиом, теорем.

Характеризуя общее положение дел в сфере научных разработок, А.Ю. Антоновский отмечает, что власть рассматривает сегодня науку исключительно как «производителя национального престижа», а условные и весьма размытые критерии успешности научных разработок создают ситуацию «дефляции научной истины» [2. С. 230]. По мнению О.Е. Столяровой, кризис «науки для общества» интенсифицируется еще и тем, что «она больше не дает обещаний привести множественный опыт и множественные субъективные индивидуальные и коллективные точки зрения к единству, которое выражало бы внятный и простой порядок природы, с одной стороны, и порядок общественного устройства – с другой» [3. С. 250]. Это не означает, что социологи проводят исследования по принципу «ваши ожидания – ваши проблемы», но ответ на социальную критику и научную критику конкурентов из других областей знания в оторванности результатов социологической деятельности от реальной жизни, в их умозрительности и субъективности и, что самое главное, в микроскопических масштабах практического внедрения звучит обычно так: «Мы-де не администраторы, не политики, у нас нет рычагов управления и власти, мы лишены субъектности, поэтому мы лишь проводим социологическую диагностику социальных процессов, структур и институтов, формулируем предложения, рекомендации, а дальше все зависит от лиц, принимающих решения».

Наряду с интеллектуальными самокопаниями а-ля «социология – это наука, но...» социология, в силу исключительности своей предметности, охватывающей одномоментно то, чего в реальности нет (общество, институты, архетипы, коллективные формы сознания, глобальные процессы, трансформации), и то, чего в реальности в избытке (социальные контакты, повсе-

дневные взаимодействия, поведенческие практики, оценки, эмоции, представления), претендует если не на звание генерализованной системы знания об обществе, то как минимум на статус первой среди равных – психологии, юриспруденции, политологии, экономики, регионоведения, конфликтологии, культурологии, учитывая теоретико-методологические традиции, признанный научным сообществом категориальный аппарат, достижения в области методики и техники сбора, анализа, обработки эмпирической информации. Философская система знания, «к счастью» социологов, сегодня утрачивает положение «царицы наук», ведь даже в философских диссертациях нет раздела «Эмпирическая база исследования», а наши эмпирико-социологические замеры, преимущественно в опросных форматах, по-прежнему востребованы за пределами академических амвонов и кафедр.

Убежденность приверженцев классической научной рациональности в том, что социологи изучают общество [4. С. 6], сегодня кажется иллюзорной и архаичной. Скорее, общество, как бы подчиняя социологов, исследует само себя, самонаблюдает и самоописывает, если использовать аутопойетические концепты Н. Лумана [5]. Впрочем, и этот тезис может быть когнитивной иллюзией, поскольку результат социального познания напрямую зависит от избранной субъектом познания модели научного исследования, парадигмы и методологических установок, которые могут быть крайними (альтернативными), например холизм/индивидуализм, либо гибридными (дуалистичными) [6].

Так, Ж.Т. Тощенко обосновывает прикладное значение социологической концепции жизни, в которой научно-исследовательские практики ученых сближаются с повседневными поведенческими практиками людей. Ж.Т. Тощенко обозначает это сближение переходом к измерению конкретных, настоящих аспектов повседневной реальности: проблем, ситуаций, всего того, что происходит в общественной и личной (приватной) жизни, взаимоотношений со средой, в которой работают и живут люди [7. С. 113]. При таком реалистичном подходе, который сами социологи почему-то обозвали номинализмом, социология служит интересам человека, а не фигуративного «общества индивидов» [8]. Вместе с тем, по замечанию Ю.Г. Волкова, невзирая на отчетливый методологический разворот к повседневности, российская социология до сих пор живет в парадигме публичного пространства, недооценивая смещение жизненной активности людей на социальный микроуровень в контексте ослабления социальных институтов, снижения институционального доверия, дефицита механизмов социальной самореализации и гражданской активности [9. С. 21–23].

Если посредством когнитивного эксперимента смоделировать ситуацию закрытия всех социологических центров и факультетов, прекращения финансирования научных проектов, связанных с изучением общественного мнения, ценностей, установок, представлений (даже без гонений и репрессий, как это было девяносто лет назад в эксперименте вполне реалистичном, а чисто организационно-экономическими инструментами), то катастрофы макросоциального масштаба «здесь и сейчас» не произойдет. Да, будут личные драмы, ведь социологам нужно будет учиться как-то иначе зарабатывать на жизнь, а студентам – искать возможности завершения образовательного цикла по другим направлениям обучения. Но в долгосрочной перспективе ментальный сценарий отмены социологического образования и просвещения может при-

вести общество и человека в состояние социального квазиаутизма – неспособности эффективно общаться, понимать друг друга, искать информацию и ее интерпретировать, разрешать конфликты, руководить коллективами, управлять своим поведением, причем не из-за патологических процессов в головном мозге, а именно по причине социокультурного отупения. Советскому обществу и власти хватило менее тридцати лет (подчеркнем, весьма непростых для людей и противоречивых для истории), чтобы это понять и вывести отечественную социологическую экосистему из состояния искусственной комы, пусть и под строгим идеологическим надзором.

Общество для социологии

Социологи в основной своей массе, особенно если мы говорим о преподавателях высшей школы и научных работниках, – люди с весьма скромными доходами, хоть многое и зависит от талантов, профессиональной среды, окружения, политической конъюнктуры, от здоровья и жизненной энергии конкретного специалиста. И.Т. Касавин отмечает, что общество «вынуждено давать большой кредит доверия науке, чтобы та в свою очередь принесла обществу в дар свои знания» [10. С. 221]. На наш взгляд, современное российское общество дало социологам и много и мало одновременно. С одной стороны, мы имеем поистине исключительное право изучать то, что в первую очередь интересно лично нам, а общество и государство продолжают финансировать высшее социологическое образование, поддерживают посредством грантов опытных и молодых преподавателей-исследователей, до сих пор поощряют аттестацию научных работников по широкому спектру социологических специальностей. Быть кандидатом/доктором наук, пусть и социологических, иметь ученое звание доцента/профессора социологии все-таки престижно и почетно, несмотря на общую тенденцию обесценивания научных титулов. С противоположной стороны, в последние годы становится все более очевидным тот факт, что места под солнцем в мире социологии на всех не хватит, поэтому каждый начинающий социолог должен быть готов к сильнейшей конкуренции в своем профессиональном поле (прежде всего речь идет об университетской среде), причем не только с такими же молодыми и подающими надежды аспирантами, но и с ресурсными доцентами и профессорами, осознающими свои иерархические инстинкты, понимающими логику символического насилия в пространстве академической социологии и опасющимися лишиться любимой работы.

Посредством инструментов здоровой конкуренции, и не всегда здоровых ограничений на старте профессиональной карьеры, общество сокращает ширину коридора для будущих ученых-социологов и представителей других наук о «себе самом» – об обществе и его подсистемах. Сегодня, чтобы быть избранным на ставку ассистента/преподавателя – самую первую академическую ступень, человеку придется отдать с момента поступления на социологическое направление бакалавриата минимум девять лет своей жизни. И отдать придется не только время, но душу, талант, здоровье. Добавим к этому упущенные финансовые возможности и сложности в организации личной (семейной) жизни, досуга, развлечений.

Для социологов прикладного профиля (полстеров, политехнологов, маркетологов, социальных работников) наступили также непростые времена.

Будем откровенны, социологическое ремесло – это не нейротехнологии и не органическая химия, самостоятельно освоить которые невозможно. Любой мыслящий человек с классическим фундаментальным образованием способен постичь базовые принципы сбора и анализа социологической информации, ведь именно так и было в период возрождения социологии в советское время – во время «спонтанной, имплицитной междисциплинарности» [11. С. 14], а открытый доступ к цифровым ресурсам, социальным сетям, программным платформам Big Data (с последующими метафорическими интерпретациями информации) создает реальную альтернативу, если не угрозу, социологическим данным, которые добывают профессиональные социологи [12, 13].

Если несколько лет назад крылатую фразу экс-председателя Правительства РФ Д.А. Медведева о том, что для учителей и преподавателей есть масса прекрасных мест, где можно заработать деньги «быстрее и лучше, тот же самый бизнес», общество, в особенности работники бюджетной сферы, встретило с негодованием и даже враждебно, то на текущий момент это суждение кажется вполне конструктивным аргументом, причем аргументом не отдельных должностных лиц по отношению к преподавателям высшей школы, а самого «общества».

Общество, конечно, не может генерировать эти аргументы – в чем-то конструктивные, а в чем-то до сих пор болезненные – без участия лидеров мнений, экспертов, авторитетов и активной жизненной позиции самих социологов. Тренд на личную ответственность за успешность своей карьеры и благополучие в жизни, который задают сегодня отнюдь не политики, а многочисленные коучи и психологи (пришедшие на «рынок знаний» в том числе из академической среды), отчетлив как никогда. Кому как не социологам, особенно приверженцам субъективистской парадигмы, осознавать личную ответственность и связанную с ней необходимость долгосрочных (но от этого не лишенных риска) инвестиций в свою научно-проектную деятельность, повышение квалификации, диверсификацию компетенций, а также значимость проработки плана «Б», допустим, возможности перехода из системы науки и высшего образования в «тот же самый бизнес».

В завершение разговора об «обществе для социологов» пусть каждый читатель, защитивший как минимум одну диссертацию, честно сам себе ответит на такой вопрос: «Ощутило ли общество (или определенное количество человек на планете, в регионе, стране) жизнь более легкой, счастливой и простой, хотя бы в одной сфере, после защиты моей научно-квалификационной работы?» Скорее всего, в лучшем случае это будет чрезвычайно узкий социальных круг: члены семьи, близкие люди, соратники, способные искренне порадоваться нашему успешному вхождению в сообщество носителей са크рального социологического знания. А ведь еще О. Конт, на котором прочно и не совсем заслуженно, по мнению А.Б. Гофмана, закрепился ярлык радикального позитивиста, призывал к формуле «жить для других», т.е. подчинять научные, моральные, политические идеи альтруистическим чувствам [14. С. 115].

Социологи постоянно ищут и непременно находят социальные проблемы, кризисы, парадоксы, противоречия в обществе. Получается, что инициативно, а в иных случаях и по заказу, исследуя ту или иную часть социальной реальности, мы порою пытаемся ответить на вопросы, которые никто не за-

давал. Однако эта особенность присуща любой системе научного знания, не только социально-гуманитарного. Невзирая на своего рода «проклятие знанием», а именно чрезвычайное, может быть, избыточное отраслевое и идейно-теоретическое разнообразие, заумную риторику, эпизодические отрывы даже эмпирических проектов от реальной жизни социология – фундаментальная наука, проверенная временем. И что немаловажно – до сих пор весьма привлекательная для молодых исследователей.

По нашему субъективному мнению, социологам (не всем, но многим) для гармонизации отношений со своим «объектом» (обществом) следует отказаться от притязаний на капитал символический власти в формате «мы знаем об обществе больше, чем само общество знает о себе», ибо сами социологи, независимо от техник сбора социальной информации, сталкиваются с дилеммами участия в мире, который они же изучают [15]. Одна из интегральных задач социологии, как и социального института науки в целом, состоит в конструировании новых пространств понимания, способных установить продуктивные коммуникации между различными группами акторов [16. С. 245].

Социология для социологии

«Можем ли мы отступить от большинства народа и все же оставаться учеными?» – задавался риторическим вопросом брехтовский Галилео Галилей в легендарном монологе заключительной части пьесы «Жизнь Галилея». Поразмышляем над этим вопросом и мы, но уже в контексте социальной значимости социологической теории не только для общества, но и для самих социологов.

В современном социально-гуманитарном знании прослеживается тенденция корректировки представления о социологии как науке для общества к представлению о социологии как науке для самой себя – науке, обслуживающей в первую очередь когнитивные интересы ученых. Сам формат дискуссий и различного рода методологических семинаров о будущем теоретической социологии позволяет говорить о социологии как научной области знания о логике развития социологии как науки. Звучит это, конечно, все странно и даже дико, но хотя бы иногда социологу нужно быть честным: если не с пресловутым «обществом» и «социальными институтами», сослуживцами, студентами, заказчиками социологических исследований и грантодателями, средствами массовой коммуникации и политиками, то с самим собой. Из-за методологической многоквартирности, граничащей временами с методологическим анархизмом и индивидуализмом, социологи теряют способность адекватно понимать не то что процессы в обществе, но и друг друга, а иногда самих себя. Играизированные практики, стирающие связь между символами и реальностью, прочно обосновались не только в повседневности общества постмодерна [17. С. 152], но проникли и в саму социологию. И. Шубрт вполне резонно утверждает, что и студенты, и некоторые преподаватели зачастую увлечены скорее «игрой в социологию», чем работой над темами научных исследований с неоспоримой социальной и профессиональной значимостью [18. С. 7].

Социологи постоянно транслируют то ли обществу, то ли самим себе мысль о том, что ни экономика, ни политика, ни семья, ни образование, ни здравоохранение, ни культура и прочее, и прочее, без социологии не прожи-

вут и эффективно функционировать не смогут, однако оценки самих социологов по поводу статуса и перспектив российской и мировой социологии противоречивы. Нередко высказываются мнения, конституирующие дискурс кризиса в социологии [19], об утрате ею своей предметности, размывании дисциплинарных границ, засилье эмпирических научно-исследовательских практик. Б.З. Докторов, изучающий на протяжении почти двадцати лет историко-биографическим методом российскую социологию, напротив, говорит о ее «возрождении через второе рождение» [20. С. 132]. В этом плане история социологии в частности биографический подход, выступает смысловым ключом к познанию не только самой себя, но и способом исследования социума, а именно социокультурного контекста, условий, факторов, повлиявших на деятельность, творческое наследие, социализацию того или иного советского/российского социолога и даже целых поколений гуманитариев.

Подобно клиническому психотерапевту, помогающему посредством собственной психики справиться пациенту с жизненными трудностями, осознав свои истинные потребности, травмы и глубинные мотивы, социология помогает человеку, может и незаметно, окольными путями, соотносить личные представления, ценности, установки с ментальными программами значимых для него социальных групп и общностей. В глобальном отношении социологическое мышление предлагает обществу интеллектуальную вакцину против социальной деградации и повседневных манипуляций, а на локальном уровне социология открывает перед студентами и преподавателями уникальный мир инсайтов самопознания и саморазвития – важнейших атрибутов идеологии непрерывного образования.

И.Т. Касавин высказывает важную идею о том, что знание в современном смысле есть критика знания: «Оно усматривается в обнаружении когнитивных разрывов, обманчивости и пустоты знака, амбивалентности любого высказывания, бесконечной незавершенности всякого текста. В знании нет успокоения, оно лишь обнажает многочисленные риски человеческого существования» [10. С. 219]. Социологическое знание и воображение, в свою очередь, развивают не столько чувство метода, умение задавать вопросы и отвечать на них с некоторой уверенностью в том, что ответы окажутся более или менее долговечными, сколько пристальное внимание к словам, которые мы используем в обыденной и научной жизни, к степени их общности и логическим взаимосвязям между ними [21. Р. 120].

Прежде чем торопиться «спасать» мир, диагностировать аномные состояния и лечить социальные болезни общества, социолог, как и психотерапевт, должен позаботиться о себе, и социологическое сообщество способно ему в этом помогать и направлять. Если социолог будет существовать на грани выживания, если он будет несчастен, голоден, неудовлетворен жизнью и не будет располагать перспективами социально-статусного продвижения, то он первый возненавидит, возможно сам того не осознавая, то общество, которое пытается так тщетно «изучить» и «исправить». Для этого и нужны социология социологии и социология для социологии – возвращать здоровые мировоззренческие установки, воспроизводить академические ценности и работающие в реальной познавательной ситуации методологические лекала. Тогда внешние вызовы социологической деятельности, вроде идеологизации научно-исследовательских практик и перетекания теоретического дискурса ака-

демической социологии в социологию коммерческую [22], удастся если не нивелировать полностью, то органично к ним адаптироваться, прежде всего, будущему поколению университетских социологов, родившихся в начале 2000-х гг., чье детство невозможно представить вне контекста цифровизации повседневной жизни.

Заключение

Изначально социология задумывалась исключительно как наука об обществе и ради общества в триединстве интегральных функций: познавательной, управленческой и идеологической. Но теоретико-методологическое, парадигмальное, а позже – эмпирическое и отраслевое расщепление социологии естественным образом повлекло дифференциацию научного сообщества и научно-исследовательских практик. Поэтому сегодня сосуществуют социологи-романтики, занимающиеся «настоящей», канонической социологией «не за страх, а за совесть» – для общества с целью его преобразования в лучшую сторону, социологи-прагматики, фокусирующиеся не только на формальном разрешении значимых для общества социальных и научных проблем, но и ожидающие от общества позитивного подкрепления (прежде всего финансового и статусного) познавательной активности. Обособленно держатся метасоциологи, интеллектуально возвышающиеся над романтиками и прагматиками, исследующие социологию в интересах самой социологии. В реальной жизни, как правило, представлены смешанные формы профессиональной деятельности: ведь романтики трудятся тоже не бесплатно, прагматики живут не только для себя, метасоциологи снабжают методологией не только методологию, но и эмпирические исследования, практические проекты, а кому-то (их можно назвать социологами-центристами) в идеале удастся совмещать познание ради познания с познанием ради социоинженерии и смыслоориентации масс.

Вероятно, в самой постановке основного научного вопроса, в заглавии статьи, уже содержится логическая ошибка, а точнее – концептуальное предубеждение о том, что в глобальном плане кто-то кому-то что-то должен или не додал в необходимом объеме. Каждый социолог сам определяет для себя сферу профессиональных интересов и меру ответственности за результаты научно-исследовательской и преподавательской деятельности, равно как и общество, если конкретнее – социально-территориальная общность (студенты, работодатели, вузы, государственные управленцы, работники масс-медиа, профсоюзы), имеет право артикулировать свои потребности и предъявлять социологам требования, претензии, запросы – все то, что мы дипломатично называем социальным заказом.

Список источников

1. Šubrt J. The Perspective of historical sociology: the individual as homo sociologicus through society and history. Bingley : Emerald Group Publishing, 2017. 294 p.
2. Антоновский А.Ю. «Хоть дерево гнило, да благо нам мило» (народная поговорка) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 228–235.
3. Столярова О.Е. Наука и идеалы гуманизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 248–253.
4. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Социология как способ самопознания общества // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 3–12.

5. Луман Н. Самоописания. М. : Логос, Гнозис, 2009. 320 с.
6. Šubrt J. Individualism, holism and the central dilemma of sociological theory. UK : Emerald Publishing Limited, 2019. 183 p.
7. Тощенко Ж.Т. От философии жизни к социологии жизни // Философские науки. 2015. № 5. С. 104–118.
8. Elias N. The Society of individuals. Oxford : Blackwell, 1991. 258 p.
9. Волков Ю.Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20–29.
10. Касавин И.Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217–227.
11. Аксенова О.В. Практическая социология: трудности концептуализации и спонтанная междисциплинарность // Социологические исследования. 2020. Т. 46, № 10. С. 13–23.
12. Fussey P., Roth S. Digitizing sociology: continuity and change in the internet era // Sociology. 2020. № 54 (4). P. 659–674.
13. Reed D.J. Dancing with Data: Introducing a creative interactional metaphor // Sociological Research Online. 2019. № 25 (4). P. 533–548.
14. Гофман А.Б. Два Конта, два Маркса и два течения российской социальной мысли // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21, № 3-4. С. 112–123.
15. Burawoy M. Revisits: An outline of a theory of reflexive ethnography // American Sociological Review. 2003. № 68 (5). P. 645–679.
16. Масланов Е.В. Миссия ученого как воля и представление // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 243–247.
17. Кравченко С.А. Игравизация российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143–155.
18. Шубрт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 5–15.
19. Романовский Н.В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 3–12.
20. Докторов Б.З., Козлова Л.А. Биографический анализ в историко-социологическом исследовании. Итоги двадцатилетнего опыта / Интервью подготовила Л.А. Козлова // Социологический журнал. 2021. Т. 27, № 2. С. 126–145.
21. Mills C.W., Gitlin T. The sociological imagination. Oxford : Oxford University Press, 2000. 256 p.
22. Девятко И.Ф. Социологическая теория: старые трудности, новые вызовы // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 3–11.

References

1. Šubrt, J. (2017) *The Perspective of Historical Sociology: The Individual as Homo Sociologus Through Society and History*. Bingley: Emerald Group Publishing.
2. Antonovskiy, A.Yu. (2021) “Khot' derevo gnilo, da blago nam milo” (narodnaya pogovorka) [Although the tree is rotten, it brings good (a Russian proverb)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 228–235. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/20
3. Stoliarova, O.E. (2021) Science and the ideals of humanism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 248–253. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/23
4. Volkov, Y.G. & Lubsky, A.V. (2018) Sociology as a method of self-cognition of society. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 3–12. (In Russian).
5. Luhman, N. (2009) *Samoopisaniya* [Self-descriptions]. Translated from English. Moscow: Logos, Gnosis.
6. Šubrt, J. (2019) *Individualism, Holism and the Central Dilemma of Sociological Theory*. Emerald Publishing Limited.
7. Toshchenko, Zh.T. (2015) From philosophy of life to sociology of life. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 5. pp. 104–118. (In Russian).
8. Elias, N. (1991) *The Society of Individuals*. Oxford: Blackwell.
9. Volkov, Yu.G. (2017) Private space as a research problem of sociological reflection of new social reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 20–29. (In Russian).

10. Kasavin, I.T. (2021) Science: A Public Good and a Humanistic Project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 217–227. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/19
11. Aksenova, O.V. (2020) Practical sociology: difficulties of conceptualization and spontaneous interdisciplinaryity. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 13–23. (In Russian).
12. Fussey, P. & Roth, S. (2020) Digitizing sociology: continuity and change in the internet era. *Sociology*. 54(4). pp. 659–674.
13. Reed, D.J. (2019) Dancing with Data: Introducing a creative interactional metaphor. *Sociological Research Online*. 25(4). pp. 533–548. DOI: 10.1177/1360780419892640
14. Gofman, A.B. (2019) Dva Konta, dva Marksa i dva techeniya rossiyskoy sotsial'noy mysli [Two Comtes, two Marxes and two currents of Russian social thought]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 3–4. pp. 112–123.
15. Burawoy, M. (2003) Revisits: An outline of a theory of reflexive ethnography. *American Sociological Review*. 68 (5). pp. 645–679.
16. Maslanov, E.V. (2021) The mission of a scientist as will and representation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 243 – 247. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/22
17. Kravchenko, S.A. (2002) Igraizatsiya rossiyskogo obshchestva (k obosnovaniyu novoy sotsiologicheskoy paradigmy) [Gamification of Russian society (to substantiate a new sociological paradigm)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Modernity*. 6. pp. 143–155.
18. Šubrt, J. (2021) Mysli o sovremennoy rossiyskoy sotsiologii i ee perspektivakh [Reflections on modern Russian sociology and its prospects]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 5–15.
19. Romanovsky, N.V. (2016) Diskurs krizisa (v) sovremennoy sotsiologii [The discourse of the crisis (in) modern sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 3–12.
20. Doktorov, B.Z. & Kozlova, L.A. (2021) Biograficheskiy analiz v istoriko-sotsiologicheskom is-sledovanii. Itogi dvadtsatiletnego opyta [Biographical analysis in historical-sociological research. Summing up 20 years of experience]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 2. pp. 126–145.
21. Mills, C.W. & Gitlin, T. (2000) *The Sociological Imagination*. Oxford: Oxford University Press.
22. Deviatko, I.F. (2021) Sotsiologicheskaya teoriya: starye trudnosti, novye vyzovy [Sociological theory: old problems, new challenges]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 3–11.

Сведения об авторе:

Вялых Н.А. – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: sociology4.1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vyalykh N.A. – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: sociology4.1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.12.2021;
одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 04.05.2022

The article was submitted 11.12.2021;
approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 04.05.2022

Научная статья

УДК 316.25

doi: 10.17223/1998863X/66/14

В.Г. КАМБУРОВ И Ф. ТЁННИС: НЕИЗВЕСТНЫЕ ФРАГМЕНТЫ НАУЧНЫХ КОНТАКТОВ

Николай Александрович Головин

Аннотация. В германских архивах хранится письмо приват-доцента Киевского, затем профессора Томского университета В.Г. Камбурова (1874–1906) к специалисту по идейному наследию английского социального философа Т. Гоббса, немецкому социологу Ф. Тённису с вложением визитной карточки российского социолога М.М. Ковалевского. Исследование этого письменного обращения обнаруживает неизвестные фрагменты контактов названных ученых, имеющие историко-научное значение.

Ключевые слова: В.Г. Камбуров, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, Ф. Тённис, история социальных наук

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-011-00451, при содействии Общества Ф. Тённиса, г. Киль, Германия (проф. А. Дайксель, проф. Д. Хазельбах, исполнительный директор и научный референт С. Клаук), Библиотеки федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн (Отдел рукописей, руководитель д-р М. Манске).

Для цитирования: Головин Н.А. В.Г. Камбуров и Ф. Тённис: неизвестные фрагменты научных контактов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 150–159. doi: 10.17223/1998863X/66/14

Original article

VYACHESLAV KAMBUROV AND FERDINAND TÖNNIES: UNKNOWN FRAGMENTS OF SCIENTIFIC CONTACTS

Nikolay A. Golovin

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, n.golovin@spbu.ru

Abstract. German archives contain a letter from Vyacheslav G. Kamburov (1874–1906), a privat-docent of Kiev University, then a professor of Tomsk University, to Ferdinand Tönnies (1855–1936), the patriarch of German sociology and social philosopher, a major expert in the ideological heritage of the English social philosopher and theorist of state power Thomas Hobbes, with an enclosed business card of Maksim M. Kovalevsky (1851–1916), a Russian sociologist, historian, lawyer and public figure. The study of the circumstances of this written address reveals unknown fragments of contacts between the scientists in the late nineteenth and early twentieth centuries. These fragments have historical and scientific significance, for they essentially complement in essence Kovalevsky's memoirs, as well as the memoirs of his research secretary, the sociologist Pitirim Sorokin (1889–1968). Kovalevsky and Tönnies met personally at the first congress of the International Institute of Sociology (1 to 9 September 1894). Tönnies praised Kovalevsky's report on the collapse of traditional social relations in the Russian society. They also talked about Tönnies's studies of Hobbes's legal doctrine. Knowing Tönnies personally, Kovalevsky supported Kamburov's written appeal to the German philosopher for scientific advice. Kamburov's letter of 17 February 1903 came from Paris (where Kamburov met Kovalevsky, who was lecturing at the Russian Higher School of Social Sciences (1900–1905) at the time). The comparison of the major research questions posed in the letter, the content of Kamburov's introductory university lecture (1900), his subsequent book on Hobbes (1906), and Tönnies's essay on Hobbes (1894) confirms that Kamburov used Tönnies's recommendations on the questions. This circumstance contributed to Kamburov's

formation as one of the major experts in the philosophical and legal doctrine of Hobbes in Russia. The published letter also testifies to the gradual strengthening of ties between Russian and German social sciences at the beginning of the twentieth century, which was changing the orientation in sociology to the teachings of its founders, Comte and Spencer.

Keywords: Vyacheslav Kamburov; Maksim Kovalevsky; Pitirim Sorokin; Ferdinand Tönnies; Geschichte der Sozialwissenschaften

Acknowledgments: The research was funded by RFBR, Project No. 20-011-00451, with the assistance of the Ferdinand Tönnies Society (President Prof. Dr. D. Haselbach, Prof. Dr. A. Deichsel, Managing Director and Scientific Officer S. Klauke) and the Schleswig-Holstein State Library (Manuscript Department, Head Dr. Maïke Manske).

For citation: Golovin, N.A. (2022) Vyacheslav Kamburov and Ferdinand Tönnies: unknown fragments of scientific contacts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 150–159. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/14

При работе в германских научных архивах над выявлением неизвестных русско-немецких социологических связей начала XX в. было найдено письменное обращение киевского, а затем томского правоведа В.Г. Камбурова (1784–1906) к патриарху немецкой социологии, социальному философу и правоведа Ф. Тённису (1855–1936). К его письму приложена визитная карточка российского социолога и правоведа, известного общественного деятеля М.М. Ковалевского (1851–1916), исписанная им от руки. Находка представляет собой несомненный историко-научный интерес: речь идет о классиках социальных наук, их профессиональных контактах, практически неизвестных в российских и немецких исследованиях. Раскрыть значение этих фрагментов идейных связей – цель дальнейшего исследования и публикации данных архивных документов.

Дата на письме, как оказалось, внесена получателем и означает, что ответ на него был дан. В связи с этим был направлен запрос в Государственный архив Томской области, где хранится личное дело профессора В.Г. Камбурова и может найтись ответ на его обращение, но оказалось, что в данном архиве такого документа нет. В дальнейших исследованиях научных контактов мы руководствовались тем, что речь идет о крупной теме исследования – идейном наследии классика социальной философии англичанина Т. Гоббса (XVII в.).

Затем были изучены современные исследования историков науки о П.А. Сорокине и М.М. Ковалевском, В.Г. Камбуrove и Ф. Тённисе (А.О. Бороноев, В.А. Волков (Санкт-Петербург), Н.Б. Хайлова, Д.Р. Гутнов (Москва), М.А. Митюков, С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых (Томск), А. Дайксель (Гамбург) и другие), но и там ничего не нашлось об интересующем контакте. Мы лишь убедились в том, что Камбуров и его коллеги тех лет, по мнению специалистов, могли бы стать основателями научной школы право- и государствоведения. «Представляют интерес и немногочисленные труды профессуры Томска о философских и правовых воззрениях западных мыслителей Канта, Гоббса (В.Г. Камбуров)», – считают томские специалисты [1. С. 14].

В дальнейших поисках мы обратились прежде всего к секретарю М.М. Ковалевского, его бывшему студенту, социологу П.А. Сорокину и его статье «Заграничные друзья М.М. Ковалевского» (1916), в которой раскрыты обширные научные связи его учителя. «Стоило в наших беседах заговорить о том или другом авторе – и в большинстве случаев М.М. тут же приводил какое-либо воспоминание о нем, вынесенное из личного знакомства»; «В лю-

бом крупном государстве в числе его знакомых были видные ученые и общественные деятели», – сообщает Сорокин [2. С. 268, 270].

В названии его статьи уже указаны 14 крупных европейских ученых и общественных деятелей, а в ее тексте – еще два десятка, но имени Тёnnиса там нет. Правда, Сорокин поясняет, что его статья является обобщенной записью со слов Ковалевского, в том числе отступлений от темы лекций по социологии в Санкт-Петербургском политехническом институте. При подготовке этих материалов к опубликованию Сорокин безжалостно (и безвозвратно) удалил их. «Приходилось из них выкидывать целые страницы, излагавшие по тому или иному поводу какой-либо факт его личных воспоминаний о каком-либо деятеле или исследователе вопроса», – сообщает он читателю [2. С. 268]. Однако в его статье есть указание на пока недоступные ему мемуары М.М. Ковалевского, интернированного австрийскими властями с началом Великой войны как подданного страны-противника – России. Мемуары, давно уже опубликованные, изобилуют сведениями о контактах Ковалевского, но и там нет ничего о Камбуrowе и Тёnnисе, правда, за небольшим исключением благодаря издателям мемуаров.

Издатель приложил к ним письмо от 20/8.11.1894 А.И. Чупрову с впечатлениями о первом конгрессе Международного института социологии (МИС), в котором сообщается: «На будущий год съезд обещает быть интереснее... Вестермарк должен представить ответ на вопросы о матриархате, я о причинах разложения коллективных форм собственности, Тард – о преемственности государственных форм, Рене Вормс – о задачах социологии, Фр. Тёnnис об антропологическом методе в криминалистике» [3. С. 492]. Несмотря на осведомленность Ковалевского о планах немецкого коллеги, в биографии Ф. Тёnnиса, составленной современным немецким социологом У. Карстенсом, русский ученый не значится [4].

Из вышеизложенного уже следует, что личное знакомство Ковалевского и Тёnnиса, позволяющее продолжать контакты, скорее всего, состоялось на конгрессе МИС. В любом случае без такого предварительного контакта трудно представить себе, что один крупный европейский ученый (М.М. Ковалевский) направляет свою визитку другому (Тёnnис) в поддержку третьего – молодого иностранного преподавателя (Камбуrow), а тот «пользуется любезной рекомендацией господина профессора Ковалевского»¹. Правда, знакомство Камбуrowа с публикациями по теме ко времени исследуемого обращения (1903) уже давно состоялось: например, книга Тёnnиса «Томас Гоббс – жизнь и учение» (далее – «Гоббс») вышла в свет еще в 1896 г. В те годы практически вся литература по своей тематике, которой было немного, прочитывалась всеми, в частности, Камбуrow в 1900 г. уже ссылается на «Гоббса».

Однако во время конгресса МИС (1894) книга Тёnnиса о Гоббсе еще не вышла в свет, что также говорит в пользу уже состоявшегося личного знакомства русского и немецкого классиков социальных наук на конгрессе МИС. С учетом оговорки Сорокина о том, что «вообще вся ценная переписка М.М. едва ли сохранилась» [2. С. 269], дальнейшие поиски следов первого контакта продолжились в архивной документации и в публикациях Ф. Тёnnиса (где и было найдено рассматриваемое письмо-обращение Камбуrowа).

¹ См.: Публикация письма В.Г. Камбуrowа Ф. Тёnnису от 17.02.1903 с вложением визитной карточки М.М. Ковалевского в данном номере журнала. С. 156–157.

Известно, что в октябре 1894 г. он участвовал в учредительном конгрессе МИС в Париже по собственной инициативе (и на свои деньги) как единственный социолог из Германии. Его пригласил туда основатель и издатель международного социологического журнала, Международного института социологии Рене Вормс (1869–1916). Свои впечатления от конгресса Тённис изложил в австрийском еженедельнике «Цайт» (Вена), где сообщается о программе следующего конгресса МИС. В газетном отчете утверждается, что Ковалевский планирует выступить на тему «Переход от коллективной к личной собственности» [5. S. 53].

При этом Тённис выделяет доклад Ковалевского: «Я особо отмечаю сообщение великолепного историка права Ковалевского, бывшего профессора в Москве, о последних русских исследованиях, среди которых есть его работа по обычному праву у осетин, и то представление, которое оно дает о весьма примитивных формах земельной собственности у донских казаков, об изменениях, там происходящих вместе с упадком кочевого образа жизни, о постепенном разложении мирского (общинного) коммунизма вместе с быстрым распадом материнского права и патриархальной семьи, все еще наблюдаемой у коренных народов Сибири, – пишет Тённис и дает оценку ситуации в общей социологии: – Конт и Спенсер гораздо большее, чем даже в своих странах, повлияли там, где современная наука встречает слабо возделанную почву, как в России, в Америке, в английских колониях, отчасти там, где ее развитие претерпело серьезные перерывы, как в романоязычных странах юга» [5. S. 52]. Публичное признание научного авторитета, как правило, – лучшая предпосылка для личных контактов в республике ученых. Этого уже достаточно, чтобы с определенной уверенностью отнести знакомство Ковалевского и Тённиса к названному научному событию. Есть тому и прямые доказательства. По окончании конгресса 6.10.1894 Тённис отправил из Парижа своему другу философу Ф. Паульсену открытку: «Я рад, что приехал сюда. Хорошо, что был представлен Германский Рейх. Мы пили на брудершафт в меру наших возможностей» [6. S. 313]. Застолье с возлияниями на брудершафт – бесспорное доказательство личного знакомства его участников.

Более того, в «Гоббсе» Тённиса (1896) содержится еще одно несомненное подтверждение тому. Автор приводит свидетельство Коминджа, французского посланника в Англии, о приветливости Гоббса на дружеском обеде в 1663 г. в компании научных светил того времени. Тённис в подстрочной сноске и примечании ссылается на источник: «J.J. Juserand, A French ambassador at the court of Charles II., London 1892, – и добавляет: – На это указал мне г-н М. Ковалевский» [7. S. 64]. О том, что во время беседы в 1894 г. рукопись книги Гоббса была еще в издательском производстве, свидетельствует, помимо года ее выхода в свет (1896), данная ссылка при отсутствии имени Ковалевского в указателе в конце книги. Следовательно, ссылка на слова Ковалевского была добавлена уже при чтении книжной корректуры. Это еще раз бесспорно доказывает, что они встречались именно на конгрессе МИС и беседовали, и даже можно предположить, о чем, помимо всего прочего, шел разговор, ведь «Ковалевский особо подчеркивал как противоречивость самого учения Гоббса, так и „разноголосицу“ в его трактовке» [8. С. 18].

Таким образом, по воспоминаниям, документами и публикациям установлено неизвестное звено сильной интеллектуальной связи Тённис – Ковалевский – Камбуrow, что дает повод хотя бы кратко оценить его научно-историческое значение.

Историко-научное значение контактов Камбуrowа и Тёnnиса. Исследование творческого наследия Камбуrowа из-за его скоротечной болезни было начато уже в последний год его жизни. Профессор Томского университета И.В. Михайловский (1867–1921), издатель главного сочинения Камбуrowа «Идея государства у Гоббса» сообщает краткие биографические сведения о нем, в частности, что автор в 1900 г., выдержав в Киевском университете магистерский экзамен и прочитав пробные лекции (одна из них о Гоббсе), получил звание приват-доцента, затем в 1901 г. был командирован на два года за границу «с ученой целью», там «много работал в Британском музее над собиранием материалов для задуманной им книги, ныне выпускаемый в свет, а также слушал лекции по философии в Берлине у Паульсена». По возвращении в Россию 23.08.1903 он был избран и.д. экстраординарного профессора по кафедре энциклопедии права и истории философии юридического факультета Томского университета, см. подробнее: [9. С. III; 10. С. 105–106; 11].

Служебная командировка в Европу имела большое значение, прежде всего, для Камбуrowа. Одновременно она иллюстрирует процесс межпоколенческой передачи знания в социальных науках и о его распространения в России и в Сибири. Ко времени исследуемого обращения Тёnnису уже исполнилось 48 лет, а Камбуrowу еще не было 29, первый был сложившимся, второй – начинающим специалистом, но с перспективной программой фундаментального исследования по истории и теории права. Это подтверждает, прежде всего, его книга «Идея государства у Гоббса», опубликованная Михайловским (1906), в которой дан наилучший в то время биографический очерк о Гоббсе и его учении на русском языке, в частности, включая анализ малоизвестных связей Гоббса с семейством герцога Девонширского, указанным в письме.

Камбуrow упорно работал «над труднейшей проблемой отношения права к нравственности в связи с зависимостью нравственности от религии, – пишет Михайловский (важная проблематика исследований Ф. Тёnnиса, М. Вебера, Л.Н. Толстого, П.А. Сорокина и многих других теоретиков общества) и продолжает: – Здесь он не без основания обращал гораздо больше внимания на родство этих областей, чем на их раздельность» [9. С. III]. За неимением места и во избежание отступления от цели данной статьи мы оставляем в стороне крупную проблему дифференциации общества на подсистемы (религия, наука, мораль) и ее описание в социальной теории начала XX в., ограничившись лишь бесспорной общей оценкой учения Гоббса Камбуrowым как материалистического в противоположность идеализму Канта.

Более существенно, что Михайловский попробовал завершить рукопись своего коллеги на основе собранного документального материала. «К сожалению, несмотря на самое тщательное изучение оставшихся после него бумаг, я не мог извлечь из них достаточно материала, для того, чтобы дописать последнюю главу самостоятельно. Посему я ограничился проверкой и корректурой последних шести листов и в виде приложения поместил пробную лекцию Камбуrowа о Гоббсе: она может дать понятие о той общей идее, которую имел Вячеслав Георгиевич об этом, столь сильно интересовавшем его философе» [9. С. III]. Тем самым Михайловский, которого ныне относят к интеллектуальной элите тогдашнего Томска, окончивший тот же Киевский университет, что и Камбуrow, подтвердил экспертный уровень знания своего коллеги.

Он же облегчил работу историков науки, поместив под одну обложку с книгой «Идея государства у Гоббса» (1906) пробную лекцию Камбурова в Киеве на тему «Гоббс и его политическое учение» (19.05.1900) [12], обеспечив два замера уровня разработки сложной правовой и социологической темы. Возникает возможность сравнить эти уровни, что могло бы стать самостоятельной исследовательской темой по истории социальных наук. Конечно, ожидаемо, что после заграничной командировки и консультаций с корифеями науки (Ковалевский, Тённис) уровень его работ будет выше, но, как известно, это обеспечивается, прежде всего, личным научным поиском, хотя консультации эксперта тоже трудно переоценить.

Можно определенно утверждать, что Камбуров сполна использовал консультацию Тённиса. Об этом свидетельствует, прежде всего, собранный и использованный им материал первоисточников о Гоббсе. Если в публикуемом письме он просит ознакомить его с «бумагами Гэрдвика» из семейного архива герцога Девонширского, то в его книге они цитированы, равно как и сочинение Тённиса (1896), других исследователей Гоббса. Показательно, что эти материалы Тённис практически не цитирует, хотя и опирается на них, помещает в свою книгу их точное библиографическое описание.

Далее сравнение двух текстов Камбурова о Гоббсе позволяет отметить не только прогресс в развитии темы, что следует уже из различия их научных жанров (лекция и монография), но и изменение научного контекста, к которому помимо ссылок на Ж.-Ж. Руссо и Б.Н. Чичерина добавились современные европейские ученые. Остальные вопросы, затронутые Камбуровым: возможность нравственной свободы, функции государства, существо поведенческого материализма Гоббса, его философская антропология за неимением места могут быть здесь лишь названы, но не обсуждены.

Публикация письма-обращения дополняет историко-научные исследования примечательным фрагментом истории российских наук об обществе. В связи с данной публикацией уместно напомнить метафору Ф. Тённиса на страницах цитированного выше венского еженедельника о том, что на пока еще слабо возделанной научной почве быстрее приживаются идеи классиков социологии (француз Конт и англичанин Спенсер), чем множества современных ученых и их полемики. Публикуемое письмо В.Г. Камбурова и визитная карточка М.М. Ковалевского прежде всего подтверждают изначально интернациональный характер российской науки и ее ориентацию на фундаментальное знание, а также маркируют усиление внимания российских ученых к немецкой социологии по сравнению с французской. (Так, еще в лекции на открытии Русской высшей школы социальных наук в Париже в 1901 г. Ковалевский сетует на то, что русские студенты все чаще едут на учебу в Германию, чем во Францию, что отчасти и мотивировало его к созданию названной школы во Франции.) Однако Ковалевский сам одновременно и латентно содействовал этому пока непритметному повороту не только дружбой с К. Марксом – настоящим немецким ученым, но и помощью томскому правоведам Камбурову в его обращении к немецкому классическому социологу Тённису. В дальнейшем обращения к немецким наукам о культуре лишь усилились благодаря их выдающимся успехам и достижениям культуры в начале XX в. вплоть до 1933 г., когда это развитие было прервано новыми хозяевами страны – нацистами.

**ПУБЛИКАЦИЯ ПИСЬМА В.Г. КАМБУРОВА Ф. ТЁННИСУ
ОТ 17.02.1903 С ВЛОЖЕНИЕМ ВИЗИТНОЙ КАРТОЧКИ
М.М. КОВАЛЕВСКОГО (1903)**

Исследование, перевод данного письма с немецкого на русский язык выполнены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00451. Факсимильная публикация и перевод на русский язык обеспечены разрешением Шлезвиг-Гольштейнской земельной библиотеки, г. Киль, Германия, Отдел рукописей, д-р М. Манске (Dr. M. Manske, Handschriftenabteilung Schleswig-Holsteinische Landesbibliothek).

Камбуrow – Ф. Тёnnису

Париж, Рю де Ришелье, 63¹

Гранд-отель «Malte»

17.02.1903

Уважаемый господин профессор!

Прежде всего, прошу Вас извинить меня за то, что обременяю Вас своим письмом. Уже долгое время я искал возможности драгоценного знакомства с Вами. Прошлой весной профессор Паульсен² пообещал представить меня Вам, но, к сожалению, этого не случилось. Теперь я пользуюсь любезной рекомендацией господина профессора Ковалевского и позволю себе обременить Вас просьбой помочь мне Вашим советом.

Сейчас я пишу обстоятельную работу об учении Гоббса о государстве с исторической точки зрения.

Мне хотелось бы изучить, какое влияние оказала историческая жизнь XVII века на учение Гоббса о государстве и церкви. В этом отношении мне очень интересен неопубликованный биографический материал. Я хотел бы ознакомиться с перепиской с Гассенди³, а также с так называемыми бумагами Гэрдвика⁴. Я хотел бы узнать, не была ли переписка Гоббса уже опубликована Вами ранее, и если нет, то не позволите ли Вы мне тогда использовать данные рукописи в своей работе?

Я не знаю, где находятся рукописи.

¹ При отсутствии почтового конверта письмо не трудно атрибутировать по его содержанию. Оно отправлено из парижского отеля *Malte* по ул. Ришелье 63 (отель работает до сих пор). Получатель – Ф. Тёnnис к тому времени проживал по адресу: Германия, Шлезвиг-Гольштейн, г. Ойтин, Августштрассе 8 (в настоящее время Альфред-Мальштедт-штрассе), см.: [Carstens U. Ferdinand Tönnies. Friese und Weltbürger: Eine Biographie. Nordfriisk: Nordfriisk Instituut, 2013. S. 162–163]. Дата письма установлена президентом Общества Ф. Тёnnиса проф. Д. Хазельбахом (Ferdinand-Tönnies-Gesellschaft e.V. Kiel = The Ferdinand Tönnies Society, Prof. Dr. D. Haselbach), издателем полного собрания сочинений Тёnnиса, определившего его почерк в дате на первом листе письма, означающей дату ответа на него. М.М. Ковалевский, предоставивший в почтовое вложение свою визитную карточку с адресом: г. Болье-сюр-Мер вилла Батава, постоянно проживал там во Франции. Во время визита В.Г. Камбуrowа он был в Париже, читая лекции в Русской высшей школе социальных наук (1901–1905). Согласно его мемуарам, он предпочитал арендованное жилье отелям, см.: [Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005].

² Ф. Паульсен (Friedrich Paulsen, 1846–1908) – профессор философии и педагогики в Берлине, друг Ф. Тёnnиса. Указание отправителя на прослушанные лекции Паульсена является средством влияния на получателя, так как Ф. Тёnnис в молодости сам слушал лекции Ф. Паульсена. Они подружились и дружили всю жизнь (33 года).

³ Гассенди (Pierre Gassendi, https://ru.wikipedia.org/wiki/22_%D1%8F%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8F 1592–1655) – французский философ, друг Т. Гоббса.

⁴ «Бумаги Гэрдвика» – рукописи Т. Гоббса, хранящиеся семейном архиве графа Девонширского, у которого Т. Гоббс проживал долгое время.

Возможно, вы будете так добры дать мне совет, как я мог бы получить доступ к семейному архиву герцога Девонширского¹. Сейчас я живу в Париже, хотя я постоянно проживаю в Киеве (Россия). В Париже я буду до апреля, а затем поеду в Лондон.

С надеждой, что Вы не оставите мое письмо без ответа. Остаюсь с совершенным почтением, В. Камбуров.

Париж, Рю де Ришелье, 63

Гранд-отель *Malte*, 27

В. Камбуров.

Landesbibliothek
KIEL

05

Paris. Rue de Richelieu, 63.

Grand Hôtel de Malte.

Le 17/4/03

Sehr geehrter Herr Professor!

Vor allem bitte ich Sie mich zu entschuldigen, dass ich Sie mit meinem Schreiben belästige. Schon lange suchte ich Gelegenheit Ihre werthe Bekanntschaft zu machen. Letztes Frühjahr hatte mir Prof. Tönnies versprochen mich Ihnen vorzustellen, aber leider kam es nicht dazu; jetzt benutze ich die beehrenswürdige Empfehlung Herr Prof. Kowalewsky und erlaube mir Sie mit der Bitte zu belästigen, mir mit Ihrem Rathe beizustehen. Ich schreibe jetzt eine eingehende Arbeit über Hobbes Staatslehre vom geschichtlichen Standpunkte aus. Ich möchte

untersuchen, welchen Einfluss das historische Leben des XVII. Jahrhunderts auf Hobbes Lehre von Staat und Kirche gehabt. In dieser Hinsicht ist für mich das nicht veröffentlichte biographische Material von grossem Interesse. Ich möchte gern den Briefwechsel mit Gassendi, wie auch die sogenannten "Hardwicks Papers" kennen lernen. Ich möchte wissen, ob Sie Hobbes Briefwechsel noch nicht veröffentlicht haben, und falls nicht, ob Sie mir dann gestatten diese M.S. zu meiner Arbeit zu benutzen. Ich weiss nicht, wo die Manuscripte sich befinden. Vielleicht haben Sie

auch die Güte mir eine Anweisung zu geben, wie ich in den Familienarchiv der Gräfin Devonshire (Earl of Devonshire) nachforschen könnte. Jetzt lebe ich in Paris, obgleich mein beständiger Aufenthalt Kiew ist (Russland). In Paris bleibe ich bis April und dann gehe ich nach London.

In der Hoffnung, dass Sie mein Schreiben nicht unbeantwortet lassen, bleibe ich hochachtungsvoll

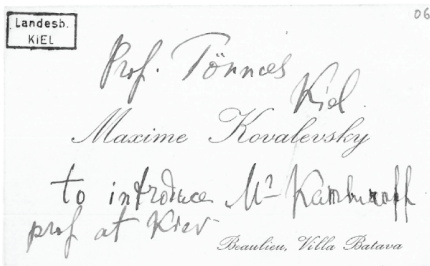
W. Kambooroff.

Paris. Rue de Richelieu, 63.
Grand Hôtel de Malte, 27.
W. Kambooroff.

a

б

в

2

Письмо В. Камбурова Ф. Тённису от 17.02.1903 (a–в). Визитная карточка М.М. Ковалевского (2). Уменьшенные копии. Источник: Архив Ф. Тённиса в библиотеке федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн, Германия / Die Quelle: Das Nachlass von Ferdinand Tönnies in die Schleswig-Holstein Landesbibliothek Cb.54.56.444, 5–6 / Source: The Estate of Ferdinand Tönnies in the Schleswig-Holstein State Library Cb.54.56.444, 5–6

Визитная карточка М. Ковалевского (1851–1916), приложенная к письму: перевод с немецкого, французского и английского на русский язык

Проф. Тённис Киль

Максим Ковалевский

для рекомендации г-на Камбурова, профессора в Киеве

Большая вила Батава

¹ «В 1608 г. <...> Гоббс был приглашен <...> к старшему сыну герцога Девонширского (прежде Уильяма Кэвендиша и барона Гэрдвика)», — поясняет В.Г. Камбуров [Камбуров В.Г. Идея государства у Гоббса / Посмерт. изд. с предисл. И.В. Михайловского, проф. Том. ун-та. Киев : т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1906. С. 74–75].

Список источников

1. Митюков М.А., Барнашов А.М. Истоки Томской школы государствоведения и конституционализма (Исследования по теоретико- и историко-правовым дисциплинам, государствоведению и международному праву в Томском университете в 1898–1922 гг.: опыт библиографического обзора) : учеб. пособие. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2019.
2. Сорокин П.А. М.М. Ковалевский и его западные друзья (Ф. де-Куланж, Гексли, Тард, Дюркгейм, Вормс, де-Грееф, Бергсон, Эсман, Ферри, Спенсер, Тэйлор, Маркс, Вандервельд, Верхарн и др.) // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М. : Наука, 1994. С. 267–273.
3. Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.
4. Carstens U. Ferdinand Tönnies. Friese und Weltbürger: Eine Biographie. Nordfriisk : Nordfriisk Instituut, 2013.
5. Tönnies F. Der Soziologen-Kongress in Paris // Die Zeit. Wien, 1894. Nr. 4 (27. Dezember). S. 52–53.
6. Tönnies F., Paulsen F. Briefwechsel 1876–1908 // Veröffentlichungen der Schleswig-Holsteinischen Universitätsgesellschaft. Neue Folge. Bd. 27 / Hrsg. von O. Klose ; Ed. G. Jacob u. I. Fischer. Hirt, Kiel, 1961.
7. Tönnies F. Hobbes: Leben und Lehre. Stuttgart: Frommann, 1896.
8. Бодров О.В. М.М. Ковалевский – историк английской общественной и политической мысли нового времени : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002.
9. Михайловский И.В. Вместо предисловия // Камбуров В.Г. Томас Гоббз и его политическое учение. Идея государства у Гоббза / посмерт. изд. с предисл. И.В. Михайловского. Киев : т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1906.
10. Профессора Томского университета : биографический словарь. Т. 1: 1888–1917 / С.Ф. Фоминых и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996.
11. Волков В.А. Российская профессура XVIII – начало XX в. : биографический словарь; Российская академия наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. 2-е изд. СПб. : Росток, 2017.
12. Камбуров В.Г. Томас Гоббз и его политическое учение. Идея государства у Гоббза / посмерт. изд. с предисл. И.В. Михайловского. Киев : т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1906.

References

1. Mityukov, M.A. & Barnashov, A.M. (2019) *Istoki Tomskoy shkoly gosudarstvovedeniya i konstitutsionalizma (Issledovaniya po teoretiko- i istoriko-pravovym distsiplinam, gosudarstvovedeniyu i mezhdunarodnomu pravu v Tomskom universitete v 1898–1922 gg.: opyt bibliograficheskogo obzora)* [Origins of the Tomsk School of State and Constitutionalism (Studies in theoretical- and historical legal disciplines, State and International Law at Tomsk University in 1898–1922: Experience of Bibliographical Review)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Sorokin, P.A. (1994) *Obshchedostupnyy uchebnik sotsiologii. Stat'i raznykh let* [A Public Textbook of Sociology. Articles of different years]. Moscow: Nauka. pp. 267–273.
3. Kowalevski, M.M. (2005) *Moya zhizn'. Vospominaniya* [My Life. Memories]. Moscow: ROSSPEN.
4. Carstens, U. (2013) *Ferdinand Tönnies. Friese und Weltbürger: Eine Biographie*. Nordfriisk: Nordfriisk Instituut.
5. Tönnies, F. (1894) Der Soziologen-Kongress in Paris. *Die Zeit*. 27th December. pp. 52–53.
6. Tönnies, F. & Paulsen, F. (1961) Briefwechsel 1876–1908. In: Klose, O., Jacob, G. & Fischer, I. (eds) *Veröffentlichungen der Schleswig-Holsteinischen Universitätsgesellschaft*. Vol. 27. Kiel: Hirt.
7. Tönnies, F. (1896) *Hobbes: Leben und Lehre*. Stuttgart: Frommann.
8. Bodrov, O.V. (2002) *Kovalevskiy – istorik angliyskoy obshchestvennoy i politicheskoy mysli novogo vremen* [M.M. Kowalevski as a Historian of English Social and Political Thought in Modern Times]. History Cand. Diss. Kazan: Kazan State University.
9. Mikhaylovskiy, I.V. (1906) *Vmesto predisloviya* [For a Preface]. In: Kamburov, V.G. *Tomas Gobbz i ego politicheskoe uchenie. Ideya gosudarstva u Gobbza* [Thomas Hobbes and His Political Doctrine. The Idea of the State in Hobbes]. Kiev: Pechatnya S.P. Yakovleva.
10. Fominykh, S.F. et al. (eds) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

11. Volkov, V.A. (2017) *Rossiyskaya professura XVIII – nachalo XX v.: biograficheskiy slovar'* [Russian professorship of the 18th – early 20th century: a biographical dictionary]. 2nd ed. St. Petersburg: Rostok.

12. Kamburov, V.G. (1906) *Tomas Gobbz i ego politicheskoe uchenie. Ideya gosudarstva u Gobbza* [Thomas Hobbes and His Political Doctrine. The Idea of the State in Hobbes]. Kiev: Pechatnya S.P. Yakovleva.

Сведения об авторе:

Головин Н.А. – доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: n.golovin@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Golovin N.A. – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.golovin@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.06.2021;
одобрена после рецензирования 07.04.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 30.06.2021;
approved after reviewing 07.04.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья

УДК 316.454.2

doi: 10.17223/1998863X/66/15

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ МОДЫ ПОКОЛЕНИЯ Z: ЗУМЕРЫ И ПРАКТИКИ ФИЛАНТРОПИИ

Дарья Николаевна Суховская

*Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
daria.sukhovskaya@yahoo.com*

Аннотация. Анализируются проблемы и перспективы развития подходов, используемых при вовлечении представителей поколения Z в практики филантропии и разработке рекомендаций по совершенствованию технологий вовлечения зумеров в практики филантропии на основе проведенного исследования системы ценностных ориентаций представителей поколения Z.

Ключевые слова: филантропия, поколение Z, ценности

Благодарности: Материал подготовлен в рамках участия в мероприятии повышения квалификации победителя конкурса «Научные стипендии» Центра развития благотворительности Фонда Владимира Потанина.

Для цитирования: Суховская Д.Н. Социологическое исследование поведенческой моды поколения Z: зумеры и практики филантропии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 160–178. doi: 10.17223/1998863X/66/15

Original article

A SOCIOLOGICAL STUDY OF GENERATION Z'S BEHAVIORAL PATTERNS: GEN Z AND PHILANTHROPY PRACTICES

Daria N. Sukhovskaya

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation, daria.sukhovskaya@yahoo.com

Abstract. The problem underlying the study is the fact that the approaches used to increase the involvement of representatives of generations prior to generation Z in the practice of philanthropy turn out to be ineffective when involving zoomers, as they do not fit into the system of worldview practices and value orientations of Generation Z representatives. The study aims to analyze the problems and prospects for the development of approaches used to involve Generation Z representatives in philanthropy and develop recommendations for improving the technologies for involving zoomers in philanthropy based on the analysis of their value orientations. To reach the aim of the study, the author (a) analyzed the currently existing scientific studies (including empirical ones) on the specifics of Generation Z's value system and its correlation with philanthropic practices; (b) systematized the acquired knowledge and assessed how reasonable the distinction in value systems between Generation Z and its predecessors is from the standpoint of philanthropic practices. In practical terms, the author (1) explored the involvement of Generation Z's representatives in philanthropy; (2) on the basis of the obtained data and their analysis, determined the features of the influence of Generation Z's value system on involving zoomers in philanthropy; (3) developed recommendations to improve the involvement of zoomers in philanthropy.

Keywords: philanthropy; Generation Z; values

Acknowledgments: The material was prepared as part of participation in a professional development event by the winner of the Research Fellowships competition of the Vladimir Potanin Foundation's Center for Philanthropy Development.

For citation: Sukhovskaya, D.N. (2022) A sociological study of generation Z's behavioral patterns: gen Z and philanthropy practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 160–178. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/15

Введение

Актуальность исследования. Сегодня, в соответствии с теорией поколений Хоува – Штрауса, молодых людей, родившихся начиная с 1997 по 2012 г., принято называть представителями поколения Z (или зумерами) [1. С. 134]. На данный момент зумеры составляют около 32% населения мира [2]. Предшествующие исследования, как автора, так и иных ученых, показали, что структура ценностной системы представителей поколения Z отличается от ценностной структуры представителей предыдущих поколенческих групп [3. С. 98; 4; 5. С. 263].

Часто у современных ученых можно встретить исследования, посвященные изучению процессов отчуждения представителей поколения Z от традиционной системы ценностных ориентаций и выводы о переориентации представителей поколения Z на постматериалистические ценности [6. С. 10; 7. С. 250; 8]. Нельзя не заметить, что особенности формирования ценностной системы поколения Z (например, интеграция в цифровую среду с детства) влияют на актуальность тех или иных практик филантропии для представителей поколения Z и степень их вовлеченности в них [9].

В секторе благотворительной деятельности представителей поколения Z обычно называют Philanthro teens (филантропы-тинейджеры).

Проблема, лежащая в основе исследования: каковы реальные условия и возможности вовлечения представителей поколения Z в практики филантропии?

Цель исследования: проведение анализа проблем и перспектив развития подходов, используемых при вовлечении представителей поколения Z в практики филантропии, и разработка рекомендаций по совершенствованию технологий вовлечения зумеров в практики филантропии на основе проведенного исследования системы ценностных ориентаций представителей поколения Z.

Задачи научного исследования. Для достижения цели исследования необходимо решить ряд задач:

1. Провести анализ существующих на данный момент научных исследований (включая эмпирические), посвященных специфике ценностной системы представителей поколения Z и ее корреляции с практиками филантропии.
2. Проанализировать особенности филантропических практик представителей поколения Z.

Практические задачи.

1. Провести исследование вовлеченности представителей поколения Z в занятия филантропией.

2. На основе полученных данных и их анализа определить особенности влияния ценностной системы представителей поколения Z на процессы вовлечения зумеров в занятия филантропией.

3. Разработать рекомендации по совершенствованию вовлечения зумеров в занятия филантропией.

Теоретическая рамка исследования базируется на поколенческом подходе, примененном по отношению к практикам филантропии. С точки зрения практик благотворительности, данный подход применим для того, чтобы понять, каким образом выстроить процесс вовлечения зумеров наиболее эффективно с учетом особенностей мировоззрения их поколенческой группы.

Обзор литературы

Вопросы ценностной системы представителей поколения Z составляют предмет научного интереса таких исследователей, как В. Атекин [7. С. 250], Н.В. Богачева [6. С. 14], П. Боер [10], И. Оприс [8], Ц. Сеемиллер [11. С. 22], В. Фаррел [12], Н.П. Шилова [13. С. 49], и других.

Существует объемный пул зарубежных исследований вовлеченности зумеров в занятия благотворительностью. Данная тема составила научный интерес таких авторов, как М. Бойл [14], Дж. Вертц [15], К. Голлихью [16], Р. Джонстон [17], Б. Дитмер [18], А. Ирлс [19], С. Коннели [20], Е. Кренли [21], И. Макаров [22], Р. Премак [23], С. Робертсон [24], М. Роунер [25], Р. Топороф [26], Х. Янг [27].

Проанализированные данные публикаций позволяют полагать, что поколенческая теория способна выступать дискуссионной «рамкой» для объяснения социальных процессов, включая практики филантропии, при этом масштабных научных исследований в российском научном сообществе на данную тему не проводилось.

Аналитический обзор

Смена поколений – значимый контекст для филантропии будущего, как отмечают авторы 43% изученных публикаций.

Термин «филантропия» может трактоваться по-разному в разных странах, однако оттенки его значения значительно изменяются сегодня и причиной тому может стать смена поколений. В настоящей работе мы опираемся на концепцию филантропии, предложенную доктором философских наук Р.Г. Апресяном: «Филантропия (благотворительность) – это деятельность, посредством которой частные ресурсы добровольно распределяются их обладателями в целях содействия нуждающимся (в широком смысле слова) людям, для решения общественных проблем, а также усовершенствования условий общественной жизни» [28. С. 51].

Будущее филантропии – это и новое поколение филантропов тоже. Поколение X и миллениалы в свое время изменили образ современных работников, предпочитающих фриланс работе в офисе [29. С. 35], волонтерских сетей, попечительских советов и объединений доноров. Сегодня более вовлеченные и осознанные представители нового поколения Z ощущают социальную ответственность, что способно оказать значительное влияние на рост интереса к занятию благотворительностью у представителей исследуемой поколенческой группы [30].

Поколение Z с их потенциалом в отношении пожертвований – это не просто еще одно поколение. Все указывает на то, что эти доноры станут наиболее значимым филантропами в истории. Они будут лидерами того, что многие специалисты уже успели окрестить «Золотым веком филантропии» [31].

Доноры поколения Z хотят таких изменений в благотворительности, которые, на их взгляд, дадут толчок решению давно существующих социальных проблем. Они хотят фокусироваться на конкретных проблемах, принимать решения на основе надежных данных, экспериментировать – все это с целью максимально увеличить эффективность больших вложений. Они хотят помогать и делать добрые дела, не просто выдавая традиционные гранты, но и используя новые инструменты, например импакт-инвестиции. Такие революционные изменения в практиках филантропии будут иметь колоссальные последствия для всех участников сектора. Новый век филантропии станет и правда «Золотым», если доноры нового поколения действительно смогут повысить эффективность воздействия на проблемы, волнующие всех нас.

По результатам анализа эмпирических исследований, описываемых в публикациях, мы выделили общие тренды развития филантропических практик в рамках теории поколений:

1. Взгляд зумеров на мир сильно отличается от взглядов их предшественников. Зумеры подходят к филантропии с более глобальной и инклюзивной точки зрения и с оптимизмом относятся к способности филантропии повлиять на наиболее важные для них социальные вопросы.

2. Зумеры гораздо более склонны учитывать новые тренды коммуникации (общение в виртуальности) в своей благотворительной деятельности.

3. Зумеры чаще, чем представители других поколенческих групп склонны считать, что все секторы экономики играют важную роль в решении социальных проблем [32. С. 28].

Исследование Deloitte обнаружило, что по всему миру многие зумеры чувствуют себя ответственными за социальные проблемы [33]. В развитых странах, подверженных экономической и социальной стагнации, они менее оптимистичны, чем их сверстники в других частях света. Впрочем, это не останавливает их попытки изменить систему. Многие считают, что пусть в одиночку они не способны оказать значительное воздействие на решение глобальных проблем, но они могут внести вклад по-другому: осознанно выбирая, как и где работать. Этот выбор дает им чувство, что они могут повлиять на ситуацию. Ни одно поколение не включалось в трудовую деятельность с такими высокими ожиданиями от работодателя. Для этого поколения границ, которые раньше отделяли деятельность в офисе от жизни вне его, просто не существует. Филантропия становится для них частью образа жизни. Стремление совершать добрые дела влияет на выбор карьеры; на выбор работодателей; на то, где и что они едят; что они носят; что они смотрели и т.п. Они хотят, чтобы их навыки, социальные связи и коммерческие инвестиции были частью их вклада в изменение мира к лучшему.

Методы решения задач научного исследования

Рассмотрение особенностей практик филантропии представителей поколения Z основывается на теории поколений Хоува – Штрауса. Так как проблема изучения ценностных ориентаций и мотиваций, лежащая в основе исследования, традиционно является междисциплинарной, в рамках работы были использованы социологические методы, а именно метод социологического наблюдения, интервью, социологического опроса.

Исследование было проведено на материалах опроса 987 представителей поколения Z в пяти городах: Москве, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Ставрополе и Пятигорске. Представители поколения Z, принявшие участие в опросе, родились в период с февраля 1999 по ноябрь 2003 г. Выборка квотная, репрезентативная по полу, возрасту и месту жительства.

Исследование проводилось с сентября по декабрь 2021 г. Респонденты были представлены работающими и учащимися зумерами. В исследовании было следующее гендерное распределение респондентов: женский пол – 56%, мужской пол – 44%.

Первичные данные исследования были получены из следующих источников:

1. Репрезентативные опросы авторского коллектива исследования: проводимые по репрезентативной выборке в размере 987 человек представителей поколения Z.

2. Серия глубинных интервью с представителями поколения Z. В рамках исследования было проведено 44 интервью. Фрагменты интервью представлены в статье в виде цитат. Исследование проведено по методике Ш. Шварца, которая позволяет рассмотреть особенности индивидуальной ценностной иерархии респондентов и дает возможность определить значимость отдельных ценностных ориентаций как на уровне жизненных принципов, так и на уровне нормативных идеалов, которые могут относиться как к предпочитаемым, так и отвергаемым, «движущим» либо «тормозящим» поведение зумеров. Определение достоверности различий значимости отдельных ценностных ориентаций в исследуемых группах было проведено с использованием однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) и критерия Стьюдента (*t*-критерия).

Описание исследования

Первая часть исследования была направлена на то, чтобы выявить существующие тенденции в практиках осуществления благотворительной деятельности у представителей поколения Z.

Мы задались вопросом, каким образом зумеры участвуют в практиках филантропии? Для этого мы задали участникам исследования вопрос о том, каким образом они участвовали в благотворительной деятельности и практиках помощи другим за последний год. Результаты представлены на рис. 1.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Каким образом вы участвовали в практиках филантропии в течение последнего года?», %

Одной из самых популярных практик оказалась практика волонтерства. Так, 43% опрошенных рассказали, что работали волонтерами, участвовали в деятельности общественной, благотворительной или некоммерческой организации (через участие в аукционах, выставках, форумах).

Среди наиболее популярных форм волонтерской деятельности участники опроса называли: волонтерство на общественных мероприятиях (в сфере образования, спорта, культуры и др.) – 52%, помощь в приютах для животных – 17%, помощь в работе религиозных организаций – 11%, работу в детских домах и домах престарелых – по 10% (рис. 2).

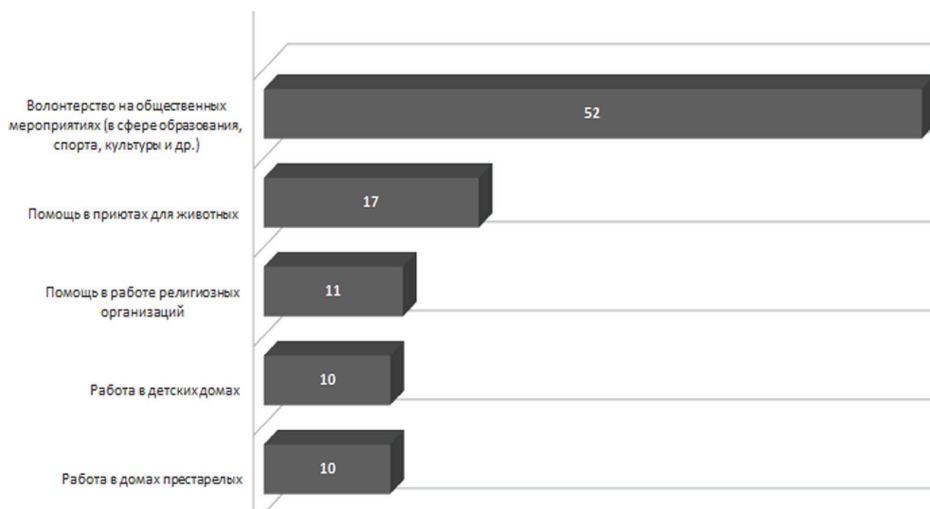

Рис. 2. Наиболее распространенные формы волонтерской деятельности среди участников опроса, %

При этом интересно, что эпидемия коронавируса наложила свой отпечаток на практики волонтерства, которые, как и многие другие социальные практики в этот период, перешли в онлайн.

Мы задали зумерам вопрос о том, стали ли они менее вовлечены в практики волонтерской деятельности в период ограничений, введенных из-за пандемии коронавируса, и выяснили, что большинство участников опроса из группы вовлеченных в волонтерские практики (62%) продолжили заниматься волонтерской работой даже в период пандемии. Наиболее часто ими упоминалось участие в акции «#МыВместе», направленной на поддержку пожилых и маломобильных людей, а также медиков, сотрудников социальных учреждений некоммерческих организаций и других нуждающихся в период пандемии (56%).

Рассматривая вопрос исключительно финансовых пожертвований, мы оценили соотношение офлайн- и онлайн-практик филантропии среди опрошиваемых зумеров и выяснили, что большинство из них жертвуют онлайн (92%), в офлайне же помогают нуждающимся материально лишь 8% респондентов.

Учитывая доминирующую роль онлайн-благотворительности в практиках филантропии зумеров, мы дополнительно поинтересовались, каким образом (с использованием какого онлайн-инструмента или платформы) они чаще всего жертвуют деньги? (рис. 3).

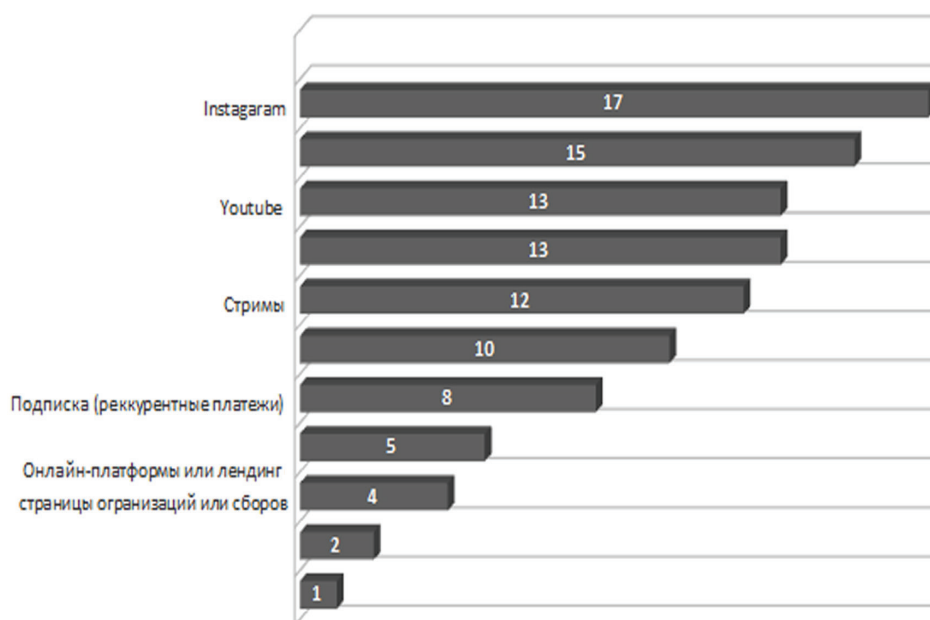

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Каким образом (с использованием какого онлайн-инструмента или платформы) вы чаще всего жертвуете деньги?», %

Социальными сетями-лидерами по числу пожертвований среди опрошенных стали Instagram – 17% и «ВКонтакте» – 15%. В Instagram участники опроса чаще всего помогают людям в частных сборах (на лечение; людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию), но в опросе были упомянуты и благотворительные акции, организованные крупными фондами России, например, акция #побудьсомной Благотворительного фонда Константина Хабенского, направленная на поддержку детей с опухолями головного мозга. Участники опроса рассказали, что смотрели прямой эфир в Instagram с участием медиаперсон (Басты и Zivert) и там же делали пожертвование.

В сети «ВКонтакте» участники опроса упоминали о финансовой поддержке проекта «Поколение М» – крупнейшего в России благотворительного проекта, объединяющего идею развития детского творчества и помощь тяжелобольным детям. Проект «Поколение М» был одним из лидеров упоминаний и среди тех, кто жертвует в TikTok, на платформе был запущен отдельный трек «ТикТокер Поколения М».

С целью узнать мотивацию зумеров для занятия благотворительной деятельностью, мы задали вопрос о побуждающих к ней факторах и получили следующее распределение ответов: «для меня важно сделать доброе дело» – 52%; «в такой ситуации может оказаться каждый, в том числе и я, и будет хорошо, если и мне кто-нибудь поможет» – 23%; «сейчас это довольно широко распространено (у меня есть вдохновляющий пример)» – 18%; «от меня это не требует никаких усилий» – 5%; «по просьбе (приказу) руководства организации, в которой я учусь (работаю)» – 1%; другое – 1% (рис. 4).

Мы провели серию интервью с теми, кто ответил, что их мотивацией является желание сделать доброе дело, для того, чтобы понять, как зумеры выбирают точку приложения своей благотворительной активности.

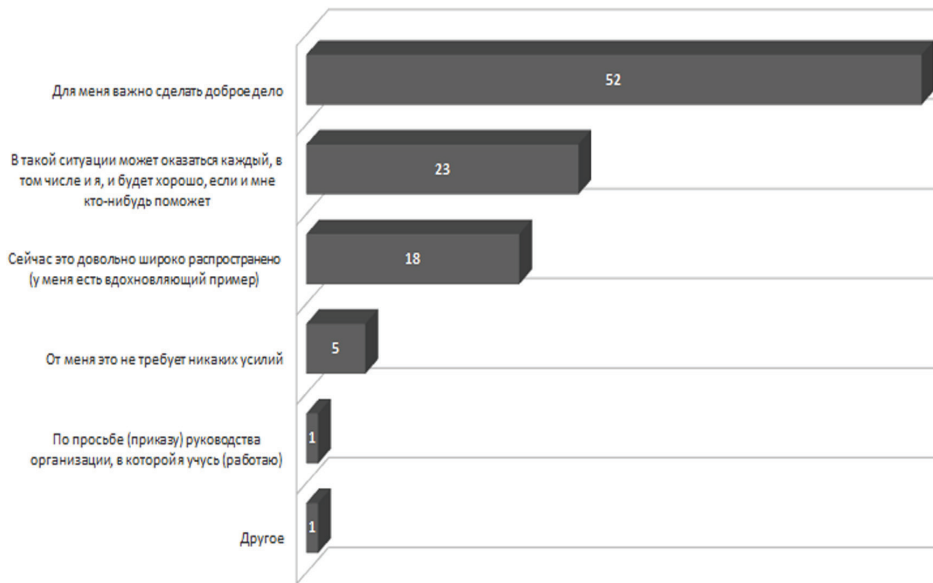

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Почему вы занимаетесь благотворительностью?», %

В интервью многие ссылались не только на желание помочь из чувства сострадания, сочувствия и желание проявить участие в жизни другого, но и говорили об инвестировании в решение социальных проблем, которые волнуют их самих через практики благотворительности.

Среди наиболее актуальных социальных проблем, стимулирующих зумеров к совершению пожертвований в пользу проектов или инициатив, так или иначе направленных на их решение, можно выделить (рис. 5):

- проблемы экологии – 58%. Участники опроса рассказали, что жертвуют средства на проекты по борьбе с загрязнением окружающей среды (35%), поддерживают проекты по раздельному сбору отходов (25%), жертвуют средства на проекты по борьбе с изменением климата (17%), уничтожением памятников природы (15%); часть опрошиваемых упомянула образовательные проекты, направленные на формирование экологического мышления, такие проекты поддерживает 7% (чаще других упоминался проект интерактивного экологического сериала «#Несвалка»), в группе «другие» – 1% (рис. 6);

- проблемы этичного обращения с животными и помощи животным – 22%. Участники опроса жертвуют в поддержку приютов для животных (55%), в поддержку проектов против тестирования косметики на животных (23%), в поддержку инициатив против использования натурального меха (14%), проектов, поддерживающих бездомных городских животных (7%), и др. (1%) (рис. 7);

- проблемы физического и эмоционального насилия – 12%. Опрошиваемые поддерживают проекты по борьбе с домашним насилием (42%), организации (инициативы) по поддержке женщин в кризисных ситуациях (39%), организации по поддержке подростков, подвергшихся буллингу (16%), и др. (3%) (рис. 8);

- проблемы половой и гендерной дискриминации – 6% и др. (2%).

Рис. 5. Группы социальных проблем, стимулирующих зумеров к совершению пожертвований, %

Рис. 6. Детализация групп социальных проблем, стимулирующих зумеров к совершению пожертвований: проблемы экологии, %

Рис. 7. Детализация групп социальных проблем, стимулирующих зумеров к совершению пожертвований: проблемы этичного обращения с животными и помощи животным, %

Рис. 8. Детализация групп социальных проблем, стимулирующих зумеров к совершению пожертвований: проблемы физического и эмоционального насилия, %

В исследовании мы установили, что представители поколения Z ориентируют свои филантропические интересы в сторону проектов с выраженным социальным эффектом. Более того, зумеры ориентируются на реализацию собственных ценностных ориентиров через вовлеченность в практики благотворительности. Выявленные в ряде исследований ценности поколения Z, такие как забота об экологии и стремление к равенству и социальной справедливости, определяют выбор направления волонтерской деятельности и выбор проекта для пожертвований. Выражаясь менее академично, можно сказать, что зумеры приходят в благотворительность не за измеряемой выгодой, а за смыслом (рефлексивным и социальным).

В группе ответивших «В такой ситуации может оказаться каждый, в том числе и я, и будет хорошо, если и мне кто-нибудь поможет» мы наблюдаем реализацию принципа реципрокности (взаимности ожиданий). При проведении интервью мы постарались более глубоко рассмотреть вопрос взаимности ожиданий зумеров в практиках филантропии: в беседе опрашиваемые часто представляли себя на месте адресатов помощи, ссылались на личный опыт похожих пережитых проблем и ситуаций, говорили о том, что в подобной ситуации может оказаться каждый. Это позволяет нам рассматривать данный тип социального поведения зумеров как форму реципрокности ожиданий и ролевой реципрокности.

Из интервью с группой ответивших на вопрос о мотивации «Сейчас это довольно широко распространено (у меня есть вдохновляющий пример)» мы узнали, о ком чаще всего говорят зумеры. Интересно, что роль инфлюенсеров и публичных личностей во влиянии на мотивацию к благотворительной деятельности почти также высока (48%), как и роль личных примеров, опрашиваемых (52%). Среди отечественных медиаперсон опрашиваемые называли исполнителя Моргенштерна (пожертвовал башкирскому фонду помощи несовершеннолетним сиротам «Наши дети» 666 666 рублей); блогера и модель Нику Вайпер (рассказывает о помощи бездомным животным); блогера Надежду Сокирскую (поддерживает образовательные проекты) и др. Среди зарубежных инфлюенсеров опрашиваемые чаще всего называли певицу Билли Айлиш (регулярно высказывается за права животных и веганство); акти-

вистку Грету Тунберг (борец за защиту окружающей среды); блогера Дэвида Добрика (упоминались его акции по поддержке людей во время локдауна из-за эпидемии коронавируса); активистку Малалу Юсафзай (известна борьбой за права женщин на образование); актера Ноя Сентинео (соучредитель благотворительной организации Favored Nations, оказывающей поддержку незащищенным группам населения).

В рамках исследования был рассмотрен вопрос доверия зумеров к благотворительным практикам и организациям, оказывающим благотворительную помощь.

Ответы информантов на вопрос «Верите ли вы, что ваше пожертвование дойдет до адресата и будет использовано по назначению?» распределились следующим образом: да – 82%, не уверен – 12%, нет – 2% (рис. 9).

Дополнительно мы поинтересовались, доверяют ли представители поколения Z благотворительным фондам и организациям, через которые они оказывают благотворительную помощь (уверены ли они, что фонды используют пожертвования в соответствии с заявленными целями?). На этот вопрос мы получили следующее распределение мнений: да – 80%, не уверен – 15%, нет – 1% (рис. 10).

Мы также поинтересовались, проверяют ли зумеры организации, в которые совершают отчисления, и дополнительно поинтересовались, каким образом они чаще всего это делают (рис. 11).

Так, 86% информантов предпочитают проверить фонд прежде, чем оказать помощь, среди наиболее часто встретившихся ответов о формах проверки можно выделить следующие:

- ищу в интернете название фонда и (или) конкретного человека (проект) на его сайте – 36%;
- обращаюсь к материалам в СМИ, статьям, видео, в которых рассказывается об организации и ее руководителе – 25%;
- изучаю официальные профили в социальных сетях самой организации, анализирую активность, читаю комментарии – 19%;
- опираюсь на рекомендации коллег, сотрудников, друзей и близких – 13%;
- проверяю фонд через платформы «Благо.ру», «Добро Mail.ru», «СберВместе», Фонд «Нужна помощь», Фонд президентских грантов и др. – 5%;
- другое – 2% (рис. 12).

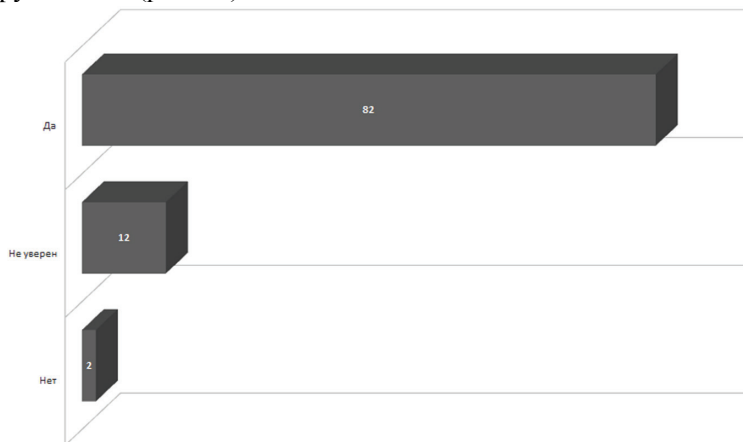

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Верите ли вы, что ваше пожертвование дойдет до адресата и будет использовано по назначению?», %

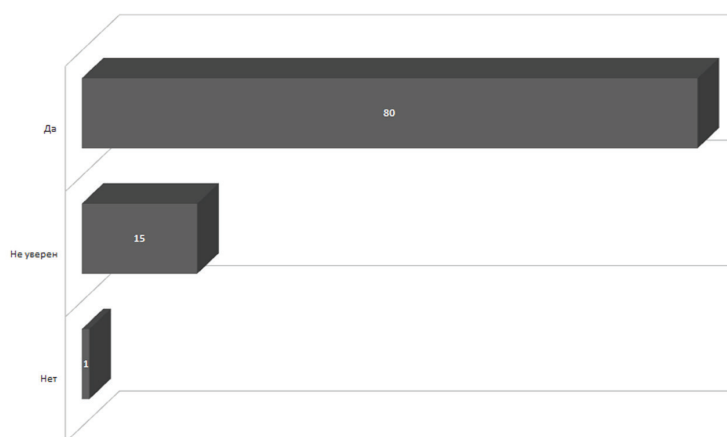

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос «Уверены ли вы, что фонды используют пожертвования в соответствии с заявленными целями?», %

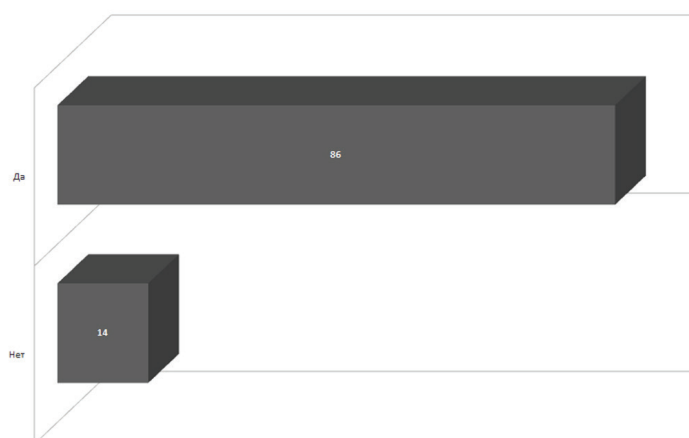

Рис. 11. Распределение ответов на вопрос «Проверяете ли вы организации, в которые совершаете отчисления?», %

Рис. 12. Формы проверки благотворительных организаций, которыми пользуются зумеры, %

Дискуссия, выводы

По результатам проведенного исследования и анализа данных других исследований, касающихся включенности представителей поколения Z в практики филантропии, волонтерство можно называть одним из ценностных трендов поколения Z. Безусловно, предшествующие поколения тоже были включены в волонтерские практики, но волонтерство основывалось на иной мотивации.

У представителей поколения Z волонтерская деятельность является одним из ключевых посылов-ценностей и при этом критерием оценки других: *«если тебе не все равно на тех, кто рядом – ты волонтеришь»* (женщина, студентка, 17 лет), *«каждый может внести маленький вклад в помощь другому, главное – осознанное желание»* (женщина, студентка, 18 лет).

Необходимо обратить внимание, что зумеры активно развивают волонтерство в рамках «теории малых дел». Информанты отмечают, что необязательно реализовывать крупные волонтерские проекты, можно осуществлять небольшую волонтерскую помощь, «работать точечно», помогать людям в своем городе, районе, подъезде и др. Главное с их точки зрения – быть вовлеченным в помощь окружающим.

«Мне вот не менее приятно помочь бабуле-соседке по дому, если я каждый день вижу, как ей тяжело, чем поехать волонтерить на Формуле 1. Да, может быть в Инсту такого не выложить, но приятное чувство у меня от этого не меньше!» (мужчина, студент, 20 лет).

При этом еще одним трендом волонтерства поколения Z действительно является упомянутое информантами участие в сопровождении крупных форумов, спортивных, экономических и политических событиях: Санкт-Петербургский экономический форум, Гайдаровский форум, Универсиада в Красноярске, Формула 1 в Сочи и др. Зумеры отмечают, что они включились в эти события не просто так, они хотят быть в тех местах, где вместе с другими можно сделать значимый вклад в полезное дело. Здесь важно отметить, что для них важен пример «лидеров мнений», включенных в волонтерство и благотворительность, таких как публичные личности, медиаперсоны или люди из числа близких к информантам. *«Хочется быть с теми, кто влияет по-настоящему!»* (мужчина, студент, 19 лет) – еще один тренд в вовлеченности зумеров в волонтерские практики.

Поколению Z интересно не только быть волонтером в жизни, но и получать социальное признание и одобрение за занятие полезным делом. Социальное одобрение подкрепляет самоидентификацию зумеров – «быть полезными», «быть участливыми», «быть хорошими» людьми.

Помимо этого, зумеры отмечают, что волонтерские проекты для них – это способ самореализации и саморазвития, возможности для получения социального и (или) профессионального опыта.

«Есть кое-что, чему не научишься в университете – работа в экстремальных условиях! Когда тебе нужно выйти и сразу переводить, в шуме трибун, ранним утром или поздней ночью! Это не то, что выучил себе спокойно текст за выходные и отвечаешь на паре» (женщина, студентка, 18 лет).

Зумеры отмечают, что волонтерство – это возможность научиться чему-то практическому, апробировать полученные знания, что не всегда возможно в рамках школы или университета.

Конечно, помимо вышеперечисленных причин информанты называли и другие возможности, которые дает волонтерская деятельность: возможности общения с разными людьми; возможности контактировать с лидерами в тех или иных сферах и «лидерами мнений», быть в сообществе; возможности получения приятных бонусов (мерч событий и др.).

Заключение

Сегодня представители поколения Z – самая желанная аудитория не только для создателей контента и ретейлеров, но и для благотворительных организаций по всему миру. Россия – не исключение, именно это и обуславливает выбор темы.

Опираясь на тенденции в поведенческой моде поколения Z в сфере филантропии, выделены два вектора работы с представителями этой поколенческих группы – обращение через медиа и вовлечение в волонтерские практики.

Вовлечение через медиа. Представители поколения Z пользуются онлайн-медиаканалами для осуществления благотворительной деятельности чаще, чем представители любых других поколений, что объясняет, например, сегодняшнюю популярность TikTok как мощной платформы для сбора средств. Акцент на создание пользовательского контента, «новая искренность» платформ TikTok и Instagram, предусматривающая тренд на естественность, отсутствие постановочных фото и фильтров, а также возможность формирования личных связей в рамках платформ повышают мотивацию пользователей для участия в практиках филантропии.

Джо Фишер, президент и генеральный директор RenPSG – ведущего независимого поставщика благотворительных решений – отмечает следующее: сегодня стало очевидно, что использование технологий и социальных сетей для взаимодействия с миром благотворительности является второй натурой для этих поколений [34]. Поколение Z росло вместе с технологиями, а пожертвования на дело или некоммерческую организацию можно было легко щелкнуть или смахнуть с помощью таких платформ, как Venmo, GoFundMe или даже непосредственно в социальных сетях [35, 36].

Популяризация волонтерской деятельности. В исследовании была проверена гипотеза о том, что представителей поколения Z в меньшей степени волнуют налоговые преимущества, статус и другие атрибуты филантропии. Молодые люди включаются в практики благотворительности не из-за измеримой выгоды, а в поисках смысла – движимые желанием почувствовать пользу от собственного дела, желанием помочь тем, кто нуждается в этом, желанием найти единомышленников в социально полезном деле. Было выделено несколько наиболее популярных ценностно-смысловых и мотивационных групп, формирующих направления пожертвований зумеров, включая мотивы самореализации, мотивы улучшения экологической ситуации в своем регионе, мотивы стремления к социальному равенству и справедливости.

Рекомендации

Нами был разработан ряд рекомендаций для благотворительных фондов и некоммерческих организаций, основанных на результатах проведенного исследования и направленных на то, чтобы вовлечь зумеров в реализуемые организациями проекты:

1. Организациям необходимо рассмотреть вероятность участия в российских и международных конкурсах и проектах, в рамках которых возможно представить их вклад и потенциальное влияние на решение той или иной проблемы из спектра актуальных для зумеров социальных проблем. Зумеры склонны следить за общественным признанием успеха той или иной организации, прежде чем принять решение об участии в ее благотворительном проекте.

2. Организациям необходимо переходить к созданию «личных примеров», рассмотреть возможность продемонстрировать то, как лидеры организации или члены, публично ее представляющие, лично участвуют в тех или иных проектах в сфере филантропии. Возможно отражать такую информацию в биографиях «личных примеров», на сайте и в социальных сетях организации. Привлекательным моментом может служить «история успеха» конкретного человека из организации. На встречах с донорами-зумерами и в рамках публичных выступлений представителям организаций необходимо делать акцент на то, как участие в практиках филантропии помогло им в жизни, сформировало и продолжает формировать человека как личность, как успешного человека.

Схематично тренды в филантропическом поведении зумеров и соответствующие им стратегии поведения современных филантропических организаций представлены на рис. 13.

Рис. 13. Тренды в филантропическом поведении зумеров и соответствующие им стратегии поведения современных филантропических организаций

Список источников

1. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 // New York : William Morrow & Company, 1991. 340 p.
2. Fidelity Charitable Giving Report 2021 // Fidelity Charitable. 2021. URL: <https://www.fidelitycharitable.org/content/dam/fc-public/docs/insights/2021-giving-report.pdf> (accessed: 17.12.2021).

3. Суховская Д.Н. Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности : дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2015. 198 с.
4. Dimattio M., Hudacek S. Educating generation Z: Psychosocial dimensions of the clinical learning environment that predict student satisfaction // Nurse Education in Practice. 2020. № 49 (2). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33086139/> (accessed: 12.10.2021).
5. Medina-Delgado B., Alvarado W., Camargo Ariza L. Higher education in the framework of the behavioral economy of generation Z in Colombia // Revista Boletín Redipe. 2021. № 10 (7). P. 262–271.
6. Мифы о «поколении Z» / Н.В. Богачева, Е.В. Сивак ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
7. Aytekin V., Taslibeyaz E. Discovering Turkish Generation-Z in the Context of Educational Technology // Journal of Educational Issues. 2021. Vol. 6, № 2. P. 249–268.
8. Opris I., Nistoran Gogoase D., Costinas S., Ionescu C. Rethinking power engineering education for Generation Z // Computer Applications in Engineering Education. 2020. Vol. 29 (4). URL: https://www.researchgate.net/publication/347407281_Rethinking_power_engineering_education_for_Generation_Z (accessed: 04.10.2021).
9. Donor Pulse Summer Edition: Insights from Enthuse Intelligence. URL: https://enthuse.com/wp-content/uploads/2021/07/Enthuse_Donor_Pulse_Summer_2021.pdf (accessed: 01.12.2021).
10. Boer P., Bordoloi P., Dallmann J., Hengshen L. Generation Z work values: A cross-national analysis // Conference: Cross Cultural Business Conference, 2021. P. 1–10. URL: https://www.researchgate.net/publication/352780767_Generation_Z_work_values_A_cross-national_analysis (accessed: 11.10.2021).
11. Seemiller C., Grace M. Generation Z: Educating and Engaging the Next Generation of Students // About Campus. 2017. Vol. 22 (3). P. 21–26.
12. Farrell W. Generation Z in Thailand / W. Farrell, T. Phungsoonthorn // International Journal of Cross Cultural Management. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/339508604_Generation_Z_in_Thailand (accessed: 04.10.2021).
13. Шишова Н.П. Структура образовательных интересов в юношеском возрасте // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2018. Т. 46, № 4. С. 48–58.
14. Boyle M. Reality Bites Back: To Really Get Gen Z, Look at the Parents // Bloomberg.com. Bloomberg. 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-07-29/how-gen-x-parents-raised-gen-z-kids-different-than-millennials> (accessed: 18.12.2021).
15. Wertz J. How To Win Over Generation Z, Who Hold \$44 Billion Of Buying Power // Forbes Magazine. 2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/jiawertz/2018/10/28/how-to-win-over-generation-z-who-hold-44-billion-of-buying-power/#44c44fd24c13> (accessed: 07.01.2022).
16. Gollihue K. Why Gen Z is Compelled to Do Good Comments [Electronic resource] // Philanthropy Journal. 2019. URL: <https://pj.news.chass.ncsu.edu/2019/03/11/why-gen-z-is-compelled-to-do-good/> (accessed: 6.01.2022).
17. Johnston R. Who Is Generation Z and How Will They Impact the Future of Associations? // Association Adviser. 2018. URL: <https://www.naylor.com/associationadviser/generation-z-future-associations/> (accessed: 28.12.2021).
18. Dimer B. The Statistics You Need to Know If You Work with Gen Z [Electronic resource] // ChurchLeaders. 2018. URL: <https://churchleaders.com/youth/318258-heres-need-know-work-gen-z.html> (accessed: 29.12.2021).
19. Earls A. 10 Traits of Generation Z [Electronic resource] // Facts & Trends. 2017. URL: <https://factsandtrends.net/2017/09/29/10-traits-of-generation-z/> (accessed: 26.12.2021).
20. Connley C. 7 Female Activists under 23 Who Are Changing the World // CNBC. 2018. URL: <https://www.cnbc.com/2018/03/08/these-7-young-female-leaders-are-changing-the-world.html> (accessed: 7.01.2022).
21. Cranley E. These 10 Young Activists Are Trying to Move the Needle on Climate Change, Gun Control, and Other Global Issues // Insider. 2019. URL: <https://www.insider.com/young-activists-climate-change-guns-greta-thunberg-2019-9> (accessed: 10.01.2022).
22. Makarov I. Philanthropy Amidst the Millennials // Thrive Global. 2019. URL: <https://thriveglobal.com/stories/philanthropy-amidst-the-millennials/> (accessed: 09.01.2022).
23. Premack R. Millennials Love Their Brands, Gen Zs Are Terrified of College Debt, and 6 Other Ways Gen Zs and Millennials Are Totally Different // Business Insider. 2018. URL: <https://www.businessinsider.com/gen-zs-habits-different-from-millennials-2018-6> (accessed: 04.01.2022).

24. Robertson S. Generation Z Characteristics & Traits That Explain the Way They Learn // Over 20 Summer Camps. 2018. URL: <https://info.jkcp.com/blog/generation-z-characteristics> (accessed: 20.12.2021).
25. Rovner M. The Next Generation of American Giving: The Charitable Habits of Generation Z, Millennials, Generation X, Baby Boomers, and Matures // The Next Generation of American Giving: The Charitable Habits of Generation Z, Millennials, Generation X, Baby Boomers, and Matures, n.d. 2018. URL: <https://cdn.fedweb.org/fed-115/2/2018-Next-Generation-of-Giving.pdf> (accessed: 25.12.2021).
26. Toporoff R. Generation Z: Who Are They and How Can My Nonprofit Engage with Them? All Blog Posts // DipJar. 2018. URL: <https://www.dipjar.com/blog/generation-z-who-are-they-and-how-can-my-nonprofit-engage-with-them> (accessed: 05.01.2022).
27. Young H. Millennials vs. Gen Z: How Are They Different? // Salesforce Blog. 2019. URL: <https://www.salesforce.com/blog/2017/10/how-millennials-and-gen-z-are-different.html> (accessed: 17.12.2021).
28. Апресян П.Г. Филантропия: милостыня или социальная инженерия? // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 51–60.
29. Кобылкин П.А. Трансформация ценностных установок в отношении молодежи к труду: философский анализ // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 1. С. 35–40.
30. Fidelity Charitable Giving Report 2021 // Fidelity Charitable. 2021. URL: <https://www.fidelitycharitable.org/content/dam/fc-public/docs/insights/2021-giving-report.pdf> (accessed: 17.12.2021).
31. Moody M. Philanthropy's Next Gen Is Starting to Make Big Changes // Dorothy A. Johnson Center for Philanthropy at Grand Valley State University. 2021. URL: <https://johnson-center.org/blog/philanthropys-next-gen-is-starting-to-make-big-changes/> (accessed: 12.12.2021).
32. Евмушкова В.В. Роль поколения Z в цифровизации экономики // Успехи в химии и химической технологии. 2021. Т. 35, № 1 (236). С. 28–30.
33. The Deloitte Global 2021 Millennial and Gen Z Survey. URL: <https://www.deloitte.com/global/en/pages/about-deloitte/articles/millennialsurvey.html> (accessed: 04.12.2021).
34. Engaging the Next Generation of Philanthropists // CCS is a Strategic Fundraising. 2021. URL: <https://ccsfundraising.com/engaging-the-next-generation-of-philanthropists/> (accessed: 17.12.2021).
35. Ermakova L.I., Sukhovskaya D.N. Creative industries and areas as tools of global crisis management // Contributions to Economics. 2017. № 9783319606958. P. 335–340.
36. Ермакова Л.И. Публичный лекторий как форма интеллектуального досуга современного горожанина в креативных пространствах города // Манускрипт. 2018. № 6 (92). С. 80–84.

References

1. Howe, N. & Strauss, W. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company.
2. Fidelity Charitable. (2021) *Fidelity Charitable Giving Report 2021*. [Online] Available from: <https://www.fidelitycharitable.org/content/dam/fc-public/docs/insights/2021-giving-report.pdf> (Accessed: 17th December 2021).
3. Sukhovskaya, D.N. (2015) *Kreativnoe prostranstvo rossiyskikh gorodskikh poseleniy i ego vliyaniye na formirovaniye tsennostnykh orientatsiy lichnosti* [Creative space of Russian urban settlements and its influence on the formation of value orientations of the individual]. Philosophy Cand. Diss. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
4. Dimattio, M. & Hudacek, S. (2020) Educating generation Z: Psychosocial dimensions of the clinical learning environment that predict student satisfaction. *Nurse Education in Practice*. 49(2). [Online] Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33086139/> (Accessed: 12th October 2021).
5. Medina-Delgado, B., Alvarado, W. & Camargo Ariza, L. (2021) Higher education in the framework of the behavioral economy of generation Z in Colombia. *Revista Boletín Redipe*. 10(7). pp. 262–271.
6. Bogacheva, N.V. & Sivak, E.V. (2019) *Mify o "pokolenii Z"* [Myths about "Generation Z"]. Moscow: HSE.
7. Aytekin, V. & Taslibeyaz, E. (2021) Discovering Turkish Generation-Z in the Context of Educational Technology. *Journal of Educational Issues*. 6(2). pp. 249–268.
8. Opris, I., Nistoran Gogoase, D., Costinas, S. & Ionescu, C. (2020) Rethinking power engineering education for Generation Z. *Computer Applications in Engineering Education*. 29(4). [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/347407281_Rethinking_power_engineering_education_for_Generation_Z (Accessed: 4th October 2021).

9. Enthuse.com. (2021) *Donor Pulse Summer Edition: Insights from Enthuse Intelligence*. [Online] Available from: https://enthuse.com/wp-content/uploads/2021/07/Enthuse_Donor_Pulse_Summer_2021.pdf (Accessed: 1st December 2021).
10. Boer, P., Bordoloi, P., Dallmann, J. & Hengshen, L. (2021) Generation Z work values: A cross-national analysis. *Cross Cultural Business Conference*. Proc. of the Conference. pp. 1–10. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/352780767_Generation_Z_work_values_A_cross-national_analysis (Accessed: 11th October 2021).
11. Seemiller, C. & Grace, M. (2017) Generation Z: Educating and Engaging the Next Generation of Students. *About Campus*. 22(3). pp. 21–26.
12. Farrell, W. & Phungsoonthorn, T. (2020) Generation Z in Thailand. *International Journal of Cross Cultural Management*. 20(2). DOI: 10.1177/1470595820904116
13. Shilova, N.P. (2018) Struktura obrazovatel'nykh interesov v yunosheskom vozraste [The structure of youth educational interests]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. 46(4). pp. 48–58.
14. Boyle, M. (2019) *Reality Bites Back: To Really Get Gen Z, Look at the Parents*. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-07-29/how-gen-x-parents-raised-gen-z-kids-different-than-millennials> (Accessed: 18th December 2021).
15. Wertz, J. (2019) *How To Win Over Generation Z, Who Hold \$44 Billion of Buying Power*. [Online] Available from: <https://www.forbes.com/sites/jiawertz/2018/10/28/how-to-win-over-generation-z-who-hold-44-billion-of-buying-power/#44c44fd24c13> (Accessed: 7th January 2022).
16. Gollihue, K. (2019) *Why Gen Z is Compelled to Do Good Comments*. [Online] Available from: <https://pj.news.chass.ncsu.edu/2019/03/11/why-gen-z-is-compelled-to-do-good/> (Accessed: 6th January 2022).
17. Johnston, R. (2018) *Who Is Generation Z and How Will They Impact the Future of Associations?* [Online] Available from: <https://www.naylor.com/associationadviser/generation-z-future-associations/> (Accessed: 28th December 2021)
18. Ditmer, B. (2018) *The Statistics You Need to Know If You Work with Gen Z*. [Online] Available from: <https://churchleaders.com/youth/318258-heres-need-know-work-gen-z.html> (accessed: 29.12.2021).
19. Earls, A. (2017) *10 Traits of Generation Z*. [Online] Available from: <https://factsand Trends.net/2017/09/29/10-traits-of-generation-z/> (Accessed: 26th December 2021).
20. Connley, C. (2018) *7 Female Activists under 23 Who Are Changing the World*. [Online] Available from: <https://www.cnn.com/2018/03/08/these-7-young-female-leaders-are-changing-the-world.html> (Accessed: 7th January 2022).
21. Cranley, E. (2019) *These 10 Young Activists Are Trying to Move the Needle on Climate Change, Gun Control, and Other Global Issues*. [Online] Available from: <https://www.insider.com/young-activists-climate-change-guns-greta-thunberg-2019-9> (Accessed: 10th January 2022).
22. Makarov, I. (2019) *Philanthropy Amidst the Millennials*. [Online] Available from: <https://thriveglobal.com/stories/philanthropy-amidst-the-millennials/> (Accessed: 9th January 2022).
23. Premack, R. (2018) *Millennials Love Their Brands, Gen Zs Are Terrified of College Debt, and 6 Other Ways Gen Zs and Millennials Are Totally Different*. [Online] Available from: <https://www.businessinsider.com/gen-zs-habits-different-from-millennials-2018-6> (Accessed: 4th January 2022).
24. Robertson, S. (2018) *Generation Z Characteristics & Traits That Explain the Way They Learn*. [Online] Available from: <https://info.jkcp.com/blog/generation-z-characteristics> (Accessed: 20th December 2021).
25. Rovner, M. (2018) *The Next Generation of American Giving: The Charitable Habits of Generation Z, Millennials, Generation X, Baby Boomers, and Matures*. [Online] Available from: <https://cdn.fedweb.org/fed-115/2/2018-Next-Generation-of-Giving.pdf> (Accessed: 25th December 2021).
26. Toporoff, R. (2018) *Generation Z: Who Are They and How Can My Nonprofit Engage with Them? All Blog Posts*. [Online] Available from: <https://www.dipjar.com/blog/generation-z-who-are-they-and-how-can-my-nonprofit-engage-with-them> (Accessed: 5th January 2022).
27. Young, H. (2019) *Millennials vs. Gen Z: How Are They Different?* [Online] Available from: <https://www.salesforce.com/blog/2017/10/how-millennials-and-gen-z-are-different.html> (Accessed: 17th December 2021).
28. Apresyan, R.G. (1998) Filantropiya: milostynya ili sotsial'naya inzheneriya? [Philanthropy: charity or social engineering?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 5. pp. 51–60.

29. Kobylkin, R.A. (2019) Transformatsiya tsennostnykh ustanovok v otnoshenii molodezhi k trudu: filosofskiy analiz [Transformation of value attitudes in relation to youth to work: a philosophical analysis]. *Logos et Praxis*. 18(1). pp. 35–40.

30. Fidelity Charitable. (2021) *Fidelity Charitable Giving Report 2021*. [Online] Available from: <https://www.fidelitycharitable.org/content/dam/fc-public/docs/insights/2021-giving-report.pdf> (Accessed: 17th December 2021).

31. Moody, M. (2021) Philanthropy's Next Gen Is Starting to Make Big Changes. In: Johnson, D.A. *Center for Philanthropy at Grand Valley State University*. [Online] Available from: <https://johnsoncenter.org/blog/philanthropys-next-gen-is-starting-to-make-big-changes/> (Accessed: 12th December 2021).

32. Evmushkova, V.V. (2021) The role of generation Z in the digitalization of economy. *Uspekhi v khimii i khimicheskoy tekhnologii*. 35(1). pp. 28–30.

33. Deloitte.com. (2021) *The Deloitte Global 2021 Millennial and Gen Z Survey*. [Online] Available from: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/about-deloitte/articles/millennialsurvey.html> (Accessed: 4th December 2021).

34. Ccsfundraising.com. (2021) *Engaging the Next Generation of Philanthropists*. [Online] Available from: <https://ccsfundraising.com/engaging-the-next-generation-of-philanthropists/> (Accessed: 17th December 2021).

35. Ermakova, L.I. & Sukhovskaya, D.N. (2017) Creative industries and areas as tools of global crisis management. *Contributions to Economics*. 9783319606958. pp. 335–340.

36. Ermakova, L.I. (2018) Public talk as a form of modern urban dwellers' intellectual leisure in creative spaces of the city. *Manuskript – Manuscript*. 6(92). pp. 80–84. (In Russian). DOI: 10.30853/manuskript.2018-6.19

Сведения об авторе:

Суховская Д.Н. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, старший научный сотрудник научно-образовательно-инновационного центра «Ключевые тенденции развития социально-философской мысли: теория и практика» Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия). E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sukhovskaya D.N. – Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2022;
одобрена после рецензирования 07.04.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 19.01.2022;
approved after reviewing 07.04.2022; accepted for publication 04.05.2022*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 32:316.77
doi: 10.17223/1998863X/66/16

ПОСТПОЛИТИЧЕСКИЕ ШТУДИИ И ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ

Олег Александрович Верещагин¹, Наталья Евгеньевна Белова²,
Вера Анатольевна Колосова³

^{1, 2, 3} Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
имени Н.И. Лобачевского, Арзамас, Россия

¹ helgardt@mail.ru

² belovane@yandex.ru

³ vakolosova@gmail.com

Аннотация. Представлена критическая аналитика современной политической онтологии, гносеологии и аксиологии в контексте формирующихся мировоззренческих и ментальных вызовов информационной эпохи. Феномен информационной избыточности оказывается релевантной и комплементарной характеристикой в тех интеллектуальных практиках, которые пытаются дать теоретическое обоснование нынешних тенденций деонтологизации и десакрализации политики.

Ключевые слова: виртуализация, десакрализация, информатизация, медиатизация, политическая онтология, постполитика

Для цитирования: Верещагин О.А., Белова Н.Е., Колосова В.А. Постполитические студии и феномен информационной избыточности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 179–189. doi: 10.17223/1998863X/66/16

POLITICAL SCIENCE

Original article

POST-POLITICAL STUDIES AND THE PHENOMENON OF INFORMATION REDUNDANCY

Oleg A. Vereshchagin¹, Natalya E. Belova², Vera A. Kolosova³

^{1, 2, 3} Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas, Russian Federation

¹ helgardt@mail.ru

² belovane@yandex.ru

³ vakolosova@gmail.com

Abstract. The paper combines several research logics and strategies. First of all, the thesis about forming the mental and ideological foundations of the information and communication paradigm in the modern public consciousness is justified. This research matrix has acquired

an original ideological and epistemological status in the conceptual space of those social philosophic and sociological theories that contain the reflection of qualitative transformations in societal practices and structures of producing social knowledge under the conditions of informatization. According to the authors, the current “post-political agenda” (deontologization being desacralization and profanization of the political) is based on information failures and overloads in political communication systems. The de-hierarchical plural environment of Internet communications provokes the proliferation of information flows, generates quasi-events and toxic information flows, filling gaps in public relations morphology with political phantasms and simulacra. As the analysis shows, the exponential growth of information does not have a positive correlation among the acts of effective interpretation. The amount of information, including social-and-political, is really becoming larger and larger while there are fewer ways and forms of its decryption. The long-term trend and a natural result of the mediatization and virtualization of public policy consists in its “simulacrazation”. The profile of “simulation representation” and the politician’s authority and popularity level are mutually interfaced. The “virtual social capital”, reified in the quantitative parameters of watchability, readability and recitation, becomes a universal measure and a criterion of the social significance of all active actors in political life. The general devaluation and profanization of the political axiosphere, its deliberate declarativeness and fundamental irrelevance to the current post-democratic trends in politics, economics and public life, as it seems, provoke and aggravate further fragmentation and disintegration in the systems of social interaction and communication. The author’s position is revealed in a number of theoretical propositions regarding the impossibility of reducing any generally significant (universal) bases in the construction of authentic images of social reality in the information and communication paradigm.

Keywords: virtualization; desacralization; informatization; mediatization; political ontology; post-politics

For citation: Vereshchagin, O.A., Belova, N.E. & Kolosova, V.A. (2022) Post-political studies and the phenomenon of information redundancy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 179–189. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/

Череда переворотов и трансформаций в гуманитарной культуре Запада (феноменологический, текстуалистский, лингвистический, семиотический и т.п.) продолжается, и указанный процесс, как нам представляется, достигает некоего предела в развитии и самораскрытии своих интеллектуальных интенций и творческих интуиций. Если принять максимум о перерастании лингвистической революции в революцию информационно-коммуникационную, лингвоцентризма [1] в информационизм [2] в роли идеологического обоснования новой социоментальной реальности, то это действительно предел, за которым контуры и очертания вменяемой («воплощенной») социальной картины мира оказываются под вопросом. Информация, понимаемая как сведения о «лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» [3], в ситуации нынешнего катастрофического и неконтролируемого разрастания («триумф информации», «апогей информационной открытости») перестает отвечать такому неперемennomу и обязательному условию, как возможность адекватной переработки и осмысления.

В указанной связи выскажем достаточно спорное предположение относительно невозможности в информационно-коммуникативной парадигме редукции сколько-нибудь общезначимых (универсальных) оснований в построении аутентичных образов социальной реальности.

Любая социальная практика конституируется и генерируется недостаточностью информации, «пробелами в осведомленности», а не переизбытком и заинформированностью, которые создают пелену и завесу «общих мест» и

самоочевидностей в исследуемом предметном кластере. Парадоксально, но сегодняшним социальным мирам в большей степени угрожает не информационная недостаточность и закрытость, а информационная открытость и избыточность. Мы имеем дело с экспоненциальным ростом количества и объемов информации или с «энтропией информационного пространства» [4. С. 115]; ею, собственно говоря, и завершается «нарастание абстрактности духовного освоения человеком мира по линии восхождения от „поэмы к матеме“: мифология-онтология-гносеология-эпистемология-когнитология» [5. С. 25].

Обретение когнитологией статуса метанауки или метапарадигмы, в рамках которой остается лишь способность редуцированности мышления «как видоспецифичного, опосредованного культурой средства или инструмента информационного контроля» [6. С. 11], меняет статус-кво в системе наших общих представлений о соотношении знания и реальности, «слов и вещей», референта и репрезентации. Субстанцией мира теперь становится информация, как нечто более фундаментальное и первичное, поэтому не она «отражает и копирует мир, а мир является ее отражением и кодом» [5. С. 40].

Неконтролируемая экспансия информации приводит к информационным перегрузкам [7] на всех уровнях функционирования современной социальной системы, вплоть до содержательно-процессуальных характеристик акта элементарного социального взаимодействия. Предлагаемые сегодня масштабы и интенсивность коммуницирования провоцируют «хаос в индивидуальных картинах мира, распад знакомых образов и себя, и общества, и природной реальности» [7. С. 4]. Происходит своего рода «заражение» индивидуального от социального», в ситуации, когда само «социальное», не выдержав последствий информационного взрыва, стремительно фрагментируется, индивидуализируется и перевоссоздается вновь. Так называемое индивидуализированное общество [8] – это тип социальности, который характеризуется частичной или полной утратой человеком контроля над наиболее значимыми социальными процессами, высокой долей неопределенности и, как следствие, приходом новой «краткосрочной ментальности на смену долгосрочной» [8. С. 29].

Как нам представляется, господство краткосрочной ментальности есть результат того интеллектуального запаздывания и отставания за событиями, происходящими в истории человечества, которое ряд исследователей уже успело поименовать «фундаментальной инфляцией sapientia» [9].

Рост информации не имеет положительной корреляции в актах эффективной интерпретации. Информации, в том числе общественно-политической информации, действительно становится все больше, а способов и форм ее дешифровки – все меньше. В акте поспрашивания границ, в стратегии «пересечения рвов и засыпания границ» [10] мы оказываемся тотально заинформированы и просвещены элементарной событийностью, оставаясь одновременно критически неосведомленными относительно глубинной сути происходящего.

Собственно говоря, в нынешнем социоментальном контексте, способности установления дистинкции «поверхности и глубины», разграничения реальности и симулякра, обособления оригинала и копии существенно проблематизированы.

Принципиально и подчас безапелляционно актуализирована лишь такая способность социальных институций, прежде всего массмедиа, как производство и обоснование «трансцендентальных иллюзий», более или менее реле-

вантных и когерентных современным практикам наблюдения и восприятия. Согласно Н. Луману, «массмедиа – как наблюдающие системы – вынуждены проводить различие между самореференцией и инореференцией <...> они должны конструировать какую-то реальность, а именно, еще одну реальность, отличную от них самих» [11. С. 14].

Массмедиа (их можно понимать и интерпретировать максимально широко) ежечасно и ежедневно конструируют и воссоздают социальную реальность, реальность деонтологизированную, развоплощенную («перевоплощенную») в медийных образах. Сама эта реальность лишена какой-либо онтологической глубины или метафизической высоты, представляя собой лишь «внутренний коррелят системных операций» [11. С. 16] по наделению и приданию смысла текущей событийности. Таким образом, лишь констатируется и постулируется свершившийся факт медиатизации социального [12] во всех его семантических проекциях и измерениях.

В более умеренной интерпретации, а также с учетом продолжающихся в социальной теории дебатов по содержательной определенности и семантике концепта «медиатизации», можно говорить о принятии посреднической, а иногда и ведущей роли медиа в социальных процессах, об осознании того, что «социальные изменения в определенных (или во всех) областях общества были сформированы средствами массовой информации» [13. Р. 704].

Итак, по нашему мнению, медиатизацию следует адекватно воспринять как непреложный факт социальной реальности и рефлексивно проанализировать как весьма неоднозначный и противоречивый факт той же самой социальной реальности. Как нам представляется, возможно и необходимо подвергнуть обоснованному сомнению сами операциональные и иные когнитивные возможности медийных структур в сфере «sensemaking», а также усомниться как в адекватности воспроизводимых ими «образов реального», так и в степени самостоятельности и автономности самой медийной сферы от других сфер и полей социальной коммуникации. На это важное обстоятельство обращает внимание Луман, говоря о смещении фокуса наблюдения или модуса рефлексии в плоскость «наблюдения второго порядка», когда «общество, передающее свое самонаблюдение в ведение функциональной системы массмедиа, принимает такой способ наблюдения в модусе наблюдения наблюдателей» [11. С. 134].

В первую очередь и прежде всего медиатизация охватывает поля взаимодействия и сферы коммуникации в политической среде как наиболее фундированной повседневной событийностью и квазисобытийностью, эксплуатирующей разного рода стереотипы, мифологизации, симуляции и мистификации. Особенно очевидной эта взаимосвязь и взаимообусловленность медиа и политики становится в современном информационном обществе, обществе информационной плюральности и открытой манипулятивности [14]. Как неоднократно подчеркивал Бурдье, поле журналистики, в силу возрастания своей гетерономности, т.е. возрастания своей вовлеченности и связанности с процессами политико-экономической жизни, с одной стороны, «все больше и больше навязывает свои требования всем остальным и, особенно, полям культурного производства, полю социальных наук, философии и т.п., а также полю политики» [15. С. 130] – с другой стороны. Теряя свою реальную автономность и независимость, «поле журналистики», будучи мак-

симально интегрированным в те или иные социальные институты, начинает парадоксально, но предсказуемо подрывать самостоятельность и суверенность самих этих социальных учреждений. В этом смысле можно и нужно специально говорить о политизации медийности и медиатизации политики, когда «триумф информации убивает политическое сознание масс, сон политического разума рождает политических чудовищ» [16. С. 21].

Современные массмедиа все чаще используются «не как форма социальной рефлексии и практика усовершенствования социальной действительности, а как универсальная технология влияния на общественное сознание и поведение аудитории» [17. С. 134].

С точки зрения дискурсивного подхода, взаимодействие медийного и политического полей раскрывается с помощью понятий «политический медиадискурс» и «символическая политика». Политический медиадискурс трактуется как инструмент создания виртуальной политической реальности, один из ресурсов власти и способов ее легитимации, а суть медиатизации политики усматривается в перемещении политической жизни в символическое пространство средств массовой информации [18. С. 29]. Реальное политическое действие подменяется его имитацией в медийном поле – исключительно медийным конструктом политической реальности [19. С. 15]. В этом контексте феномен легитимности власти рассматривается как такой же конструкт, создаваемый в пространстве политического дискурса, а теоретическая модель легитимности тесно увязывается с дискурсивным полем [20. С. 10].

В рамках гипотезы перехода общества от информационной парадигмы к парадигме коммуникационной, отечественный политолог С.В. Володенков приходит к выводу, что коммуникация «становится принципиально важным условием осуществления любых процессов в сфере публичной политики» [21. С. 290]. Формируемая средствами интернет-коммуникации медиареальность в значительной степени состоит из искусственных симулякров, не имеющих своих прототипов в действительности. В итоге медиатизация и виртуализация публичной политики приводят к ее «симулякризации» [21. С. 296], когда политическая событийность оказывается скреплена химерическими образами и сформирована действиями фантомных персонажей и симулятивных агентов.

В конкурентной борьбе политических медиадискурсов победа достается тем силам, которые «утверждают в качестве доминирующих собственные медиаверсии событий и собственные медиаобразы их участников» [22. С. 68].

В системе массовых политических коммуникаций в настоящее время особую роль играют социальные сети и интернет-сообщества. Присущие их участникам горизонтальные информационно-коммуникационные взаимодействия способны создавать собственный информационный контент и собственные модели политической реальности, а также отличное от формируемого политтехнологами отношение к тем или иным политическим лидерам, явлениям и процессам [21. С. 299–300]. Более того, значительный мобилизационный потенциал сетевых технологий позволяет рассматривать их в качестве «инструмента формирования новой политической субъектности» и «движущей силы социальных и иных революций» [22. С. 74].

Анализ текстуальных аспектов политики проводится в исследованиях политического конструирования реальности. Власть, рассматриваемая в ка-

честве конструктора политической реальности, задает интерпретационные фреймы, формирует представление о самой себе, рedefiniрует реальность и конструирует социально привлекательный образ будущего. В основе текста политически конструируемого будущего лежит мифосхема «хаос–космос» – движение от состояния беспорядка и близости к гибели к спасению и возрождению к новой жизни [23. С. 285–287].

Взаимодействие массмедиа и политических институтов «превращает политику в символический идеологический конструкт», в котором особо важную роль начинают играть разного рода политические церемонии и шоу, символические фигуры и мифологические образы [24. С. 105]. В качестве типичных виртуальных конструкций, создаваемых в медийном поле публичной политики, могут рассматриваться политические имиджи и бренды. Чем привлекательнее такие образы, тем они успешнее и тем дороже ценятся на рынке политических коммуникаций. «Население демократических стран... больше не формирует реальные демократические институты, а выбирает одну из предложенных на политическом рынке виртуальных моделей» демократии [25. С. 69].

Важнейшим ресурсом «симуляционной» стратегии власти и «символической политики» в целом становится эксплуатация образов «актуального прошлого». Правящая элита «предпочитает не касаться „трудного прошлого“ и стремится, насколько это возможно, избегать определенности в оценках тех исторических событий, процессов и фигур, которые вызывают горячие споры в обществе» [26. С. 126–127].

Нынешняя профанизация и демагогизация политики являются одновременно и общим мировоззренческим трендом, и важнейшим инструментом манипулирования коллективным сознанием. В качестве инструментально-технологического средства «цифровая демагогия» упраздняет каноны политической коммуникации, девальвирует стилистические и языковые нормы политики, провоцирует кризис «доверия не просто к фигурам отдельных политиков, но и к институтам власти, СМИ, дискредитирует политическую информацию в целом» [27. С. 43–44].

В указанной связи необходимо специально выделить технологизацию и алгоритмизацию форм и методов осуществления виртуальной публичной политики, основанной на конструировании имитационных политических институтов и процессов, воспроизводстве искусственно создаваемых образов [28. С. 10–11]. Отмечая расширение возможностей для манипулирования общественным мнением и управления политической активностью в условиях формирования «культуры политического развлечения», отечественный политолог А.И. Соловьев вместе с тем полагает, что стереотипы развлекательной культуры «популяризируют нормы политического участия, сокращая дистанцию между человеком и властью», а свойственный ей стиль современного информирования и коммуникации дает «современным поколениям возможность адаптироваться к политическим трансформациям» и формирует основы политической культуры будущего с характерным для нее оптимистичным, но более упрощенным взглядом на политику [29. С. 8–9].

Описываемые трансформации в сфере политического, будь то «медиатизация» политики, и коррелятивные ей категории «виртуализации», «деонтологизации» политической сферы, не имеют пока общепринятого и общезна-

чимого денотата. Есть попытки охарактеризовать современное состояние политосферы как некую прогнозируемую смерть («смерть политики») или постполитику. По утверждению А. Дугина, постполитика приходит на смену традиционной политике «через пролиферацию гносеосимуляционных потоков, через наращивание интенсивности, жара и объема информации» [30. С. 644], т.е. посредством зримой утраты государством контроля над производством и обоснованием как социальной информации, так и механизмов и инструментов воспроизводства символической власти в целом.

Указанная дисфункциональность государства и аффилированных с ним публично-правовых институций ожидаемо влечет за собой сбои в практиках формирования легитимной социальной идентичности. Как неоднократно подчеркивал Бурдье, традиционные представления о государстве как производителе инструментов построения социальной реальности позволяли ему «насаждать когнитивные и оценочные структуры», а «значит и учреждать консенсус о смысле мира» [31. С. 326], т.е., собственно говоря, регулировать и координировать не только и не столько физические действия граждан, сколько определять степень лояльности и конформности их когнитивного поведения. Однако в постполитическом состоянии, когда происходит «информатизация как парадигмальный переход политики в информационное русло» [9], все нити контроля переходят в руки медиакратии, которая сама по себе является символом оторванности и отстраненности современного политического инфобытия от реальности и от тех смысловых коррелятов (бытийное, сакральное, субстанциальное, метафизическое и т.п.), которые ее фактически олицетворяли.

Напомним, что в канонической версии теории информации предполагалось, что информация «как устраненная неопределенность» снижает стохастичность системы и «позволяет сделать правильный выбор из нескольких вариантов... нарушает равновесие системы и уменьшает энтропию... заставляет систему работать, вызывает в ней изменения» [32. С. 9]. Однако то, что мы наблюдаем в реальности, заставляет нас усомниться в действенности и эффективности существующих методов и способов генерирования, обработки и передачи информации, которая все больше выходит из-под контроля, приводя к зримым и осязаемым информационным перегрузкам в системах социальной коммуникации.

Сегодняшняя информационная свобода, информационная открытость и демократичность, как правило, оборачиваются лишь ростом популизма и соразмерным понижением общего уровня политической культуры. Поэтому если на семантической поверхности, в нескончаемой череде инфоповодов и ощущается некий динамизм и изменчивость, в действительности же имеет место «стагнация в деградации», нескончаемая неопределенная рециркуляция отживших политических форм и структур.

То, что мы наблюдаем в политической сфере, можно было бы назвать заключительной фазой «десакрализации» политического, девальвацией всех ее ценностных регулятивов и принципов в обмирщенной и «демократизированной» информационной среде. Неминуемая угроза распада и всеобщей дезинтеграции социального будет предполагаемым исходом нынешней общественно-политической драмы. Единственным же эффективным средством преодоления и выхода из нее, как нам представляется, может стать частичная

ресаκραлизация политико-духовной жизни общества, когда базовые и фундаментальные принципы воспринимаются не в качестве конвенционального компромисса в политической игре, а в формате «политического а priori» универсальных ценностей и норм. Таким образом, можно просто говорить о возрождении коллективной веры в государство, которое по своим онтополитическим чертам и характеристикам всегда представляло собой «иллюзорную, но коллективно подкрепляемую консенсусом реальию» [31. С. 62], реальию, которая была явлена общественному сознанию изначально как «теологическая сущность, т.е. то, что существует благодаря вере» [31. С. 63].

Список источников

1. *The linguistic turn. Recent essays in philosophical method* / ed. by R.M. Rorty. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1992. 407 p.
2. Webster F. *Theories of the Information Society*. 4th ed. Oxford : Routledge, 2014. 416 p.
3. *Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»* (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 16.08.2021).
4. Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей // Социологические исследования. 2005. № 5 (253). С. 114–121.
5. Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб. : Алетейя, 2015. 312 с.
6. Меркулов И.П. Когнитивные способности. М. : Ин-т философии РАН, 2005. 179 с.
7. Игнатъев В.И. Информационная перегрузка социальной системы и ее социальные последствия // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 3–12.
8. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 390 с.
9. Дугин А. Чем больше мы знаем, тем меньше понимаем. URL: https://zavtra.ru/blogs/chem_bol_she_mi_znaem_tem_men_she_ponimaem (дата обращения: 16.08.2021).
10. Фидлер Л. Пересекайте рвы, засыпайте границы // Современная западная культурология: самоубийство дискурса. М. : Мысль, 1993. С. 462–518.
11. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2005. 256 с.
12. Asp K. Mediatization: Rethinking the Question of Media Power // Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science. Vol. 21. Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. P. 349–373.
13. Livingstone S., Lunt P. Mediatization: an emerging paradigm for media and communication studies // Mediatization of Communication / ed. K. Lundby. Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. P. 703–724.
14. Маслова А.А. Политическое манипулирование в информационном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7, ч. 2. С. 103–105.
15. Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой ; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М. : Фонд науч. исследований «Прагматика культуры», Ин-т эксперим. социологии, 2002. 160 с.
16. Щипков А.А. Феномен лингвополитического и реальная политика // Армия и общество. 2014. № 6 (43). С. 18–21.
17. Лабуш Н.С., Пуя А.С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2019. 340 с.
18. Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. 272 с.
19. Воинова Е.А. Медиатизация политики как феномен новой информационной культуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
20. Воробьева Ю.И. Политический медиадискурс и легитимность власти : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 26 с.
21. Володенков С.В. Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск. С. 290–305.
22. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 65–77.

23. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285–299.
24. Пименов Н.П. Концепты новых форм политической коммуникации в современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 105–111.
25. Володенков С.В. Особенности виртуализации современной публичной политики в России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2011. № 4. С. 68–74.
26. Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 114–130.
27. Агрба Л.А. Цифровая демагогия, или Политический дискурс нового времени // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 38–48.
28. Аюпов М. Политический процесс в современной России: реальная политика или эффективные PR-технологии // Власть. 2010. № 12. С. 10–13.
29. Соловьев А.И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 6–17.
30. Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское Движение, 2009. 744 с.
31. Бурдьё П. О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и П. Кушнareвой; предисл. А. Бикбова. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
32. Быков А.Ю. К вопросу о понятии «информация» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 2 (57). С. 6–10.

References

1. Rorty, R.M. (1992) *The Linguistic Turn. Recent Essays in Philosophical Method*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
2. Webster, F. (2014) *Theories of the Information Society*. 4th ed. Oxford: Routledge.
3. Russia. (2006) *Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii" (s izmeneniyami i dopolneniyami)* [Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, "On Information, Information Technologies and Information Protection" (with amendments and additions)]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/12148555/> (Accessed: 16th August 2021).
4. Elyakov, A.D. (2005) Informatsionnaya peregruzka lyudey [Information overload of people]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5(253). pp. 114–121.
5. Kutyrev, V.A. (2015) *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya* [The Last Kiss. Human Being as Tradition]. St. Petersburg: Aleteyya.
6. Merkulov, I.P. (2005) *Kognitivnye sposobnosti* [Cognitive Abilities]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
7. Ignatiev, V.I. (2017) Informatsionnaya peregruzka sotsial'noy sistemy i ee sotsial'nye posledstviya [Information overload of the social system and its social consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 3–12.
8. Bauman, Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Translated from English. Moscow: Logos.
9. Dugin, A. (n.d.) *Chem bol'she my znaem, tem men'she ponimaem* [The more we know, the less we understand]. [Online] Available from: https://zavtra.ru/blogs/_chem_bol_she_mi_znaem_tem_men_she_ponimaem (Accessed: 16th August 2021).
10. Fidler, L. (1993) *Peresekayte rvy, zasypayte granitsy* [Cross the ditches, fill in the borders]. In: *Sovremennaya zapadnaya kul'turologiya: samoubiystvo diskursa* [Modern Western Cultural Studies: The Suicide of Discourse]. Moscow: Mysl'. pp. 462–518.
11. Luhman, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The reality of mass media]. Translated from German by A.Yu. Antonovsky. Moscow: Praksis.
12. Asp, K. (2014) Mediatization: Rethinking the Question of Media Power. In: *Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science*. Vol. 21. Berlin: De Gruyter Mouton. pp. 349–373.
13. Livingstone, S. & Lunt, P. (2014) Mediatization: an emerging paradigm for media and communication studies. In: Lundby, K. (ed.) *Mediatization of Communication*. Berlin: De Gruyter Mouton. pp. 703–724.

14. Maslova, A.A. (2015) Political manipulation in informational society. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 7(2). pp. 103–105. (In Russian).
15. Bourdieu, P. (2002) *O televidenii i zhurnalistike* [On television and journalism]. Translated from French by T. Anisimova, Yu. Markova. Moscow: Pragmatika kul'tury, Institute for Experimental Sociology.
16. Shchipkov, A.A. (2014) Fenomen lingvopoliticheskogo i real'naya politika [The Phenomenon of Linguopolitical and Real Politics]. *Armiya i obshchestvo.* 6(43). pp. 18–21.
17. Labush, N.S. & Puyu, A.S. (2019) *Mediatizatsiya ekstremal'nykh form politicheskogo protsessa: voyna, revolyutsiya, terrorizm* [Mediatization of extreme forms of the political process: war, revolution, terrorism]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
18. Zasursky, I.I. (1999) *Mass-media Vtoroy respubliki* [Mass media of the Second Republic]. Moscow: Moscow State University.
19. Voinova, E.A. (2006) *Mediatizatsiya politiki kak fenomen novoy informatsionnoy kul'tury* [Mediatization of politics as a phenomenon of a new information culture]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
20. Vorobieva, Yu.I. (2013) *Politicheskii mediadiskurs i legitimnost' vlasti* [Political media discourse and the legitimacy of power]. Abstract of Politology Cand. Diss. Moscow.
21. Volodenkov, S.V. (2017) Sotsial'nye media kak instrument sovremennoy publichnoy politiki: osobennosti i perspektivy primeneniya [Social media as an instrument of modern public policy: features and prospects of application]. In: Artamonova, Yu.D., Demchuk, A.L. & Osadchenko, Z.N. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. Special Issue. Moscow: Agentstvo nauchnykh izdaniy. pp. 290–305.
22. Rusakova, O.F. & Gribovod, E.G. (2014) Politicheskii mediadiskurs i mediatizatsiya politiki kak kontsepty politicheskoy kommunikativistiki [Political media discourse and mediatization of politics as concepts of political communication studies]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk.* 14(4). pp. 65–77.
23. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2020) Political Construction of the Image of the Future. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 56. pp. 285–299. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/56/25
24. Pimenov, N.P. (2015) Kontsepty novykh form politicheskoy kommunikatsii v sovremennoy Rossii [Concepts of new forms of political communication in modern Russia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”.* 11. pp. 105–111.
25. Volodenkov, S.V. (2011) Osobennosti virtualizatsii sovremennoy publichnoy politiki v Rossii [Virtualization of modern public policy in Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya – RUDN Journal of Political Science.* 4. pp. 68–74.
26. Malinova, O.Yu. (2013) The Problem of Politically Suitable Past and Evolution of Official Symbolic Politics in the Post-Soviet Russia. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy – The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research.* 1. pp. 114–130. (In Russian).
27. Agrba, L.A. (2019) Tsifrovaya demagogiya, ili Politicheskii diskurs novogo vremeni [Digital Demagogy, or Political Discourse of the New Time]. *Politicheskaya lingvistika.* 2(74). pp. 38–48.
28. Ayupov, M. (2010) Politicheskii protsess v sovremennoy Rossii: real'naya politika ili effektivnye PR-tehnologii [Political process in modern Russia: real politics or effective PR-technologies]. *Vlast' – The Authority.* 12. pp. 10–13.
29. Soloviev, A.I. (2002) Kommunikatsiya i kul'tura: protivorechiya polya politiki [Communication and culture: contradictions in the field of politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies.* 6. pp. 6–17.
30. Dugin, A. (2009) *Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli* [Postphilosophy. Three Paradigms in the History of Thought]. Moscow: Evraziyskoe Dvizhenie.
31. Bourdieu, P. (2016) *O gosudarstve: Kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989–1992)* [On the State: Lectures at the College de France (1989–1992)]. Translated from French by D. Kralechkin, P. Kushnareva. Moscow: Delo, RANEPa.
32. Bykov, A.Yu. (2006) K voprosu o ponyatii “informatsiya” [On the concept of “information”]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki.* 2(57). pp. 6–10.

Сведения об авторах:

Верещагин О.А. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия). E-mail: helgardt@mail.ru

Белова Н.Е. – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия). E-mail: belovane@yandex.ru

Колосова В.А. – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия). E-mail: vakolosova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vereshchagin O.A. – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas, Russian Federation). E-mail: helgardt@mail.ru

Belova N.E. – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas, Russian Federation). E-mail: belovane@yandex.ru

Kolosova V.A. – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas, Russian Federation). E-mail: vakolosova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.10.2021;
одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 22.10.2021;
approved after reviewing 30.03.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья
УДК 323.21
doi: 10.17223/1998863X/66/17

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Елена Сергеевна Снегирева¹, Валентин Иванович Селютин²

^{1, 2} Воронежский институт экономики и социального управления, Воронеж, Россия

¹ alenska18@bk.ru

² viesm@yml.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности и проблемы формирования и развития гражданского общества, на региональном уровне выявляются особенности взаимодействия структур региональной власти и гражданского общества. Внимание акцентируется на формировании гражданского общества в условиях политической трансформации на территории Воронежской области и связанных с этим институциональных изменениях в его структур. Делается вывод, что институты гражданского общества практически сформированы, показывая высокий адаптационный потенциал и мобилизационный ресурс.

Ключевые слова: гражданское общество, регион, региональное гражданское общество, политическая трансформация

Для цитирования: Снегирева Е.С., Селютин В.И. Гражданское общество в условиях политической региональной трансформации: на примере Воронежской области // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 190–197. doi: 10.17223/1998863X/66/17

Original article

CIVIL SOCIETY IN THE CONTEXT OF POLITICAL REGIONAL TRANSFORMATION: THE EXAMPLE OF THE VORONEZH REGION

Elena S. Snegireva¹, Valentin I. Selyutin²

^{1, 2} Voronezh Institute of Economics and Social Management, Voronezh, Russian Federation

¹ alenska18d@bk.ru

² viesm@yml.ru

Abstract. The article discusses the features and problems of the formation and development of civil society at the regional level, and reveals features of the interaction between the structures of regional power and civil society. The authors aim to analyze the formation of civil society in the conditions of political transformation in Voronezh Oblast and related institutional changes in its structure. To identify the features of a regional civil society, the system of relations between the government and civil society, the authors focus on the formation and development of civil practices of real participation of the population in the public sector. In the conditions of Voronezh Oblast, civil society is presented as a specific economic, social and cultural space in which a certain balance of various (individual and group, communication and informal) interests is achieved, and these interests are implemented within the

framework of diverse non-political forms of social collective life. This process at the regional level has become a natural continuation of the all-Russian processes. In the region, its institutional prerequisites have been actively developing and still are developing: the legal field, the relationship between society and the authorities are significantly expanding, the conditions for the implementation of political and civil liberties are being improved. The analysis highlights the features of the development of civil society in the region: the necessary legal framework that allows creating conditions for the formation of civil society institutions, involving the population in management and independent resolution of issues of local importance; direct activity of the population; the creation of public chambers both in Voronezh Oblast and in municipal districts as “dialogue platforms” between the authorities and public organizations; creation of territorial public self-government. In conclusion, the authors state that the institutions of civil society in Voronezh Oblast are practically formed, showing a high adaptive potential and mobilization resource. The prospect of development of a regional civil society is at the root of the population based on national identity and cultural diversity, on a system of human resources and spiritual achievements of society, taking into account all regional characteristics.

Keywords: civil society; region; regional civil society; political transformation

For citation: Snegireva, E.S. & Selyutin, V.I. (2022) Civil society in the context of political regional transformation: the example of the Voronezh region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 190–197. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/17

Формирование гражданского общества – процесс длительный, который во многом затрагивает все структуры общества и государства в целом. Понятие «гражданское общество», в том числе и в условиях российских регионов, стало одним из ключевых, поскольку оно затрагивает, прежде всего, «человеческий фактор» социально-политической жизни, повышение роли гражданина во всех сферах жизнедеятельности.

Цель данной статьи – изучение некоторых особенностей формирования гражданского общества в условиях политической трансформации на территории Воронежской области и связанных с этим институциональных изменений в структурировании гражданского общества. Решая исследовательскую задачу выявления особенностей регионального гражданского общества, систему отношений между властью и гражданским обществом, остановимся на формировании и развитии гражданских практик реального участия населения в общественном секторе. Тем более, что Воронежский институт экономики и социального управления на протяжении уже более 20 лет занимается изучением данной проблемы.

В условиях Воронежской области гражданское общество представляется в виде специфического, экономического, социального и культурного пространства, в котором достигается определенный баланс различных (индивидуальных и групповых, коммуникационных и неформальных) интересов, происходит их реализация в рамках многообразных неполитических форм общественной коллективной жизни. Этот процесс на региональном уровне стал закономерным продолжением общероссийских процессов. В регионе активно складывались и складываются его институциональные предпосылки: значительно расширяется правовое поле, взаимоотношения между обществом и властью, совершенствуются условия для реализации политических и гражданских свобод. Важно отметить, что формируется современный тип личности, характеризующийся общественной оживленностью, активностью и самостоятельностью. В области объективно сформировалась многоукладная

экономика, утвердились элементы многопартийности, появилось значительное количество самостоятельных организаций населения, структурировались региональные средства массовой информации. Четко прослеживается автономия общества от государственных региональных структур, появились уже устоявшиеся элементы экономического, политического, социального и культурного плюрализма.

Данные выводы нами сделаны на основе многочисленных социологических исследований, проведенных в период с 2004 по 2020 г.

Так, с 2004 г. Воронежский институт экономики и социального управления проводил ежегодное изучение общественного мнения по различным направлениям, а с 2014 по 2020 г. – специальные исследования, связанные с подготовкой доклада для Общественной палаты Воронежской области «О состоянии и развитии гражданского общества в Воронежской области».

Следует отметить выявленное в ходе опросов одно важное обстоятельство: если в 2004 г. 28% респондентов в области ответили, что им знакомо понятие «гражданское общество», то в 2020 г. количество данных респондентов выросло до 64%. С нашей точки зрения, причин здесь несколько.

Прежде всего, в регионе чуть раньше общефедеральных тенденций начала формироваться необходимая правовая база, позволяющая создать условия для становления институтов гражданского общества, привлечения населения к управлению и самостоятельному решению вопросов местного значения. В этом контексте успешно работают областные законы: «Об Общественной палате Воронежской области» [1], «О порядке осуществления гражданской инициативы в Воронежской области» [2], «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий» [3], «О народном обсуждении проектов нормативных правовых актов Воронежской области и важнейших вопросов социально-экономического развития» [4], «О государственной (областной) поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций» [5] и др. Здесь же следует отметить реализацию государственной программы Воронежской области «Социальная поддержка граждан» [6] и подпрограммы «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». Все это в значительной степени способствует общественной инициативе, находит поддержку и развитие. Здесь можно сказать словами респондентов, что «по крайней мере, инициатива снизу имеет все возможности для обсуждения, поддержки и практической реализации».

Гражданское общество имеет свое конкретное выражение. Оно, как известно, начинается с отдельного индивида и малых объединений жителей. Насколько гражданам комфортно участвовать в политической, социальной и общественной среде – важнейший критерий гражданского общества. И в этом отношении обозначенные правовые акты, направленные на поддержку общественной инициативы, безусловно, оказали положительное влияние на становление институтов гражданского общества.

Еще одной особенностью региональных процессов становления гражданского общества в Воронежской области является непосредственная активность населения. Причем, начиная с постсоветских условий, данная активность проявляется в трех измерениях или формах: индифферентной (созерцательной), активной (созидательной) и протестной.

Число граждан, считающих, что от их непосредственного участия зависит решение вопросов местного значения и реализация социально значимых областных проектов, постепенно увеличивается. Необходимо отметить еще одну важную составляющую этого процесса – создание органами государственной власти и местного самоуправления условий для конструктивного взаимодействия со всеми структурами гражданского общества по реализации значимых инициатив населения. По оценкам представителей некоммерческих организаций (НКО), положительную поддержку инициатив со стороны власти в 2001 г. отмечали 19%, в 2020 г. уже 56%.

При этом следует отметить – все стороны в основном удовлетворены ситуацией, сложившейся во взаимоотношениях. Органы государственной власти и органы местного самоуправления действуют по определенной системе, которая в большей степени принимается основными участниками различных структур гражданского общества. Данная модель активно проявляется в следующих направлениях [7]:

- систематическое информирование общественности по всем областям деятельности власти;
- объяснение и нивелирование многих нерешаемых проблем;
- организация обратной связи, а именно: приемные губернатора, депутатов, глав районных администраций, партийных и крупных общественных структур;
- стимулирование общественной активности системой грантов;
- привлечение коммерческих структур к участию в социально значимых программах.

Одной из форм привлечения населения к решению местных проблем становятся структуры территориального общественного самоуправления (ТОСы).

«ТОСам в области предоставлен значительный объем прав, даже предусмотрена возможность создания объектов коммунально-бытовой и социально-культурной сферы. Традиционно структуры территориального общественного самоуправления занимаются организацией тематических встреч, работают с детьми и подростками, проведением праздников улиц и сел, осуществлением общественного контроля, лоббированием интересов своих территорий, предварительным обсуждением законодательных инициатив, касающихся обустройства и развития их места жительства» [8. С. 9].

Круг деятельности ТОСов постоянно расширяется. К культурным, спортивным мероприятиям, контролю за деятельностью ЖКХ и управляющих компаний повсеместно добавляются экологический контроль, волонтерские движения, помощь вынужденным беженцам и переселенцам с Донбасса, местный туризм, сохранение исторического и культурного наследия, народных традиций и промыслов.

Активно используется система грантовой поддержки в Воронежской области при работе со структурами территориального общественного самоуправления. В регионе более 2,5 тыс. ТОСов, в них вовлечено более полу-миллиона человек, реализовано на практике свыше 2,5 тыс. проектов. Из областного бюджета на их поддержку было выделено 710 млн руб. Как пример в этом отношении выступает Ресурсный центр НКО Воронежской области, который был создан правительством Воронежской области с целью поддержки социально ориентированных НКО, местных сообществ, гражданских

активистов по самым различным вопросам. Только по итогам 2021 г. Центр взаимодействовал с более 400 НКО, из них более 200 вовлек в свои проекты. В целях поддержки и распространения общественных инициатив с 2014 г. Центр реализует проект «Премия общественно-государственного признания „Добронежец“», где уже в 2021 г. стало представление свыше 300 социальных практик, реализуемых активистами, бизнесом и сообществами (в ряде случаев совместно с органами власти), а также формирование банка данных социальных идей с мест для дальнейшего плодотворного сотрудничества. Отличительной чертой проекта является возможность видеть прямые трансляции защит проектов на канале Воронежского общественного телевидения «ВОТ!» на YouTube и дальнейшее представление практик в СМИ.

Одним из сложнейших факторов, влияющих на развитие гражданского общества, является не только поддержка инициатив общественности или конкретного человека, но и оптимизация данных проектов. И в этом отношении в Воронежской области особое место занимает Общественная палата Воронежской области. Она была создана в 2000 г., и в ее состав вошли более 300 организаций с целью создания своеобразной переговорной площадки между властью и общественными организациями для решения вполне конкретных задач:

- проводить экспертизу проектов законов и иных правовых актов органов госвласти, связанных с социально значимыми проблемами;
- обеспечивать контроль за тем, чтобы любые гражданские инициативы не были, как говорится, «замечены» в бюрократической круговерти;
- стать активным инструментом в борьбе с таким явлением, как коррупция, противостоять непрофессионализму и равнодушию чиновников.

Поэтому в 2010 г. была завершена процедура нового формирования Общественной палаты на 5 лет по новой системе: 20 представителей назначает губернатор, 20 – областная Дума, 20 представителей идут от общественных организаций.

В апреле 2020 г. начал работу четвертый созыв Общественной палаты, став конкретным центром активизации большинства общественных инициатив в регионе, в том числе ежегодных докладов губернатору, правительству, депутатам областной Думы «О состоянии и развитии гражданского общества в Воронежской области». И здесь крайне важно, что в каждом докладе анализируются [9]:

- социальное самочувствие населения, которое определяется уровнем и качеством жизни, деятельностью, степенью медицинского обслуживания, комфортностью и удовлетворением условиями проживания и целым рядом других сопутствующих условий;
- осуществление принципа социальной справедливости в региональном сообществе, определенное социальное равенство (оценки в различиях уровня дохода), равная ответственность каждого жителя перед законом, равные возможности получения образования, доступность медицинской, социальной и другой помощи.

С 2009 г. в области начали создаваться Общественные палаты в муниципальных районах. В 2021 г. соцопрос показал, что общественные палаты муниципальных районов наиболее активны в решении следующих проблем:

- 62% – благоустройство территорий проживания;

- 31% – реализация мониторингов и контроля в ходе выборов, реализация национальных проектов, Единого государственного экзамена;
- 28% – организаторская помощь, в том числе волонтерская, медицинская, диалоговая и др. [10].

Абсолютное большинство из отмеченных задач отражает общественный запрос на решение наиболее волнующих население проблем в сегодняшних условиях.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности формирования гражданского общества в условиях одного региона, мы можем заключить, что в Воронежской области институты гражданского общества практически сформированы. Они показали весьма высокий адаптационный потенциал и мобилизационный ресурс, помогали обществу пережить очень непростые периоды. Однако на практике еще недостаточно полно реализуются основные критерии гражданского общества. Прежде всего, граждане не готовы в достаточной мере проявлять общественную активность. Это связано с прочными этатистскими традициями, низким уровнем гражданской культуры, длительным отчуждением населения от власти, психологией социального иждивенчества. Политические партии не стали посредниками между властью и населением, а НКО не стали массовыми, влиятельными и структурно представленными. Что касается средств массовой информации, то они зависимы от госструктур, поэтому не реализуют право граждан на получение полной и достоверной информации, не являются инструментом достижения общественного консенсуса. Профсоюзы, другие общественные структуры недостаточно представляют и защищают интересы наемных работников, а также не обеспечивают согласование их интересов. Местное самоуправление финансово остается несамостоятельным и не в полной мере содействует общественной активности населения.

В заключении мы приведем некоторые выводы, вытекающие из методологических подходов, обозначенных в начале работы.

Региональное формирование гражданского общества не есть какой-либо особенный процесс, оно представляет собой проявление сущности целостного состояния всего российского общества. В связи с этим изучение данных проблем, в том числе и подготовка докладов во всех субъектах РФ общественными палатами, должно проходить по определенным однотипным стандартам и критериям, что даст возможности определить и существенные особенности развития гражданского общества в разных регионах.

Однако нам надо отказаться от унификации гражданских институтов по американско-европейским образцам. И на примере Воронежской области мы видим разнообразие социокультурного и политического опыта. Причем большинство структур гражданского общества имеют свои традиционные основы жизнесуществования. Перспектива развития гражданского общества – в корневой основе населения с опорой на национальную самобытность и культурное многообразие, на систему человеческих ресурсов и духовных достижений социума с учетом всех региональных особенностей.

Список источников

1. Об Общественной палате Воронежской области и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов Воронежской области: Закон Воронежской области от 16 де-

кабря 2016 года № 169-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444925009> (дата обращения: 09.03.2022).

2. *О порядке осуществления гражданской инициативы в Воронежской области*: Закон Воронежской области от 27 июня 2007 года № 85-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819014988> (дата обращения: 09.03.2022).

3. *О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий*: Закон Воронежской области от 17 декабря 2012 года № 160-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469703110> (дата обращения: 09.03.2022).

4. *О народном обсуждении проектов нормативных правовых актов Воронежской области и важнейших вопросов социально-экономического развития Воронежской области*: Закон Воронежской области от 27 ноября 2008 года № 120-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819081718> (дата обращения: 09.03.2022).

5. *О государственной (областной) поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Воронежской области*: Закон Воронежской области от 06 октября 2011 года № 134-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469702363> (дата обращения: 09.03.2022).

6. *Об утверждении государственной программы Воронежской области «Социальная поддержка граждан»*: Постановление Правительства Воронежской области от 31 декабря 2013 года № 1187. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460270726> (дата обращения: 09.03.2022).

7. *Доклад о состоянии гражданского общества в Воронежской области за 2019 год*. Воронеж: Общественная палата Воронежской области, 2019. 56 с.

8. Гордеев А.В. Обеспечение эффективного взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления Воронежской области // *Власть*. 2016. Т. 24, № 3. С. 7–11.

9. Агибалов Ю.В., Селютин В.И., Снегирева Е.С. Актуальные проблемы становления и развития регионального гражданского общества (в вопросах и ответах). Воронеж : Научная книга, 2021. 148 с.

10. *Доклад о состоянии гражданского общества в Воронежской области за 2021 год*. Воронеж : Общественная палата Воронежской области, 2021. 105 с.

References

1. Russia. (2016) *Ob Obshchestvennoy palate Voronezhskoy oblasti i o priznanii utrativshimi silu otdel'nykh zakonodatel'nykh aktov Voronezhskoy oblasti: Zakon Voronezhskoy oblasti ot 16 dekabrya 2016 goda № 169-OZ* [On the Civic Chamber of the Voronezh Region and on the invalidation of certain legislative acts of the Voronezh Region: Law No. 169-OZ of Voronezh Region dated December 16, 2016]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/444925009> (Accessed: 9th March 2022).

2. Russia. (2007) *O poryadke osushchestvleniya grazhdanskoj initsiativy v Voronezhskoy oblasti: Zakon Voronezhskoy oblasti ot 27 iyunya 2007 goda № 85-OZ* [On the procedure for the implementation of civil initiative in the Voronezh region: Law No. 85-OZ of Voronezh Region dated June 27, 2007]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/819014988> (Accessed: 9th March 2022).

3. Russia. (2012) *O nekotorykh voprosakh provedeniya publichnykh meropriyatiy: Zakon Voronezhskoy oblasti ot 17 dekabrya 2012 goda № 160-OZ* [On some issues of holding public events: Law No. 160-OZ of Voronezh Region of December 17, 2012]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/469703110> (Accessed: 9th March 2022).

4. Russia. (2008) *O narodnom obsuzhdenii projektov normativnykh pravovykh aktov Voronezhskoy oblasti i vazhneyshikh voprosov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Voronezhskoy oblasti: Zakon Voronezhskoy oblasti ot 27 noyabrya 2008 goda № 120-OZ* [On the public discussion of draft normative legal acts of Voronezh Region and the most important issues of socio-economic development of Voronezh Region: Law No. 120-OZ of Voronezh Region dated November 27, 2008]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/819081718> (Accessed: 9th March 2022).

5. Russia. (2011) *O gosudarstvennoy (oblastnoy) podderzhke sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v Voronezhskoy oblasti: Zakon Voronezhskoy oblasti ot 06 oktyabrya 2011 goda № 134-OZ* [On state (regional) support of socially oriented non-profit organizations in Voronezh Region: Law No. 134-OZ of Voronezh Region dated October 06, 2011]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/469702363> (Accessed: 9th March 2022).

6. Russia. (2013) *Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Voronezhskoy oblasti "Sotsial'naya podderzhka grazhdan"*: *Postanovlenie Pravitel'stva Voronezhskoy oblasti ot 31 dekabrya 2013 goda № 1187* [On approval of the state program of Voronezh Region "Social support of citizens":

Decree No. 1187 of the Government of Voronezh Region of December 31, 2013]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/460270726> (Accessed: 9th March 2022).

7. Russia. (2019) *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Voronezhskoy oblasti za 2019 god* [Report on the state of civil society in Voronezh Region for 2019]. Voronezh: Public Chamber of Voronezh Region.

8. Gordeev, A.V. (2016) Obespechenie effektivnogo vzaimodeystviya organov gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya Voronezhskoy oblasti [Ensuring effective interaction between public authorities and local self-government of Voronezh Region]. *Vlast' – The Authority*. 24(3). pp. 7–11.

9. Agibalov, Yu.V., Selyutin, V.I. & Snegireva, E.S. (2021) *Aktual'nye problemy stanovleniya i razvitiya regional'nogo grazhdanskogo obshchestva (v voprosakh i ovetakh)* [Topical problems of formation and development of regional civil society (in questions and answers)]. Voronezh: Nauchnaya kniga.

10. Russia. (2021) *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Voronezhskoy oblasti za 2021 god* [Report on the state of civil society in Voronezh Region for 2021]. Voronezh: Public Chamber of Voronezh Region.

Сведения об авторах:

Снегирева Е.С. – старший преподаватель кафедры политологии, управления и регионоведения, заведующая учебно-организационным отделом Воронежского института экономики и социального управления (Воронеж, Россия). E-mail: alanka18@bk.ru

Селютин В.И. – доктор политических наук, профессор кафедры политологии, управления и регионоведения Воронежского института экономики и социального управления (Воронеж, Россия). E-mail: viesm@vmail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Snegireva E.S. – Voronezh Institute of Economics and Social Management (Voronezh, Russian Federation). E-mail: alanka18d@bk.ru

Selyutin V.I. – Voronezh Institute of Economics and Social Management (Voronezh, Russian Federation). E-mail: viesm@vmail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.10.2021;
одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 23.10.2021;
approved after reviewing 30.03.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья
УДК: 323.272
doi: 10.17223/1998863X/66/18

РЕВОЛЮЦИИ И ДЕМОКРАТИЯ. ПОЧЕМУ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТ ВООРУЖЕННУЮ ИЛИ НЕВООРУЖЕННУЮ ФОРМУ?

Вадим Витальевич Устюжанин¹, Андрей Витальевич Коротаев^{2,3}

^{1,2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

³ *Институт Африки РАН, Москва, Россия*

¹ *vvustiuzhanin@yandex.ru*

² *akorotayev@gmail.com*

Аннотация. В последнее время исследователи все чаще задаются вопросами: почему одни революции принимают вооруженную форму, а другие – невооруженные? Показано, что важнейшим фактором выступает уровень демократии в стране накануне революции. Однако при этом такая логика не работает для сепаратистских революционных выступлений: тут решающую роль играет этническая дискриминация, а демократия не выступает столь же важным фактором.

Ключевые слова: демократия, вооруженные революции, невооруженные революции, дискриминация

Благодарности: Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

Для цитирования: Устюжанин В.В., Коротаев А.В. Революции и демократия. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 198–210. doi: 10.17223/1998863X/66/18

Original article

REVOLUTIONS AND DEMOCRACY. WHY DO REVOLUTIONS TAKE ARMED OR UNARMED FORM?

Vadim V. Ustyuzhanin¹, Andrey V. Korotayev^{2,3}

^{1,2} *Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

³ *Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

¹ *vvustiuzhanin@yandex.ru*

² *akorotayev@gmail.com*

Abstract. In recent years, the question of what form a revolutionary uprising will take – armed or unarmed – has been raised more and more often. This is because, as shown by a large number of studies, nonviolence can explain why the uprising failed or came to success. So, with the beginning of the 21st century, the number of unarmed and successful revolutions is growing, but it is still not clear why this occurs. Moreover, there are only a

few quantitative cross-national papers on this topic, in which the authors tried to explain the apparent pattern. However, none of them considered political factors separately. In this paper, the hypothesis is that the country's democracy and the inclusiveness of governance institutions are the determining factors for answering the question: will the revolution be bloody or peaceful? At the same time, it is expected that, on the one hand, the more democratic the country is, and, on the other, the smaller the share of the discriminated population, the more likely a revolution will be unarmed. However, it is important to understand that different types of uprisings differ significantly from each other. So, by exploiting logistic models, it was found that when analyzing all revolutions together, it is democracy that is the main predictor, while the level of discrimination is not so strong. However, if we consider only the national liberation (separatist) revolutions, it turns out that democracy does not play any role in determining the tactics of the protesters, while ethnic discrimination appears to be a very significant factor. On the contrary, within socioeconomic revolutions (non-separatist) discrimination is not significant, while the level of democracy has a direct and strong influence on the degree of violence. Thus, all our hypotheses have been supported: despite the apparent similarity, the level of a country's democracy and the degree of discrimination turn out to be qualitatively independent predictors when answering the question – will the revolution be armed or not?

Keywords: democracy; armed revolutions; unarmed revolutions; discrimination

Acknowledgments: The study was carried out as part of the HSE Fundamental Research Program in 2022 with the support of the Russian Science Foundation (Project Number 18-18-00254).

For citation: Ustyuzhanin, V.V. & Korotayev, A.V. (2022) Revolutions and democracy. Why do revolutions take armed or unarmed form? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 198–210. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/18

Введение

Исследования последних лет показали, что революционные выступления имеют существенно разные результаты в зависимости от того, какую форму они принимают – вооруженную/насильственную или невооруженную/ненасильственную [1–3]. Появилось и несколько количественных кросс-национальных исследований, посвященных проблеме исследования факторов того, почему революционные выступления принимают насильственную (вооруженную) или ненасильственную (невооруженную)¹ форму [3, 5]. Так, Ченовец и Ульфелдер [6] или Батчер и Свенсон [2] находят, что уровень политических свобод является ключевым предиктором ненасилия. Однако никто из них не изучает этот вопрос предметно, т.е. не рассматривает политический фактор в отдельности.

Отметим, что большинство перечисленных авторов предпочитают обозначать революции как «максималистские кампании». Вслед за П. Акерманом и К. Крюглером [7], Э. Ченовет и М. Стивен определяют «кампанию» как «серию наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик в

¹ При этом важно понимать, что, когда речь идет о ненасильственных кампаниях, на самом деле подразумеваются невооруженные революционные выступления. Так, М. Кадивар и Н. Кечли [4] вполне убедительно показали, что участники большинства так называемых ненасильственных максималистских кампаний прибегали к насилию в достаточно серьезных масштабах (см., например, Египетскую революцию 2011 г. или Украинскую революцию («Евромайдан») 2013–2014 гг., классифицируемые Э. Ченовет именно как «ненасильственные»), в связи с чем они с полными на то основаниями полагают, что называть такие революционные выступления «ненасильственными» неправильно, предлагая обозначать их как «невооруженные».

преследовании политической цели». Более того, в вышеупомянутых исследованиях рассматриваются кампании «с целями, которые воспринимаются как максималистские (фундаментальное изменение политического порядка); <...> мы намеренно выбираем только кампании с целями, которые воспринимаются как максималистские по своей природе: смена режима или национальное самоопределение» [8. Р. 68]. В свою очередь, мы понимаем революции и изучаем их в рамках «четвертого поколения» (см.: [9]) и, таким образом, говорим о революциях XX–XXI вв., опираясь на такие определения революций, как: (I) «революция – антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» [10. С. 856]; (II) «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [9. С. 61]; и (III) «коллективная мобилизация с целью быстрого свержения существующего режима для преобразования политических, экономических и символических отношений» [11. Р. 5]. Таким образом, мы видим, что «максималистские кампании» – это не что иное, как революции (в том числе сепаратистские/национально-освободительные); следовательно, вышеупомянутые работы реально изучают именно революции, а их результаты оказываются совершенно актуальными для нашего понимания хода и итогов революционных процессов.

Возвращаясь к политическому фактору революционной нестабильности, стоит сказать, что мысль о том, что демократичность и инклюзивность институтов сокращают возможное насилие, не нова. Так, в 1949 г. Карл Поппер говорил, что называет «тип правления, который можно устранить без насилия – демократией, а другой – тиранией» [12. Р. 90]. У современных исследователей можно увидеть схожий вывод: вероятность мирной протестной мобилизации в демократиях выше, чем в авторитарных режимах [11, 13, 14]. Другими словами, чем демократичнее режим, тем меньше там вероятность насилия по сравнению с недемократическими режимами.

Объясняется такая зависимость несколькими причинами. Во-первых, недовольным гражданам легче предъявить свои требования правительству или мобилизоваться в демократической стране, где структура институтов предполагает включение широких масс в управление [15]. Во-вторых, относительно высокий уровень свобод, а точнее, их неподавление через репрессивный аппарат, неразвитый в демократических странах, также приводит к увеличению вероятности ненасильственного протеста [16]. Другими словами, более высокий уровень политических репрессий влечет за собой увеличение вероятности насильственного восстания в силу невозможности использования иной тактики [17]. Таким образом, демократия сама по себе не ведет к росту недовольства, но открывает путь для его выражения посредством мирной массовой мобилизации на избирательных участках и улицах [14], а не с оружием в руках.

Однако такие революции, как Украинская революция 2013–2014 гг. (Евромайдан) или Армянская бархатная революция 2018 г., демонстрируют, что они вполне могут свергнуть демократически избранных президентов, но в рамках даже частично демократической системы революция с гораздо большей вероятностью примет невооруженный вид, чем при полной автократии.

Однако было бы неправильным предполагать, что уровень свобод определяется лишь демократичностью выборных процедур. Так, инклюзивность институтов определяется и степенью вовлеченности всех граждан в управление. Другими словами, даже если в стране есть формализованные демократические институты, но при этом часть населения лишена права управления, то можно справедливо предположить, что вероятность насилия там будет довольно высока. Так, в большинстве работ по теории гражданских войн, которые можно считать крайней формой насильственной мобилизации, обнаруживается, что вероятность возникновения вооруженного восстания положительно связана с этнической дискриминацией [17–21]. Объясняется это тем, что дискриминируемая часть населения скорее выберет именно вооруженную тактику действий, потому что: во-первых, у них обычно нет возможности для успешного ненасильственного восстания из-за того, что доминирующие этнические группы владеют большей частью ресурсов и используют государство для ограничения доступа меньшинств к различным благам, необходимых для успешного мирного протеста (например, к образованию или высокооплачиваемой работе) [18]. Во-вторых, затраты на коллективные насильственные действия для дискриминируемых групп меньше, потому что: (1) существуют стабильные социальные связи и доверие между членами угнетаемой группы; (2) альтернативные издержки для них не так велики, так как благосостояние дискриминируемой группы обычно низкое и ее члены, как правило, не имеют большого количества накопленных инвестиций в человеческий капитал. Следовательно, их возможная выгода от успеха насильственной кампании перековывает все риски потери их небольшого капитала [22], чего нельзя сказать про остальную часть населения, которой есть что терять.

Таким образом, в тех странах, где уровень демократичности институтов низок, а степень дискриминации высока, с большей вероятностью революция примет вооруженную форму. Однако при этом важно учесть, что корреляция между демократичностью режима и отсутствием дискриминации довольно высока: даже усеченные демократические процедуры априори предполагают включение большинства граждан в участие в политической системе. Поэтому цели дискриминируемых групп скорее не в смене режима, а в самоопределении. Другими словами, при анализе революционных событий необходимо рассматривать в отдельности сепаратистские/национально-освободительные революционные выступления, чтобы, с одной стороны, не принизить влияние демократичности институтов, а с другой – не преувеличить влияние дискриминации на выбор протестующими тактики – вооруженной или невооруженной.

Таким образом, наши гипотезы можно сформулировать следующим образом:

H1: Чем выше демократичность институтов, тем ниже вероятность для социально-политических (несепаратистских) революций принять вооруженную форму.

H2: Чем больше доля дискриминируемого населения, тем выше вероятность для сепаратистских/национально-освободительных революционных выступлений принять вооруженную форму.

Данные и методы

Мы опираемся на информацию, предоставляемую базой данных *Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO) 1.3* [23], которая идентифицирует 622 революционных выступления/«кампании», происходивших с 1900 по 2019 г. Она описывает многочисленные случаи насильственных и ненасильственных революционных выступлений с целями смены режима, национального самоопределения или важных социальных изменений (например, ликвидации апартеида). Исходя из гипотез нашего исследования, мы будем делить революции по целям: на сепаратистские/национально-освободительные, что объединяет цели «самоопределение» и «сецессия» по классификации используемой базы данных, и на социально-политические (несепаратистские) революции с целями смены режима и (или) важных социальных изменений (но без цели национального самоопределения).

В качестве зависимой переменной мы берем другую переменную из этой же базы данных – было ли революционное выступление/«кампания» вооруженной или нет. Это бинарная переменная, где «1» – это невооруженное революционное выступление, а «0» – вооруженное. При этом авторы особо замечают, что «кампании являются в первую очередь ненасильственными, когда подавляющее большинство участников не вооружены, и когда они используют в основном ненасильственные методы <...>. Кампании являются преимущественно насильственными, когда большинство участников применяют силу, особенно вооруженную, против режимов и их сторонников» [24. Р. 6]. Кроме того, мы берем эту переменную с лагом в один год, потому что независимые политические переменные подвержены сильным изменениям в процессе самой революции/«кампании».

В качестве первой независимой переменной мы берем индекс электоральной демократии из базы данных *V – Dem*, которая принимает значения от 0 до 1 и формируется путем: (1) взятия среднего и средневзвешенного значения индексов, измеряющих свободу объединений, качество выборов, свободу слова, выборные должности и избирательное право; и (2) добавления мультипликативного взаимодействия между этими показателями [25].

В качестве второй независимой переменной выступает доля дискриминируемого населения из этнополитической базы данных *Ethnic Power Relations (EPR)*, которая дает следующее описание этой переменной: «...члены группы подвергаются активной, преднамеренной и целенаправленной дискриминации со стороны государства с намерением исключить из политической власти. Такая активная дискриминация может быть формальной или неформальной, но всегда относится к сфере государственной политики (исключая дискриминацию в социально-экономической сфере)» [26. Р. 6].

Обе независимые переменные мы, в свою очередь, разбиваем на несколько групп. Индекс электоральной демократии разделен нами на шесть типов режимов путем деления общемировой выборки на шесть равных частей (секстилей):

1. Полные автократии (от 0 до 0,071).
2. Частичные автократии (от 0,071 до 0,141).

3. Закрытые анократии (от 0,141 до 0,218).
4. Открытые анократии (от 0,218 до 0,412).
5. Частичные демократии (от 0,412 до 0,73).
6. Полные демократии (от 0,73 и выше).

То же самое мы делаем и с долей дискриминируемого населения, однако будем делить страны уже на три группы:

1. Отсутствие дискриминации (=0).
2. Заметная дискриминация (от наименьшего значения, отличного от нуля, до 0,08).
3. Высокая дискриминация (от 0,08 до наибольшего значения).

В качестве основного метода анализа мы будем использовать бинарную логистическую регрессию для определения силы эффектов независимых переменных и их взаимодействия между собой.

Анализ и результаты

На рис. 1–6 представлены распределения групп стран, выделенных по уровням демократии и дискриминации, по всем революционным эпизодам и в отдельности по сепаратистским и несепаратистским соответственно, а также по процентам невооруженных революционных кампаний в них. Так, если рассматривать все эпизоды в совокупности (рис. 1, 2), то видно, что с увеличением уровня демократии, с одной стороны, и снижением доли дискриминируемого населения – с другой, происходит заметное снижение процента вооруженных выступлений. Разница между полными автократиями и полными демократиями – порядка 70 п.п. Примечательно, что если переход между разными типами автократий и демократий оказывает существенное влияние на процент ненасилия, то такого же тренда нет в случае с анократиями – можно видеть «плато» с изменением лишь в 5 п.п. При этом в случае с уровнем дискриминации нет столь явных переходов: разница между странами с нулевой дискриминацией и высокой дискриминацией всего 20 п.п.

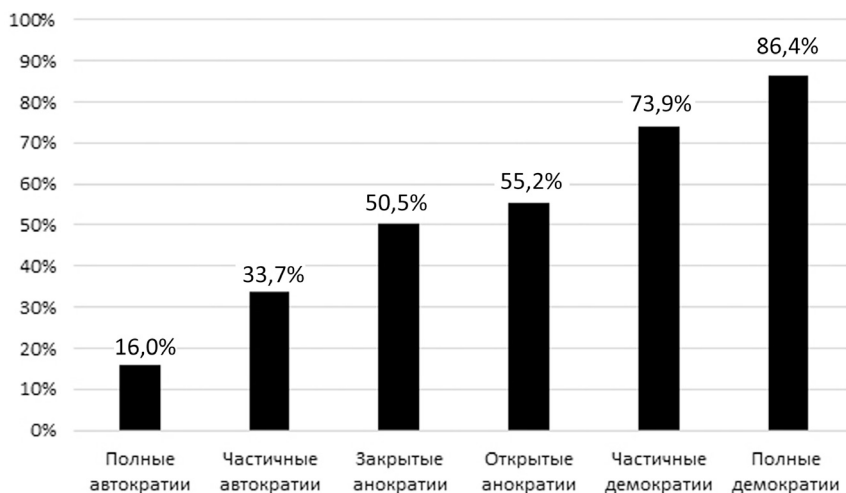

Рис. 1. Любые невооруженные революционные выступления по шести группам стран, выделенных по индексу электоральной демократии, %

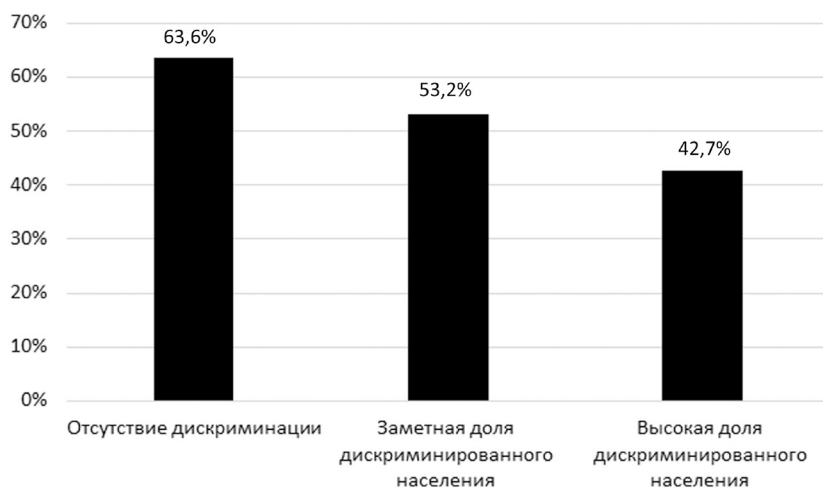

Рис. 2. Любые невооруженные революционные выступления по трем группам стран, выделенных по долям этнически дискриминируемого населения, %

Однако если обратиться к анализу сепаратистских эпизодов (рис. 3, 4), то видна совершенно иная ситуация. Так, разница в проценте невооруженных кампаний между полными автократиями и полными демократиями остается существенной – 55 п.п., но при этом нет четкой поступательной тенденции к увеличению процента ненасилия при переходе между другими группами стран. В данном случае видно «плато» между частичными автократиями и всеми анократиями. При этом переход от закрытой к открытой анократии даже будет характеризоваться увеличением насилия, чего не наблюдалось при анализе всех революционных эпизодов (рис. 3).

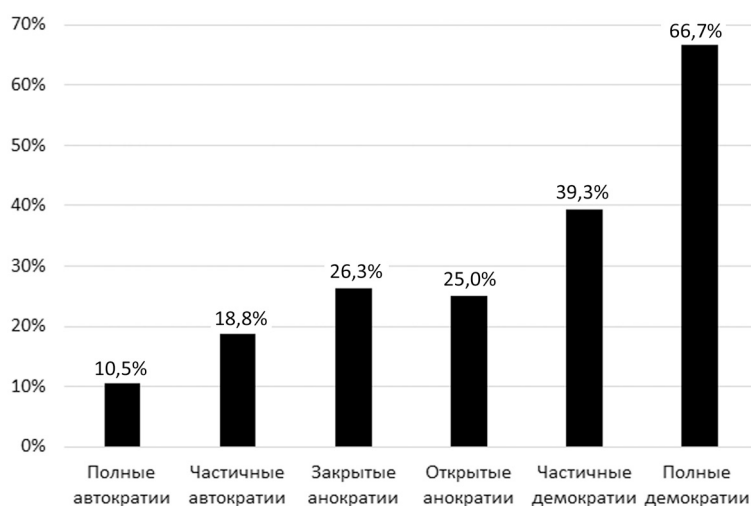

Рис. 3. Сепаратистские/национально-освободительные невооруженные революционные выступления по шести группам стран, выделенных по индексу электоральной демократии, %

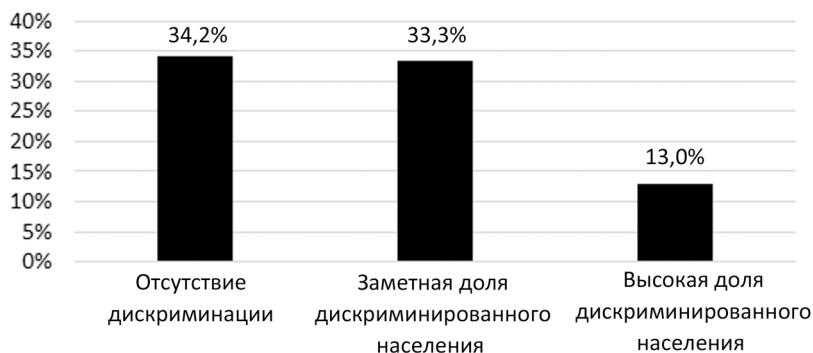

Рис. 4. Сепаратистские/национально-освободительные невооруженные революционные выступления по трем группам стран, выделенных по доле дискриминируемого населения, %

Совсем иная ситуация обстоит с долей дискриминируемого населения (рис. 4). Тут видно заметное падение процента ненасилия при переходе от заметной дискриминации к высокой – около 20 п.п. При этом сильной разницы между странами с нулевой и заметной дискриминацией нет, что объясняется тем, что выделенная граница для второй группы (8% населения) является ключевой для предсказания революционного насилия.

Если обратиться к анализу социально-политических (несепаратистских) революционных выступлений (рис. 5, 6), то видна та же тенденция, что и для любых революций. Однако примечательнее то, что дискриминация потеряла свою объясняющую силу: значимых переходов между разными группами стран нет. При этом демократия лишь подтвердила описанный ранее позитивный тренд – чем выше индекс электоральной демократии, тем выше процент революционного ненасилия.

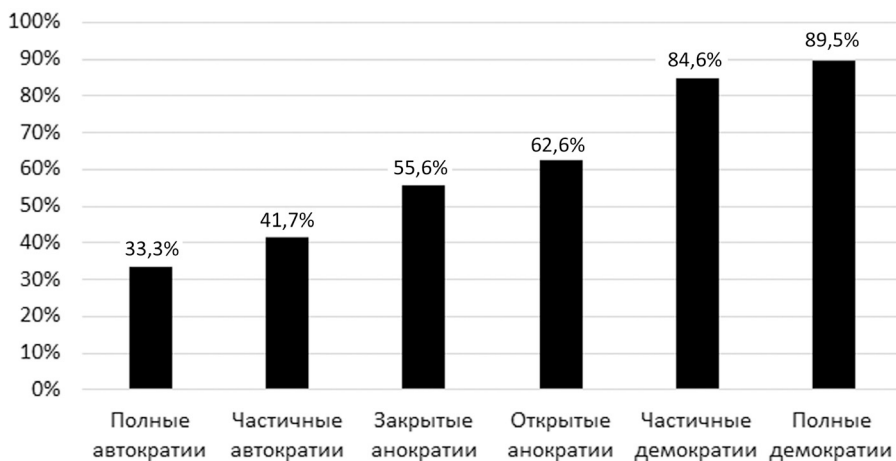

Рис. 5. Социально-политические (несепаратистские) невооруженные революционные выступления по шести группам стран, выделенных по индексу электоральной демократии, %

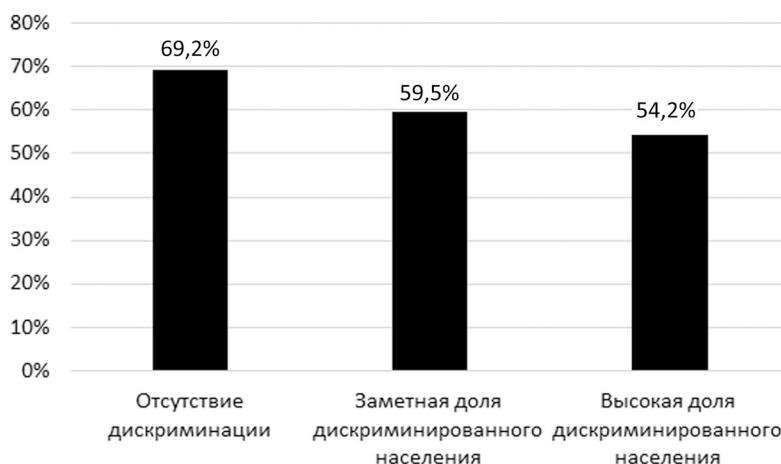

Рис. 6. Социально-политические (несепаратистские) невооруженные революционные выступления по трем группам стран, выделенных по доле дискриминируемого населения, %

Полученные результаты подтверждаются и при анализе логистических регрессий (таблица). Так, в первой модели, где анализируются все случаи, демократия и дискриминация являются значимыми предикторами, но значимость дискриминации при этом ниже. Во второй модели с сепаратистскими кампаниями видно, что демократия теряет всякую предсказательную силу, в то время как дискриминация остается очень значимым предиктором. Отметим, что из-за резкого падения числа случаев (в более чем 5 раз) значимость тоже закономерно падает. Однако если дискриминация остается маргинально значимой, что показывает хорошую предсказательную силу, то демократия уже не играет существенной роли при анализе. При этом в третьей модели с социально-политическими (несепаратистскими) революционными выступлениями видны прямо противоположные результаты: демократия является единственным значимым предиктором, тогда как дискриминация не является определяющим фактором.

Логистическая регрессия по разным типам революционных кампаний

Показатель	Невооруженный (=1) или вооруженный (=0) тип		
	M1 (Все)	M2 (Национально-освободительные)	M3 (Социально-политические)
Индекс электоральной демократии	2,142****	0,984	3,009***
	(0,556)	(1,291)	(0,705)
Доля дискриминированного населения	-1,627**	-5,893†	-0,998
	(0,694)	(3,709)	(0,728)
Константа	-0,254	-1,121*	-0,221
	(0,219)	(0,594)	(0,253)
N	409	76	333
AIC	531,957	84,449	405,779

**** $p < 0,001$; *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$; † $p = 0,1121$.

Таким образом, при анализе любых революционных выступлений следует учитывать, что доля дискриминируемого населения и уровень демократии являются совершенно разными самодостаточными переменными. Так, если

при анализе всех революционных выступлений оба фактора являются значимыми, то это лишь от того, что смешиваются кардинально разные типы революций. Однако если разделить революционные выступления на сепаратистские и социально-политические (несепаратистские), то становится очевидным, что для каждого из этих типов подходит только один из нашего набора предикторов. Так, для национально-освободительных/сепаратистских революционных выступлений главным фактором является доля дискриминируемого населения, в то время как для социально-политических несепаратистских революционных эпизодов значительно более важен индекс электоральной демократии.

Обсуждение и заключение

В целом наши гипотезы полностью подтверждаются: доля дискриминированного населения и индекс электоральной демократии – качественно разные предикторы, релевантные для разных типов революционных выступлений: сепаратистских и социально-политических (несепаратистских). Так, если анализировать все революционные эпизоды сразу, то оба фактора кажутся значимыми на приблизительно одинаковом уровне, но если поделить выборку, то становится очевидным разная объясняющая сила демократии и дискриминации. Для сепаратистских революций определяющим фактором ненасилия является низкая доля дискриминируемого населения (до приблизительно 8%), а для несепаратистских – высокий индекс электоральной демократии.

Хотя, как это было показано в настоящей работе, демократичность институтов и уровень дискриминации являются чрезвычайно важным фактором при выборе протестующими тактики действий, однако этим все не исчерпывается. Есть и другие немаловажные причины, почему одни революции принимают вооруженный характер, а другие – мирный. Так, в недавнем исследовании Р. Чинкотта и Х. Вебер [27] показали, что вероятность вооруженных революций значительно выше в странах с очень высокой долей молодежи в общей численности взрослого населения данного общества, т.е. в странах с так называемым выраженным молодежным бугром. Среди других факторов, предлагаемых в качестве благоприятствующих мирным, а не вооруженным формам революционных действий, можно упомянуть более высокие значения валового внутреннего продукта на душу населения [28] или урбанизации [29]. Также в последнее время появляется все больше работ, выделяющих образование в качестве главного фактора, понижающего насильственность революционных выступлений [5, 30].

Список источников

1. *Stephan M.J., Chenoweth E.* Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict // *International Security*. 2008. Vol. 33, № 1. P. 7 – 44.
2. *Butcher C., Svensson I.* Manufacturing Dissent // *Journal of Conflict Resolution*. 2016. Vol. 60, № 2. P. 311–339.
3. *Rasler K., Thompson W.R., Bou Nassif H.* The Extent of Military Involvement in Non-Violent, Civilian Revolts and Their Aftermath // *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / eds. J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022. P. 565–594.
4. *Kadivar M.A., Ketchley N.* Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization // *Socius*. 2018. Vol. 4. P. 1–6.

5. Dahlum S. Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest // *Comparative Political Studies*. 2019. Vol. 52, № 2. P. 277–309.
6. Chenoweth E., Ulfelder J. Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? // *Journal of Conflict Resolution*. 2017. Vol. 61, № 2. P. 298–324.
7. Ackerman P., Kruegler C. Strategic nonviolent conflict: The dynamics of people power in the twentieth century. Westport, CT : Praeger Publishers, 1994. 366 p.
8. Chenoweth E., Stephan M.J. Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict. New York : Columbia University Press, 2011. 320 p.
9. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // *Философско-литературный журнал Логос*. 2006. № 5. С. 58–103.
10. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Методологические пояснения к исследованию революционных событий // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. 2020. Т. 11. С. 854–861.
11. Lawson G. Anatomies of revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 288 p.
12. Popper K.R. Prediction and prophecy and their significance for social theory // *Proceedings of the Tenth International Congress of Philosophy*. 1949. Vol. 1. P. 82–91.
13. Caren N., Gaby S., Herrold C. Economic Breakdown and Collective Action // *Social Problems*. 2017. Vol. 64, № 1. P. 133–155.
14. Dahl M., Gates S., Gleditsch K.S., Gonzalez B. Accounting for numbers: Group characteristics and the choice of violent and nonviolent tactics // *Economics of Peace and Security Journal*. 2020. Vol. 16, № 1. P. 5–25.
15. Nam T. Rough days in democracies: Comparing protests in democracies // *European Journal of Political Research*. 2007. Vol. 46, № 1. P. 97–120.
16. Massoud T.G., Doces J.A., Magee C. Protests and the Arab Spring: An Empirical Investigation // *Polity*. 2019. Vol. 51, № 3. P. 429–465.
17. Regan P.M., Norton D. Greed, Grievance, and Mobilization in Civil Wars // *Journal of Conflict Resolution*. 2005. Vol. 49, № 3. P. 319–336.
18. Besançon M.L. Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides // *Journal of Peace Research*. 2005. Vol. 42, № 4. P. 393–415.
19. Buhaug H., Lujala P. Accounting for scale: Measuring geography in quantitative studies of civil war // *Political Geography*. 2005. Vol. 24, № 4. P. 399–418.
20. Gurr T.R. Peoples versus states: Minorities at risk in the new century. Washington, DC : US Institute of Peace Press, 2000. 448 p.
21. Wimmer A., Cederman L.-E., Min B. Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set // *American Sociological Review*. 2009. Vol. 74, № 2. P. 316–337.
22. Sambanis N. Do Ethnic and Nonethnic Civil Wars Have the Same Causes? // *Journal of Conflict Resolution*. 2001. Vol. 45, № 3. P. 259–282.
23. Chenoweth E., Shay C.W. List of Campaigns in NAVCO 1.3. Cambridge, MA : Harvard Dataverse. <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND>
24. Chenoweth E., Shay C.W. NAVCO 1.3 Codebook. Cambridge, MA : Harvard Dataverse, 2020. 14 p.
25. Coppedge M., Gerring J., Knutsen C.H., Lindberg S.I., Teorell J., Alizada N., Altman D., Bernhard M., Cornell A., Fish M.S. V-Dem Dataset v 11.1, 2021. <https://www.v-dem.net/en/data/v-dem-dataset-v111/>
26. Vogt M., Rüegger S. The Ethnic Power Relations (EPR) Core Dataset, Codebook Version 2021. Zürich : ETH, 2021. 7 p.
27. Cincotta R., Weber H. Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts // *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions* / eds. A. Goerres, P. Vanhuysse. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 57–92.
28. Korotayev A.V., Sawyer P.S., Romanov D.M. Socio-Economic Development and Protests: A Quantitative Reanalysis // *Comparative Sociology*. 2021. Vol. 20, № 2. P. 195–222.
29. Коротаев А.В., Слав М., Зинькина Ю.В., Романов Д.М. Урбанизация, рождаемость, городская молодежь и прогнозирование структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Африки южнее Сахары // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. 2020. Т. 11. С. 317–370.
30. Barakat B., Urdal H. Breaking the Waves? Does Education Mediate the Relationship Between Youth Bulges and Political Violence? Washington, DC : World Bank, 2009. 38 p.

References

1. Stephan, M.J. & Chenoweth, E. (2008) Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. *International Security*. 33(1). pp. 7–44.
2. Butcher, C. & Svensson, I. (2016) Manufacturing Dissent. *Journal of Conflict Resolution*. 60(2). pp. 311–339.
3. Rasler, K., Thompson, W.R. & Bou Nassif, H. (2022) The Extent of Military Involvement in Non-Violent, Civilian Revolts and Their Aftermath. In: Goldstone, J., Grinin, L. & Korotayev, A. (eds) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. pp. 565–594.
4. Kadivar, M.A. & Ketchley, N. (2018) Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization. *Socius*. 4. pp. 1–6. DOI: 10.1177/2378023118773614
5. Dahlum, S. (2019) Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest. *Comparative Political Studies*. 52(2). pp. 277–309. DOI: 10.1177/0010414018758761
6. Chenoweth, E. & Ulfelder, J. (2017) Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution*. 61(2). pp. 298–324.
7. Ackerman, P. & Krueger, C. (1994) *Strategic nonviolent conflict: The dynamics of people power in the twentieth century*. Westport, CT: Praeger Publishers.
8. Chenoweth, E. & Stephan, M.J. (2011) *Why civil resistance works: The strategic logic of non-violent conflict*. New York: Columbia University Press.
9. Goldstone, D. (2006) K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya [On the theory of revolution of the fourth generation]. *Filosofsko-literaturnyy zhurnal Logos*. 5. pp. 58–103.
10. Grinin, L.E. & Korotayev, A.V. (2020) Metodologicheskie poyasneniya k issledovaniyu revolyutsionnykh sobytiy [Methodological explanations for the study of revolutionary events]. *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov*. 11. pp. 854–861.
11. Lawson, G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Popper, K.R. (1949) Prediction and prophecy and their significance for social theory. *Proceedings of the Tenth International Congress of Philosophy*. 1. pp. 82–91.
13. Caren, N., Gaby, S. & Herrold, C. (2017) Economic Breakdown and Collective Action. *Social Problems*. 64(1). pp. 133–155.
14. Dahl, M., Gates, S., Gleditsch, K.S. & Gonzalez, B. (2020) Accounting for numbers: Group characteristics and the choice of violent and nonviolent tactics. *Economics of Peace and Security Journal*. 16(1). pp. 5–25.
15. Nam, T. (2007) Rough days in democracies: Comparing protests in democracies. *European Journal of Political Research*. 46(1). pp. 97–120. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00645.x
16. Massoud, T.G., Doces, J.A. & Magee, C. (2019) Protests and the Arab Spring: An Empirical Investigation. *Polity*. 51(3). pp. 429–465. DOI: 10.1086/704001
17. Regan, P.M. & Norton, D. (2005) Greed, Grievance, and Mobilization in Civil Wars. *Journal of Conflict Resolution*. 49(3). pp. 319–336.
18. Besançon, M.L. (2005) Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides. *Journal of Peace Research*. 42(4). pp. 393–415.
19. Buhaug, H. & Lujala, P. (2005) Accounting for scale: Measuring geography in quantitative studies of civil war. *Political Geography*. 24(4). pp. 399–418.
20. Gurr, T.R. (2000) *Peoples versus states: Minorities at risk in the new century*. Washington, DC: US Institute of Peace Press.
21. Wimmer, A., Cederman, L.-E. & Min, B. (2009) Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set. *American Sociological Review*. 74(2). pp. 316–337.
22. Sambanis, N. (2001) Do Ethnic and Nonethnic Civil Wars Have the Same Causes? *Journal of Conflict Resolution*. 45(3). pp. 259–282. DOI: 10.1177/0022002701045003001
23. Chenoweth, E. & Shay, C.W. (n.d.) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge, MA: Harvard Dataverse. <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND>
24. Chenoweth, E. & Shay, C.W. (2020) *NAVCO 1.3 Codebook*. Cambridge, MA: Harvard Dataverse.
25. Coppedge, M., Gerring, J., Knutsen, C.H., Lindberg, S.I., Teorell, J., Alizada, N., Altman, D., Bernhard, M., Cornell, A. & Fish, M.S. (2021) *V-Dem Dataset v11. 1*. [Online] Available from: <https://www.v-dem.net/en/data/data/v-dem-dataset-v111/>
26. Vogt, M. & Rüegger, S. (2021) *The Ethnic Power Relations (EPR) Core Dataset, Codebook Version 2021*. Zürich: ETH.
27. Cincotta, R. & Weber, H. (2021) Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. In: Goerres, A. & Vanhuysse, P. (eds) *Global Political Demography: Com-*

parative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 57–92.

28. Korotayev, A.V., Sawyer, P.S. & Romanov, D.M. (2021) Socio-Economic Development and Protests: A Quantitative Reanalysis. *Comparative Sociology*. 20(2). pp. 195–222.

29. Korotayev, A.V., Slav, M., Zinkina, Yu.V. & Romanov, D.M. (2020) Urbanizatsiya, rozhdaiemost', gorodskaya molodezh' i prognozirovanie strukturno-demograficheskikh riskov sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii v stranakh Afriki yuzhnee Sakhary [Urbanization, fertility, urban youth and forecasting structural and demographic risks of socio-political destabilization in sub-Saharan Africa]. *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov*. 11. pp. 317–370.

30. Barakat, B. & Urdal, H. (2009) *Breaking the Waves? Does Education Mediate the Relationship Between Youth Bulges and Political Violence?* Washington, DC: World Bank.

Сведения об авторах:

Устюжанин В.В. – стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). Email: vvustiuzhanin@yandex.ru

Коротаев А.В. – доктор исторических наук, профессор, зав. Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); главный научный сотрудник Института Африки РАН (Москва, Россия). Email: akorotayev@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ustyuzhanin V.V. – Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: vvustiuzhanin@yandex.ru

Korotayev A.V. – Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: akorotayev@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.10.2021;
одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 15.10.2021;
approved after reviewing 30.03.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья

УДК 323.21

doi: 10.17223/1998863X/66/19

СОСТОЯНИЕ СЕТЕВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕГИОНАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Ярослава Юрьевна Шашкова¹, Дмитрий Анатольевич Качусов²

^{1, 2} *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

¹ *yashashkova@mail.ru*

² *dmitrij.kachusov@mail.ru*

Аннотация. Проанализировано состояние локальных проблемных сообществ, функционирующих в регионах Юго-Западной Сибири. Доказано их функционирование преимущественно в форме сетевых сообществ и концентрация активности в трех проблемных сферах. Определены формы деятельности и ресурсная база сообществ, оценены уровень их взаимодействия с другими региональными акторами и потенциал дальнейшего развития.

Ключевые слова: местное самоуправление, гражданские инициативы, городские сообщества, сетевые сообщества, гражданская активность

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-311-90029 «Гражданская активность как фактор развития местного самоуправления в современной России (на примере регионов Юго-западной Сибири)».

Для цитирования: Шашкова Я.Ю., Качусов Д.А. Состояние сетевых общественных объединений в регионах Юго-Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 211–221. doi: 10.17223/1998863X/66/19

Original article

THE STATE OF NETWORK PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE REGIONS OF SOUTHWEST SIBERIA

Yaroslava Yu. Shashkova¹, Dmitry A. Kachusov²

^{1, 2} *Altai State University (Barnaul, Russian Federation).*

¹ *yashashkova@mail.ru*

² *dmitrij.kachusov@mail.ru*

Abstract. The authors analyze the network public associations in Southwest Siberia, their goals, tasks, structure, forms, resource and development potential to assess their state. The methodological basis of the research is the theory of network society by Manuel Castells. The empirical basis of the research is the results of social media and instant messengers monitoring, as well as an expert survey of the studied communities' leaders and moderators. The authors identified 82 urban and regional communities during the studied regions' monitoring (Altai Krai, Novosibirsk Oblast, Kemerovo Oblast, and Tomsk Oblast); these communities' activity is related to solving important social problems. There were 15 experts from the four indicated regions participating in the expert survey conducted from May to June 2021. The results show that the main problem areas of the studied associations are: hail sup-

pression and urban planning, ecology and nature protection, patriotism and civic education. The research demonstrates that self-organizing communities are actively forming, especially in the last four years, using the Internet and social media to attract new participants. Associations use both traditional and online forms, which complement each other, to conduct their activities and coordinate their supporters. According to the level of organization and the presence of a governing body, civic associations are divided into four levels, but mostly they are voluntary self-organizations of citizens. Most civic initiatives do not have sustainable and permanent funding, they carry out their activities through grants and their supporters' resources. They form numerous connections with other civic groups and non-profit organizations. Despite the non-political nature of their activities, the listed communities interact with local government structures, using their support in solving many local problems. The majority of experts are confident in the increase in the relevance of the problems of the studied communities and, as a consequence, in the expansion of civic participation forecasting the dynamics of the civic association's self-organization.

Keywords: local self-government; civic initiatives; urban communities; network communities; civic activity

Acknowledgments: The publication was prepared as part of RFBR-supported research project No. 20-311-90029.

For citation: Shashkova, Ya.Yu. & Kachusov, D.A. (2022) The state of network public associations in the regions of Southwest Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 211–221. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/19

Постановка проблемы

В настоящее время социальные аспекты человеческого бытия переживают процессы глубокой и устойчивой трансформации. В ходе развития коммуникационных технологий, роста культурного разнообразия, тенденций децентрализации в культурной и экономической сферах вырабатываются новые принципы функционирования общественных отношений. Все большее значение в обществе играют сетевые структуры, которые особенно активно начали формироваться после информационно-технологической революции и стремительного скачка в развитии информационных технологий. Благодаря массовому распространению интернета и возможности свободного доступа к нему происходит трансформация и социальных структур.

В этом тренде отношения власти и управления также трансформируются в сети с множеством участников [1. С. 46]. В сфере гражданского общества возникают и развиваются новые формы общественных объединений и движений, существенно отличающиеся от прежних форм политического участия: партий, профсоюзов и традиционных общественных движений, причем последние зачастую также эволюционируют в сторону сетевой структуры. Сетевые формы организации обладают рядом актуальных для современного мира преимуществ: они гибко реагируют на изменения среды, более плюралистичны к составу участников и менее скованы традиционными формально-бюрократическими процедурами, более ориентированы на непосредственное взаимодействие с гражданами.

Исследователи подчеркивают отличие сетевых сообществ от других наличием коллективного интереса, ресурсной взаимозависимости и синергии действий ее участников [2. С. 28]. Ю.А. Головин характеризует сетевые формы организации гражданской активности как «децентрализованные системы, которые строятся на договорной основе организации деятельности и форми-

рования партнерских отношений между участниками» [3. С. 196]. Тем самым формируется «новый вид социальности», основу которого составляют «новые сетевые социальные объединения», консолидирующие «заинтересованных акторов, которым присущи сетевое мышление, сетевой язык, сетевая мораль и сетевые способы обсуждения и решения социально значимых проблем» [4. С. 17].

Более того, в настоящий момент мы можем говорить о формировании сетевого гражданского общества, когда развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет гражданам налаживать взаимодействие и находить единомышленников, невзирая на территориальные и социальные границы. Это приводит к формированию множества самоорганизующихся объединений, служащих «первичными единицами» роста гражданского общества. «Плюрализм организаций выступает моделью сетевой децентрализации, аккумуляции и циркуляции социально-политической энергии... Формирование современного гражданского общества происходит в режиме сети», – отмечает О.Ю. Герасимова [5. С. 120]. Вслед за развитием и переформатированием гражданского общества возможно и перестроение принципов публичной политики в целом – в сторону ее большей открытости, налаживания обратной связи и повышения гибкости систем политической власти. Это подтверждается выводами Л.И. Никовской и В.Н. Якимца: «Информационно-коммуникационные процессы начинают „работать“ в роли несущей конструкции, обеспечивающей согласование интересов и позиций, снятие зон напряжения или противоречий... Публичность и открытость коммуникационных процессов позволят излечить недуги закрытого корпоративизма и наполнить диалог живыми соками гражданственности» [6. С. 6].

Особую значимость развитие сетевых сообществ приобретает на локальном уровне (город, поселение). С их помощью возможно вовлечение населения в управление на местах и создание эффективной системы местного самоуправления. Перед ними открывается широкий спектр перспективных задач: выработка «дорожной карты» развития территорий, налаживание взаимодействия органов власти, самоуправления и граждан, поиск путей разрешения местных конфликтов, повышения уровня гражданской, экологической и правовой ответственности граждан и т.д. [7. С. 324]

Городские сообщества, как правило, обладают низким уровнем формализации и функционируют на принципах сетевой организации: добровольности и равноправия, наличия общих целей, приоритета горизонтальной коммуникации, открытости и прозрачности деятельности. А.В. Соколов рассматривает городские сообщества с точки зрения теории коллективных действий – как самоорганизующиеся неформальные объединения, основанные на принципах социальной кооперации и горизонтальном социальном контракте, выступающие одновременно и как субъект социального действия, и как объект социального управления [8. С. 98].

Сетевые площадки городских сообществ обладают собственной аудиторией, а также правилами общения, не оформленными формально, но принимаемыми и разделяемыми их участниками. Д. Уокер предлагает описывать взаимодействия в сообществах с помощью термина «публичные сетевые разговоры»: они характеризуются отсутствием формализованности и пересечением обсуждаемых частных вопросов конкретных жителей и общественно

значимых проблем [9. С. 136–137]. Нередко в онлайн-коммуникации внутри сообществ общественный интерес разделяется многими пользователями как их частная проблема или желание, что дополнительно стимулирует их к участию. В то же время, хотя современные городские сообщества выстраиваются на основе неформальных горизонтальных связей, определенная иерархия, основанная на неформальных статусах, все же существует. Всегда проявляется более активная часть горожан – инициативная группа и ядро активистов, которая служат фактором оформления и активизации городских сообществ, определяет и задает вектор развития сообществ, вовлекает в деятельность более широкие массы горожан [10. С. 106].

Процессы взаимодействия и самоорганизации, приводящие к созданию городских сообществ в интернете, часто начинаются спонтанно, при возникновении самой проблемы. Большое количество вовлеченных в их деятельность горожан служит показателем как высокой гражданской активности жителей, так и актуальности обозначаемых проблем. Нередко сам факт формирования подобных площадок уже является признаком существования конфликтной или предконфликтной ситуации в городе [11. С. 165]. В то же время сетевые сообщества предоставляют важную площадку для диалога между разноуровневыми политическими акторами, не давая конфликтам перерасти в деструктивную форму: «Механизм формирования проблемных сетей связан с подвижным взаимодействием акторов, различных по уровню (институционализированные, коллективные, индивидуальные) и статусу (органы власти, общественность), цель которого – разрешение общественно значимой проблемы в условиях конфликтной ситуации» [12. С. 73].

Сетевая мобилизация значительно ослабляет входные барьеры, существующие для участия в публичной политике, что дает гораздо больше возможностей реализовывать в ней частные и общественные инициативы. Мы можем отметить существование двух основных типов мобилизации участников: конструктивной и вынужденной. При первой сетевые общественные структуры целенаправленно организуют координацию и взаимодействия между участниками для достижения определенной коллективной цели. Вторая, вынужденная мобилизация, является стихийной и возникает в результате кризиса или критической ситуации и отсутствия возможности решить проблему при помощи существующих инструментов [13. С. 147].

Уровень эффективности деятельности сообществ и их способности оказывать реальное влияние на местную политику определяется количеством участвующих в сообществах людей, от которого зависят уровень ресурсной обеспеченности, объем социального капитала и способность мобилизации сторонников для своих мероприятий. Как правило, граждане включаются в сетевые сообщества с целью реализации своих интересов – начиная от жизненно необходимых (благоприятная среда проживания) и заканчивая основанными на ценностях более высокого порядка (сохранение исторических памятников, помощь животным, забота об экологии).

Численность и продолжительность существования позволяют гражданским объединениям накапливать социальные контакты и приобретать социальный капитал (человеческий, структурный и капитал взаимоотношений), который выступает прежде всего инфраструктурой, обеспечивающей процессы сетевого политического обмена [2. С. 71]. Участникам сети открывается

доступ к ресурсам группы, позволяющим получать разнообразные «кредиты» в прямом и переносном смысле этого слова [14. С. 46–47]. Налаженные горизонтальные связи, основанные на доверии, являются предпосылкой для самоорганизации людей в целях решения общественных проблем без участия государства. Вертикальные связи позволяют добиться подотчетности органов власти гражданам и тем самым повысить качество государственного управления [14. С. 47].

Целью данной статьи выступает комплексная оценка институционального состояния городских самоорганизующихся сообществ в регионах Юго-Западной Сибири (Алтайский край, Новосибирская, Кемеровская и Томская области) на основе их анализа по следующим параметрам: сферы деятельности, проблемные поля, в которых самоорганизующиеся сообщества в настоящий момент принимают наибольшее участие; их структура, цели, задачи, формы активности и ресурсный потенциал; степень взаимодействия самоорганизующихся сообществ с некоммерческими организациями, органами власти и местного самоуправления.

Эмпирической основой анализа послужили данные мониторинга социальных сетей (в первую очередь сети «ВКонтакте») и экспертного опроса руководителей и модераторов сообществ. Опрос проводился в мае–июне 2021 г., в нем приняли участие 15 экспертов. Среди респондентов 53% составили руководители, 47% – модераторы или администраторы групп сообществ в социальных сетях. Доля мужчин среди опрошенных – 53%, женщин – 47%; 47% опрошенных имеют возраст до 25 лет, 33% – от 26 до 40 лет, 20% – от 41 года до 60 лет. Основным родом деятельности работа в проблемных сообществах является только для 13% экспертов.

Результаты исследования

Мониторинг социальных сетей показал функционирование в четырех регионах Юго-Западной Сибири 82 городских и региональных сообществ, чья деятельность связана с решением широкого спектра социально значимых проблем: благоустройство городов и сохранение их исторического облика, защита природных объектов, пропаганда экологичного поведения, гражданское и патриотическое воспитание, сохранение исторической памяти.

Подавляющая часть данных сообществ существует сразу на нескольких интернет-площадках. Кроме «ВКонтакте», где они представлены все, это Instagram (47%), Twitter (27%), Facebook (27%), Telegram (20%), «Одноклассники» (13%), а также собственные сайты (27%) и канал на видеохостинге YouTube (7%).

«Нижней точкой» периодизации генезис самоорганизующихся сообществ можно считать 2009 г., когда было основано «старейшее» сообщество – поисковый отряд «Земляк». За период 2018–2019 гг. сформировалось 27% из изученных объединений. Большинство же сообществ (33%) возникли относительно недавно – за последние два года. Из рассмотренных сообществ 40% были сформированы на основе ранее уже существовавших общественных объединений с такой же проблемной направленностью, 20% сообществ возникли по инициативе партий, околопартийных движений и местных органов власти. Частью общероссийской или региональной сети являются 47% от числа изученных групп.

Внутренняя организационная структура сообществ очень разнообразна. В 20% объединений нет постоянных организационных структур, кроме руководителя, в 7% они создаются ситуативно, под актуальную задачу. В 20% сообществ, кроме руководителя, существуют должности заместителей, помощников или координаторов. Еще в 27% групп вместо заместителей или помощников введена структура модератора или редактора, в задачу которых входит наполнение интернет-страниц контентом и поддержка связи с подписчиками. Постоянная и развитая организационная структура (руководитель, помощник/заместитель), кураторы по направлениям, собрания актива существует у 27% изученных сообществ.

В качестве наиболее распространенных форм взаимодействия с участниками сообщества эксперты назвали оффлайн-встречи (67%), сбор писем и сообщений в социальных сетях и мессенджерах (60%), постоянную беседу или чат в группе (53%). Используют «горячую линию» для телефонных звонков только 13%, у 7% группа или чат создается под каждый конкретный проект объединения, а еще у 7% сообществ не существует постоянного канала обратной связи.

Цели, которые заявляют данные объединения, зависят от проблемной сферы каждого конкретного сообщества. Всего мы можем выделить три основные проблемные сферы, в которых они действуют: градозащита и урбанистика, экология и защита природы, патриотизм и гражданское воспитание. К целям первой группы сообществ их руководители отнесли как довольно широкие и общие задачи (развитие территории, продвижение урбанистической повестки, запуск креативной экономики, аккумулирование сведений о проблемах города), так и решение определенных проблем городского бытия (развитие общественного транспорта, обустройство пешеходной инфраструктуры, сохранение памятников архитектуры, благоустройство общественных пространств).

Руководители групп экологической направленности также назвали общие цели просветительского и воспитательного характера: привлечение внимание к проблемам экологии, пропаганда экологического образа жизни, содействие развитию экологической культуры, экологическое просвещение граждан, информирование и консультирование по теме экологии и бережного природопользования. Кроме того, назывались и конкретные, практические задачи: очистка от мусора водоемов и других природных объектов, внедрение раздельного сбора отходов и новейших экологических технологий.

Среди целей сообществ гражданско-патриотической направленности были обозначены: патриотическое воспитание молодежи, вовлечение молодых людей в добровольческую деятельность, формирование активной жизненной позиции, популяризация изучения истории среди молодежи. Необходимо отметить, что значительная часть подобных сообществ связана с деятельностью военно-поисковых добровольческих отрядов, в связи с чем в качестве целей нередко указывались освещение информации о результатах работы отрядов, увековечение памяти погибших при защите Отечества, приобщение к работе по установлению судеб защитников Отечества. Также нельзя не отметить, что деятельность большинства гражданско-патриотических групп ориентирована, прежде всего, на молодежь.

В качестве допустимых форм реализации своих целей и задач сообщества рассматривают комплекс как «виртуально-информационных», так и «реальных» форм взаимодействия. В частности, в деятельности всех объединений присутствует компонент онлайн-активности: ведение страницы группы в сети Интернет, размещение и комментирование постов и новостей на тематику сообщества, информирование подписчиков через социальные сети и мессенджеры, анонсы мероприятий. Активно взаимодействуют со СМИ 60% сообществ: их руководители и активисты дают интервью на региональных телевизионных каналах и в печатных изданиях, направляют материалы в информационные агентства, привлекают внимание журналистов к проблемам. Еще 47% процентов опрошенных руководителей указали, что направляют петиции и обращения в органы власти по вопросам своей деятельности.

О существовании постоянно действующих проектов заявило 60% опрошенных руководителей сообществ, в качестве примеров можно привести экосистему «Природа и человек», волонтерский проект «Город Добрых Дел», размещение точек раздельного сбора отходов и т.д. Формы массовой работы используют 47% изученных сообществ. Необходимо отметить, что большая часть их не носит политического характера – это могут быть субботники («Чистые игры», очистка берегов водоемов), школы волонтера, выставки и мастер-классы, выезды на места боев (для патриотических сообществ). В то же время сообщества могут прибегать и к протестным акциям, например к массовым пикетам или сходам граждан. Одиночные публичные мероприятия проводят меньшее количество сообществ – 27%.

О реализации совместных проектов с органами власти и с некоммерческими организациями и фондами заявило 40% опрошенных руководителей, еще 33% указало, что сотрудничают с политическими партиями и общественно-политическими движениями. Это находит свое отражение в форме предоставления грантов на проекты сообществ, иной ресурсной или материальной поддержке, участии партий в акциях и проводимых мероприятиях. Вместе с тем некоторые из опрошенных экспертов подчеркивали аполитичный характер своего объединения и его деятельности. Руководители 13% сообществ указали на случаи противодействия своей деятельности со стороны власти, в частности, запрет массового пикета и обвинения со стороны чиновников в «злоупотреблении» подачами обращений в органы власти. Весьма показательно, что с противодействием сталкивались только представители градозащитных сообществ.

Нельзя не обратить внимание на наличие множественных взаимодействий данных сообществ с другими группами со сходной проблемной тематикой. Только 7% из числа опрошенных руководителей указали, что не имеют постоянных контактов с другими сообществами и некоммерческими организациями, еще 7% отметили, что взаимодействуют, как правило, непосредственно с гражданскими активистами в своей проблемной сфере. Значительная же часть (40%) поддерживают постоянные контакты с 1–2 другими сообществами или организациями. С 3–4 субъектами регулярно взаимодействуют 20% изучаемых групп, остальные объединения (27%) имеют пять и более постоянных контактов.

С одной стороны, большинство из опрошенных руководителей сообществ (67%) постоянно сотрудничают с региональными органами власти и

местного самоуправления, 27% – со СМИ региона. Принимают участие в деятельности органов местного самоуправления 33% респондентов, 13% состоят в экспертных и консультативных советах при органах власти и 7% – в Общественных палатах. С другой стороны, в деятельности 20% сообществ принимают участие представители Общественных палат, в такой же доле изученных групп состоят члены экспертных и консультативных советов, журналисты и представители местного самоуправления.

Ресурсная база деятельности сетевых объединений складывается из различных источников. Так, 27% руководителей отметили, что не нуждаются в финансовых ресурсах для своей деятельности и не занимаются их сбором. Часть из них, прежде всего градозащитной тематики, концентрируются на выявлении актуальных проблем города или определенной территории, привлекая внимание к ним как органов власти, так и общества, и добиваются устранения нарушений хозяйствующими субъектами за их счет. Получают материальную поддержку в виде добровольной помощи со стороны участников и сторонников самих сообществ 60% руководителей. Еще 40% финансируют свою деятельность за счет государственных грантов, 27% – за счет местных органов власти и по 13% пользуются поддержкой других некоммерческих организаций или общественных и благотворительных фондов.

Подавляющее большинство экспертов нацелено на рост и развитие своих проблемных сообществ, из них 27% прогнозируют «бурный рост и развитие», а 67% – «скорее рост и развитие». Положительно эксперты оценили и динамику участия граждан в самоорганизующихся сообществах: 47% высказали предположение, что число их участников сильно увеличится, столько же указали, что численность увеличится незначительно. Свои ответы они аргументировали растущей актуальностью затрагиваемой ими проблематики («тема развития общественного транспорта становится все более актуальной», «тема экологии становится все более актуальной и острой», «все больше людей задумываются об экологических проблемах», «актуальность темы – развитие новой экономики в городе и регионе»), а также повышением гражданского самосознания людей и желанием участвовать в решении касающихся их проблем («люди начинают понимать, что город может быть удобнее», «нескольким тысячам горожан наша активность интересна», «за историю сообщества рост аудитории возрос примерно в 10 раз»).

Только 7% предположили возможность кризиса своего сообщества и сокращение численности его участников в силу «коронавирусных» ограничений и, как следствие, невозможности проведения публичных мероприятий.

Заключение

В целом необходимо признать, что значительная часть горожан еще атомизирована и не готова к коллективным и постоянным действиям по самостоятельному решению скопившихся на местном уровне социальных проблем. Однако интернет стал серьезным инструментом для их объединения, предоставив среду для самоорганизации проблемных сообществ в публичном пространстве и каналы коммуникации для их участников. Нерешенность многих «повседневных» локальных проблем, оторванность системы местного самоуправления от населения вынуждает активных граждан к поиску альтернативных вариантов их решения и стимулирует процесс институционализа-

ции гражданского общества. Разнообразные сообщества, возникающие в результате самоорганизации граждан, позволяют утверждать, что в городах формируется социальный капитал, проявляющийся в создании проблемных сетей и выступающий фактором активизации других ресурсов локальных социумов.

В последние 2–4 года, с выходом сообществ «в сеть», вопросы градозащитной деятельности, экологического просвещения и гражданско-патриотического воспитания получили дополнительный стимул к развитию и приток сторонников. Самоорганизующиеся объединения граждан имеют самую разнообразную организационную структуру и успешно сочетают традиционные и онлайн-формы активности, которые взаимодополняют друг друга, что дает возможность мобилизовать ресурсы и сторонников для ведения постоянной деятельности. Также необходимо отметить, что сообщества, как правило, не ставят целью противодействие местной власти в публичной политике, большей частью они сотрудничают с ней по проблемным вопросам и даже пользуются ее ресурсной поддержкой. Очевидно, что положительная динамика роста и развития гражданских объединений сохранится в ближайшем будущем – подавляющая часть экспертов в большинстве уверены в росте актуальности проблематики исследуемых сообществ и вовлечении все большего числа граждан в их деятельность.

Список источников

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. 609 с.
2. Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2014. 320 с.
3. Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 195–198.
4. Курбатов В.И. Сетевые онлайн-сообщества: структурно-функциональные и организационные факторы самоуправления // Гуманитарий юга России. 2018. Т. 7, № 2. С. 15–27. doi: 10.23683/2227-8656.2018.2.1
5. Герасимова О.Ю. Сетевая социальная морфология гражданского общества // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2015. № 3 (143). С. 117–121.
6. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Повышение культуры публичной политики – вызов для демократического развития России // Власть. 2014. № 9. С. 5–10.
7. Левкина Л.И. Потенциал влияния местных и самоорганизующихся сообществ на социально-экономическое развитие территорий // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 322–328.
8. Соколов А.В. Природа и конфликтные стратегии городских сообществ в условиях виртуализации политического пространства // Власть. 2019. Т. 27, № 6. С. 97–102. doi: 10.31171/vlast.v27i6.6834
9. Walker D.M. Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums. Ph.D. thesis. University of Michigan, 2011. 308 p.
10. Соколов А.В. Лидерство в городских сообществах // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2020. № 13. С. 106–108.
11. Кольба А.И., Кольба Н.В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. 2019. № 2. С. 160–179. doi: 10.31249/poln/2019.02.08
12. Мирошниченко И.В. Открытые механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления: Российский опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14, № 4. С. 71–78.

13. Соколов А.В. Конфликтный потенциал городских сетевых сообществ // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2017. № 10. С. 146–148.

14. Рослякова М.В. Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления // Политика и Общество. 2018. № 8. С. 42–55. doi: 10.7256/2454-0684.2018.8.27143

References

1. Castells, M. (2001) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow: HSE.

2. Smorgunov, L.V. & Sherstobitov, A.S. (2014) *Politicheskie seti: Teoriya i metody analiza* [Political networks: Theory and methods of analysis]. Moscow: Aspekt Press.

3. Golovin, Yu.A. & Frolov, A.A. (2016) *Praktiki setevoy grazhdanskoy aktivnosti v sovremennoy Rossii* [Practices of network civic activity in modern Russia]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*. 2. pp. 195–198.

4. Kurbatov, V.I. (2018) *Setevye onlayn-soobshchestva: strukturno-funktsional'nye i organizatsionnye faktory samoupravleniya* [Network online communities: structural, functional and organizational factors of self-government]. *Gumanitarniy yuga Rossii*. 7(2). pp. 15–27. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.2.1

5. Gerasimova, O.Yu. (2015) *Setevaya sotsial'naya morfologiya grazhdanskogo obshchestva* [Network social morphology of civil society]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki*. 3(143). pp. 117–121.

6. Nikovskaya, L.I. & Yakimets, V.N. (2014) *Povyshenie kul'tury publichnoy politiki – vyzov dlya demokratcheskogo razvitiya Rossii* [Improving the culture of public policy – a challenge for the democratic development of Russia]. *Vlast' – The Authority*. 9. pp. 5–10.

7. Levkina, L.I. (2015) Potential Influence of Local and Self-Organizing Communities on Socio-Economic Development of the Territories. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii – The Review of Economy, the Law and Sociology*. 4. pp. 322–328. (In Russian).

8. Sokolov, A.V. (2019) *Priroda i konfliktnyye strategii gorodskikh soobshchestv v usloviyakh virtualizatsii politicheskogo prostranstva* [Nature and conflict strategies of urban communities in the conditions of political space virtualization]. *Vlast' – The Authority*. 27(6). pp. 97–102. DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6834

9. Walker, D.M. (2011) *Networked Public Talk: Attention, Difference, and Imagination in Online Urban Forums*. Ph.D. Thesis. University of Michigan.

10. Sokolov, A.V. (2020) *Liderstvo v gorodskikh soobshchestvakh* [Leadership in urban communities]. *Rossiyskiy politicheskiy protsess v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika*. 13. pp. 106–108.

11. Kolba, A.I. & Kolba, N.V. (2019) *Gorodskie konflikty kak faktor grazhdansko-politicheskoi aktivizatsii lokal'nykh soobshchestv* [Urban conflicts as a factor of civil-political activation of local communities]. *Politicheskaya nauka*. 2. pp. 160–179. DOI: 10.31249/poln/2019.02.08

12. Miroshnichenko, I.V. (2014) *Otkrytye mekhanizmy inkorporirovaniya sotsial'nykh setey v sistemu publichnogo upravleniya: Rossiyskiy opyt* [Open mechanisms for incorporating social networks into the system of public administration: Russian experience]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 14(4). pp. 71–78.

13. Sokolov, A.V. (2017) *Konfliktnyy potentsial gorodskikh setevykh soobshchestv* [Conflict potential of urban network communities]. *Rossiyskiy politicheskiy protsess v regional'nom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika*. 10. pp. 146–148.

14. Roslyakova, M.V. (2018) *Gorodskie soobshchestva kak ob'ekt i vazhneyshiy resurs munitsipal'nogo upravleniya* [Urban communities as an object and the most important resource of municipal management]. *Politika i Obshchestvo*. 8. pp. 42–55. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.8.27143

Сведения об авторах:

Шашкова Я.Ю. – доктор политических наук, профессор кафедры философии и политологии, руководитель Центра политического анализа и технологий Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: yashashkova@mail.ru

Качусов Д.А. – аспирант кафедры философии и политологии Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shashkova Ya.Yu. – Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yashashkova@mail.ru

Kachusov D.A. – Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.10.2021;
одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 10.10.2021;
approved after reviewing 30.03.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Original article

УДК 323

doi: 10.17223/1998863X/66/20

ESCALATION OF ETHNOPOLITICAL CONFLICTS: RATIONAL CALCULATION OF THE ELITES AND THE EMOTIONAL REACTION OF THE MASSES

Valery A. Achkasov¹, Anna I. Abalian²

^{1,2} Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

¹ val-achkasov@yandex.ru

² a.abalyan@spbu.ru

Abstract. The authors of the article have tasked themselves with demonstrating that ethno-political conflicts always have a significant emotional component, which lies in cultural stereotypes, unmet (imaginary and real) expectations, historical grievances, parties' mythologized ideas about each other, etc. In turn, the rejection of any dissent by the conflict parties determines a dualistic view of the world, which demonstrates the division into absolute good and absolute evil, and leads to a tough confrontation between the carriers of the "highest truth" with those who prevent its implementation. The authors emphasize that it is due to this excessive emotional component actualized by the demands of ethnic identity that ethno-political conflicts are characterized by a high degree of irrationality, expressed in a huge potential for aggressiveness and hostility, far beyond the rational awareness of the interests of the conflict parties, and the choice of a strategy for interaction and search for a compromise. A particularly rapid escalation of conflict occurs when an ethnic group tends to perceive itself as a "victim" of value claims on the part of "alien" groups. However, the authors believe that it is impossible to reduce the ethno-political conflict solely to the affective behavior of its participants. Long-term use of violence is a social process; therefore, it cannot be based only on strong emotions, but, on the contrary, has to presuppose the development of certain norms, sanctions, roles, etc. That is, violence must be rationalized, explained and channeled. Therefore, the authors emphasize the crucial role of "ethnic entrepreneurs" in the escalation of ethno-political conflicts. Their activity can be viewed as a "production of ideological conflicts", i.e., as a deliberate indoctrination of ordinary conflict participants in order to strengthen ethnic solidarity and/or armed struggle as a means of "national liberation" and achievement of other goals that are significant to ethnic entrepreneurs. Consequently, since emotions cannot be completely separated from rational thinking, the nature of most ethno-political conflicts depends both on subjective factors and on objective structural elements. Thus, all of them, combining rational and emotional activities, in one proportion or another, produce three types of conflicts: the struggle for resources, the clash of interests, the emotional upholding of ethnocultural identity.

Keywords: ethno-political conflict; ethnic and national identity; nationalism; irrationalism; resentment; escalation; ethnic entrepreneurship

For citation: Achkasov, V.A. & Abalian, A.I. (2022) Escalation of ethno-political conflicts: rational calculation of the elites and the emotional reaction of the masses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 222–229. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/20

Научная статья

ЭСКАЛАЦИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ: РАЦИОНАЛЬНЫЙ РАСЧЕТ ЭЛИТ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ МАСС

Валерий Алексеевич Ачкасов¹, Анна Игоревна Абальян²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ val-achkasov@yandex.ru

² a.abalyan@spbu.ru

Аннотация. Этнополитические конфликты имеют весомую эмоциональную составляющую, которая кроется в культурных стереотипах, неудовлетворенных интересах, исторических обидах, мифологизированных представлениях сторон друг о друге. Однако эмоции невозможно полностью отделить от рационального мышления, поскольку применение насилия в конфликте должно быть рационализировано, объяснено и канализировано, что является задачей «этнических антрепренеров».

Ключевые слова: этнополитический конфликт элиты, этническая и национальная идентичность, национализм, иррационализм, ресентимент, эскалация, этническое предпринимательство

Для цитирования: Achkasov V.A., Abalian A.I. Escalation of ethnopolitical conflicts: rational calculation of the elites and the emotional reaction of the masses // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 222–229. doi: 10.17223/1998863X/66/20

Ethnic identity structure

In social identity structure, two main components are always presented – cognitive (knowledge, ideas about the characteristics of one's own group and awareness of oneself as a member of it, based on certain characteristics and markers, knowledge about the so-called "Significant Others") and affective (emotional assessment of the qualities of one's own group, attitude to membership in it, the significance of this membership, the assessment of Significant Others). However, the significance of these components in each specific case of identification may be different. As noted by Donald Horowitz, a well-known researcher of ethnopolitical conflicts, there is a clear difference in the definition of ethnic groups as strong, long-term communities which are hostile to the outsiders, prone to ethnocentrism and violent conflict, on the one hand, or as social constructs based on material gain, whose conflict behavior is the result of calculation, on the other. This difference, however, must be replaced by a synthesis based on the understanding of ethnicity as a powerful community (Gemeinschaft), capable of prompting both rational and emotional actions [1. P. 29].

The nature of the psychological bonds that unite an ethnic community and a nation, distinguishing it from other communities, is complex, ambiguous and, as Sigmund Freud emphasized, not rational in many ways, but rather emotional and even subconscious. Furthermore, Max Weber called the nation a "community of feelings" striving to be embodied in a political form. This is the reason why ethnic and national identities can be viewed as emotional and sensory categories. They are "experienced" by us which ipso facto is not a completely rational action. Therefore, we can talk about a sense of patriotism, a sense of national dignity or national humiliation. Patriotism is often "constructed" by the state, through the system of socialization,

civic education and patriotic upbringing [2], but it is a “construction of feelings”, and not a purely rational attitude to one’s homeland and nation.

The blurring of status’ differences within a nation through shared feelings of national pride and superiority, which can be expressed to external groups, contains, even given its transitory nature, a strong emotional appeal to the masses, since it raises the honor in the eyes of the beholder. The most important political consequence of nationalism’s call for the status aspirations of the lower classes is the ease with which internal social conflicts can be translated into external, national ones [3. P. 111–112]. Thus, at a personal level, ethnicity, as well as nationality, is primarily a special form of sensual/emotional self-identification. Researchers point to the dual nature of nationalism, capable of acting both in the form of ideology and in the form of sensation (emotion). According to Adam Smith, nationalism-sensation had already existed at the pre-national level as an emotion associated with the group identity of an ethnocultural group, while the phenomenon of nationalism as an ideology emerged only in the modern period (17th–18th centuries) and was directly related to the formation of the first nation states in Europe and North America [4. P. 254].

The emotional component of an ethnopolitical conflict

Particularly emotionally meaningful is the perception of those real and imaginary threats that are essential for the security of the identity, status and self-preservation of an ethnic group. Ethnicity embodies an element of powerful emotional tension that can be reactivated, especially if groups perceive a threat to their own interests, which leads to intensification of ethnic intolerance, competition and, ultimately, to violent ethnic conflict [5. P. 127]. Indeed, very often the psychological determinants of the ethnopolitical conflict development are based on an irrational emotional principle – a feeling of “*ressentiment*” that lies in cultural stereotypes, unmet expectations, historical grievances, mythologized hostile ideas of the parties about each other, etc. The concept of *ressentiment*, initially introduced by Friedrich Nietzsche (“Zur Genealogie der Moral”, 1887), in its most general form, can be defined as a feeling of hostility towards something (or someone) the subject considers the cause of his failures. According to a later interpretation by Max Scheler, *ressentiment* is a long-term speculative representation caused by the systematic suppression of certain emotions: revenge, anger, envy, desire to humiliate, resentment [6. P. 45].

The widespread feeling of *ressentiment* leads to the accumulation of discontent, tending to politicize, which in turn, potentially, under certain circumstances, can be transformed into political violence. This collective potential for violence will be the highest in the country (region) where the majority of citizens feel acutely deprived of the goals that are of greatest value to them, at the same time deprived – both individually and collectively – of constructive means to the achievement of these goals, and equally deprived of the opportunity to act through non-violent methods, obeying the impulse of their anger instead [7. P. 142]. Moreover, in ethnic conflicts, for ordinary participants the emotional and psychological factor of the common agenda involvement is important. This so-called “pleasure of agency” (Elisabeth Jean Wood) motivated many participants to collective actions, be it mass political rallies or a military struggle against the state and its army [8. P. 647].

The tension of confrontation and fears of the participants in an ethnopolitical conflict form a special resource, which makes the use of violence an almost inevitable outcome of psychological confrontation in a situation when one of the parties, unable to withstand psychological stress, loses self-confidence (which leads to factionalism and passivity), and the other, on the contrary, gains confidence and takes the initiative. Herein, a tipping point, a strong collective emotional impulse, is extremely important, since after the establishment of complete emotional dominance, the likelihood of mass violence rises sharply [9. P. 19–20]. After the escalation of an ethnopolitical conflict into an armed form, revenge for the dead also becomes an important motive for participating in the conflict. At the same time, the harm inflicted is systematically exaggerated by the victims and underestimated by the offenders, resulting in retaliation that looks justified in the eyes of the earlier victims, but is perceived by their new victims as an unconditional evil. As a result, the cycle of violence intensifies.

Rejection of any dissent in the group under the conditions of acute conflict determines a dualistic view of the world, where there is a division into absolute good and absolute evil, which in turn provokes an even tougher confrontation between the bearers of the “highest truth” and those who hinder its achievement. This excessive emotional component of the actualized ethnic identity is the reason that ethnopolitical conflicts are characterized by a high degree of irrationality, expressed in a huge potential of aggressiveness, hatred and hostility, far beyond the rational awareness of the interests of the conflict parties, which in fact excludes the choice of an interaction strategy and the search for a compromise. Acute emotional experience narrows the range of categories used to describe social experience; in extreme cases it all comes down to two categories – either “with us” or “against us.”

One of the essential dynamic indicators of an ethnopolitical conflict associated with an irrational element in the parties' actions is a high potential for conflict escalation and its rapid development. Thus, researchers have empirically proved that the possibility of an ethnic conflict transition into an armed confrontation with the central government is twice as high as that for other types of internal conflicts. And the chances that an internal armed conflict will evolve into an interstate war are four times higher specifically for ethnic conflicts [10. P. 143]. However, as David Horowitz notes, Mass “objectified” anger is an integral part of large-scale interethnic riots. Nevertheless, the spontaneous mass outrage soon attracts the attention of those who, expecting to benefit from imminent violence, will try to provoke further mass demonstrations, using (and, undoubtedly, trying to exacerbate) the hostile feelings of those in whose participation they are interested. However, for the successful functioning of a structured community, an emotional component must be initially present. Calculation can mobilize people driven by similar feelings, but only feelings are capable of “total mobilization” [1. P. 36–37].

At the same time, “anger”, “fear” and “frustration” are not only emotions, given that they cannot be completely separated from the process of rational thinking. Anger, fear and frustration always have reasons, and some conflict parties are quite capable of not only formulating them, but also using them to their advantage. Moreover, a protracted ethnopolitical conflict already presupposes the development of certain norms, sanctions, roles and methods of communication, *i.e.*, it requires planning and calculation, since the cohesion of the group and the willingness to participate in the conflict can no longer be based solely on emotions.

Ethno-political contradictions become especially acute if the subject of the conflict is a disputed territory with country's basic resources or with territoriality problems. In such circumstances, a relatively weak loyalty to the nation can quickly become a powerful force, combined with the belief that one's own nation is being denied its rights [11. P. 200]. As a result, each of the ethno-political conflict parties is ready for the most decisive actions in order to resolve the issue of disputed territory in its favor. The danger of the escalation of an interethnic conflict into a violent phase is especially great, when both conflict parties are fighting for control over the disputed territory, which they regard as the "original territory", the "historical homeland" of their ethnic group. In this case, the very idea of territorial concessions as a form of reaching a compromise is perceived as "sacrilege" by the conflict parties.

Analyzing the Kyrgyz-Uzbek conflict in the town of Osh in June 2010, researchers noted an irreconcilable contradiction of two nationalisms, both simultaneously claiming the land as "their" land, and the status of "indigenous people" and "majority", which made political interaction very difficult [8. P. 33]. The same can be said about many ethno-political conflicts in the post-Soviet landscape and in the countries of the former Yugoslavia. Likewise, this contradiction fully manifested itself in the mutually exclusive narratives of Israel and Palestine regarding the problem of the creation of Israel in 1948. Thus, for the Israelis, the emergence of the state was the realization of the Jewish people's legal rights to return to the land of their ancestors and was not viewed as injustice towards the Arab population of Palestine, since they did not constitute a separate nation and had never had sovereignty on the territory in question. For the Palestinians, who perceived the Jews as a religious group, and not as a nation in need of their own state, who saw Zionism as a form of colonialism, the emergence of the Jewish state was considered as the usurpation of territory by the European settlers who forcibly displaced the indigenous population, destroyed their society, property and way of life.

Therefore, the protracted nature of ethno-political conflicts and the complete domination of the destructive potential over its constructive component are largely determined by the fact that the conflict parties, as a rule, have different value systems. Indeed, people are unlikely to deliberately risk their lives for the sake of satisfying their material interests. Contrariwise, in identity conflicts, the participation of the parties has an obvious sacrificial nature; the willingness to make sacrifices for the sake of identification and value ideals is emotionally experienced and realized by the conflict participants. An escalation of tension occurs when an ethnic group tends to perceive itself as a "victim" of "alien" groups' value claims [12. P. 147].

The role of "ethnic entrepreneurs" in the politicization of ethnicity

A crucial role in the ethnic conflict's escalation, and its transformation into an ethno-political one, is played by the activities of "ethnic entrepreneurs" who seek to unite their people, the "true people", sharply opposing those who, from their perspective, do not fit the description. In other words, their activity is always identity politics. At the same time, the polarization of society taking place in the process of this opposition is perceived not as "collateral damage", but as a way of fighting for power and its preservation. Characterizing the activities of ethnic

entrepreneurs, one can speak of “ideological conflict production” (Vladimir Malakhov), *i.e.*, the deliberate indoctrination of ordinary conflict participants in order to strengthen ethnic solidarity and armed struggle for equality of opportunities, higher status or for the sake of achieving “national liberation”. However, in order to be able to manipulate the masses, ethnic entrepreneurs need to “pull the heartstrings of people which can respond” (Leokadiya Drobizheva).

American anthropologist David Kertzer argues that people do not construct their fundamental political beliefs by critically analyzing rival political ideas and programs. They tend to obtain them from the outside, from the society in which they live, and these ideas and programs are largely controlled by those who exercise political and ideological hegemony. However, the political convictions of the masses can change. Furthermore, the role of beliefs is often exaggerated: political behavior of people is often explained by emotional reaction to events and context, rather than by the desire to follow their beliefs [13. P. 62, 67–70]. Moreover, it would be a mistake to consider the addressees of the elite’s narrative only as passive consumers of ideas and programs. The processes of encoding and decoding of the proposed meanings and symbols do not always coincide, which may lead to the emergence of alternative versions of the interpretation of the narrative spread by the elites, and even an unexpected reaction to their calls. As many researchers emphasize, the motivations of the elites and the masses do not always correspond to each other, even if the goals of conflict actions are coordinated, and primarily because the former are guided by rational political calculation, while the latter are driven by predominantly spontaneous collective feelings and strong emotions.

In addition, the strategy of group behavior is not always conscious, explicit, and is not necessarily a consequence of ethno-political mobilization, but can manifest itself in typical, custom-sanctified forms of behavior of ethnic communities’ representatives. As a result, the status, interests and real goals of the elites do not always allow for successful implementation of the strategy of ethno-entrepreneurship and “ethnic groups” manipulation; therefore, it would be a mistake to consider nationalism in purely instrumental terms, focusing only on the manipulative actions of rational elites which pursue their own interests. Elites themselves, while setting goals and constructing meanings, act within the framework of socially shared systems of meanings and, participating in its production and reproduction, obey its logic [14. P. 10].

Conclusion

Finally, it can be concluded that the majority of ethno-political conflicts should be regarded in the form of dynamic processes that include both subjective attributes (emotions, needs, interests) and presumably objective structural features (*e.g.*, unequal access to resources). Consequently, if one relies solely on either subjectivist approach or objectivist approach, then many of the subtleties of the conflict could be missed [15. P. 53]. Moreover, it should be emphasized that ethnic conflict caused by the clash of so-called “ethnic interests” and external manipulations can be interpreted by interested elites as a quasi-natural process and from this perspective as a “natural”, immanent state of interethnic relations. In this sense, the authorities, in principle, are not responsible for the emergence of conflicts. Since ethnic conflicts threaten the society and security of state, the

authorities are obliged to respond to this challenge. At the same time, the rhetoric of “conflict prevention” and “ensuring interethnic harmony” can be used for precisely opposite objectives, in particular for “legalization of discriminatory practices” [16. P. 65–66].

Therefore, an important particularity of ethnopolitical conflicts is the fact that all of them combine rational and affective actions, based on which, to one degree or another, three types of conflicts are produced: the struggle for resources, the clash of interests, and the emotional defense of ethnocultural identity.

References

1. Horowitz, D. (2007) Struktura i strategiya etnicheskogo konflikta [Structure and strategy of ethnic conflict]. *Vlast' – The Authority*. 6. pp. 35–41.
2. Baltovskij, L.V., Belous V.G., Abalian, A.I. & Radikov, I.V. (2020) Axiological Guidelines of Civil Education in Modern Russia. *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 8(1). pp. 266–271.
3. Vujacic, V. (2019) *Natsionalizm, mif i gosudarstvo v Rossii i Serbii: Predposylki raspada SSSR i Yugoslavii* [Nationalism, Myth and State in Russia and Serbia: Prerequisites for the Collapse of the USSR and Yugoslavia]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
4. Smith, A. (2002) Natsionalizm i istoriki [Nationalism and Historian]. In: Anderson, B., Bauer, O., Hrokh, M. et al. (eds) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Translated from English and German by L.E. Pereyaslavtseva, M.S. Panin, M.B. Gnedovskiy. Moscow: Praxis. pp. 236–263.
5. Horowitz, D. (1985) *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press.
6. Scheler, M. (1972) *Ressentiment*. New York: Schocken Books.
7. Gurr, T.R. (2005) *Pochemu lyudi buntuyut?* [Why Do People Rebel?]. St. Petersburg: Piter.
8. Tishkov, V.A. & Shnirelman, V.A. (2012) *Etnichnost' i religiya v sovremennykh konfliktakh* [Ethnicity and Religion in Modern Conflicts]. Moscow: Nauka.
9. Collins, R. (2008) *Violence: A Micro-Sociological Theory*. Princeton: Princeton University Press.
10. Toft, M.D. (2003) *The Geography of Ethnic Violence*. Princeton: Princeton University Press.
11. Yak, B. (2017) *Natsionalizm i moral'naya psikhologiya soobshchestva* [Nationalism and Moral Psychology of the Community]. Translated from English by K. Bandurovsky. Moscow: The Gaidar Institute.
12. Elvert, G. & Goshtoni, K. (2010) Nasilie i etnichnost' [Violence and ethnicity]. In: Yan, E. (ed.) *Natsionalizm v pozdnee- i postkommunisticheskoy Evrope* [Nationalism in Late and Post-communist Europe]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN. pp. 122–148.
13. Kertzer, D.I. (1988) *Ritual, Politics, and Power*. New Haven: Yale University Press.
14. Malinova, O.Yu. (2012) Simvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya [Symbolic Politics: The Contours of the Problem Field]. In: Malinova, O.Yu. (ed.) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics]. Vol. 1. Moscow: INION RAS. pp. 5–16.
15. Osipov, A. (2002) Konstruirovaniye etnicheskogo konflikta i rasistskiy diskurs [Construction of Ethnic Conflict and Racist Discourse]. In: Voronkov, V., Karpenko, O. & Osipova, A. (eds) *Rasizm v yazyke sotsial'nykh nauk* [Racism in the language of social sciences]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 45–69.
16. Rayman, K. (2007) K transformatsii konflikta: obzor sovremennykh teoriy uregulirovaniya konfliktov [Towards the Transformation of the Conflict: An Overview of Modern Theories of Conflict Resolution]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Etnopoliticheskiy konflikt: puti transformatsii: Nastol'naya kniga Bergkhovskogo tsentra* [Ethnopolitical Conflict: Ways of Transformation: A Handbook of the Berghov Center]. Moscow: Nauka. pp. 51–75.

Список источников

1. Горювич Д. Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. 2007. № 6. С. 35–41.
2. Baltovskij L.V., Belous V.G., Abalian A.I., Radikov I.V. Axiological Guidelines of Civil Education in Modern Russia // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Vol. 8, № 1. P. 266–271.
3. Вуячич В. Национализм, миф и государство в России и Сербии: Предпосылки распада СССР и Югославии. СПб. : Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 430 с.

4. Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. ; пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М. : Праксис, 2002. С. 236–263.
5. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, University of California Press, 1985. 720 p.
6. Scheler M. Ressentiment. New York : Schocken Books, 1972. 201 p.
7. Гэпп Т.П. Почему люди бунтуют? СПб. : Питер, 2005. 461 с.
8. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М. : Наука, 2012. 651 с.
9. Collins R. Violence: A Micro-Sociological Theory. Princeton : Princeton University Press, 2008. 569 p.
10. Toft M.D. The Geography of Ethnic Violence. Princeton : Princeton University Press, 2003. 226 p.
11. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества / пер. с англ. К. Бандуровского ; под науч. ред. М. Дондуковского. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 516 с.
12. Элверт Г., Гошони К. Насилие и этничность // Национализм в позднее- и посткоммунистической Европе : в 3 т. Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств / под общ. ред. Э. Яна. М. : РОССПЭН, 2010. С. 122–148.
13. Kertzer D.I. Ritual, Politics, and Power. New Haven : Yale University Press, 1988. 235 p.
14. Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / под ред. О.Ю. Малиновой и др. М. : ИНИОН РАН, 2012. С. 5–16.
15. Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб. : Алетейя, 2002. С. 45–69.
16. Райман К. К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: Настольная книга Бергховского центра / под ред. В. А. Тишкова. М. : Наука, 2007. С. 51–75.

Information about the authors:

Achkasov V.A. – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: val-achkasov@yandex.ru

Abalian A.I. – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.abalyan@spbu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Сведения об авторах:

Ачкасов В.А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: val-achkasov@yandex.ru

Абальян А.И. – кандидат политических наук, доцент кафедры этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.abalyan@spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021;
одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 04.05.2022

The article was submitted 12.10.2021;
approved after reviewing 30.03.2022; accepted for publication 04.05.2022

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Научная статья

УДК: 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/66/21

ВОПРОС О СМЕРТНОЙ КАЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Юлия Анатольевна Головина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
jagolovina@gmail.com*

Аннотация. Представлен обзор защищенных в постсоветский период в России диссертационных работ, посвященных теме смертной казни. Выявлено, что диссертационные исследования рассматриваемой темы проводились исключительно в правовом дискурсе. Показано, что отсутствие философского и исторического осмысления вопроса является ограниченным, недостаточно разносторонним, задает рамки, которые приводят к оперированию преимущественно нормами позитивного права безотносительно к социально-психологической и исторической сущности смертной казни.

Ключевые слова: смертная казнь, наказание, справедливость

Для цитирования: Головина Ю.А. Вопрос о смертной казни в современной российской правовой науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 230–243. doi: 10.17223/1998863X/66/21

Original article

THE QUESTION OF THE DEATH PENALTY IN MODERN RUSSIAN LEGAL SCIENCE

Yulia A. Golovina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, jagolovina@gmail.com

Abstract. For various reasons, the topic of the death penalty has not been a subject of active interest in Russian science over the past two decades. Dissertation studies were conducted exclusively in the legal discourse and belonged to the period of the late 1990s – early 2000s. The article presents an overview of these studies. The aspects touched upon by many authors (the approach to the death penalty from the perspective of a criminal-legal institution; the statement that the termination of the use of the death penalty in Russia is connected with the accession of the Russian Federation to the Council of Europe; the alternative to the death penalty in the form of life imprisonment) are identified. Works with special objects and subjects of research (the concept of “terminal punishment”, issues of punishment in pre-revolutionary dissertations) are noted. Some shortcomings, which are common in a number of dissertations (inconsistency of approaches and research methods to the set aim and objectives, conjuncture, politicization) are presented. The dubiousness of arguments often used in the dispute about the death penalty, which are in the field of statistics and sociology, is shown. It has been revealed that the gap in the available dissertations is, at least, the issue of protecting the rights of crime victims: it is practically not touched upon in the legal sense, or in other aspects. Dissertations related to the philosophical understanding of the issue of the

death penalty and submitted for defense in the post-Soviet period have not been found. Due to the reference to studies of historical character and works of philosophers of law, the limit- edness of the criminal-law approach is shown, which leads to the loss of the socio- psychological and historical essence of the death penalty; consideration of these aspects al- lows believing that the legal possibility of the death penalty for particularly grave crimes against life must exist.

Keywords: death penalty; punishment; justice

For citation: Golovina, Yu.A. (2022) The question of the death penalty in modern russian legal science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 230–243. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/21

В силу длительного периода фактического неприменения смертной казни, имеющегося комплекса правовых и политических решений вопрос о смерт- ной казни собственно с правовой точки зрения, как в части причин и основа- ний отказа от нее в России, так и в части возможных проблем ее назначения и исполнения, в последнее время мало интересовал научное сообщество: юри- дические диссертации по вопросам, непосредственно связанным со смертной казнью, относятся к периоду конца 1990-х – начала 2000-х гг.

Интересным представляется в этой связи то, что в книге В.Д. Зорькина «Конституционное правосудие: процедура и смысл», вышедшей в 2021 г., есть параграф, посвященный смертной казни. В.Д. Зорькин приводит некото- рые правовые нормы, акты и решения, а затем обращается к ряду известных авторитетных имен из сферы философии вообще и философии права в част- ности, показывая аргументацию позиции сторонников смертной казни, после чего следует такой текст: «Я привел этот краткий экскурс в философию пра- ва, чтобы продемонстрировать всю сложность, неоднозначность и по сути своей – *нерешенность* рассматриваемой правовой проблемы. То обстоятель- ство, что Конституционный Суд принял решение, делающее невозможным применение смертной казни в России на данном историческом этапе ее раз- вития, не исключает возможности возврата к этой мере наказания в будущем. Ведь, как верно замечено, пока есть умышленные убийства, вопрос о приме- нении смертной казни не может быть полностью закрыт. Здесь многое зави- сит от общей правовой ситуации в стране, от того, насколько далеко мы смо- жем продвинуться в деле создания того прочного, *уверенного в себе* *правопорядка*, который позволит удержать сделанную нами уступку, отход от требований правового принципа равенства. Очень надеюсь, что сделанный нашей страной отход от права в сторону нравственных и религиозных воз- зрений, которые стоят на позициях принципиального отказа от смертной каз- ни, пройдет для России успешно» [1. С. 80].

Настоящая статья является попыткой составить и дать общее представ- ление о появившихся в постсоветский период научных исследованиях (дис- сертациях) на тему о смертной казни. В предлагаемом обзоре не разбирается подробно каждая или какая-либо конкретная работа. Задача настоящей статьи – показать ограниченность собственно юридического и, тем более, исключи- тельно уголовно-правового подхода к решению вопроса о смертной казни, а также продемонстрировать отдельные недостатки, которые автор статьи по- считал значимыми.

Если максимально обобщить содержание имеющихся диссертационных исследований, то можно выявить ряд аспектов, которых касаются многие ав-

торы, выделить работы исторического характера и работы с особыми объектами, предметами исследования и выводами, отметить элементы (или инструменты), к которым обращаются как к аргументам, а также обнаружить недостатки и пробелы (аспекты, которые не отражаются либо отражаются в малом объеме). Отдельные недостатки являются общими для ряда диссертаций. К ним можно отнести несоответствие подходов и методов исследования цели и задачам работы, а также конъюнктурность и политизированность. В качестве элементов (инструментов) аргументации нередко используются результаты статистических и социологических методов исследования. Представляется, что данный тип аргументов требует особой осторожности при обращении к ним. В двух работах исследуются вопросы применения смертной казни в зарубежных странах (Япония [2], США [3]); несколько работ представляют собой исследования исторического характера [4–8]. Пробелом в имеющихся диссертациях является, по меньшей мере, вопрос защиты прав жертв преступлений: он практически не затрагивается ни собственно в правовом смысле, ни в иных аспектах. Диссертаций, связанных с философским осмыслением вопроса о смертной казни и представленных к защите в постсоветский период, не обнаружено.

К числу так или иначе совпадающих или пересекающихся в разных работах моментов относятся, по меньшей мере, следующие. Во-первых, подход к рассмотрению вопроса о смертной казни как к вопросу об уголовно-правовом институте наказания. Во-вторых, констатация факта о связи прекращения применения исключительной меры наказания в виде смертной казни со вступлением России в Совет Европы. Вместе с тем собственно формально-юридический (в том числе конституционный) аспект этой связи практически не обсуждается и не исследуется. В-третьих, вопрос об альтернативе смертной казни как наказания за особо тяжкие преступления против жизни в виде пожизненного лишения свободы является самостоятельным объектом исследования одной из диссертаций и коротко озвучивается как возможная проблема в некоторых диссертациях.

Среди представленных к защите диссертаций есть специфические работы с точки зрения темы и содержания, т.е. они имеют нетипичный объект или предмет исследования и, соответственно, выводы. В.А. Тирранен в исследовании «Высшие меры наказания в России и зарубежных странах» (2011)¹ предлагает концепцию *терминального наказания* и рассуждает о тенденции глобализации уголовного права, полагая, что подлинная глобализация может быть достигнута только объединением значительного количества уголовно-правовых систем стран мира, включая Евросоюз, США, Японию и Россию. Терминальное наказание предполагает предоставление преступнику выбора между пожизненным лишением свободы и смертной казнью. Одно из положений, выносившихся В.А. Тирраненом на защиту, без сомнения, представляется важным: «Предпосылками к изменению Российского уголовного законодательства является то, что высшая мера уголовного наказания не может предполагать исправление преступника и его реинтеграцию в общество в любом виде» [10]. Вопрос о выборе способа исполнения исключительной меры затронут и в работе И.Н. Афонина: отсутствие в Уголовно-исполнительном

¹ Здесь и далее в скобках приводится год написания работы. Это имеет значение, поскольку менялась собственно правовая ситуация в части регулирования вопросов применения смертной казни.

законе РФ выбора способов исполнения наказания в виде смертной казни «ущемляет право осужденного к смертной казни определить самому, каким способом ему легче умереть. Такой гуманный акт будет отвечать требованиям резолюции 1984/50 Экономического и Социального Совета ООН от 25 мая 1984 г. „Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни“» [10]. Работа «Доктрина о наказании в диссертационных исследованиях университетов Российской империи: генезис развития» (2010) не связана непосредственно с темой смертной казни, однако в ней имеется сравнительный анализ мнений дореволюционных отечественных ученых о смертной казни.

Заявленные подходы исследования не всегда соответствуют цели и задачам научной работы. Отмечается ограниченность собственно уголовно-правового подхода к смертной казни. Во многих случаях авторами заявляется «комплексный», «системный» анализ, хотя исследование ограничено анализом юридической (правовой) стороны с явным уклоном в позитивистский подход: авторы рассматривают «правовой институт» наказания в виде смертной казни. В определенном смысле это оправданно, поскольку, как отмечалось, диссертации защищались именно в сфере юриспруденции. Само понятие «правового института» автоматически задает и определяет ограниченный (в смысле «определенным образом заданный») круг исследования и аргументации, а именно преимущественно правовые нормы разного уровня закрепления (отрасли права уголовного цикла, конституционное право). Понятие «наказание», содержащееся в действующем Уголовном кодексе РФ, не отражает природы наказания как такового (кара, возмездие). Кроме того, исключительная мера, по сути своей, есть не наказание, а именно казнь, т.е. лишение жизни, и в этом – ее специфика и, собственно, исключительность. Вместе с тем подобный подход к рассмотрению смертной казни также может давать значимые результаты. Так, А.П. Горелов, например, пишет: «...узаконенная в УИК РФ практика обязательного рассмотрения всех уголовных дел, по которым был вынесен смертный приговор, и принятия по ним решения Президентом РФ подрывает авторитет судебной власти и стабильность приговоров» [11]. Р.В. Нигматуллин отмечает необходимость исключительного характера помилований для приговоренных к смертной казни и соответствия процедуры помилования принципу разделения властей, причем порядок помилования должен быть закреплен на уровне федерального закона, а «исполнение смертной казни не должно регламентироваться подзаконными нормативными актами, имеющими ограничительные грифы» [7].

В этой связи следует согласиться с мнением А.А. Щетинина (2004): «Однозначное определение института смертной казни как уголовного наказания порождает ряд противоречий, заключающихся в несоответствии ряда целей и признаков, присущих данным понятиям. А соответственно, целесообразно выведение определения понятия „смертная казнь“ из рамок такой категории, как наказание. Рассмотрение смертной казни в виде государственной меры социальной защиты как специфической формы уголовно-правовой ответственности, направленной на охрану общества от наиболее опасных посягательств, заключенной в лишении жизни преступника, позволяет более точно определить сущностное наполнение данного понятия и устранить существующие в законодательстве несоответствия и противоречия» [12].

Заметно в этом смысле отличается работа И.Н. Афонина «Смертная казнь: проблемы назначения и исполнения по российскому законодательству» (1999). И.Н. Афонин [10] исследует историческую специфику смертной казни в России в двух периодах, рассматривая казнь как институт государственной защиты царской России и как исключительную меру наказания в истории СССР, формулирует и обосновывает четкую позицию по отношению к формально-юридической стороне имевшихся на тот момент решений, включая конституционные аспекты, аргументирует необходимость не только сохранения смертной казни, но и расширения числа составов преступлений, за которые она может быть назначена в силу того, что соответствующие преступные деяния имеют в качестве объекта посягательства жизнь, уделяет внимание проблемам исполнения смертной казни.

Конъюнктурность, политизированность. Без сомнения, вопрос о смертной казни – это, во многом, вопрос политический. Его решение, очевидно, предполагает необходимость наличия серьезной политической воли государственной власти. Вместе с тем представляется, что научные исследования должны ориентироваться на иные критерии: недостаток внимания к аргументам юридической науки и логики ведет к необоснованности выводов и рекомендаций.

В работе И.Б. Те «Проблемы назначения, исполнения смертной казни и других видов уголовного наказания по законодательству современной Японии» (2005) в качестве цели исследования заявляется «обобщение различных сторон многолетней практики применения и исполнения смертной казни, других видов наказания в Японии для его использования в законотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации, направленной на законодательную отмену смертной казни и совершенствование законодательства и практики исполнения пожизненного лишения свободы» [2]; для достижения указанной цели предполагается использовать традиционные методы сравнительно-правового и криминологического анализа. В результате исследования законодательства и практики применения смертной казни в Японии И.Б. Те делает вывод, что «ни сохранение этой меры в законе, ни отказ от нее не имеют криминологической значимости или, другими словами, никак не влияют на динамику тяжких преступлений» [2]. Далее в автореферате диссертации утверждается следующее: «Сравнительный анализ практики применения и исполнения смертной казни в Японии и в России свидетельствует о том, что принятое в России решение о моратории на исполнение смертных приговоров и с криминологической, и с политической точек зрения было обоснованным. Время подтверждает, что годы моратория дали российскому обществу возможность постепенного привыкания к тому, что время казней прошло, постепенного осознания, что возврата к этой мере наказания не будет, что призывы отдельных политиков к отмене моратория носят конъюнктурный и спекулятивный характер. Поэтому последующим логическим шагом должно стать внесение в Конституцию и уголовное законодательство РФ изменений, направленных на исключение смертной казни из арсенала уголовно-правовых мер борьбы с преступностью» [2].

В приводимой аргументации можно увидеть логические недостатки. Если ситуация со смертной казнью в Японии не имеет криминологической значимости, то ссылка в сравнительном анализе на криминологический аспект

для обоснования решения вопроса о смертной казни в России не выглядит убедительной и уместной. Обоснованность выводов, сделанных на основе сравнения ситуации в Японии и в России, вызывает сомнения хотя бы в силу следующего утверждения самого автора: «...институт смертной казни издавна стал неотъемлемым элементом не только правовой системы Японии, но и японской культуры в целом». Вместе с тем следует согласиться с И.Б. Те в том, что полноценное решение вопроса о смертной казни в смысле ее отмены в России требует и предполагает конституционный уровень. Однако ст. 20 Конституции РФ, касающаяся смертной казни, находится в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина», внесение изменений в которую предполагает особую процедуру (ст. 135 Конституции РФ), вероятность проведения последней, очевидно, крайне низка.

Социология и статистика. Статистические методы при рассмотрении вопроса о смертной казни используются, по меньшей мере, в двух направлениях: во-первых, для проведения социологических опросов с целью выяснения мнения населения о возможности применения (отмены) смертной казни и, во-вторых, для характеристики динамики преступности после каких-либо решений этого вопроса (отмены либо восстановления).

По данным МВД РФ, на момент возбуждения уголовного дела от преступных посягательств погибли в 2012 г. 38,7 тыс. человек, в 2017 г. – 29,3 тыс., в 2020 г. – 22,7 тыс. человек. Традиционный показатель (в расчете на 100 тыс. жителей, исходя из численности населения 144–145 млн человек), таким образом, снизился с 54 в 2001 г. до 21 в 2011–2012 гг. и, далее, до 15 в 2020 г. Вместе с тем в тех же отчетах МВД РФ сообщается число убийств и покушений на убийства: 11 500 (2015 г.), 10 444 (2016 г.), 9 738 (2017 г.), 7 798 (2018 г.), 7 212 (2019 г.), что в расчете на 100 тыс. жителей составляет 6,76 в 2017 г. и 4,9 в 2019 г. В России в статистический учет убийств попадают только случаи умышленного причинения смерти (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и не попадают иные виды криминальной смерти, включая умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего [1. С. 73].

В любом случае, статистические данные имеют какой-то смысл лишь в сопоставлении. В той же публикации В.Д. Зорькина указывается для сравнения: в Европе было 1–2 убийства на 100 тыс. человек населения, в США, где смертная казнь применяется в целом ряде штатов, – 5,5 убийств [1. С. 73]. В работе «Применение и исполнение смертной казни в США» Д.Н. Болатаяев пишет: «Институт смертной казни издавна стал неотъемлемым элементом не только правовой системы США, но и американской культуры в целом» [3]. Уровень убийств в США, несмотря на последовательное снижение, является самым высоким среди развитых стран Европы и Азии. И все же показатели в США ниже, чем в России: в течение последних пяти лет (работа написана в 2003 г.) абсолютные показатели – в два раза, уровень убийств – почти в четыре раза (5,6 в США против 22,2 в России). Число ежегодно выносимых в США смертных приговоров в 1981–2001 гг. оставалось стабильным, число казней росло; специфика применения смертной казни в США заключается в том, что в среднем приговор приводится в исполнение в отношении каждого девятого осужденного, остальные ожидают казни в течение длительного времени (в среднем 11,5 лет). Альтернативная смертной казни мера наказания в виде пожизненного лишения свободы назначается чаще всего без права на

досрочное освобождение. «Применение смертной казни напрямую связано с расовым и имущественным неравенством и в целом носит расистский характер (87% всех казненных в 1972–2002 гг. негров – это осужденные за убийство белых, хотя число убитых среди белых и негров практически одинаково; негры составляют 36% всех казненных, хотя их доля среди населения страны составляет 12%)» [3]. Столь подробные данные о ситуации в США приведены с единственной целью: показать, что простое сопоставление статистических показателей вряд ли может быть объективным: тяжкая преступность в США имеет, исходя из сказанного, иные характеристики и причины, чем в России.

Общественное мнение. Диссертаций, полностью посвященных исследованию данного аспекта, не найдено. В имеющихся работах нередко констатируется, что во многих странах, включая Россию, значительная часть населения выступает за применение смертной казни. Вопросы, связанные с изучением общественного мнения, довольно сложные и, вероятно, представляют самостоятельный интерес. Поэтому в данном случае мы ограничимся тем, что приведем мнение Н.В. Макеевой: «Общественное требование смертной казни отражает, прежде всего, скептицизм в отношении возможности эффективно контролировать ситуацию с уголовными правонарушениями законодательным путем. Кроме того, в сознании большинства смертная казнь выступает скорее как инструмент народного правосудия, а не как орудие суверенной власти» [6].

Пожизненное лишение свободы как альтернатива смертной казни. В условиях отсутствия смертной казни требуется адекватный вид уголовного наказания за особо тяжкие преступления. В большинстве случаев в качестве такового рассматривается пожизненное лишение свободы. Однако приемлема ли данная альтернатива? В.Н. Андреева в работе «Смертная казнь и пожизненное лишение свободы как ее альтернатива» (2000) пишет следующее: «Как свидетельствуют научные исследования, вопрос о степени тяжести смертной казни и пожизненного лишения свободы расценивается неоднозначно. Немалая часть граждан, да и сами осужденные к пожизненному лишению свободы, считают, что это наказание не является более мягким, чем смертная казнь, полагая, что пожизненное лишение свободы – тоже смертная казнь, но в рассрочку» [13]. Как отмечает В.А. Тирранен, анализ судебной практики по вопросу пожизненного лишения свободы показывает определенные трудности применения этого вида наказания, а многие государства начали отказываться не только от смертной казни, но и от пожизненного лишения свободы: «Зачастую пожизненный, да и вообще длительный срок лишения свободы может оказаться для осужденного намного более мучительным наказанием, чем смертная казнь» [9]. Л.В. Арутюнов (2001) указывает: «Результаты проведенного сравнения между условиями отбывания наказания осужденными к смертной казни и пожизненному лишению свободы ставят под сомнение применение последнего в качестве помилования, так как отбывание данного вида наказания в настоящее время в условиях российских пенитенциарных учреждений не является более „мягким“ наказанием» [14].

Исследования исторического направления. Среди представленных к защите диссертаций имеется несколько работ исторического характера: «Проблема смертной казни в контексте модернизации уголовной политики в Западной Европе и России: Конец XVIII–XIX вв. (Н.В. Макеева, 2005);

«Смертная казнь в истории отечественного права» (С.В. Жильцов, 2002); «Юридическая трансформация института смертной казни в системе российского государственно-правового принуждения» (А.А. Щетинин, 2004). Не относится к числу работ непосредственно о смертной казни, однако представляет в связи с этой темой интерес исследование «Генезис и эволюция уголовно-правовых институтов в Московском государстве в XIV–XVII вв.» (А.А. Рожнов, 2012).

Н.В. Макеева в самом начале своего исследования пишет: «Смертная казнь – явление закономерное, генетически произошедшее из обычая кровной мести, распространенного у всех народов мира, а следовательно, потому имеющее объективную основу применения» [6]. Смертная казнь рассматривается Н.В. Макеевой в ракурсе модернизации уголовной политики, что предполагает целый ряд «внешних» по отношению, собственно, к смертной казни аспектов: совершенствование системы уголовных наказаний, вопросы применения смертной казни, реформирование пенитенциарной системы, тенденции изменения взглядов общества на уголовную политику. Не случайным является выбор временного периода исследования – конец XVIII–XIX вв.: в этом временном отрезке совпали процессы сокращения применения смертной казни и реформирования государства и права в большинстве стран Западной Европы; в конце XIX в. тенденции в уголовной политике сменились на противоположные (ужесточение систем уголовных наказаний, возврат к смертной казни).

По мнению Н.В. Макеевой, модернизация уголовной политики в наибольшей степени отражена в решении проблемы смертной казни: ограничение применения смертной казни имело свои социально-экономические, политические и юридические предпосылки, и процесс модернизации уголовной политики был закономерным и исторически обусловленным. В результате к концу XIX в. в странах Западной Европы смертная казнь применялась только за государственные преступления и преступления против жизни человека; в небольших государствах смертная казнь была отменена. В России в начале XIX в. смертная казнь предусматривалась за государственные, карантинные и воинские преступления, к концу века осталось две группы – государственные и карантинные¹. Последовавшее далее ужесточение системы уголовных наказаний и, в том числе, восстановление смертной казни Н.В. Макеева связывает с позитивистским направлением в праве: масштабы преступности были таковы, что представители позитивистского направления самым действенным средством борьбы с ними видели смертную казнь. Переходя к современности, Н.В. Макеева отмечает несколько важных моментов: в сознании достаточно большого количества людей и в Западной Европе, и в России по-прежнему сохраняется твердое убеждение, что в исключительных случаях смертная казнь является справедливой и необходимой; одним из мотивов этого убеждения является месть; месть – сильное чувство, проявлением которого является агрессия, и смертная казнь является «специфической формой ее нейтрализации на государственном уровне».

¹ Следует уточнить: в России существовала возможность при определенных (чрезвычайных) обстоятельствах использовать особое законодательство, что и было фактически сделано в ответ на развернувшийся во второй половине XIX в. революционный террор. В результате число смертных приговоров резко возросло, а проблема смертной казни, соответственно, обострилась.

Представляется важным обратить внимание на отмеченное В.Н. Макеевой существенное отличие групп «смертных» преступлений в странах Западной Европы и в России: в России в XIX в. отсутствует смертная казнь за преступления против жизни, т.е. исключительная (в современной терминологии) мера применяется для защиты интересов государства. Так было не всегда. Как пишет С.В. Жильцов в работе «Смертная казнь в истории отечественного права» (2002), смертная казнь в истории отечественного права – явление закономерное. Происходит оно из обычая кровной мести, которая предназначалась за убийство [4]. Закон Русский представлял собой свод устного обычного права и включал правовой обычай кровной мести; исполнение этого обычая было не только священной обязанностью членов рода, но и «законом» неписаного права. Рассматривая процесс становления правового института смертной казни в период развития раннефеодального государства, С.В. Жильцов делает вывод, что «княжеская власть уже к концу IX не могла обойтись без активного вмешательства в нормы обычного права, которые постепенно изживали себя, теряя позитивные начала регулятора общественных отношений в условиях раннефеодального общества; природное предназначение смертной казни изменяется, – действуя с позиции права силы в установлении феодальных отношений, княжеская власть начинает активно применять смертную казнь по Градским законам, известным со времени введения христианства на Руси Великим киевским князем Владимиром, т.е. дальнейшее распространение смертной казни на Руси происходит и под влиянием византийского права, при участии русской христианской церкви» [4].

Дальнейшее расширение применения смертной казни в отечественном праве связано с теми задачами, которые решала власть в процессе создания и укрепления государства: в период феодальной раздробленности и формирования единого Русского государства смертная казнь стала назначаться за государственные преступления; во времена Ивана Грозного – в политических целях, чем были попораны существовавшие по понятиям того времени элементарные основы законности и правопорядка, Соборное Уложение 1649 г. изобиловало санкцией в виде смертной казни за различные преступления, в частности, казни раскольников – это «результат конфликта усиления государственного принуждения над славянской вольностью» и т.д. Из проведенного исторического исследования С.В. Жильцовым делается, в частности, следующий вывод: «Весь период истории отечественного государства и права свидетельствует о том, что вопрос о применении смертной казни решался с политических позиций; объектом защиты являлось государство – его безопасность, целостность, собственность, но не человек – его жизнь. Смертная казнь использовалась в качестве устрашения и возмездия, но отнюдь не как справедливое наказание за совершение тяжких преступлений против жизни человека; была искажена сама суть предназначения смертной казни, исходя из истории ее происхождения» [4]. За умышленное убийство смертная казнь впервые стала назначаться лишь в 1954 г. И именно защита жизни человека является природным, объективным предназначением данной исключительной меры.

Расширение рамок рассмотрения смертной казни как уголовно-правового института до понимания ее как некоего социального явления и, вместе с тем, личного дела (в смысле наличия конкретной жертвы, у которой есть и право,

и потребность ответить на нарушение ее прав) автоматически формирует более глубокий подход к исследованию темы и неизбежно приводит к необходимости философского осмысления вопроса, в том числе, его нравственных аспектов, включая справедливость, а также размышлений о соотношения интересов человека, общества и государства. В этом смысле следует согласиться с мнением И.Н. Афонина об отправных точках для принятия решения: «Прежде чем поставить вопрос, нужна ли отмена смертной казни Российской Конституции, уголовному закону, уголовно-исполнительному закону, государству и обществу, необходимо ответить, готова ли Россия материально и морально» [10].

О моральной стороне наказания как такового, о праве и обязанности наказания рассуждали ученые, философы права. И.Я. Фойницкий полагал, что потребности осуществить наказание за преступление имеют и индивид, и общество. При этом на уровне индивида данные потребности имеют три источника (основы): материальное существование, чувственная и умственная стороны природы человека. Материальная потребность получает свое отражение в праве на вознаграждение за вред, в праве на оборону. Чувственная потребность проявляется в том, что человек чувствует наносимую ему обиду как «вторжение в сферу его личности» и желание, рефлекс отплатить. Постепенно под влиянием требований человеческого общежития грубые формы рефлекса смягчаются, возникают нравственность и справедливость. «Они требуют, чтобы за добром следовало добро, за злом – зло. Это – абсолютное требование совести; абсолютное в том смысле, что оно не зависит от соображения последствия исполнения их, точно так же, как и другие требования, вытекающие из чувственной стороны человеческой природы (любовь, ненависть). Таким образом, грубое чувство боли от обиды сменяется моральными правилами совести, требующей пропорциональности между обидой и отплатой» [12, 15]. А.Ф. Кистяковский говорил о принятии и признании людьми справедливости наказания и о всеобщем отвращении к преступлению как об основе нравственной силы наказания: «Относительно обыкновенных преступлений достоверны два факта: один – что действие, преступное по закону, действительно совершилось; другой – что оно действительно преступно; все согласны в этом; отвращение к этим преступлениям находится в сердцах всех. Оттого наказания за эти преступления сопровождаются нравственным действием» [16. С. 154].

Справедливость наказания в случае особо тяжких преступлений против жизни следует рассматривать как понимание и осознание: совершенное преступное деяние столь тяжело, что является несовместимым с продолжением жизни лица, виновно его совершившего, и потому никакое иное наказание, кроме смертной казни, не может быть принято. Иными словами, природная потребность человека в справедливом наказании не может принять ничего иного, кроме смертной казни. Такой подход ни в коей мере не противоречит соображениям гуманизма. Еще в 1868 г. Дж.Ст. Милль, выступая в Парламенте Великобритании в защиту смертной казни [17], сравнивал ее с пожизненным заключением, которое тогда уже рассматривалось как единственно возможная альтернатива исключительной мере наказания за убийство при отягчающих обстоятельствах: «Как же в самом деле можно сравнивать, с точки зрения суровости, приговор человека к кратковременной боли от быст-

рой смерти, с заключением его в живую могилу, с жалким и вероятно долгим существованием в тяжелейшем монотонном труде без каких-либо облегчений или поощрений, лишенным всех приятных видов и звуков, малейшей надежды, за исключением незначительного ослабления физического ограничения или ничтожного улучшения питания» [18].

Статистические данные о динамике преступности в споре о смертной казни используются давно. Вместе с тем их значимость как аргумента в этом споре сомнительна, если попробовать сопоставлять общую ситуацию в стране в разные периоды времени или в разных странах по комплексу других критериев (социально-экономическое положение, состояние дел в сфере уголовного процесса, криминологическая ситуация, культура и др.). Еще на рубеже XIX–XX вв. Н.С. Таганцев писал: «Вообще исследователи социальной стороны преступности давно уже представили несомненные доказательства, что факторы преступности, а в частности и причины, заправляющие ее ростом, лежат в экономических и социальных условиях общественной жизни и слишком мало зависят от суровости наказаний» [19. С. 16]. Даже если допустить, что можно придумать и получить какие-то сопоставимые показатели, можем ли мы определить тот их диапазон, при котором «еще можно» было бы применять смертную казнь за особо тяжкие преступления против жизни, и тот «порог», после которого «уже не обязательно»?

В.Д. Зорькин пишет, что, по данным различных опросов, на рубеже XX–XXI вв. за сохранение смертной казни высказывались 60–65% россиян [1. С. 72]. Эти данные свидетельствуют, что значительная часть населения страны не принимает факт отсутствия в практике правоприменения смертной казни как оправданный. Это представляется важным, поскольку прямо влияет на правосознание людей: отсутствие правовой возможности применить справедливое наказание за наиболее жестокие преступления против жизни, очевидно, подрывает доверие к праву как таковому и к государству, как основному его творцу.

Данные базовые установки позволяют нам присоединиться к мнению Н.В. Макеевой: «Смертная казнь не только морально приемлема, но и существенно необходима для осуществления справедливости. Смертная казнь оказывается беспроblemным методом и символом справедливости, так как сводит все многообразие сложных социальных проблем к борьбе добра со злом» [6]. Возможность законного применения смертной казни за особо тяжкие преступления против жизни должна существовать.

Список источников

1. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл / Конституционный Суд РФ. СПб., 2021. 154 с.
2. Те И.Б. Проблемы назначения, исполнения смертной казни и других видов уголовного наказания по законодательству современной Японии : автореф. ... канд. юрид. наук. 2005. URL: <https://www.dissercat.com/content/problemny-naznacheniya-ispolneniya-smertnoi-kazni-i-drugikh-vidov-ugolovnogo-nakazaniya-po-za> (дата обращения: 09.03.2021).
3. Болатбаев Д.Н. Применение и исполнение смертной казни в США : автореф. ... канд. юрид. наук. 2003. URL: <https://www.dissercat.com/content/primenenie-i-ispolnenie-smertnoi-kazni-v-ssha> (дата обращения: 09.03.2021).
4. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории отечественного права : автореф. ... д-ра юрид. наук. 2002. URL: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-v-istorii-otechestvennogo-prava> (дата обращения: 09.03.2021).

5. Лоба В.Е. Доктрина о наказании в диссертационных исследованиях университетов Российской империи: генезис развития : автореф. ... канд. юрид. наук. 2010. URL: <https://www.dissercat.com/content/doktrina-o-nakazanii-v-dissertatsionnykh-issledovaniyakh-universitetov-rossiiskoi-imperii> (дата обращения: 09.03.2021).
6. Макеева Н.В. Проблема смертной казни в контексте модернизации уголовной политики в Западной Европе и России: Конец XVIII – XIX вв. : автореф. ... канд. юрид. наук. 2005. URL: <https://www.dissercat.com/content/problema-smertnoi-kazni-v-kontekste-modernizatsii-ugolovnoy-politiki-v-zapadnoi-evrope-i-ros> (дата обращения: 09.03.2021).
7. Нигматуллин Р.В. Институт смертной казни в уголовном праве России XIX века : автореф. ... канд. юрид. наук. 1996. URL: <https://www.dissercat.com/content/problemy-naznacheniya-ispolneniya-smertnoi-kazni-i-drugikh-vidov-ugolovnogo-nakazaniya-po-za> (дата обращения: 09.03.2021).
8. Рожнов А.А. Генезис и эволюция уголовно-правовых институтов в Московском государстве в XIV-XVII вв. : автореф. ... д-ра юрид. наук. 2012. URL: <https://www.dissercat.com/content/genezis-i-evolyutsiya-ugolovno-pravovykh-institutov-v-moskovskom-gosudarstve-v-xivxvii> (дата обращения: 09.03.2021).
9. Турранен В.А. Высшие меры наказания в России и зарубежных странах : автореф. ... канд. юрид. наук. 2011. URL: <https://www.dissercat.com/content/vysshie-mery-nakazaniya-v-rossii-i-zarubezhnykh-stranakh> (дата обращения: 09.03.2021).
10. Афонин И.Н. Смертная казнь: проблемы назначения и исполнения по российскому законодательству : автореф. ... канд. юрид. наук. 1999. URL: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-problemy-naznacheniya-i-ispolneniya-po-rossiiskomu-zakonodatelstvu> (дата обращения: 09.03.2021).
11. Горелов А.П. Проблема смертной казни как вида наказания : автореф. ... канд. юрид. наук. 1998. URL: <https://www.dissercat.com/content/problema-smertnoi-kazni-kak-vida-nakazaniya> (дата обращения: 09.03.2021).
12. Щетинин А.А. Юридическая трансформация института смертной казни в системе российского государственно-правового принуждения : автореф. ... канд. юрид. наук. 2004. URL: <https://www.dissercat.com/content/yuridicheskaya-transformatsiya-instituta-smertnoi-kazni-v-sisteme-rossiiskogo-gosudarstvenno> (дата обращения: 09.03.2021).
13. Андреева В.Н. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы как ее альтернатива : автореф. ... канд. юрид. наук. 2000. URL: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-i-pozhiznennoe-lishenie-svobody-kak-ee-alternativa> (дата обращения: 09.03.2021).
14. Арутюнов Л.С. Высшая мера наказания в Российской Федерации: Современное состояние, перспективы развития : автореф. ... канд. юрид. наук. 2001. URL: <https://www.dissercat.com/content/vysshaya-mera-nakazaniya-v-rossiiskoi-federatsii-sovremennoe-sostoyanie-perspektivy-razvitiy> (дата обращения: 09.03.2021).
15. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб. : Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. 503 с.
16. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула : Автограф, 2000. 272 с.
17. Артемьева О.В. Предисловие к публикации // Этическая мысль. 2009. Вып. 9. С. 177–182.
18. Милль Дж. Ст. Речь в защиту смертной казни (1868) // Этическая мысль. 2009. Вып. 9. С. 183–192.
19. Таганцев Н.С. Законопроект о смертной казни в Государственном Совете. Сессия 1906 года. Т. VI. URL: <https://www.litres.ru/n-tagancev/zakonoproekt-o-smertnoy-kazni-v-gosudarstvennom-sovete-sessiya-1906-goda-tom-vi/> (дата обращения: 09.05.2019).

References

1. Zorkin, V.D. (2021) *Konstitutsionnoe pravosudie: protsedura i smysl* [Constitutional justice: procedure and meaning]. St. Petersburg: Constitutional Court of the Russian Federation.
2. Те, I.B. (2005) *Problemy naznacheniya, ispolneniya smertnoy kazni i drugikh vidov ugolovnogo nakazaniya po zakonodatel'stvu sovremennoy Yaponii* [Problems of appointment, execution of the death penalty and other types of criminal punishment under the legislation of modern Japan]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/problemy-naznacheniya-ispolneniya-smertnoi-kazni-i-drugikh-vidov-ugolovnogo-nakazaniya-po-za> (Accessed: 9th March 2021).
3. Bolataev, D.N. (2003) *Primenenie i ispolnenie smertnoy kazni v SShA* [The use and execution of the death penalty in the United States]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from:

<https://www.dissercat.com/content/primeneniye-i-ispolneniye-smertnoi-kazni-v-ssha> (Accessed: 9th March 2021).

4. Zhiltsov, S.V. (2002) *Smertnaya kazn' v istorii otechestvennogo prava* [The death penalty in the history of Russian law]. Abstract of Law Dr. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-v-istorii-otechestvennogo-prava> (Accessed: 9th March 2021).

5. Loba, V.E. (2010) *Doktrina o nakazanii v dissertatsionnykh issledovaniyakh universitetov Rossiyskoy imperii: geneziss razvitiya* [The Doctrine of Punishment in Dissertation Research at Universities of the Russian Empire: The Genesis of Development]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/doktrina-o-nakazanii-v-dissertatsionnykh-issledovaniyakh-universitetov-rossiiskoi-imperii> (Accessed: 9th March 2021).

6. Makeeva, N.V. (2005) *Problema smertnoy kazni v kontekste modernizatsii ugovolnoy politiki v Zapadnoy Evrope i Rossii: Konets XVIII – XIX vv.* [The problem of the death penalty in the context of the modernization of criminal policy in Western Europe and Russia: The end of the 18th – 19th centuries]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/problema-smertnoi-kazni-v-kontekste-modernizatsii-ugolovnoi-politiki-v-zapadnoi-evrope-i-ros> (Accessed: 9th March 2021).

7. Nigmatullin, R.V. (1996) *Institut smertnoy kazni v ugovolnom prave Rossii XIX veka* [Institute of the death penalty in the criminal law of Russia in the 19th century]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/problemy-naznacheniya-ispolneniya-smertnoi-kazni-i-drugikh-vidov-ugolovnogo-nakazaniya-po-za> (Accessed: 9th March 2021).

8. Rozhnov, A.A. (2012) *Genezis i evolyutsiya ugovolno-pravovykh institutov v Moskovskom gosudarstve v XIV-XVII vv.* [Genesis and evolution of criminal law institutions in the Moscow state in the 14th – 17th centuries]. Abstract of Law Dr. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/genezis-i-evolyutsiya-ugolovno-pravovykh-institutov-v-moskovskom-gosudarstve-v-xiv-xvii> (Accessed: 9th March 2021).

9. Tirranen, V.A. (2011) *Vysshie mery nakazaniya v Rossii i zarubezhnykh stranakh* [Capital punishment in Russia and foreign countries]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/vysshie-mery-nakazaniya-v-rossii-i-zarubezhnykh-stranakh> (Accessed: 9th March 2021).

10. Afonin, I.N. (1999) *Smertnaya kazn': problemy naznacheniya i ispolneniya po rossiyskomu zakonodatel'stvu* [The death penalty: problems of appointment and execution under Russian legislation]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-problemy-naznacheniya-i-ispolneniya-po-rossiyskomu-zakonodatel'stvu> (Accessed: 9th March 2021).

11. Gorelov, A.P. (1998) *Problema smertnoy kazni kak vida nakazaniya* [The problem of the death penalty as a form of punishment]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/problema-smertnoi-kazni-kak-vida-nakazaniya> (Accessed: 9th March 2021).

12. Shchetinin, A.A. (2004) *Yuridicheskaya transformatsiya instituta smertnoy kazni v sisteme rossiyskogo gosudarstvenno-pravovogo prinuzhdeniya* [Legal transformation of the death penalty institution in the system of Russian state legal coercion]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/yuridicheskaya-transformatsiya-instituta-smertnoi-kazni-v-sisteme-rossiyskogo-gosudarstvenno> (Accessed: 9th March 2021).

13. Andreeva, V.N. (2000) *Smertnaya kazn' i pozhiznennoe lishenie svobody kak ee al'ternativa* [The death penalty and life imprisonment as its alternative]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/smertnaya-kazn-i-pozhiznennoe-lishenie-svobody-kak-ee-al'ternativa> (Accessed: 9th March 2021).

14. Arutyunov, L.S. (2001) *Vyshaya mera nakazaniya v Rossiyskoy Federatsii: Sovremennoe sostoyaniye, perspektivy razvitiya* [Capital punishment in the Russian Federation: current state, development prospects]. Abstract of Law Cand. Diss. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/vyshaya-mera-nakazaniya-v-rossiiskoi-federatsii-sovremennoe-sostoyaniye-perspektivy-razvitiya> (Accessed: 9th March 2021).

15. Foynitskiy, I.Ya. (1889) *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison science]. St. Petersburg: Ministry of Railways (A. Benke).

16. Kistyakovskiy, A.F. (2000) *Issledovanie o smertnoy kazni* [Study on the death penalty]. Tula: Avtograf.

17. Artemieva, O.V. (2009) Predislovie k publikatsii [Preface]. *Eticheskaya mysl'*. 9. pp. 177–182.

18. Mill, J.St. (2009) Rech' v zashchitu smertnoy kazni (1868) [Speech in defense of the death penalty (1868)]. *Eticheskaya mysl'*. 9. pp. 183–192.

19. Tagantsev, N.S. (n.d.) *Zakonoproekt o smertnoy kazni v Gosudarstvennom Sovete. Sessiya 1906 goda* [Death penalty bill in the State Council. Session 1906]. Vol. 6. [Online] Available from: <https://www.litres.ru/n-tagantsev/zakonoproekt-o-smertnoy-kazni-v-gosudarstven-nom-sovete-sessiya-1906-goda-tom-vi/> (Accessed: 9th May 2019).

Сведения об авторе:

Головина Ю.А. – аспирант, кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: jagolovina@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Golovina Yu.A. – National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jagolovina@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 20.01.2022;
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Гуманистическая наука – проект или заявка?

Научная статья
УДК 008
doi: 10.17223/1998863X/66/22

О ДЕГУМАНИЗИРУЮЩЕЙ МИССИИ НАУКИ

Александр Юрьевич Антоновский

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия, olgastoliarova@mail.ru

Аннотация. В своем комментарии на книгу И.Т. Касавина «Наука – гуманистический проект» (2020) я бы хотел оттолкнуться от некоторых положений системно-коммуникативной теории, имеющий прямое отношение к трем базовым лейтмотивам комментируемого труда: от понимания науки как коммуникации, от этической интерпретации науки и от вопроса о ее политической субъектности. В противовес нормативной позиции И.Т. Касавина, а именно его утверждению о желательной и чуть ли не дефинитивной гуманности науки, мне представляется, что ее коммуникативное своеобразие не всегда соответствует тем гуманистическим ожиданиям, которые общество традиционно связывает с наукой. И дело не только в том, что значение и эффекты человека (исследователя или эксперта) принято «выключать» из факторов научного наблюдения как искажающее его объективность.

Ключевые слова: наука, морализация науки, системно-коммуникативная теория, гуманизация науки, И.Т. Касавин

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Для цитирования: Антоновский А.Ю. О дегуманизирующей миссии науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 244–251. doi: 10.17223/1998863X/66/22

Humanistic science: project or request?

Original article

ON THE DEHUMANIZING MISSION OF SCIENCE

Alexander Yu. Antonovskiy

Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation, antonovskiy@iph.ras.ru

In my commentary on the book by Ilya T. Kasavin, I would like to start from some provisions of the system-communicative theory, which is directly related to the three basic leitmotifs of the commented work: from the understanding of science as communication, from the ethical interpretation of science, and from the question of its political subjectability. In contrast to Kasavin's normative position, namely, his statement about the desirable and almost

definitive humanity of science, I argue that its communicative originality does not always correspond to the humanistic expectations that society traditionally associates with science. And the point is not only that the meaning and effects of a person (researcher or expert) are usually “excluded” from the factors of scientific observation as distorting its objectivity. To an even greater extent, science is characterized by alienation that is generated by the organizational effects of science – a huge disciplinary and structurally differentiated enterprise, the functionality of which algorithms scientific communication so much that there is essentially no room for an individual’s free decision. The matter is aggravated by the fact that traditional collegial expert structures (academic and dissertation councils, competition and attestation commissions, etc.) can no longer make their decisions (only) on the basis of a deliberative discussion of the scientific achievements of employees, any deep acquaintance with scientists themselves and their projects. Today, it is customary to focus on averaged and algorithmized markers of scientific success (on the Hirsch indices of researchers, on the impact factors of the journals where they are published, on the distribution of scientific institutions by category).

Keywords: science; system-communicative theory; humanization; Ilya T. Kasavin

Acknowledgments: The research was carried out within the project supported by Russian Science Foundation, No. 19-18-00494: The Mission of the Scientist in the Modern World; Science as Profession and Vocation.

For citation: Antonovskiy, A.Yu. (2022) On the dehumanizing mission of science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 244–251. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/22

Дегуманизированная коммуникация в науке и политике

В противовес распространенному и детально разработанному в книге [1] тезису о чуть ли не дефинитивной гуманности современной науки или (в более слабом смысле – о ее человекоразмерности), мне представляется, что ее коммуникативное своеобразие сегодня не всегда соответствует тем гуманистическим ожиданиям, которые общество традиционно связывает с наукой. Начну с заявленного в заголовке тезиса о дегуманизации научной коммуникации. Вообще говоря, дегуманизация свойство любого системно детерминированного или инструментальной рациональности¹. Это свойство характеризует не только науку, но всякую систематическую коммуникацию: и политику, и хозяйство, и даже ритуализированную религию.

В каждой из перечисленных систем реализуются те или иные коммуникативные программы (инвестиционные, политические, научные, образовательные, эстетически-стилевые и т.д.). Так, политические алгоритмы максимизации власти подчиняют чиновников «партийным» программам, не предполагающих учет их личных переживаний и пристрастий (аффективность и партикуляризм в смысле Т. Парсонса). Но политическое действие или коммуникация сохранило больше элементов произвольности, ведь, по сути, оно носит *проектный* характер: ориентированный на еще актуализированное будущее *политический проект* не обязан учитывать резоны, сообразовываться с реальностью и даже – перспективами его выполнимости. Возможное фиаско уже закладывается в него как допустимый исход. Временные ограничения политических проектов и программ снимают риск избыточных расходов, а временные ограничение на периоды легислатуры снимают ответственность и с самих «проектировщиков». К тому же политическое решение способно и

¹ В смысле Юргена Хабермаса [2].

само обеспечивать собственную выполнимость через коллективно обязательные *действия* и соответствующие манипуляции (в исходном смысле слова «действия руками»).

Напротив, дефинитивно-созерцательная научная коммуникация, соотносящаяся с объективной (интерсубъективно-удостоверяемой) реальностью, алгоритмизирована гораздо жестче. Истина не может стать следствием действий (= манипуляции), поскольку – как бы ее ни определяли – является результатом коллективно удостоверенных восприятий и наблюдений. Коллективная обязательность такого созерцания не может быть установлена решением (т.е. произвольно, как в политике), но требует единства коллективно-идентичных созерцаний. Политическое действие создает то, чего не было. А научное созерцание, наблюдение и эксперимент фиксируют то, что есть, и именно этим принуждает к акцептации предложений науки и соблюдения стандартизированных научных процедур (исследовательских протоколов и т.д.). Но именно это как раз и минимизирует степени научных свобод и пространство целеполаганий исследовательской работе.

Эти – достаточно тривиальные – соображения можно конкретизировать. Программно-протокольная алгоритмичность научной коммуникации вытекает из ряда ее контекстных ограничений в социальном, темпоральном и предметно-тематическом «горизонтах» или измерениях. Так, ученые жестко ограничены тематикой и спецификой исследуемого предмета, временным давлением (требованиями новизны и текущей актуальности своего исследования) и также не могут не учитывать ожидания сообщества компетентных наблюдателей. И как бы не хотелось мне реализовать свою свободную индивидуальность, разделяемый мной гуманистический идеал, эти возможности самореализации довольно жестко определены предыдущими текстами (в данном случае текстом, который я в данный момент комментирую, и теми научными текстами, которые уже «записаны» в моей памяти; временем, отведенным на написание данных комментариев; временными перспективами самой публикации; ожиданиями рецензентов и экспертов).

Означенные измерения задают всегда ограниченное пространство возможностей, внутри которого автор выступает лишь передаточным звеном, посредником, исчисляющим предоставленные ему шансы *на успех* создаваемого им продукта (= на *акцептацию* того запроса на контакт, который в данном случае выражается в принятии научной публикации к печати). Сам данный текст есть некая переформатированная версия прокомментированного текста. При этом такого рода реконструкция должна быть предельно близка его «объективному» смыслу, а критические контраргументы должны иметь «объективные» основания (подразумевающие предельную близость к ранее сформулированным идеям, эмпирическим фактам и следовать «логической структуре» аргументации). Лишь запрет на «отсебятины» и «идеосинкразию» выступает условием эволюции текстуального контента. Те или иные элементы научных текстов, с «лучшими» или «худшими» свойствами, как бы предлагают себя для будущей селекции новыми поколениями авторов. Но именно такие небольшие (одна статья – один тезис), постепенные, селективные улучшения знания, минимальные коррекции, а не глобальные авторские целеполагания («вечные темы и глобальные проекты) являются динамическими элементами научной коммуникации. Тексты, как элементы научной комму-

никации, отбираются на основе других текстов. В этом смысле «тексты встречаются с текстами», а не авторы с авторами.

Но и в *темпоральном* горизонте прогресс научной коммуникации, успех научных притязаний авторов подчинен безличным механизмам эволюции. Здесь, в свою очередь, роль человеческого фактора исчезающе мала. Не человек и даже не коллективы ведают селекцией или отбором «лучшего знания» (в виде текстов, претендующих на публикацию), а значит – определяют их дальнейшую пролиферацию. Сегодня этот отбор осуществляется на социально-сетевых площадках, где сотни тысяч ученых участвуют в судьбах сотен тысяч статей, согласно алгоритмам искусственных нейросетей. Эти нейросети оценивают «веса» научных достижений через социально-сетевые реакции, через лайки, репосты, комментарии, ревью и обучаются делать это все лучше и лучше. Все мы знаем площадки „Публона“, ResearchGate, Академия Google и др. Там формируется научная репутация, индексы Хирша, импакт-факторы. Это уже не делается делиберативно-осмысленно – путем коллегиальных решений, как прежде, на ученых советах, диссоветах и т.д. Коллегиальные советы лишь учитывают фактические сетевые рейтинги.

Этот «естественный отбор» новых теорий, лучших текстов, лучших знаний, осуществляет социально-сетевая машина по своим алгоритмам. Но прохождение текстов через ее нейронные слои, которые определяют сравнительные веса научных достижений, уже невозможно реконструировать скольконибудь адекватно. Нет возможности реконструировать процессы оценки научного продукта или научного достижения. Механизмы вирусной сетевой раскрутки одних достижений, стремительный набор цитирований, во-первых, не понятны и, во-вторых, могут и не коррелировать с действительным значением того или иного достижения.

Сознание ученого, конечно, продолжает поставлять в распоряжение этой сетевой машины вариативные и нередко избыточные версии нового научного контента, формирует «вариативные пулы» новых текстов. (Так, и данный текст рождался на семинаре, где в режиме брэйн-сторминга и свободного обмена часто рождались «сумасшедшие идеи», причем не в лучшем смысле этого слова.) Но даже на этом «человекоразмерном» эволюционном уровне роль сознания ученого не стоит переоценивать. И здесь «человеческий фактор» выступает в функции «случай-сортировочной машины»¹.

На следующем этапе – эволюционной селекции из предложенных вариаций² – лишь некоторые из научных сообщений будут отобраны как научно-релевантные и опубликованы в рецензируемых журналах. Но и этот эволюционный механизм исключает «человеческий фактор». Эксперт получает текст в анонимном виде и оценивает его исключительно на основании доми-

¹ «Сознание ученого, направленное на научную коммуникацию, функционирует как случай-сортирующая-машина, которая даже и не позволяет многим догадкам доходить до полного их осознания, но подавляющая их в их возникновении, а другие не отмечает и снова забывает; от других вновь отказывается, поскольку не удается придать им ясную формулировку; иные же хотя и отмечает, но не коммуницирует, поскольку для них не удастся изготовить подходящий для этого контекст, к примеру, публикацию. Такого рода уплотнение пред-отсортированных случайностей, со своей стороны, функционирует без всякого рационального удостоверения, вне внутринаучно-управляемой селекции, даже безо всякой целеориентированности. Оно просто осуществляется и в его связи с эволюцией знания и остается именно поэтому чистым варьированием» [3. Р. 122].

² Мы используем здесь концепцию эволюционных механизмов Лумана–Кэмпбелла (вариации, селекции, стабилизации) [4].

нирующих на данный момент методологических требований стандартов, практик, нормативных ожиданий от научной статьи. При этом всякая авторская идиосинкразия, как правило, оценивается негативно. Всем авторам, публикующимся в зарубежных журналах, не исключая и гуманитарные, известны жесткие и детально определенные структурные требования к статье, которым надо следовать, осуществляя анонимизированный submitting. От статьи, конечно, требуется оригинальность, но при этом предельно стандартизированная оригинальность.

Можно было бы, конечно, сказать, что члены редколлегий, эксперты журналов ведают отбором. Однако оценочные критерии и требования к статьям прописаны настолько структурированно и детально, что эксперт при желании свободно обходится набором готовых эвлюативных фраз по каждому структурному пункту экспертной методички. В общем смысле и эксперт, подобно автору, остается посредником, который сопоставляет анализируемый текст и актуальное знание, в этом смысле выступая в той же функции оператора-компаративиста прочитанных им текстов.

Но на следующем этапе эволюции научных текстов – на этапе стабилизации нового знания, дело обстоит еще хуже. Отобранные журналами статьи в своем абсолютном большинстве не будут восприняты научным сообществом, не получат массового цитирования и не стабилизируются как наличное известное и знание, как критерий значимости новых коммуникативных сообщений и как мишень для новых революционных мутаций и новообразований.

Продукт ученого, по меньше мере в мировом научном масштабе, на международных – сегодня социально-сетевых – площадках или платформах научного обсуждения, останется гласом, вопиющим в пустыне. До половины естественно-научных текстов и до 80% статей по гуманитаристике не получают ни одного цитирования. Но даже если он и будет востребован и «процитирован», то и в этом случае будет забыт в самое ближайшее время и растворится в десятках миллионов новых научных текстов. И, тем не менее, эти тексты во все в большем масштабе запрашиваются национальными регуляторами науки, по-видимому, как некие свидетельства национального престижа в конкуренции на международных академических рынках публикаций (где они торгуются на биржах Web of Science и Scopus). Влиятельная страна должна иметь науку как некий функциональный аналог спорта высоких достижений.

Но и самые удачные и успешные проекты и тексты, получающие рецепцию и массовое цитирование, сегодня, как правило, представлены публикациями больших консорциумов в рамках проектов Мегасайенс (БАК, космические станции и т.д.) под авторством сотен, а то и тысяч исследователей, где индивидуальный авторский вклад становится исчезающе малым. В этом смысле наука дегуманизирована гораздо больше, чем иные формы коммуникации.

Этическое измерение науки

Сказанное выше касалось временных или эволюционных контекстов или горизонтов научной коммуникации. Второе сомнение в гуманистичности современной науки связано с ее этическими притязаниями и в этом смысле касается *социального* измерения научной коммуникации. И здесь наука уже не

воспринимается как этический авторитет. Можно было бы сослаться на, мягко говоря, неэтическое поведение столпов гуманистической науки¹. Но дело не только в возможной негуманности научных экспериментов. Дело в самой логике научной конкуренции, логике так называемого академического капитализма, задающего условия временного и социального измерения успеха научной коммуникации. Означенная логика требует поставлять «на рынок научных публикаций» свои результаты *раньше* других исследователей. Именно эта логика успеха задает собственную внутринаучную нормативность («этику науки»), и именно она вынуждает выносить за скобки внешнюю этическую нормативность или гипотетическую универсальную мораль. Такая внутренняя или корпоративная этика во многом сводится к единственной заповеди – «не плагиатить», поскольку массовые нарушения этой нормы обесмыслили бы и само научное производство и научный успех. Все остальные социальные табу и запреты несовместимы с критической установкой и прямо препятствуют развитию науки. Возникает неискоренимый парадокс: наука стремится быть идеальным сообществом и поведенческим примером равенства и демократической меритократии. Но *критическая установка на фальсификацию всего и вся* принципиально деструктивна в отношении всех прочих идеалов и норм, включая все социальные скрепы.

Наука как политический субъект

Наконец, третий стержень гуманистического понимания науки усматривается в способности науки выступить политическим субъектом или хотя бы приобрести субъектность в принятом смысле слова – как способность принимать коллективные решения и осуществлять коллективные действия в защиту интересов некоторого «интегрированного сообщества». Мне представляется, что дисциплинарная (и, как следствие, институциональная и социального) раздробленность научного сообщества препятствует формулированию универсального или общенаучного интереса, прежде всего, даже и в предметно-тематическом измерении. В результате сообщество ученых не может ни сформулировать, ни обосновать, ни утвердить этот интерес в контроверзах с другими игроками на политическом поле. Резонансным примером является закон о просветительской деятельности, где мнение ученых было полностью проигнорировано.

Политика, не исключая и научную составляющую, в конечном счете, сводится к согласованию интересов между ведущими стейкхолдерами. В этом смысле наука как политический игрок должна обосновать и утвердить свой интерес как более или менее четкое представление о повестке, т.е. перспективах развития науки хотя бы на 10–15 лет. Но фундаментальная наука, как это известно со времени Карла Поппера, осуществляется в особом формате *trial and error*. Никто не может гарантировать, будет ли стандартная модель в физике частиц опровергнута в течение десяти лет; будет ли создан

¹ Так, Луи Пастер предлагал испытывать вакцины на приговоренных к смерти. Роберт Кох форсировал продажи клинически непроверенного препарата туберкулин, только усугублявшего болезнь, по сути, убивавшего пациентов. И отечественный академик Павлов не является исключением, проводя жестокие операционные опыты на беспризорниках. Но дело не только в возможной негуманности научных экспериментов. Поэтому скандальный пример с прививкой «КовиВак» не является каким-то исключением в исследовательской работе, но подтверждает «агональные» правила «академического капитализма».

квантовый компьютер. Отсюда чрезвычайно уязвимая позиция в переговорах со стейкхолдерами – Минобром, Администрацией Президента, Индустрией, Министерствами экономического развития или обороны. Науку не признают за равноправного игрока, поскольку, даже будучи наиболее рефлексивной формой социальности, она, тем не менее, не демонстрирует означенной субъектности, требующей скорее воли к действию, нежели рефлексии, созерцательности и объективного знания¹.

Дисциплинарно-институциональная разобщенность в предметном измерении дополняется дифференциацией в измерении социальном. Дисциплины и субдисциплины конкурируют друг с другом за финансирование, за внимание к себе и просто не понимают друг друга, поскольку существуют в разных понятийно-терминологических системах. Но и внутри НИИ и факультетов исследователи неизменно вступают в конкуренцию. Научная демократия противоречит меритократии, что определяет базовый парадокс субъектности и служит препятствием для осознания, изобретения и утверждения – гипотетического – общенаучного интереса. Как сформировать внутриинституциональный консенсус (в НИИ и вузах), если ведущие исследователи (Principal Investigators, PI) практически не зависят от своего института или факультета. Они не чувствуют необходимости интегрироваться и учитывать интересы окружающего их локального сообщества, могут свободно менять институции, иммигрировать за границу, устремляются туда, где им предоставляют лучшие, в том числе финансовые или лабораторные условия. Другое дело ученые среднего уровня (так называемые Co-Investigators, CI). Это сообщество имеет собственные и гораздо менее амбициозные притязания (преодолеть фильтры конкурсных или аттестационных комиссий). И на этих коммуникативных площадках их интерес, очевидно, выражается в голосовании не за лучших, а скорее «за своих». Ведь они и сами хотели бы рассчитывать на подобное же к себе отношение. Администрации вузов и НИИ образуют еще один, третий полюс научного сообщества. Их интересы концентрируются не столько вокруг исследования, сколько вокруг воспроизводства организационной и инфраструктуры. В этих условиях самосборка научного субъекта очевидно трудноосуществима².

В этом смысле научное сообщество почти не участвует в определении научно-политической повестки на какую-то перспективу, т.е. той линии развития науки, которую согласуют и все ведущие игроки – регулятор, власть, индустрия, ученые-активисты и сами научные коллективы. При этом наиболее влиятельные политические игроки в большей степени настроены на то, чтобы разделить «научный пирог», в первую очередь, рассматривая науку с точки зрения неких «конечных результатов» и «прикладных научных достижений». Только финализированные и прикладные продукты можно было бы «коммодитизировать», т.е. превратить в прибыль. Так к научным достижениям относится индустрия. Или научные достижения хотят истолковать как результат успешного администрирования, как политический успех. Так науку

¹ Это не означает, что субъектность науки исключается априори. Так, выкристаллизовалась форма политической субъектности в виде «Немецкого Исследовательского Общества», в уставе которого записано, что оно участвует в политической жизни и как эксперт и как инициатор политических инициатив на уровне правительства. Но это скорее исключение из правила.

² Подробнее о кризисе коллегиальности в научной коммуникации см. [5].

видит власть. Это, безусловно, важная часть внешнеориентированной научной коммуникации. Ученые, безусловно, вынуждены отвечать на вызовы и запросы из сопредельных коммуникативных систем – прежде всего, политической и экономической коммуникативных систем. Но прикладной результат исследования, т.е. фактическая прибыль, может быть получен и оценен только в течение конкретного времени, в процессе реализации трех-, в крайнем случае, пятилетних исследовательских *проектов*. Но не в этом состоит социальная функция фундаментальной науки, а именно – *научное исследование*, принципиально не ограниченное во времени, что релятивизирует всякий «конечный результат». Такое рассогласование динамики науки между тем, как ее понимают ученые, и тем, как ее принимают ключевые игроки, в свою очередь, препятствует превращению науки в политический субъект.

Список источников

1. Касавин И.Т. Наука – гуманистический проект. М. : Весь мир, 2020. 492 с.
2. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. Band I, 1981. Suhrkamp. S. 30.
3. Луман Н. Эволюция науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 222.
4. Campbell D.T. Blind variation and selective retention in creative thought as in other knowledge processes // Psychological Review. 1960. Vol. 67, № 6. P. 380–400.
5. Антоновский А.Ю. Кризис коллегиальности в научной организации и научная политика // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 3. С. 6–22.

References

1. Kasavin, I.T. (2020) *Nauka – gumanisticheskij proekt* [Science as a Humanistic Project]. Moscow: Ves' mir.
2. Habermas, J. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. Vol. I. Suhrkamp. p. 30.
3. Luhmann, N. (2017) Evolution of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 222. (In Russian).
4. Campbell, D.T. (1960) Blind variation and selective retention in creative thought as in other knowledge processes. *Psychological Review*. 67(6). pp. 380–400. DOI: 10.1037/h0040373
5. Antonovsky, A.Yu. (2020) The crisis of collegiality in a scientific organization and the science policy. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(3). pp. 6–22. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202057335

Сведения об авторе:

Антоновский А.Ю. – доктор философских наук, доцент, научный сотрудник Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). Email: olgastoliarova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Antonovskiy A.Yu. – Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: antonovski@iph.ras.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 04.05.2022

The article was submitted 20.01.2022;
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 04.05.2022

Научная статья

УДК 001.1, 165

doi: 10.17223/1998863X/66/23

ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

Александра Александровна Аргамакова

*Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия,
argamakova@gmail.com*

Аннотация. Представлена критическая рефлексия над идеями, изложенными в книге И.Т. Касавина «Наука – гуманистический проект» (2020). Предпринята попытка определения того, что следует называть гуманистической наукой и какую миссию в современном мире она призвана выполнять. Различение внутренних и внешних зон обмена позволит показать особенности коллективного конструирования гуманитарных смыслов в научных лабораториях особого типа, предназначенных для гуманитариев.

Ключевые слова: социогуманитарный прогресс, зоны обмена, миссия науки, гуманизм, культура

Для цитирования: Аргамакова А.А. Гуманитарная миссия наук о человеке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 252–257. doi: 10.17223/1998863X/66/23

Original article

HUMANITARIAN MISSION OF THE SCIENCES OF HUMANS

Alexandra A. Argamakova

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
argamakova@gmail.com*

Abstract. The present article provides a critical reflection and answer to the ideas articulated in Ilya T. Kasavin's book *Science – A Humanistic Project* (2020). It attempts to define what must be named a humanistic science and what the mission of science is in the current world. The mission of science is not separated from its functions in society, and actually from the unique conditions of knowledge production. As Kasavin presupposes, the sciences of humans produce social technologies. Science is connected with humanism via the ethics of science and the epistemology of virtues, which introduce the regulating principles into routine practice. This kind of vision can be augmented by a thesis about the decisive role of humanitarian ideas in the renovation of culture, concerning the foundational significance of humanitarian projections for programming social codes and influence on events and people. The division between inner and outer trading zones allows conceptualizing traits of collective construction of meanings inside humanitarian laboratories or within research units intentionally designed for scholars in human sciences. Humanitarian laboratories change historically like it is so with Galison's trading zones for the case of natural sciences. They evolved from informal scientific communities, social clubs and literary salons to contemporary analytical centers and intellectual thinktanks. Human science laboratories have always formed outer trading zones and built firm bridges between theory and practice, between scholars and other social actors. Moreover, society itself must be compared with an experimental playground for testing ideas and theories, where through the sieve of experience they prove own viability and resilience. Non-reducibility of the social context of science reveals its humanistic essence. Humanistic science absorbs the potential acquired by humanity for meeting new global challenges. Thus, it requires the improvement of human living conditions and aims to resolve urgent social problems. Rejoining with the new education and new enlightenment,

humanistic science shapes human worldview overcoming existential barriers and turning minds to creativity instead of destruction.

Keywords: socio-scientific progress; trading zones; mission of science; humanism; culture

For citation: Argamakova A.A. (2022) Humanitarian mission of the sciences of humans. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 252–257. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/23

После Питера Галисона представление о зонах обмена благополучно преодолело границы технонауки. Для Галисона оно служило в качестве модели описания взаимодействий внутри физических наук, точнее между сообществами ученых-естествоиспытателей [1]. Однако идея о зонах обмена хорошо работает и для гуманитариев, и для социологов. Она привносит вместе с собою модель гуманизации научных исследований, когда появляется концептуальный аппарат, чтобы говорить о демократизации познания, о гражданской науке, о постнауке, о популярной науке, о роли гуманитарной экспертизы в инженерных проектах, об ответственности ученых, междисциплинарности или проектировании ценностных оснований для техногенной цивилизации [2]. При этом гуманизм означает, что ученым делегируется функция ретрансляторов теоретических смыслов, которые воспринимаются и адаптируются социальными акторами сообразно практической рациональности, присущей исполняемым видам деятельности [2. С. 65–80].

Понятие «интеллектуальный инженер», как его использует И.Т. Касавин, вполне универсально [3. С. 87]. Оно указывает на то, как функционируют интеллектуальные инструменты в организации познавательных и прочих социальных практик. Когда умозрительные модели и абстрактная методология создают границы возможного для всякого практического действия.

Кроме того, оно применяется для более масштабных культурологических обобщений. Оно позволяет осмыслить механизм, посредством которого создается культура (как материальная или техносфера, так и нематериальная, включающая концептосферу, способы межличностного взаимодействия, алгоритмы деятельности, протоколы социальных интеракций, институциональные основы общества, его культурные коды и нормативное регулирование, коллективные идеалы и основополагающие ценности). В этом смысле наука дает «ключ к тому, что есть современность как таковая» [3. С. 13]. А человек становится человеком в момент, когда превращается в дизайнера и изобретателя форм, в которых кристаллизуется культурная информация [4. С. 71].

Дискуссия о гуманистическом проекте позволяет обратиться к тематике социального значения гуманитарного познания. Гуманитарные науки могут восприниматься не иначе как башня из слоновой кости или форма поэзии, когда близко не соотносятся с политикой. А когда соотносятся, – тем хуже для них – могут восприниматься как идеология или популизм вне связи с вполне конкретными задачами менеджмента, экономики и анализа социальных данных.

Однако даже у поэзии предостаточно сугубо утилитарного значения, к которому она не сводится будучи изящным искусством. Как не сводится человек к своим материальным потребностям.

Наше время чрезмерно прагматично, и гуманитарий в том числе конкурирует за внимание, высокую оценку труда, за увеличение финансирования,

за профессиональный авторитет и право оказывать влияние на события, на динамику воспроизводства культуры. Представитель гуманитарных наук конкурирует не только с религией или массовым искусством как альтернативными формами общественного сознания, но также с доминантами массовой культуры, которая старается заменить «научные формулы» на собственные мировоззренческие ориентиры и эмоциональные триггеры.

Общество как самоорганизующаяся система регулируется в соответствии с гуманитарными смыслами и коллективными значениями, которые создает и воспроизводит. Тем самым гуманитарий определяет жизненно важные смысловые основы культуры, производные от научной рациональности. Он, с одной стороны, подобно чувствительному датчику фиксирует состояния общества, чем общественный организм живет и как мыслит. С другой стороны, он принимает участие в программировании «культурного софта», в волевом направлении коллективного действия.

Человечество встречается с глобальными вызовами, которые не преодолеть без нестандартных решений. Похоже без совершенно новой науки, основанной на цифровых технологиях, алгоритмах обработки Big Data и обращенной к социальному контексту. Новая цифровая наука поражает воображение. Она применяет высокотехнологичные инструменты работы с данными, создает облачные веб-архивы, использует технологии искусственного интеллекта для сбора и обработки информации, программирует софт для бесконечного потока научных целей, осуществляет эстетически первоклассные визуализации данных, обращается к компьютерному моделированию и виртуальным симуляциям в рамках решения исследовательских задач [5]. Для достижения высокого познавательного результата гуманитарная наука комбинирует старые и новые методы.

Нередуцируемость социального контекста для науки олицетворяет ее гуманистическое содержание [3]. Открытость научного знания в отношении социальной повестки и гуманитарных вызовов, в противоположность (или дополнение) к созиданию материальных технологий, с их отчетливо выраженной утилитарной направленностью, представляет собой характерную черту социогуманитаристики. Таким образом, наука принимает на себя гуманитарную миссию, обращенную к неотложным вопросам улучшения условий жизни в социуме, общественному и личностному благополучию человека, совершенствованию когнитивных и физических способностей, к быстрой адаптации в окружающей среде [6]. Точнее, в гуманитарной сфере превалирует своя, особая прагматика. Построение корректного мировоззрения либо дальновидная оценка экономических событий играют для индивида или общественной группы решающую роль в выборе поведения, не менее значимую и весомую, чем материальные удобства и атрибуты культуры.

И.Т. Касавин называет внешней зоной обмена механизмы взаимодействия между обществом и наукой. Если во внутренней зоне обмена, или лаборатории первого порядка, во взаимодействие вступает гетерогенное сообщество ученых, то в лаборатории второго порядка наука соотносится с внешним контекстом, в котором наряду с учеными действуют социальные акторы, наделенные несоизмеримыми интересами. Лабораторией третьего порядка является общество целиком, в нем циркулируют коммуникативные потоки и утилизируется научное знание, что само по себе представляет экс-

периментальный процесс, отбирающий через решето опыта наиболее стойкие, жизнеспособные идеи и концепции. В естественно-научной лаборатории ненаучная аудитория принимает участие в решении рутинных задач либо в оценке социальных эффектов применения на практике технологических новаций. Она мало что привносит в содержательном аспекте в научное творчество. В гуманитарных лабораториях внешняя аудитория принимает участие в конструировании научных смыслов либо выступает непосредственно как объект и инструмент исследования. Отчетливо это прослеживается на примерах вовлеченного наблюдения в этнографии, социологических фокус-групп, краудсорсинговых подходов в гражданской науке, партисипативных методов исследования и принятия решений, мозговых штурмов и форсайтов, методологии составления дорожных карт или в социально-сетевом анализе.

Гуманитарная лаборатория осознанно формирует внешние зоны обмена, гумбольдтовского или негумбольдтовского характера [7]. Благодаря данному обстоятельству она реализует практическую функцию, направленную на возведение мостов между абстрактной теорией и реальностью [6], на формирование условий для преодоления сложностей, возникающих в контексте междисциплинарной коммуникации [8].

Среди интерактивных площадок, на которых происходило зарождение новоевропейской науки, в пример приводятся аптека, палуба корабля, производственные цеха и мастерские ремесленников [9]. Для случая гуманитарных лабораторий подобными интерактивными зонами служат не только научные сообщества (академии наук, республика ученых, невидимый колледж), редакции журналов (*Philosophical Transactions*, *Journal des sçavans*, «Комментарии Санкт-Петербургской Императорской Академии наук»), музейные пространства и библиотеки (Королевское общество древностей, библиотека Тринити колледжа), но также к ним причисляются религиозные и социальные союзы (католические ордена, протестанты, масоны), общественные движения (просветители, французские революционеры, союз благоденствия в России), светские салоны и социальные клубы (английские кофейни, масонские ложи, литературные кружки и проч.). Общественные объединения, концентрирующие знание, публику и власть, становятся прологом к появлению современных аналитических центров, социальных служб и интеллектуальных фабрик мысли [6].

Идея о внутренних и внешних зонах обмена, описанная И.Т. Касавиным, позволяет моделировать коллективные механизмы познания, происходящего в стенах научных лабораторий. То есть в локусах интерактивной экспертизы, где научные результаты производятся по модели распределенной ответственности. Вклад участников и ответственность за результаты измеряются позициями, занимаемыми в сети кооперации. Позиции, в свою очередь, являются следствием цепочек согласований и достигнутых в коммуникации соглашений, но многие другие факторы (ценности, убеждения, статусы) могут приобрести решающее значение в стратегической игре, имеющей отношение к поиску истины или разрешению проблемной ситуации (гуманитарными методами) [11].

Поворот к практике, попытки осмысления трансформативных эффектов познания явились популярным, неуходящим трендом в науках о человеке. Например, авторы книги «Спекулятивный мир» Энтони Данн и Фиона Рэби

указывают на социальную роль концептуального дизайна. В книге описаны рекурсивные переходы от идеи к дизайну, от дизайна к продукту и далее к социальным изменениям. Авторы придерживаются спекулятивного подхода, при котором дизайн ориентируется на проблемы общества, помимо преимущественно коммерческих выгод [10]. Подобный подход следует распространить на науку полностью.

В книге «Междисциплинарность в науках и философии» (2010) И.Т. Касавин утверждает, что социогуманитарные науки производят практическое знание в форме социальных технологий. И если естествознание устанавливает власть над природой, то социальные технологии реализуют власть над людьми. В новой книге «Наука – гуманистический проект» И.Т. Касавин пишет: «Человек, вооруженный новыми знаниями, стал сильнее и опаснее, а вовсе не честнее и добрее своих предшественников» [3. С. 230]. Мир изменяется, архитектура мира радикально усложняется, однако, мышление и мировоззрение человека не поспевают за изменениями вслед. Технологии не решают основные проблемы цивилизации. Рациональность не приводит к спасению. В несоответствии между осознанностью и уровнем появляющихся рисков заключается ключевой вызов времени. Такие неутешительные выводы следуют из деклараций, содержащихся в докладе Римскому клубу (2018), выразивших консолидированную позицию его участников [3. С. 228]. Они звучат как упрек к состоянию современности, сделанный в отношении науки, образования и гуманизма.

Ради спасения от бед Римский клуб вызывает к новому Просвещению, которое вполне разумно дополнить наукой, существующей в другом качестве. Науку, преследующую гуманитарные общественные цели, создающую социальные технологии ради общего благополучия, обращающую человека к творчеству вместо разрушения, следует назвать гуманистической наукой. В книге «Наука – гуманистический проект» И.Т. Касавин не столько подчеркивает социальные последствия научных идей, сколько говорит о том, что наука должна быть приведена в соответствие с ценностями гуманизма и направлена «на совершенствование общества путем ориентации на научные добродетели» [3. С. 256]. «Положительные» эпистемические качества и личностные добродетели превращаются в решающий критерий для оценки приемлемости ценностей субъекта и его практической инициативы [3. С. 290]. Но последнее как раз не кажется убедительным тезисом.

Список источников

1. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий / пер. с англ. В.А. Геровича // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.
2. Аргамакова А.А., Костина А.О., Масланов Е.В. (ред.) Союз науки и гуманизма. М. : Русское общество истории и философии науки, 2021. 178 с.
3. Касавин И.Т. Наука – гуманистический проект. М. : Весь мир, 2020. 496 с.
4. Манович Л.З. Теории софт-культуры. Н. Новгород : Красная ласточка, 2017. 208 с.
5. Аргамакова А.А., Масланов Е.В., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. (ред.) Социальные и цифровые исследования науки. М. : Русское общество истории и философии науки, 2020. 282 с.
6. Argamkova A.A. "History of Human Science Laboratories". Social Epistemology. 2022 (in press). doi: 10.1080/02691728.2021.2015474
7. Масланов Е.В., Дорожкин А.М. (ред.) Негумбольдтовские зоны обмена. М. : Русское общество истории и философии науки, 2020. 237 с.
8. Междисциплинарность в науках и философии / под ред. И.Т. Касавина. М. : ИФРАН, 2010. 205 с.

9. Kasavin I.T. “Interactive Zones: On the Prehistory of the Scientific Laboratory” // Herald of Russian Academy of Sciences. 2014. № 6. P. 456–464.

10. Данн Э., Рэби Ф. Спекулятивный мир: дизайн, воображение и социальное визионерство / пер. с англ. Л. Аношкиной. М. : Strelka Press, 2017. 264 с.

11. Doorn N. “Exploring Responsibility Rationales in Research and Development” // Science, Technology & Human Values. 2012. Vol. 37 (3). P. 180–209.

References

1. Galison, P. (2004) Zona obmena: koordinatsiya ubezhdeniy i deystviy [Trading Zone: Coordinating Action and Belief]. Translated from English by V.A. Gerovich. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki – Problems of the History of Natural Science and Technology*. 1. pp. 64–91.

2. Argamakova, A.A., Kostina A.O. & Maslanov, E.V. (2021) *Soyuz nauki i gumanizma* [The Union of Science and Humanism]. Moscow: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki.

3. Kasavin, I.T. (2020) *Nauka – gumanisticheskiy proekt* [Science as a Humanistic Project]. Moscow: Ves' mir.

4. Manovich, L.Z. (2017) *Teorii soft-kul'tury* [Theories of Soft Culture]. Nizhniy Novgorod: Krasnaya lastochka.

5. Argamakova, A.A., Maslanov E.B., Slyusarev, V.V. & Khusyainov, T.M. (eds) (2020) *Sotsial'nye i tsifrovye issledovaniya nauki* [Social and Digital Studies of Science]. Moscow: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki.

6. Argamakova, A.A. (2022) History of Human Science Laboratories. *Social Epistemology*. (In press). DOI: 10.1080/02691728.2021.2015474

7. Maslanov, E.B. & Drozhkin, A.M. (2020) *Negumbol'dtovskie zony obmena* [Non-Humboldtian Trading Zones]. Moscow: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki.

8. Kasavin, I.T. (2010) *Mezhdistsiplinarnost' v naukakh i filosofii* [Multidisciplinary in science and philosophy]. Moscow: IFRAN.

9. Kasavin, I.T. (2014) Interactive Zones: On the Prehistory of the Scientific Laboratory. *Herald of Russian Academy of Sciences*. 6. pp. 456–464.

10. Dann, A. & Rabi, F. (2017) *Spekulyativnyy mir: dizayn, voobrazhenie i sotsial'noe vizionerstvo* [Speculative world: design, imagination and social visionary]. Translated from English by L. Anoshkina. Moscow: Strelka Press.

11. Doorn, N. (2012) Exploring Responsibility Rationales in Research and Development. *Science, Technology & Human Values*. 37(3). pp. 180–209.

Сведения об авторе:

Аргамакова А.А. – кандидат философских наук, научный сотрудник, сектор социальной эпистемологии Института философии Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: argamakova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Argamakova A.A. – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). Email: argamakova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 04.05.2022

The article was submitted 20.01.2022;
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 04.05.2022

Научная статья

УДК 008

doi: 10.17223/1998863X/66/24

МИФ НАУКИ И ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Евгений Валерьевич Масланов¹, Татьяна Дмитриевна Соколова²

^{1,2} Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории
и философии науки», Москва, Россия

¹ evgenmas@rambler.ru

² sokolovatd@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются миф о науке как основание новоевропейского цивилизационного проекта, его основные составляющие и влияние на современную техногенную эпоху. Показано, как трансформируясь на протяжении времени и адаптируясь к разного рода социальным обстоятельствам, миф о науке сохраняет свои архетипичные черты, оставаясь при этом сугубо гуманистическим проектом.

Ключевые слова: наука, миф, гуманизм, техногенная цивилизация, вестернизация, прогресс

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Для цитирования: Масланов Е.В., Соколова Т.Д. Миф науки и техногенная цивилизация // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 258–265. doi: 10.17223/1998863X/66/24

Original article

THE MYTH OF SCIENCE AND TECHNOGENIC CIVILIZATION

Evgeniy V. Maslanov¹, Tatiana D. Sokolova²

^{1,2} Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation)

¹ evgenmas@rambler.ru

² sokolovatd@gmail.com

Abstract. The paper examines the myth of science as the basis of the new European civilization project, its main components and impact on the modern technogenic era. The authors demonstrate how, by transforming over time and adapting to various social circumstances, the myth of science retains its archetypal features, while remaining a purely humanistic project. The development of modern civilization is closely related to science and scientific progress. Actually, science, as a mathematized experimental knowledge, in many respects turned out to be a product of the new European civilization project. But what lies at the basis of the myth of science? The readiness of a scientist to unselfishly seek the truth and give it to others is the most important feature of this attitude. At the same time, this gift involves a critical attitude towards oneself. Criticism and constant doubt are a direct continuation of the myth of science. This is what makes it possible for scientists to strive to find something new, create original ideas and concepts, and transform the world. Expanding our understanding of the world, they create new realities and travel in them. As a result, the myth of science includes three components: gift, criticism, and migration. Since the middle of the 19th century,

it has become quite obvious that only movement along the path of scientific and technological progress can make it possible to respond to the challenges of the spread of European empires outside Europe. The underlying values of science, which initially appeared in Europe, have gone beyond the science's limits and have been accepted by other cultures. Using the metaphors of the "myth of science", we can say that it is in this interaction that migrant-travelers bring their "gift" in the form of knowledge to the common table and find mutual understanding during the "critical" discussion. This is the coordination of different cultures, which now not only oppose each other, but also find a common language. Of course, in this case, the interacting scientists have a common background, which is associated with the simple fact that during their professional socialization they mastered and assimilated a common scientific ethos, got acquainted with scientific methodology, and strove to become scientists. By doing this, they can find a common language. Now science acts as a special cultural background for various states and cultural societies. Turning to scientific knowledge, the values of science, they can look for ways for mutual understanding and forging a dialogue. The dialogue unites different cultures and makes it possible to form a new technogenic civilization, which can be permeated with humanistic ideas of recognition of the importance of humans and humanity, dialogue and mutual understanding.

Keywords: science; myth; humanism; technogenic civilization; westernization; progress

Acknowledgments: The research was carried out within the project supported by Russian Science Foundation, No. 19-18-00494: The Mission of the Scientist in the Modern World; Science as Profession and Vocation.

For citation: Maslanov, E.V.1 & Sokolova, T.D. (2022) The myth of science and technogenic civilization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 258–265. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/24

Развитие современной цивилизации тесно связано с наукой и научным прогрессом. Собственно, сама наука в ее современном понимании как математизированное экспериментальное естествознание во многом оказалась порождением новоевропейского цивилизационного проекта. И именно благодаря научному знанию сам этот проект получил широкое распространение. Вопрос о соотношении процессов модернизации и вестернизации не имеет однозначного ответа. Одни исследователи полагают, что успешная модернизация изначально предполагает вестернизацию, тогда как другие доказывают, что модернизация может идти либо без вестернизации, либо с минимальной вестернизацией [1–4]. Но вот «заимствование» науки в любом случае предполагает освоение особенных ценностей и познавательных практик, сложившихся в Европе, и требует определенного заимствования цивилизационного проекта. Наука становится провозвестником этого проекта. Неся подобную «благую весть» за пределы европейской цивилизации, она оказалась связана не только с реализацией познавательного проекта, но и стала выступать определенным «мифом», о чем и пишет в своей книге Илья Теодорович Касавин [5]. В этом случае «миф» выступает не как что-то фантастическое или противостоящее разуму, но скорее как специфическое «начало» развития всего цивилизационного проекта. Миф, вслед за А.Ф. Лосевым, можно понять как развернутое имя [6], сообщающее нам основные черты определенной культуры, способ которым она видит мир и взаимодействует с ним.

Но что же лежит в основе мифа науки? И.Т. Касавин отмечает, что «дар – основа мифа науки» [5. С. 301]. Готовность ученого бескорыстно искать истину и делиться с другими собственными результатами – вот важнейшая особенность такого отношения к науке. Именно оно позволяет ученому после того, как результаты были получены и сообщены городу и миру, с радостью

наблюдать, как их используют другие люди. Но важной особенностью этого дара становится то, что он предполагает критическое отношение к самому себе. В этом случае ученый подобен охотнику или собирателю, который, добыв научный результат, приносит его своим коллегам. Однако он всегда приносит что-то еще неизвестное, а поэтому остальные должны решить – может ли он быть использован, не принес ли ученый результаты, которые никак не связаны с истиной и являются лишь ошибками. Продолжая метафору охоты или собирательства, можно сказать, что результаты подвергаются проверке на «пригодность»: не вредны ли они и не убьют ли того, кто к ним прикоснется? Только подобная проверка связана не с возможностью потерять собственную жизнь, а отклониться от поиска истины. Именно поэтому наука оказывается предприятием, нацеленным на постоянную и целенаправленную критику полученных результатов. Ведь если не подвергнуть их проверке, то и нельзя ответить на вопрос о том, не препятствуют ли они поиску истины, не являются ли они заблуждением. Критика и постоянное сомнение – вот непосредственное продолжение мифа науки.

Миф науки как соединение дара и критики приводит к необходимости постоянного преодоления себя. Без этого процесса невозможно развитие науки. Лишь отказавшись от установленных раз и на всегда представлений о мире и способах его познания, она может развиваться. Именно это дает возможность ученым стремиться к поискам нового, создавать оригинальные идеи и концепции, трансформировать мир. Для них этот мир оказывается не только чем-то изначально данным, но и тем, что должно быть преобразовано и изменено. Но этот отказ от заранее предустановленного гармоничного мира приводит их к тому, что теперь наука открывает новые миры. Физика Галилея и Ньютона, термодинамика, специальная и общая теория относительности, квантовая механика, создание новых научных дисциплин – это не просто новые описания мира. Расширяя наши представления о мире, они создают новые реальности. В них и путешествует ученый. Это путешествие подобно постоянной миграции из одного мира в другой. Ученый всегда находится в этом движении и воспроизводит архетип миграции. И.Т. Касавин отмечает, что «понятие миграции сопрягает три фундаментальные философские категории – субъекта, пространства и времени – и особым образом проблематизирует место человека в мире» [5. С. 217]. Но оно проблематизирует и сам мир. В результате можно сказать, что миф науки включает в себя три компонента – дар, критику и миграцию.

Можно предположить, что эти три компонента оказываются ключевыми и для европейского цивилизационного проекта. Собственно говоря, европейский цивилизационный проект во многом противостоит не только другим подобным проектам, но и традиционному обществу. Это противостояние выражается в том, что для традиционного общества как раз и характерно представление о неизменности мира и стремлении познавать себя в нем. В таком мире возможно лишь географическое перемещение из одной точки в другую либо погружение в собственное сознание, которое не столько преобразует мир, сколько направленно на разработку углубленных представлений о самом человеке как универсуме. Этот мир цикличен, а его законы – это наивные представления, основанные на наблюдении за окружающим опытом и некритической верой в опыт предшественников. В этом случае требуется не

формирование нового взгляда на мир, человек традиционной цивилизации не готов к созданию новых миров. Наоборот, лишь поддержание традиции может способствовать самосовершенствованию. Новоевропейский же проект предполагает постоянное изменение и формирование нового. Не случайно, что именно в нем сформировалась идея прогресса.

Важной чертой новоевропейской идеи прогресса стало то, что она подразумевает постоянное совершенствование – движение от плохого к хорошему, от устаревшего ко все более совершенному. Более того, это стремление к постоянному развитию и улучшению приводит человечество к парадоксальной ситуации: несмотря на очевидный и фиксируемый в опыте практически во всех сферах жизни и деятельности прогресс, он нередко остается незамеченным человеком, воспринимается как данность, в то время как любые недостатки существующего положения вещей привлекают всеобщее внимание и требуют немедленного исправления. И в авангарде этого исправления, конечно, стоит наука, способная изменить и улучшить если не все, то практически все, на что она обратит свет разума. Именно новоевропейский проект предложил критерии прогресса, которые сегодня воспринимаются как универсальные (по крайней мере в тех странах, где прогресс достиг своих наивысших проявлений): «Большинство людей согласится, что жизнь лучше смерти, здоровье лучше болезни, изобилие лучше скудности, мир лучше войны, безопасность лучше опасности, свобода лучше тирании, равноправие лучше фанатизма и дискриминации, грамотность лучше неграмотности, знание лучше незнания, ум лучше слабоумия, а возможность наслаждаться семьей, друзьями, культурой и природой лучше, чем рутинная и однообразие. И все эти вещи можно измерить: если они увеличиваются с течением времени – это и есть прогресс» [7. С. 48]. Если на заре своего развития европейская наука была подстегнута идеей прогресса, сегодня она претендует на то, чтобы измерить сам прогресс в его многочисленных проявлениях, объяснить и ликвидировать его недостаток, а также рассчитать, сколько средств нужно для этой ликвидации, и сколько средств это сэкономит в будущем. Можно сказать, что наука подчинила себе идею прогресса, лишила ее изначального статуса утопии, идеала, к которому человечество должно по своей природе стремиться, и превратило в совокупность графиков и измеряемых показателей, которые можно объяснить и на основании которых можно строить модели будущего, которое, безусловно, должно стать еще лучше.

Однако научный прогресс заключается не просто в усовершенствовании наших теорий или представлений о мире. Конечно же, даже подобные идеи о том, что наши представления о мире могут меняться – важное достижение европейского проекта. Но важным становится и то, что он начинает подразумевать необходимость создания технических устройств, которые могут преобразовать общество и дать возможность людям жить лучше. Недолгие заигрывания с верой в «благородного дикаря» или «непорочное естественное состояние», куда испорченный цивилизацией и ее техническими благами человек должен вернуться, лишь на короткое время занимают умы интеллектуалов, чтобы в дальнейшем стать пристанищем небольшой группы маргиналов и восприниматься как нечто нелепое и экзотическое. Именно идеи прогресса вдохновляют в том числе и научно-технический поиск. Он как раз и оказывается в центре совершенствования науки, переводит научные результаты в

практическое русло. Оказывается, что без архетипов дара, миграции и критики становится невозможно и научно-техническое развитие. Ведь лишь критикуя и отдавая, создавая новое, отказываясь от него, путешествуя по сконструированным описаниям мира и превращая их в реальные продукты, можно создавать технические инновации. Именно инновации оказались тем ключевым элементом, который и старались заимствовать неевропейские культуры. С середины XIX в. стало совершенно очевидным, что лишь движение по пути научно-технического прогресса может позволить ответить на вызовы распространения европейских империй за пределы Европы. В результате другим культурам приходилось заимствовать и сами технологии, и современные научные и технологические знания.

Все это привело к тому, что лежащие в основе мифа науки ценности оказались распространены не только в европейской культуре. Поэтому совершенно не случайно, что техногенная цивилизация носит не локальный, а всеобщий характер. Лежащие в ее основе ценности науки, хотя изначально и появились в Европе, выйдя за ее пределы, оказались восприняты другими культурами. В результате элементы мифа науки стали важными чертами техногенной цивилизации. Для нее характерно стремление формировать новую техническую среду обитания человека, которая постоянно изменяется и совершенствуется, создание новых образцов технических устройств, а иногда и способов поведения. Но несмотря на кажущуюся универсальность, она не привела к уравниваю всех культур, подведению их под общий знаменатель. Этот тип цивилизации вполне может развиваться и в культурах, которые стараются не принимать, например, ценности европейского индивидуализма. Вряд ли можно отрицать, что Китай, Япония, Индия, Турция или даже Иран в настоящее время принадлежат к техногенной цивилизации. Но при этом нельзя полностью согласиться и с тем, что это привело к их окончательной вестернизации. Переняв научные практики и миф науки, они не полностью потеряли своеобразие.

Более того, даже в рамках европейской цивилизации наличие единого научного пространства, пронизанного сетью трансграничных связей, в рамках которого ученые свободно общаются друг с другом, а основным языком общения является английский, только создает обманчивую видимость гомогенности и полного единства. Идея объединения научного пространства, безусловно, является мечтой многих ученых. Появление в 1840 г. «черного пенни» – первой почтовой марки, в разы удешевило отправку корреспонденции, тем самым значительно упростив и увеличив коммуникацию между учеными из разных стран и континентов. В начале XX в. стремительно обретали популярность идеи создания общего языка ученых [8. С. XIX–XVI], грамматика и лексика которого включали бы в себя элементы наиболее распространенных в научном сообществе языков, чтобы еще больше упростить научную коммуникацию, при этом не вынуждая исследователей отказываться от своих национальных языков в пользу чужого, но более распространенного в научной среде. В это же время проект создания «промежуточных языков» (технические языки, использующиеся сегодня для машинного перевода), отвергался как «мертворожденный» [9. С. 6], а языковое разнообразие воспринималось как препятствие на пути научного развития. В современной Европе ситуация изменилась: «...лингвистическое дробление ощущается уже не как негатив-

ный процесс, против которого нужно принимать меры, но как орудие этнической идентификации и заявка на политические права» [10. С. 342]. Проекты поисков универсального языка сменились проектами разнообразия и поддержания диалога, к которому приглашаются все участники на основании паритета сторон.

В этом случае вполне понятным становится предложенное И.Т. Касавиным рассмотрение науки как гуманистического проекта. Но, как нам кажется, гуманистический проект науки заключается не только в том, чтобы представить науку не только как сугубо рациональную познавательную практику, но и «в единстве ее коммуникативных форм, ее истории нормативно-ценностного измерения, дать образ науки с человеческим лицом» [5. С. 13]. Конечно же, это важные задачи, которые позволяют показать развитие и существование науки во всем его многообразии. Гуманистический проект науки заключается еще и в том, что именно она, как это ни странно, оказалась тем элементом, который может связать совершенно различные культуры, дает возможность находить им общий язык и совместно изменять мир. Именно эта форма человеческой деятельности позволяет формировать мосты интерпретаций, где различные культуры начинают понимать друг друга и признавать достижения других. Обычно мы не думаем о науке в подобном ключе. Ведь она предстает некоторой практикой по изучению мира. Однако именно в науке можно найти практики, которые позволяют выявить гуманистические черты, связанные с согласованием различных образов реальности и ценностей.

В одной из своих работ П. Галисон отмечал [11], что формирование сложных междисциплинарных проектов связано с нахождением взаимопонимания между различными группами ученых. При этом они принадлежат к разным парадигмам и, как следствие, обладают разными образами реальности. Ученые-биологи сначала плохо понимают ученых-физиков, физики-теоретики не могут найти общий язык с экспериментаторами, никто не понимает программистов, инженеры выдвигают свои специфические требования. В этом хаосе взаимодействия сталкиваются разные ценности и языки, конечно же, вряд ли это столкновение можно уподобить первому столкновению представителей различных культурных общностей, но и в случае взаимодействия ученых разница между ними огромна. Но именно в процессе работы [12] и начинает формироваться взаимопонимание между учеными, принадлежащими к различным «парадигмам». Используя наши метафоры «мифа науки», можно сказать, что именно в этом взаимодействии мигранты-путешественники приносят на общий стол свою «добычу» в форме знаний и в процессе «критического» обсуждения находят взаимопонимание. Но это и есть согласование различных культур, которые теперь не только противостоят друг другу, но и находят общий язык. Конечно, в этом случае у взаимодействующих ученых имеется общий бэкграунд, который связан с тем простым фактом, что в процессе своей профессиональной социализации они осваивали и усваивали общий научный этос, знакомились с научной методологией, стремились стать учеными. Можно сказать, что именно благодаря этому они и могут найти общий язык.

Теперь же сама наука выступает этим особым культурным бэкграундом для различных государств и культурных общностей. Обратившись к научному познанию, ценностям науки они могут искать пути для взаимопонимания

и налаживания диалога. Наука, хотя и не формируя общее пространство экзистенциальных смыслов, дает возможность сформироваться общим стратегиям поиска и понимания мира, создает общие интеллектуальные ценности. Этим она объединяет разные культуры и позволяет формироваться новой техногенной цивилизации, которая может быть пронизана гуманистическими идеями признания важности человека и человечности, диалога и взаимопонимания.

Список источников

1. Тойнби А.Дж. Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций / пер. с англ. К.Я. Кожурина. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 670 с.
2. Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты / пер. с англ. Т. Даниловой. М. : ИРИСЭН, 2007. 338 с.
3. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Simon & Schuster, 1996. 368 p.
4. Zain M., Kassim N., Ayub N. Modernisation without Westernisation in Saudi Arabia: Perceptions of the Country's Urban Dwellers // Social Change. 2016. V. 46, is. 4. P. 583–601.
5. Касавин И.Т. Наука – гуманистический проект. М. : Весь мир, 2020. 496 с.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектики мифа» / сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М. : Мысль, 2001. 558 с.
7. Pinker S. Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress, New York : Viking, 2018. 576 p.
8. Couturat L., Leau L. Histoire de la langue universelle. Paris : Hachette, 1903. 582 p.
9. Pfaundler L. et al. International language and science. Considerations on the introduction of an international language into science. London : Constable & Company Ltd, 1910. 87 p.
10. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / пер. с итал. и примечания А. Миролобовой. СПб. : Александрия, 2007. 423 с.
11. Galison P. Image and logic: a material culture of microphysics. Chicago, Illinois : University of Chicago Press, 1997. 982 p.
12. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 8–17.

References

1. Toynbee, A.J. (2009) *Issledovanie istorii. Vozniknovenie, rost i raspad tsivilizatsiy* [A Study of History. The Emergence, Growth and Decay of Civilizations]. Translated from English by K.Ya. Kozhurin. Moscow: AST; AST MOSKVA.
2. Lal, D. (2007) *Neprednamerennye posledstviya. Vliyanie obespechennosti faktorami proizvodstva, kul'tury i politiki na dolgosrochnye ekonomicheskie rezul'taty* [Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics on Long-run Economic Performance]. Translated from English by T. Danilova. Moscow: IRISEN.
3. Huntington, S. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
4. Zain, M., Kassim, N. & Ayub, N. (2016) Modernisation without Westernisation in Saudi Arabia: Perceptions of the Country's Urban Dwellers. *Social Change*. 46(4). pp. 583–601. DOI: 10.1177/0049085716666632
5. Kasavin, I.T. (2020) *Nauka – gumanisticheskiy projekt* [Science as a Humanistic Project]. Moskva: Ves' mir.
6. Losev, A.F. (2001) *Dialektika mifa. Dopolnenie k "Dialektiki mifa"* [Dialectics of myth. Supplement to "Dialectics of Myth"]. Moscow: Mysl'.
7. Pinker, S. (2018) *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. New York: Viking.
8. Couturat, L. & Leau, L. (1903) *Histoire de la langue universelle*. Paris: Hachette.
9. Pfaundler, L. et al. (1910) *International Language and Science. Considerations on the Introduction of an International Language into Science*. London: Constable & Company.
10. Eco, U. (2007) *Poiski sovershennogo yazyka v evropeyskoy kul'ture* [The Search for the Perfect Language (the Making of Europe)]. Translated from Italian by A. Mirolyubova. St. Petersburg: Aleksandriya.

11. Galison, P. (1997) *Image and logic: a material culture of microphysics*. Chicago, Illinois: University of Chicago Press.

12. Kasavin, I.T. (2017) Zony obmena kak predmet sotsial'noy filosofii nauki [Trading zones as a subject-matter of social philosophy of science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 51(1). pp. 8–17. DOI: 10.5840/eps20175111

Сведения об авторах:

Масланов Е.В. – кандидат философских наук, научный сотрудник Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: evgenmas@rambler.ru

Соколова Т.Д. – кандидат философских наук, научный сотрудник Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: sokolovatd@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Maslanov E.V. – Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). Email: evgenmas@rambler.ru

Sokolova T.D. – Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: sokolovatd@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 20.01.2022;
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья
УДК 008
doi: 10.17223/1998863X/66/25

МИФ НАУКИ – ГРАНИЦЫ АРХЕТИПОВ

Ольга Евгеньевна Столярова

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия, olgastoliarova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается поднятая И.Т. Касавиным в монографии «Наука – гуманистический проект» проблема самопонимания человека как субъекта познания и преобразования мира, ответственного за судьбу цивилизации. В условиях лавинообразного нарастания темпа изменений природной и социальной среды обитания человека обостряется вопрос об исторической роли научной рациональности и ее соизмеримости с идеями гуманизма. В этом контексте обсуждается предложенный Касавиным проект расширения границ рационального постижения происходящих перемен за счет обращения к «ненаучным» формам познания, таким как миф и архетипы. Показано, что наука элиминирует движение и изменение, подчиняя их неизменным вневременным законам природы, а «вечные» архетипы, напротив, являются безгранично толерантными по отношению к движению времени и динамике исторических процессов.

Ключевые слова: наука, прогресс, гуманизм, миф, архетип, рациональность, И.Т. Касавин

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Для цитирования: Столярова О.Е. Миф науки – границы архетипов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 266–274. doi: 10.17223/1998863X/66/25

Original article

MYTH OF SCIENCE – THE BOUNDARIES OF ARCHETYPES

Olga E. Stoliarova

Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation, olgastoliarova@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of self-understanding of a person as a subject of cognition and transformation of the world, responsible for the fate of civilization, raised by Ilya T. Kasavin in his monograph *Science – A Humanistic Project*. In the conditions of an avalanche-like increase in the rate of changes in the natural and social environment, the question of the historical role of scientific rationality and its commensurability with the ideas of humanism is becoming more acute. Scientific and technical transformation of the world leads to a “future shock” (Alvin Toffler), which is incompatible with scientific objectivity in understanding and assessing what is happening. In a situation where we are permanently in the zone of avalanche-like changes, we have no chance to take the position of an external observer or a post-factum researcher. The existential experience of the “future shock” cannot be an alternative to scientific knowledge, since it does not have positive intersubjective validity. In this context, Kasavin’s project of expanding the boundaries of rational comprehension of the ongoing changes by addressing “unscientific” forms of cognition, such as myth and archetypes, is discussed. The concept of the “myth of science” proposed by Kasavin is

considered. The myth is interpreted as a total form of life in which practical concreteness and its symbolic expression are fused together. The myth thus understood is neither a delusion nor an irrational experience. On the contrary, it represents the basis of rational thinking, the temporally primary and transcendently universal way of our historical self-understanding. The appeal to the myth is defined as a paradox. Modern science, which studies movement and change, is unable to incorporate radical ontological and epistemological transformations into its system of concepts. In contrast to this, archetypes, being primary, extremely stable, timeless forms of cognition, make it possible to include global complication and the phenomenon of “future shock” in the body of intersubjective knowledge. This paradox is partly resolved through its amplification. It is shown that science eliminates movement and change, reducing them to the unchanging timeless laws of nature. “Eternal” archetypes, on the contrary, are infinitely tolerant with respect to the movement of time and the dynamics of historical processes.

Keywords: science; progress; humanism; myth; archetype; rationality; Ilya T. Kasavin

Acknowledgments: The research was carried out within the project supported by Russian Science Foundation, No. 19-18-00494: The Mission of the Scientist in the Modern World; Science as Profession and Vocation.

For citation: Stoliarova, O.E. (2022) Myth of science – the boundaries of archetypes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 266–274. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/25

Вопрос о науке как исторической судьбе человечества, поднятый в монографии И.Т. Касавина [1], без сомнения, относится к числу самых животрепещущих проблем нашего времени. С особой остротой эта проблема предстала перед философами и учеными в начале – середине XX в., и приходится признать, что в последующие десятилетия ее острота несколько не сгладилась, но даже усугубилась. Причина этого, в общем, понятна. Наш мир стремительно меняется, причем, чем больше он меняется, тем больше он меняется. Этот тезис не тавтологичен. Он указывает на скорость изменения скорости, называемую в физике ускорением, т.е. на производную от скорости по времени. Трудно не согласиться с тем, что темпы социальной динамики нарастают. Интенсификация социально-политических процессов подтверждается социологами, экономистами, историками.

Например, историки подсчитали, что «количество исторических событий, приходящихся на сравнимый период – от столетия к столетию, от одной мировой цивилизации к другой, – увеличивается... Интенсивность исторических событий (в пересчете на пятилетия) увеличилась с 20,6 единицы в 1751–1775 гг. до 213 в 1976–1995 гг. – в 10,3 раза. Даже с учетом неизбежной аберрации во времени повышение интенсивности исторического процесса налицо» [2. С. 227]. Философы так же признают кардинальное изменение самого темпа изменения: «...социальные структуры все быстрее начинают изменяться, становятся все более эфемерными и текучими» [3. С. 114]. Социологи говорят о беспрецедентном уплотнении или сжатии социального времени, которое переживает человек сегодня. Так называемое мгновенное время становится социологической категорией, описывающей небывалое ускорение социальных процессов [4]: политические, экономические, идеологические, бытовые и т.п. радикальные изменения наступают раньше, чем успевает сформироваться привычка к предшествующим. Лавинообразное нарастание перемен приводит к тому, что

человек оказывается чужестранцем в собственной среде, испытывая «шок будущего», равнозначный культурному (мировоззренческому) шоку [5]. Социальные теоретики фиксируют то обстоятельство, что современные общества и индивиды живут в нарастающем ощущении разрыва с прошлым [6]. Это наблюдение и переживание приводит к ревизии понятия прогресса. Философы, историки и социологи критикуют классическую идею прогресса как поступательного развития человеческой цивилизации за ее слишком упрощенный характер. Вместо линейного прогресса они предпочитают говорить об усложнении [7] или о циклическом развитии общества, подчеркивая «сокращение продолжительности циклов и кризисов, уташение пульса исторического прогресса» [2. С. 108].

Ответственным за стремительные трансформации собственной природной и социальной среды обитания является, конечно, сам человек, наращивающий силу влияния на объекты и процессы окружающего мира, умножающий и оттачивающий инструменты вмешательства в природную и социальную реальность [8, 9]. При этом человек (или человечество) не только преобразует мир, но одновременно стремится понять смысл своей деятельности, вписать свою деятельность в мировой процесс, нанести ее, если так можно выразиться, на интеллектуальную карту действительного и возможного. Следует сказать, что инструментарий, посредством которого осуществляется освоение и преобразование мира, по сути, совпадает с тем инструментарием, посредством которого человек осознает свою деятельность и ее место в мире, свою космологическую миссию и судьбу. Этот инструментарий принадлежит науке в предельно общем и, следовательно, наиболее полном ее смысле – как непрерывно пополняющейся системе методически добываемых интерсубъективных (объективных) знаний о (природной, социальной, культурной) реальности. Поэтому наука является не только «локомотивом истории» [1. С. 14], который мчится на всех парах, увлекая за собой все человечество. Наука – это еще и «внешний» наблюдатель, который пытается определить направление движения и скорость этого локомотива, чтобы понять, как и куда он мчится и что впереди. Когда люди переживают некий внезапный природный катаклизм, например оказываются внутри зоны схода лавины, ожидать от них систематического изучения этого катаклизма, его объективных оценок и прогнозов его развития не приходится. Здесь речь идет о выживании, а не об изучении, и все прогнозы и оценки могут быть только ситуативными. Но после того как природная катастрофа разрешается определенным образом или приобретает более-менее регулярный, совместимый с жизнью характер, возникает потребность в ее изучении, объяснении и понимании. То же относится и к социальным кризисам и переворотам, которые по прошествии времени поступают в распоряжение историков и разного рода аналитиков. Однако мы сейчас говорим не о локальных кризисах и катастрофах, а о глобальном развитии, которое стремительно и неконтролируемо наращивает темп. В ситуации, когда мы перманентно пребываем в зоне лавинообразных изменений, у нас нет шансов занять позицию внешнего наблюдателя или постфактум исследователя. Мы не можем ни остановить этот локомотив истории, ни покинуть его. И можем ли мы в таком случае рассчитывать на научную объективность при изучении уже наступившего «шока будущего»?

Вообще говоря, понятие шока (от фр. *choc* – удар, толчок, наскок) и феномен шокового состояния не слишком интересуют философов-рационалистов¹, которые делают ставку на объективность и логическую строгость, ясность и точность объясняющей научной методологии. Для философов-экзистенциалистов, напротив, шоковые состояния представляют большой интерес. Экзистенциальный шок описывается как внутреннее событие драматического переворота сознания, как глубочайшие тревога и растерянность в момент неожиданных потрясений. Эмоциональное выражение таких состояний, подчеркивают экзистенциалисты, делает невозможным их объективацию; они стихийно переживаются в едином чувственно-телесном порыве, который сопровождается интуитивным постижением конечности существования субъекта этих переживаний. Экзистенциалисты абсолютизируют подобные состояния. Экзистенциалисты утверждают, что такие состояния обращают человека к самому себе и к подлинному бытию, которое внезапно обнаруживает себя во внутреннем мире человека.

Допустим, экзистенциалисты правы в том, что бытие (и истину) можно обрести только через внутреннее потрясение, вызванное переживанием великой тайны реальности. Как писал русский философ-экзистенциалист Лев Шестов, «реальное пришло к нам неизвестно откуда, оно все окружено вечной тайной, рождающей бесконечные и совершенно непредусмотримые изменения» [10. С. 225]. Тогда страх и тревога в ответ на кризисы и катастрофы (будь то естественные, исходящие от самой природы, или искусственно созданные и спровоцированные человеком), хотя и отчуждают человека от вещественного, враждебного ему мира, но возвращают его к источнику всего существующего – чистому смыслу и абсолютной свободе трансцендентного бытия. Проблема заключается в том, что экзистенциальный опыт – глубоко личный, индивидуальный. Философы-экзистенциалисты потратили много сил на то, чтобы придать ему общезначимый характер, но эта общезначимость является *негативной*, поскольку парадоксальным образом фиксирует невыразимость и спонтанность экзистенциального опыта, автономность внутреннего человека по отношению к природе и социуму. Можно согласиться с Сартром в том, что экзистенциализм – это гуманизм [11], но трудно согласиться с тем, что гуманизм сводится к экзистенциализму. Как бы ни менялась диахронически и синхронически идея гуманизма, мы ожидаем от нее также (и, даже, прежде всего) *позитивной* общезначимости, т.е. трансляции смыслов и ценностей, которые могло бы (пусть в идеальном пределе) разделить все разумное человечество, принимая их как исторические и социальные ориентиры. В таком случае защита науки от уничтожающей экзистенциалистской критики и поддержка науки как систематического рационального мышления, способного снабдить человека адекватным представлением о нем самом, становятся важнейшим делом сегодняшнего времени.

Мне представляется, что книгу И.Т. Касавина следует прочесть именно в таком ключе – как теоретические усилия, направленные на поиск нового типа рациональности. Речь идет о рациональности, отвечающей на вызовы времени и не уклоняющейся от «шока будущего», перед которым бессильна классическая рациональность. Я бы назвала такую рациональность синтетиче-

¹ Или интересуют их как девиации.

ской, противопоставив ее, соответственно, аналитической. Термины «синтез», «синтетический» имеют длинную философскую историю, которую я оставляю в стороне, сославшись только на Иммануила Канта и его противопоставление аналитических и синтетических суждений. Первые раскрывают информацию, изначально содержащуюся в понятии и суждении; вторые расширяют эту информацию за счет обращения к внешним данным. Синтетическая рациональность – это рациональность, открытая новому и создающая новое в процессе освоения мира¹. Не случайно И.Т. Касавин, рассуждая о потребных нам сегодня методах понимания себя, своего настоящего и будущего, подчеркивает, что эти методы являются *научно-философскими* [1. С. 242.]. Наука, которая воплощает аналитический подход, разбирая мир на элементы, не может обойтись в современной ситуации без философского синтеза, противостоящего редукционизму. Последний опирался на классическое представление о полностью объективном, исчерпывающем описании мира на языке логики и математики. Но редукционизм пасует перед глобальным усложнением, захватывающим и изучаемый мир, и способы его изучения. Синтетическая рациональность раздвигает границы «рационального», включая в эту категорию «ненаучный» опыт, который, тем не менее, обладает intersubjectивностью, социальностью, т.е. выступает общим языком, обеспечивающим коммуникацию и совместное действие человеческих индивидов и коллективов. Важно, что этот «ненаучный» опыт не элиминирует науку, но оставляет ее в круге своих интересов, формируя дополнительный по отношению к ней язык ее описания.

И.Т. Касавин называет порожденный этими опытом и языком дискурс *мифом науки* [1. С. 299–300]. Я думаю, что *миф* в данном случае следует интерпретировать в духе А.Ф. Лосева и Эрнста Кассирера – как тотальную форму жизни, в которой слиты воедино практическая конкретность и ее символическое выражение. Так понятый миф не является ни заблуждением, ни иррациональным переживанием. Он, напротив, представляет собой основу рационального мышления, темпорально первичный и трансцендентально-всеобщий способ *исторического* самопонимания человека. Посредством мифа актуальный эмпирический субъект реального исторического процесса соотносит себя со своим исходным прототипом, с изначальным смыслом идеи человека. Миф науки, если я правильно поняла И.Т. Касавина, не равнозначен антисциентизму, отрицающему значение и ценность научного познания с «внешней» позиции. Миф науки – это, скорее, сама научная рациональность, но не замкнутая в современности, а обращенная на свой исторический путь, восприимчивая к историческим прообразам, архетипам, с которыми она соизмеряет свое настоящее и будущее [1. С. 299]. «Природа была до человека, но человек был до естествознания» (цит. по: [13. С. 26]). Эта фраза К.Ф. Вайцзеккера, физика и философа, выражает согласующуюся с идеями И.Т. Касавина мысль о том, что изначальный образ человека² является мерой исторического проекта научного освоения мира.

Здесь я вижу некий парадокс. Когда мы говорим об архетипах (первообразах), мы имеем в виду первичные, предельно устойчивые формы сознания,

¹ См. о синтетической рациональности, представленной как проект философии синтеза: [12].

² «Наличный образ человека-в-мире», если прибегнуть к терминологии У. Селларса. Селларс противопоставляет его «научному образу», исторически вторичному [14].

отражающие фундаментальное отношение человека к миру. Архетипы универсальны и в определенном смысле вечны. Они – матрица человеческого мышления, которая изначально, в свернутом виде, содержит в себе его последующее развитие. Наподобие кантовских трансцендентальных условий возможности познания архетипы относятся к всеобщему и необходимому, а не к индивидуальному и случайному. Они суть идеальные типы познания, нивелирующие различия и изменения. Не случайно архетипическое мышление считается одним из главных признаков традиционных культур, враждебных инновациям.

В свое время новая наука, экспериментально-математическое естествознание, в лице своих практиков и теоретиков определила себя как антагониста традиционных форм познания – 1) абстрактной метафизики, 2) предшествующей ей мифологии. Вторая, по О. Конту, оценивалась в иерархии познавательных форм ниже первой. Она дальше отстояла от положительных (эмпирических и экспериментальных) наук на временной шкале и характеризовалась еще более наивной, чем абстрактная форма, апелляцией к (фантастическим) первопричинам и первоначалам. Вместо абсолютного знания адепты новой науки выбирали знание относительное: не поиск первопричины и скрытых причин интересовал их, а описание наблюдаемой связи явлений. Только так, они полагали, движение и изменение становятся доступны для исследования, а физика обретает свой подлинный предмет – движущуюся материю. Именно эта стратегия принесла науке ее грандиозный успех. Открытие законов движения и изменения материи предоставило человеку невиданные возможности технического творчества – воздействия на природу и подчинения ее своим нуждам. Описанный Элвином Тоффлером «шок будущего» – следствие научно-технического преобразования мира. И пусть мы признаём сегодня, что сама наука испытывает «шок будущего», но стоит ли призывать на помощь архетипы? Могут ли архетипы, чья ведущая роль давно сыграна, снабдить нас теоретическими ресурсами для понимания ускоряющихся природных и социальных процессов и глобального усложнения?

Парадокс, впрочем, отчасти разрешается через его усиление, как это свойственно парадоксам. Экспериментально-математическое естествознание, обращенное на движение и изменение, сконструировало онтологическую систему, состоящую из абсолютных пространства и времени, лишенных внутренней структуры и способности к изменению частиц материи и неизменных сил, действующих на эти частицы по неизменным правилам. Эта замкнутая система сформировала узкие рамки онтологически и эпистемологически возможного: все наблюдаемые в окружающем мире изменения сводились к математически сформулированным универсальным законам природы, все новое редуцировалось к уже известному, а сама данная методология объявлялась единственно рациональной. Именно поэтому революционные научные открытия конца XIX – начала XX в. и дальнейшее развитие науки и техники привели к кризису рациональности и пересмотру ее границ. Жесткие рамки онтологической и эпистемологической системы классического естествознания не могли вместить подлинно новые явления, которые сопротивлялись редукции и переводу их в термины фундаментальных законов вечной и неизменной природы.

Однако архетипы, – притом, что они отсылают к началам, образцам, интегралам и неподвластным времени идеалам, – демонстрируют удивительную гибкость по отношению к радикально новым изменениям человеческого существования, ломающим границы возможного. Вечные образы мифологического мышления несут в себе безграничные многозначность и вариативность своих проявлений. Они включают в свое смысловое поле динамику исторических событий, непредсказуемость и случайность, новизну и стихийность. Возможно, это объясняется тем, что, как пишет Е.М. Мелетинский, «мифическая ментальность отождествляет начало (происхождение) и сущность, тем самым динамизируя и нарративизируя статическую модель мира» [15. С. 12]. В этом смысле весьма показателен архетип миграции, о котором говорит И.Т. Касавин [1. С. 219–228]. Миграционный архетип транслирует образ человека, который в своем цивилизационном становлении преодолевает как внешние, так и внутренние границы. Чужие земли и фантастические миры становятся эмблемой разыгрывающейся на исторической сцене драмы познания. Человек познающий – это человек путешествующий. Он перемещается во времени и пространстве, в реальности и возможных мирах, вынужденно или добровольно покидает культурную ойкумену, разрывает связь с привычным, теряет и вновь обретает себя в странничестве по дорогам мировой истории. Онтологическая *инаковость*, запредельное – вот вечно манящая и никогда не достижимая в полной мере цель интеллектуального и географического путешествия, которая руководит человеком в его бесконечной тяге к перемене мест¹.

Итак, если я правильно поняла И.Т. Касавина, то одна из основных мыслей его книги заключается в том, что нам необходимы новые способы понимания и самопонимания, которые научно-философское мышление, восприимчивое к историческим прообразам, способно нам открыть. С этим можно согласиться. Хотя архетипы не дают нам в руки инструмент исчерпывающих предсказаний и контроля (в отличие от математически сформулированных законов природы, которые классическая рациональность полагала таковым инструментом), но, во всяком случае, они могут удержать нас в границах смысла и коммуникации в стремительном потоке перемен.

Список источников

1. Касавин И.Т. Наука – гуманистический проект. М. : Весь мир, 2020. 492 с.
2. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. В 2 т. Т. 2: Будущее цивилизаций и гецивилизационные измерения. М. : Ин-т эконом. стратегий, 2006. 627 с.
3. Лекторский В.А. Неопределенность, непредсказуемость и суперопределенность // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. / под ред. А.С. Запесоцкого. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 114–116.
4. Амбарова П.А. О проблеме динамики социального времени // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 113, № 2. С. 109–115.
5. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 557 с.
6. Аргамасова А.А. Между технологической утопией и антиутопией: игры в социальное проектирование // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54, № 4. С. 150–159.
7. Morin E. On Complexity. Hampton Press, 2008. 127 p.

¹ О культурно- и исторически-пространственной символической, ее инвариантности и вариативности см. недавнее исследование: [16].

8. Герасимова И.А. От модернизации к экологизации. Геоэкология и геосоциальность // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 8–21.
9. Филатов В.П., Касавин И.Т., Антоновский А.Ю., Рузавин Г.И. Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20, № 2. С. 142–156.
10. Шестов Л. Сочинения в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 1. 674 с.
11. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / под ред. А.А. Яковлева. М. : Политиздат, 1990. С. 319–344.
12. Эпштейн М.Н. От анализа к синтезу. О призвании философии в XXI веке // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 52–63. doi: 10.31857/S004287440005725-2
13. Гейзенберг В. Физика и философия // Физика и философия. Часть и целое. М. : Наука, 1989. С. 3–132.
14. Sellars W. Philosophy and the Scientific Image of Man // Sellars W. Science, Perception and Reality. Ridgeview Publishing Company, 1991. P. 1–40.
15. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М. : РГГУ, 1994. 136 с.
16. Лавренова О.А. Игры с пространством // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 178–196.

References

1. Kasavin, I.T. (2020) *Nauka – gumanisticheskiiy projekt* [Science as a Humanistic Project]. Moscow: Ves' Mir.
2. Kuzyk, B.N. & Yakovets, Yu.V. (2006) *Tsivilizatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushchee* [Civilizations: Theory, History, Dialogue and the Future]. Vol. 2. Moscow: Institute for Economic Strategies.
3. Lektorsky, V.A. (2018) Neopredelennost', nepredskazuemost' i superopredelennost' [Uncertainty, Unpredictability, and Super Certainty]. In: Zapesotskiy, A.A. (ed.) *Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya* [The Contours of the Future in the Context of World Cultural Development]. St. Petersburg: University of the Humanities and Social Sciences. pp. 114–116.
4. Ambarova, P.A. (2013) O probleme dinamiki sotsial'nogo vremeni [Regarding the Dynamics of the Social Time]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 113(2). pp. 109–115.
5. Toffler, A. (2002) *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated from English. Moscow: AST.
6. Argamakova, A.A. (2017) Mezhdru tekhnologicheskoy utopiei i antiutopiei: igry v sotsial'noe proektirovanie [Between Technological Utopia and Dystopia: Games and Social Planning]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 54(4). pp. 150–159. DOI: 10.5840/eps201754479
7. Morin, E. (2008) *On Complexity*. Hampton Press.
8. Gerasimova, I.A. (2021) Ot modernizatsii k ekologizatsii. Geoekologiya i geosotsial'nost' [From Modernization to Greening. Geoecology and Geosociality]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 58(1). pp. 8–21. DOI: 10.5840/eps20215812
9. Filatov, V.P., Kasavin, I.T., Antonovskiy A.Yu. & Ruzavin, G.I. (2009) Obsuzhdaem stat'i o konstruktivizme [Discussing entries on constructivism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 20(2). pp. 142–156.
10. Shestov, L. (1993) *Sochineniya* [Essays]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
11. Sartre, J.-P. (1990) *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Translated from French. Moscow: Politizdat. pp. 319–344.
12. Epstein, M.N. (2019) Ot analiza k sintezu. O prizvanii filosofii v XXI veke [From Analysis to Synthesis: on the Vocation of Philosophy in the 21st Century]. *Voprosy Filosofii – Philosophical Problems*. 7. pp. 52–63.
13. Heisenberg, W. (1989) *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe* [Physics and Philosophy. The Part and the Whole]. Translated from German. Moscow: Nauka. pp. 3–132.
14. Sellars, W. (1991) *Science, Perception and Reality*. Ridgeview Publishing Company. pp. 1–40.
15. Meletinsky, E.M. (1994) *O literaturnykh arkhetyпах* [On Archetypes in Literature]. Moscow: RSUH.
16. Lavrenova, O.A. (2021) Games with Space. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 58(1). pp. 178–196. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202158117

Сведения об авторе:

Столярова О.Е. – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Stoliarova O.E. – Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgastoliarova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 20.01.2022;
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья
УДК 001.38
doi: 10.17223/1998863X/66/26

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАПРОС И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ: ДВА АСПЕКТА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Лиана Анваровна Тухватулина

*Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории
и философии науки», Москва, Россия, spero-meliora@bk.ru*

Аннотация. Отстаивается тезис о том, что реализация науки как гуманистического проекта в современном мире связана с расширением политического влияния науки. Это участие, с одной стороны, определяется выделенной ролью научных экспертов, а с другой стороны, функционированием науки как образца в системе распределения знания. Основное внимание уделено осмыслению тенденции к натурализации в эпистемологии социальных наук, а также дискуссии о недопуске (no-platforming discussions) в качестве примеров влияния общественно-политической миссии ученых на методологию исследований и принципы академической коммуникации.

Ключевые слова: наука, политика, экспертиза, методологическая натурализация, дискуссии о недопуске, академическая политика, демократия

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-004288 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

Для цитирования: Тухватулина Л.А. Политический запрос и социальные науки: два аспекта взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 275–281. doi: 10.17223/1998863X/66/26

Original article

POLITICAL INQUIRY AND SOCIAL SCIENCES: TWO ASPECTS OF INTERCONNECTEDNESS

Liana A. Tukhvatulina

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation,
spero-meliora@bk.ru*

Abstract. The author defends the thesis that the implementation of science as a humanistic project in the modern world is associated with the expansion of the political influence of science. This participation, on the one hand, is determined by the special role of scientific experts, and, on the other hand, by the functioning of science as a model in the knowledge distribution system. The concrete implementation of this participation is determined by a wide range of involvement of science in social communication – from education and popularization of scientific knowledge to participation in expert support. This article focuses on understanding the trend towards naturalization in the epistemology of social sciences and no-platforming discussions as a result of the influence of the sociopolitical mission of scientists on research methodology and principles of academic communication. Thus, the methodological trend towards naturalism in social sciences is largely determined by the stereotypes of politicians about what exactly a credible scientific explanation of human nature should look like. These stereotypes are formed on the basis of simplified ideas about the image of natural

science knowledge. This shift is largely associated with the technocratic imperative in politics, which suggests that the trend towards naturalization of social and scientific knowledge will only grow. The second part of the article focuses on a discussion about whether to provide a university platform for people spreading “wrong” or even “disgusting” opinions on the subject (so-called no-platforming discussions). The arguments of defenders and critics of the idea of no-platforming are evaluated. Based on the example of gender studies, the author infers that no-platforming may be motivated not so much by the scientific unfoundedness of skeptics’ judgments as by the negative influence of “non-constructive dissent” on the legitimacy of civic activism. The author concludes that social sciences in the modern world do not at all seek to distance themselves from the current political agenda, actively participating both in the expertise and in supporting civic activism. This circumstance indicates that it is politicization that embodies the idea of science as a humanistic project today.

Keywords: science; politics; expert examination; methodological naturalization; discussions about non-admission; academic politics; democracy

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation (Project Number 21-18-004288).

For citation: Tikhvatulina, L.A. (2022) Political inquiry and social sciences: two aspects of interconnectedness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 275–281. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/26

В книге «Наука – гуманистический проект» Илья Теодорович Касавин отмечает, что магистральная идея современных исследований науки и техники состоит в том, чтоб «представить науку в единстве ее коммуникативных форм, ее истории и нормативно-ценностного измерения, дать образ науки с человеческим лицом. Это идея науки как гуманистического проекта, провозвестника Нового просвещения» [1. С. 13]. Сама формулировка такого проекта основывается на признании «повсеместности» науки, ее центральной роли в коммуникативной структуре общества, которая определяется в том числе «выделенной ролью научных экспертов» и «функционированием науки как образца в системе распределенного знания» [1. С. 94]. Идея науки как гуманистического проекта связана с расширением связей науки с иными социальными институтами, а главное – все большей включенностью ученых в общественно-политическую жизнь. Такая включенность предполагает широкий спектр реализации – от просвещения и популяризации науки до участия в экспертном сопровождении политических решений. Модусы взаимодействия и характер взаимовлияния науки и политики становятся одной из центральных тем социальной эпистемологии. Образы науки, которые конструируют современные исследователи, далеки от позитивистского эталона «башни из слоновой кости». В социально-гуманитарных областях включенность исследователей в общественно-политические дискуссии и экспертную деятельность оказывает влияние как на некоторые методологические тенденции, так и на академическую политику. В этой короткой реплике я рассматриваю тенденцию к натурализации в эпистемологии социальных наук, а также дискуссию о недопуске (no-platforming discussions) в качестве примеров влияния общественно-политической миссии ученых на методологию исследований и принципы академической коммуникации.

На мой взгляд, внешней предпосылкой натурализации эпистемологии в некоторых социальных науках оказывается именно запрос на экспертное сопровождение политических решений. Авторитет знания, которое продвигают те или иные дисциплины, как предполагается, станет крепче, если его эпи-

стемические основания будут в большей степени соответствовать канонам *hard science*. Сторонники натуралистической редукции предполагают, что в экономике о формировании предпочтений и способах принятия решений гораздо больше может рассказать метод функциональной МРТ, чем теоретические абстракции, вроде многократно раскритикованной модели *homo economicus*. А новейшим веянием в юридической науке становится рецепция биомедицинской практики рандомизированных контролируемых исследований (RCT) для анализа различных факторов, влияющих на судебские решения [2]. Все это говорит о том, что социальные науки на современном витке развития как будто бы вновь обращаются к контовскому идеалу «социальной физики», которая должна быть так же точна в методах и предсказаниях, как и естественные науки. Целью этого процесса как будто бы становится стремление освободиться от «позорного клейма» гуманитарного знания, которое, согласно некоторым стереотипам, производит лишь «пустопорожнюю болтовню». Однако этот натуралистический дрейф вызывает не только одобрение, но и критику [3].

Исследователи неоднозначно оценивают основания и перспективы концептуальных и методологических заимствований, которые осуществляют «дисциплины-реципиенты» по мере становления междисциплинарных областей социальной науки. Спектр позиций в этом вопросе варьирует от критики «эпистемического империализма» с его стремлением «распространить хорошую научную идею за пределы той области, где она появилась – и <...> где она способна эффективно работать» [4. С. 374] до апологии «методологического экуменизма», который оправдывает рецепцию стремлением отдельных дисциплин к обогащению собственных методологических ресурсов.

Защитники считают, что их оппоненты критикуют «империализм» лишь по аналогии с политическим, не желая вдаваться в эпистемологические детали. В свою очередь, критики полагают, что формирование междисциплинарных направлений в социальных науках нужно рассматривать исключительно как явление академического маркетинга. Открытие соответствующих кафедр и факультетов, привлечение студентов, получение грантового финансирования и проведение экспертизы по заказам частных корпораций и государства – вот настоящие цели развития междисциплинарных направлений в социальных науках, а вовсе не декларируемое стремление увидеть реальность «в истинном свете» через обращение к открытиям психологов-когнитивистов (поведенческая версия «права и экономики») или нейрофизиологов («нейро-экономика» и «нейроправоведение»).

Критики интерналистского обоснования междисциплинарности считают, что методологический обмен предполагает «замещение» одних теоретических предпосылок другими и, как следствие, приводит к реконфигурации научной онтологии. А потому сравнение эпистемических ресурсов той или иной дисциплины «до» и «после» кооперации едва ли правомерно. Более убедительным мне кажется экстерналистский довод о том, что натурализация связана со стремлением обрести прочные «собственно научные» основания для большей легитимности экспертного знания, на которое и нацелены междисциплинарные программы. Думаю, что легитимность здесь во многом определяется стереотипами политиков о том, как именно должно выглядеть достойное доверия научное объяснение природы человека. И эти стереотипы

формируются на основании упрощенных представлений об образе естественно-научного (или даже «собственно научного») знания. Подобный сдвиг к натурализации в эпистемологии социальных наук в значительной мере связан с технократическим императивом в политике. Легитимность принимаемых в современном мире политических решений во многих сферах определяется мерой их научной обоснованности. Политика требует экспертизы, основания которой должны быть как можно более «прочными». Как же возможна оценка этой «прочности»? Поскольку важнейшим ограничением в коммуникации между политиками и экспертами является «регресс экспертизы» (для оценки эксперта А требуется эксперт В, которого, в свою очередь, оценит эксперт С и т.д.), доверие политиков к экспертизе вынужденно основывается лишь на ее внешней убедительности. В этих условиях риторика приверженцев натуралистического редукционизма, которые бравируют дескриптивной точностью, выигрывает в сравнении с мутными теоретическими абстракциями, нагруженными философскими допущениями. Используя эту риторику, социальные науки отвечают на внешние ожидания и получают политические преимущества. А возможно, сами же формируют эти ожидания, предлагая подобный инструментарий. Именно сторонники «натурализованных» исследовательских программ занимают лидирующие позиции в экспертном консультировании политиков. Это обстоятельство позволяет утверждать, что тенденция к натурализации эпистемологии в социальных науках будет лишь усиливаться, поскольку такие исследования подкрепляются политическим запросом. Под влиянием такого запроса «политизируются» дискуссии и внутри науки. Спектр этих дискуссий весьма обширен – они затрагивают не только сугубо методологические вопросы (как в случае с дискуссиями о легитимности «эпистемического империализма»), но и проблемы регулирования академической жизни. Одну из этих проблем я хотела бы рассмотреть далее.

В западной литературе ведется активная дискуссия о том, следует ли предоставлять университетскую площадку людям, распространяющим «ошибочные» или даже «отвратительные» мнения о предмете (так называемые дискуссии о недопуске, no-platforming discussions). Речь, в частности, идет о запрете на публичную презентацию скептических убеждений о природе гендерной идентичности, которые основаны на отождествлении гендера и биологического пола. Несмотря на то, что идея недопуска в этом случае разделяется многими, целый ряд философов выступил с призывом дать скептикам право на публичное высказывание внутри академии, поскольку в противном случае «философия отказывается от своей важнейшей социальной миссии как дисциплины, где наиболее чувствительные и сложнейшие проблемы исследуются беспристрастно, деликатно и прозорливо» [5]. Кроме того, табуирование неугодных мнений означало бы и отказ от проблематизации метафизических оснований гендерной проблематики, от самой постановки вопросов о том, что есть человек, чем определяется идентичность и каково соотношение биологического и социального. Однако само приглашение скептика может расцениваться как факт валидации его убеждений, поскольку события, происходящие в стенах академии, часто воспринимаются публикой как заведомо научные события [6]. Но справедливо и то, что хотя принцип недопуска нацелен на снижение влияния «неконструктивного инакомыслия», его реализация

в то же время может создавать препятствия на пути свободного формирования убеждений внутри академии (*academic belief formation*) и усиливать недоверие ученым. Принцип недопуска ставит под удар основополагающую ценность научного мира – академическую свободу. И поэтому решение вопроса о недопуске в каждом конкретном случае требует, чтобы эпистемические издержки, связанные с валидацией «неконструктивного инакомыслия», перевешивали негативные эффекты от подкрепления недоверия механизмам формирования убеждений внутри академии [7. С. 13–14]. Следует отметить, что возникновение самих этих дискуссий во многом связано со значительным влиянием научного дискурса на социально-политическую повестку.

Так, в случае с гендерными исследованиями недопуск может быть мотивирован не столько научной необоснованностью суждений скептиков, сколько негативным влиянием «неконструктивного инакомыслия» на формирование гендерной политики и легитимность гражданского активизма. И хотя требование недопуска формулируется также в отношении тех, кто выступает против консенсуса в естественных науках (так называемых климатических скептиков, антивакцинаторов и ВИЧ-диссидентов), именно пример с социальными исследованиями наиболее показателен в смысле влияния политической рациональности на академический дискурс. Именно в этой области на исследователя возлагается особая ответственность за то, насколько разрабатываемые способы концептуализации социальных проблем способствуют борьбе с общественной несправедливостью. Методологический принцип «свободы от оценки» здесь отходит на второй план, а исследователь сталкивается с необходимостью принимать во внимание то, каким образом его исследование влияет на общественную повестку. С эпистемологической точки зрения, этот переход связан с признанием того, что социальные исследования, как и философия, предстают «как одна из техник пере-плетания нашего словаря морального дискурса, цель которого – приспособление к новым убеждениям» [8. С. 249]. В свою очередь, характер этого «пере-плетания» определяется стремлением к рассмотрению «традиционных различий (племенных, религиозных, расовых, обрядовых и им подобных) как несущественных по сравнению со сходствами, касающимися боли и унижения» [8. С. 243].

Однако стоит ли оценивать такое внимание к внешним для социальной науки эффектам, как тревожный симптом ее идеологизации? Или же, напротив, такую «чувствительность» следует рассматривать как еще один аспект гуманизации? В общем виде эти вопросы имеют риторический смысл, а ответ на них лишь указывает на «политическую» позицию отвечающего. И все же, на мой взгляд, несомненно то, что подобные дискуссии свидетельствуют о ключевой роли института науки в демократическом обществе. Общественное благо, которым наука одаривает общество, состоит не только в научном знании как в таковом, но и в трансляции высочайших стандартов коммуникации. Свобода дискуссии, академическое равенство (право на обоснованное высказывание независимо от позиции в статусной иерархии), строгие этические принципы научной полемики могут рассматриваться как эталон демократической коммуникации в целом. О «генетическом» сходстве науки и демократии говорят и общие для них проблемы: подобно тому, как важнейшим вызовом демократии становится популизм, ключевую угрозу

академической свободе представляет необоснованное отрицание научного консенсуса (именно потому, что борьба с ним может вести к ограничениям академической свободы – как в случае с дискуссиями о недопуске). В обоих случаях возникает необходимость поиска срединного пути, позволяющего обойти коллизию свободы и эффективности.

Социальные науки в современном мире вовсе не стремятся дистанцироваться от актуальной политической повестки, активно участвуя как в экспертизе, так и в поддержке гражданского активизма. Скептики полагают, что такого рода включенность уже приводит к их политизации. Однако обратной стороной политизации науки может стать и сциентизация политики, которая является более желанным для ученых результатом политической включенности науки. Остается лишь надеяться, что нарастающее взаимодействие между наукой и политикой послужит минимизации популизма и демагогии во власти, а наука тем самым встанет на защиту здоровой демократии.

Список источников

1. Касавин И.Т. Наука – гуманистический проект. М. : Весь мир, 2020. 496 с.
2. Fernandez Lynch H. et al. Overcoming Obstacles to Experiments in Legal Practice // *Science*. 2020. Vol. 367, is. 6482. P. 1078–1080.
3. Mäki U., Walsch A., Fernández Pinto M. *Scientific Imperialism. Exploring the Boundaries of Interdisciplinarity*. London : Routledge, 2018. 332 p.
4. Dupré J. Against Scientific Imperialism // *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 1994. Vol. 2. P. 374–381.
5. Bermudez J.L., Chambers C., Fine C. et al. Philosophers Should Not Be Sanctioned Over Their Positions on Sex and Gender // *Inside Higher Education*. 2019. URL: <https://www.insidehighered.com/views/2019/07/22/philosophers-should-not-be-sanctioned-their-positions-sex-and-gender-opinion> (accessed: 19.11.2021).
6. Levy N. No-platforming and Higher-Order Evidence, or Anti-Anti-No-platforming // *Journal of the American Philosophical Association*. 2019. Vol. 5, № 4. P. 487–502.
7. Peters U., Nottelman N. Weighing the Costs: The Epistemic Dilemma of No-platforming // *Synthese*. 27 March 2021. doi: 10.1007/s11229-021-03111-w
8. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность / пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М. : Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.

References

1. Kasavin, I.T. (2020) *Nauka – gumanisticheskij proekt* [Science as a Humanistic Project]. Moscow: Ves' Mir.
2. Fernandez Lynch, H. et. al. (2020) Overcoming Obstacles to Experiments in Legal Practice. *Science*. 367(6482). pp. 1078–1080.
3. Mäki, U., Walsch, A. & Fernández Pinto, M. (2018). *Scientific Imperialism. Exploring the Boundaries of Interdisciplinarity*. London: Routledge.
4. Dupré, J. (1994) Against Scientific Imperialism. *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 2. pp. 374–381.
5. Bermudez, J.L., Chambers, C., Fine, C. et.al. (2019) *Philosophers Should Not Be Sanctioned Over Their Positions on Sex and Gender*. [Online] Available from: <https://www.insidehighered.com/views/2019/07/22/philosophers-should-not-be-sanctioned-their-positions-sex-and-gender-opinion> (Accessed: 19th November 2021).
6. Levy, N. (2019) No-platforming and Higher-Order Evidence, or Anti-Anti-No-platforming. *Journal of the American Philosophical Association*. 5(4). pp. 487–502.
7. Peters, U. & Nottelman, N. (2021) Weighing the Costs: The Epistemic Dilemma of No-platforming. *Synthese*. 27th March. DOI: 10.1007/s11229-021-03111-w
8. Rorty, R. (1996) *Sluchaynost', ironiya, solidarnost'* [Contingency, Irony, and Solidarity]. Translated from English by I. Khestanova, R. Khestanov. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.

Сведения об авторе:

Тухватулина Л.А. – кандидат философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия).
E-mail: spero-meliora@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tukhvatulina L.A., Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: spero-meliora@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 20.01.2022;
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научная статья

УДК 008

doi: 10.17223/1998863X/66/27

ДОСТОЙНА ЛИ НАУКА ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА? ОТВЕТ МОИМ ОППОНЕНТАМ

Илья Теодорович Касавин

Институт философии РАН, Москва, Россия, itkasavin@gmail.com

Аннотация. Анализируются, оцениваются и комментируются идеи и аргументы за и против концепции науки как гуманистического проекта, предлагаемой в одноименной монографии. Ряд авторов поддерживают такие идеи книги, как определяющая роль неформальной коммуникации в науке, метафизические истоки научной солидарности и этоса, встроенность миграционного архетипа в научное призвание, перспективы науки как политического субъекта, неклассическое понимание гуманизма. Эксплицируются и суммируются высказанные авторами определенные возражения, согласно которым в книге изложена нормативно-утопическая концепция науки, преувеличивающая влияние метафизики на научную деятельность, идеализирующая солидарность научного сообщества и моральные качества ученых. В ответе оппонентам разъясняются идеи книги, формулируются дополнительные аргументы в пользу их состоятельности, а также приводятся контраргументы против ряда критических замечаний.

Ключевые слова: наука, дар, миграция, гуманизм, миф, архетип

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире (продление)».

Для цитирования: Касавин И.Т. Достоянна ли наука гуманистического проекта? Ответ моим оппонентам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 282–287. doi: 10.17223/1998863X/66/27

Original article

IS SCIENCE WORTH OF A HUMANIST PROJECT? A REPLY TO MY OPPONENTS

Ilya T. Kasavin

*Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
itkasavin@gmail.com*

Abstract. The article analyzes, evaluates and comments on the ideas and arguments for and against the concept of science as a humanistic project proposed in the monograph with the same name. A number of authors support such ideas of the book as the defining role of informal communication in science, metaphysical origins of scientific solidarity and ethos, the embedding of the migration archetype in the scientific vocation, the prospects of science as a social agent, and the non-classical understanding of humanism. The article explicates and summarizes certain objections proposed by the opponents, according to which the book sets out a normative-utopian concept of science, exaggerating the influence of metaphysics on scientific activity, idealizing the solidarity of the scientific community and the moral qualities of scientists. The response to opponents explains the ideas of the book, formulates additional arguments in favor of their consistency, and also provides counter-arguments against a number of critical remarks.

Keywords: science; gift; migration; humanism; myth; archetype

Acknowledgments: The research was carried out within the project supported by Russian Science Foundation, No. 19-18-00494: The Mission of the Scientist in the Modern World; Science as Profession and Vocation.

For citation: Kasavin, I.T. (2022) Is science worth of a humanist project? A reply to my opponents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 282–287. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/27

Выражаю признательность коллегам, проявившим интерес к моей книге «Наука – гуманистический проект» (М. : Весь мир, 2020) и высказавших критические замечания. Вечная мечта автора, чтобы его труды читали внимательно, конечно, не может быть сколько-нибудь полно реализована. Поэтому я не буду предъявлять претензии к тем коллегам, которые не мечтают в унисон и читают, как им сподручнее. Буду с благодарностью отвечать по существу дела, пользуясь этой возможностью для уточнения и прояснения своей позиции.

В статье Е.В. Масланова и Т.Д. Соколовой «Миф науки и техногенная цивилизация» я усматриваю не только поддержку, но и заинтересованное развитие идеи науки как гуманистического проекта. Миф, критика, коммуникация и миграция, действительно, принадлежат к тем фундаментальным понятиям, которые позволяют представить человеческое лицо науки. Примечательно, что наука, осуществляя социальную сегрегацию знающих и незнающих, проблематизируя когнитивную демократию и упрочивая интеллектуальную меритократию, выполняет и прямо противоположную функцию. Солидарность, будучи главным условием существования научного сообщества, имеет свойство экстернализации, выхода за свои пределы и захватывания широкого публичного пространства. В этом мире сплочению людей служат не только стадионы и концертные залы, но и «Общество знания», Политехнический музей, журналы «Природа», «Наука и жизнь», «Техника молодежи», романы Жюль Верна, Александра Беляева, Ивана Ефремова. Международное научное сообщество не раз демонстрировало свою силу в ограничении и запрете оружия массового уничтожения, в борьбе за экологический баланс, за демократические нормы и права человека. Научная культура, научное образование обеспечивают условия межкультурной и международной коммуникации не меньше авиасообщения, телефона и интернета, которые, в свою очередь, невозможны без науки и техники. Наконец, знание – это особый предмет, которым можно поделиться без отчуждения от себя. Более того, именно передача знания другому увеличивает сферу его признания и, как следствие, его ценности. Дар знания, приносимый ученым в общество, многократно превышает затраты на его производство. Это не в последнюю очередь и образует гуманистический смысл науки.

Расширение политического влияния науки реализует ее статус как гуманистического проекта в современном мире, утверждает Л.А. Тухватулина в своей статье «Политический запрос и социальные науки: два аспекта взаимовлияния». Эта статья предоставляет дополнительные аргументы для тезиса о том, что наука способна быть политическим субъектом. И дело здесь не только и не столько в том, чтобы научное сообщество отождествить с поли-

тической партией особого рода. Это также и не призыв к расширению практики научного активизма. Скорее, здесь идет речь о том, что научный дискурс существенно влияет на социально-политическую повестку. Именно наука берет на себя главную ответственность за решение биомедицинских проблем (гендерной идентичности, эпидемиологии, лечения тяжелых болезней), экологических проблем (изменения климата, загрязнения окружающей среды), хотя фактически и уступает сегодня государственным структурам всю проблематику национальной безопасности и международных отношений. Одновременно политическая рациональность, копирующая научно-технологический дискурс, начинает предъявлять свои требования к социальным наукам. От последних требуется создание социальных технологий, эффективно решающих насущные проблемы, и убедительное научное сопровождение принимаемых политических решений. Л.А. Тухватулина показывает, каким образом особые методологические тренды в социальных науках (междисциплинарность, натурализация) обнаруживают влияние политической повестки на научное знание, вынуждая его отвечать на поставленные вызовы. Соглашаясь в целом с взаимовлиянием политики и науки, я хотел бы подчеркнуть, что научное сообщество может быть особым политическим субъектом лишь тогда, когда свою деятельность сопровождает отстаиванием собственного политического интереса. Вопрос о природе этого интереса – ключевой. До середины XX в. доминировала точка зрения, согласно которой наука культивирует свой особый эпистемический статус, дающий ей когнитивное преимущество перед иными типами знания и, следовательно, социальное превосходство. Полагаю, что сегодня иная точка зрения завоевывает авторитет: преимущества науки связаны с особым типом коммуникации и морального сознания, присущих научному сообществу. Именно это делает науку институтом, в наибольшей степени заслуживающим общественного доверия и, как следствие, власти над умами.

Противоречие утилитарно-прикладного и техникстского видения науки, с одной стороны, и ее спекулятивно-метафизического, «кастальского» образа – с другой, находится, если я верно понял, в центре внимания О.Е. Столяровой в ее статье «Миф науки – границы архетипов». Разрешение данного противоречия есть ключ к возможности науки с человеческим лицом. В значительной мере ресурсы для этого нам предоставляет история философии и науки, понятые с позиции исторической эпистемологии и онтологии. Взгляд на интеллектуальную историю как веер исторических событий, порождающих что-то вроде «Сада расходящихся тропок» Х.Л. Борхеса, обнаруживает в основании науки с самого ее зарождения ряд неустранимых метафизических допущений. Парменид, Платон, Аристотель – первые авторы научной метафизики. Среди ее положений отметим особый эпистемический статус и социальную миссию научно-философского знания; отнесенность такого знания к особому «высшему» миру; дуализм мира земного (чувственного, изменчивого и иллюзорного) и мира небесного (мыслимого, неизменного, подлинного); высокий социальный и моральный статус ученого-философа; необходимость пропаганды научно-философского знания в образовании и публичном пространстве. Примечательно, что эпистемические и онтологические разрывы, провозглашаемые данной метафизикой, одновременно разрешаются благодаря диалектическим отношениям между эпистеме, с одной стороны, и докса,

пистис, эмпейриа, техне и фронеzis – с другой. Знание истины самоценно, но вместе с тем является условием технического искусства, морального характера и социальной компетентности, в которых являет себя наиболее явно. Научная метафизика, или миф науки, сопровождали науку на всем ее пути, обеспечивая ей идеологическую и интерпретативную поддержку. Идеи научной профессии и призвания были сформулированы М. Вебером в рамках этого мифа. Расколдовав науку как профессию, Вебер воздержался от полного обмирщения призвания. Именно призвание является источником необъяснимой тяги ученого к когнитивной новизне, этой особой страсти, которая не имеет аналогов в других типах культуры. Научное призвание – это эпистемическое проявление миграционного архетипа, требующего от ученого отважных путешествий и захватывающих приключений в поисках «Америки знания». Лишаемая собственного мифа, сведенная к стандартизированной профессиональной рутине, наука теряет отличие от иных видов деятельности и стагнирует.

И в заключение прокомментирую наиболее критическую реплику, прозвучавшую в статье А.Ю. Антоновского «О дегуманизирующей миссии науки». Отчасти на нее ответили авторы уже вышеупомянутых статей. Автор ищет противовес моей концепции в системно-коммуникативной теории, затрагивая три тезиса книги: понимание науки как коммуникации, науки как этического проекта и науки как политического субъекта. А.Ю. Антоновский предписывает «нормативность» и «дефинитивную гуманность» моему видению науки, возражая, что наука демонстрирует дегуманизированную и отчужденную коммуникацию. В свою очередь, выдающиеся ученые не только не являются, по его мнению, моральными героями, но в массе даже проявляют аморальные качества. Наконец, наука не доросла до статуса политического субъекта, и подобные перспективы не просматриваются вообще.

Начну с системно-коммуникативной теории, служащей А.Ю. Антоновскому «теоретическими очками». К сожалению, они оказываются не слишком прозрачны. Ведь именно для Н. Лумана коммуникация нормативно-формальна, безлична, противостоит субъекту, сводима к машинно-информационному взаимодействию. Далеко не всем социологами, понявшим значение человека, по душе такая теория.

Я же, оставаясь в целом равнодушным к идеям Н. Лумана, как раз не стремлюсь выстроить нормативную теорию науки. В большей мере я исхожу из фактического описания положения дел в науке, которое дают историки и социологи, и формулирую тезис о миссии науки, гуманистической в достаточно своеобразном смысле. Эта миссия как раз не вписывается в традиционные гуманистические ожидания. Наука не дает успокоения и не внушает благолепия, напротив, лишает когнитивной невинности, т.е. заставляет все время обнаруживать неполноту знания и пересматривать устоявшиеся представления. Более того, наука оказывается социально опасной, поскольку практикует критическое мышление, не ограниченное каким-либо избранным объектом и способное обратиться к анализу и оценке всей окружающей действительности, включая и общество, и самого человека.

Что же касается мнимой «бесчеловечности» науки, то это – не более чем запоздалое воспоминание Александра Юрьевича об искаженном образе классической науки. Сегодня (как и во все века) наука признается в нагруженно-

сти метафизическими идеями, художественными образами, моральными нормами и ценностями, включает в свою систему так или иначе понятого «наблюдателя».

Далее эффект отчуждения, о котором говорит А.Ю. Антоновский, характеризует, в определенной мере, социальный институт науки (как и все иные институты), но не относится к неформальной коммуникации, о которой я веду речь в первую очередь. В неформальном общении скрыты, на мой взгляд, и загадка научного творчества, и тайна научной солидарности, и архаические истоки научного этоса. А.Ю. Антоновский приводит примеры нарушения норм научного этоса известными учеными, что призвано опровергнуть тезис о науке как этическом проекте. У меня нет сомнений в достоверности данных примеров, однако они не опровергают мою концепцию. Статус этического проекта не тождествен положительному моральному образцу. Скорее, наука как этический проект – это поле проблематизации и реализации амбивалентного научного этоса, столкновение добродетелей и грехов, побуждающее ученого к моральному выбору. Наука опирается на моральный авторитет своих героев, но она же первая разоблачает их аморальные поступки. В этом смысле она на опыте «выковывает» свою мораль, а не априорно принимает ее данной со стороны общества, религии или философии.

Вопрос о науке как политическом субъекте сводится А.Ю. Антоновским к возможности универсального научного интереса. Поскольку наука якобы чрезвычайно раздроблена и разделена частными интересами, то ничего универсального в ней найти не удастся. Полагаю, что это элементарное заблуждение. Наука как деятельность – это, прежде всего, исследование некоторого сегмента реальности и производство знания о нем в форме эмпирических данных, теорий, инструментов и артефактов. В том, чтобы такое понимание науки ставить во главу угла и подчинять ему все остальную деятельность, и состоит, на мой взгляд, универсальный научный интерес. Данный интерес определяет общенаучную повестку не только на 10–15 лет, но и на отдаленную перспективу. Защита этого интереса и есть главная политическая задача науки. Ее решение сохраняет науку и обеспечивает ее воспроизводство как особого сообщества и института – вперёдсмотрящего, «передового наблюдателя», по выражению А.Ю. Антоновского, т.е. проектировщика и локомотива общественного развития.

Далее Александр Юрьевич полагает, что научное сообщество почти не участвует в определении научно-политической повестки на какую-то перспективу, поскольку это делают, почти не учитывая мнения ученых, государственные предписания в форме каких-нибудь «Основных направлений науки и технологий». Позволю себе напомнить, что наука участвует в определении актуальной повестки научных исследований не созданием бюрократических документов, а тем, что ставит проблемы, решает задачи и получает научные результаты. Именно это, а не чиновничьи решения, определяют реальную перспективу развития науки. Если эта перспектива игнорируется государством и бизнесом, то наступает экономическая и культурная стагнация. Если государство и бизнес держат руку на пульсе науки, то возможен общественный прогресс. Развитые страны демонстрируют устойчивую корреляцию между интенсивной поддержкой науки, вменением ей насущных задач и успешным общественным развитием. Ученые, в свою очередь, проявляют

активную социальную позицию по всем актуальным вопросам, на деле реализуя способность науки быть политическим субъектом.

Полемика с А.Ю. Антоновским подытоживает мои рассуждения и позволяет мне укрепиться в мысли о том, что наука достойна гуманистического проекта, а краеугольным камнем современного гуманизма является наука.

Сведения об авторе:

Касавин И.Т. – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (Москва, Россия). E-mail: itkasavin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kasavin I.T. – Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: itkasavin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 20.01.2022;
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2022. № 66

Редакторы *Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Яковсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 06.06.2022 г. Дата выхода в свет 17.06.2022 г.

Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 18; усл. печ. л. 23,4; уч.-изд. л. 24,5.

Тираж 50 экз. Заказ № 5043. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru